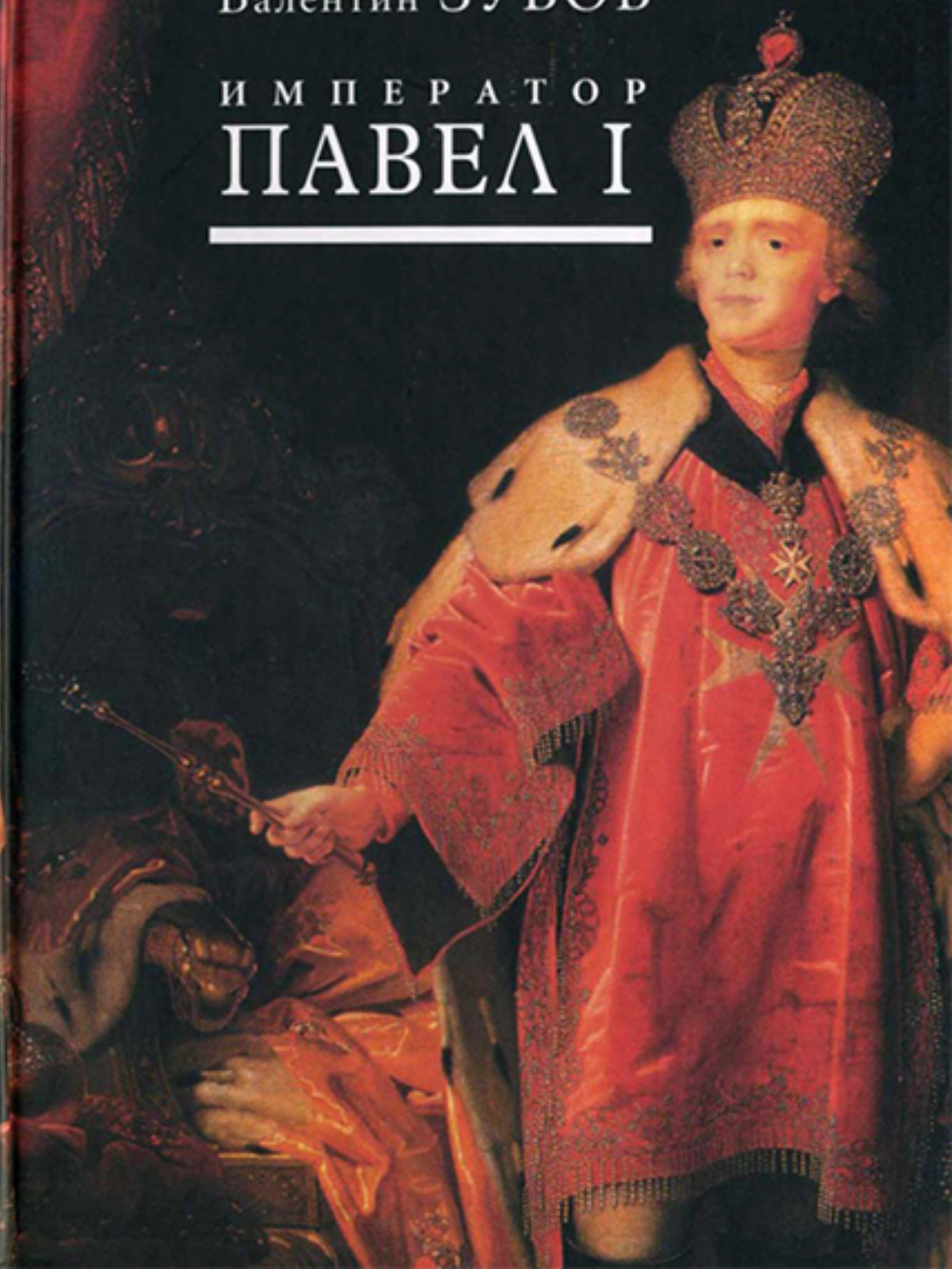

ИМПЕРАТОР
ПАВЕЛ I

Г р а ф
Валентин ЗУБОВ

Г р а ф
Валентин ЗУБОВ

ИМПЕРАТОР
ПАВЕЛ I

Валентин Зубов

ПАВЕЛ I

Перевод с немецкого
В. А. Семенова

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

Зубов В. П.

3-91 Павел I / В. П. Зубов ; пер. с нем. В. А. Семенова. — СПб. : Алетейя, 2007. — 264 с. , [16 с] ил.

ISBN 978-5-903354-57-3

Граф Валентин Платонович Зубов (1884-1969) — историк, искусствовед, доктор философии, создатель Российского института истории искусств, первый директор Гатчинского дворца-музея — предлагает новое толкование противоречивой личности императора Павла I, до сих пор вызывающей резкие споры. В книге дается картина духовного развития самодержца с раннего детства до момента его трагической гибели.

Значение работы не только в сообщаемых автором фактах. В. П. Зубов пытается посмотреть на личность и методы правления Павла I глазами его современников. Он ярко передает атмосферу, царившую в русском обществе в конце XVIII века. Книга снабжена обзором источников и аннотированным именной указателем.

Впервые издаваемая на русском языке монография В. П. Зубова представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

В оформлении обложки использован портрет императора Павла I работы В. Л. Боровиковского.

© В. П. Зубов, наследники, 2007

© В. А. Семенов, перевод на русский язык, 2007

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007

© «Алетейя. Историческая книга», 2007

ГРАФ ВАЛЕНТИН ПЛАТОНОВИЧ ЗУБОВ

Имя Валентина Платоновича Зубова в течение долгих лет практически не упоминалось в нашей стране, хотя в свое время он был одним из наиболее известных историков искусства и общественных деятелей России. Только в последние годы, в связи с публикацией в 2004 г. интереснейших мемуаров В. П. Зубова — «Страдные годы России»¹, вновь возник интерес к этому человеку — личности, безусловно, незаурядной.

В. П. Зубов принадлежал к одному из известнейших дворянских родов России. Его прадед, граф Николай Александрович, был родным братом знаменитого фаворита Екатерины II князя Platона Зубова, в течение четырех лет фактически управлявшего Россией.

Н. А. Зубов был женат на дочери А. В. Суворова. Первенца от этого брака, графа Александра Николаевича, крестили в Гатчинской дворцовой церкви, а крестным отцом являлся сам император Павел I. Впоследствии Александр Николаевич был женат на внучке фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина княжне Наталье Павловне Шербатовой. Таким образом, В. П. Зубов — потомок нескольких известнейших русских фамилий².

Родился Валентин Платонович Зубов 10 ноября 1884 г. в Петербурге. В 1904 г. он с золотой медалью окончил привилегированную Вторую Санкт-Петербургскую гимназию и поступил в Петербургский университет. Однако учился здесь Зубов всего лишь в течение года, так как в связи с революционными событиями 1905 г. университет лихорадило, и говорить о нормальной учебе не приходилось. Поэтому он решает продолжить образование в Германии.

С осени 1905 г. он изучает историю искусств в университетах Гейдельберга, Лейпцига, Галле, Берлина. В последнем из них в 1913 г. В. П. Зубов защищает докторскую диссертацию, посвященную творчеству К. И. Росси, и получает ученую степень доктора философии.¹ Но еще до этого в 1910 г. он

¹ Зубов В. П. Страдные годы России / Сост., подготовка текста, вступ. ст. и комментарии Т. Д. Исагуловой. М.: Индрик, 2004.

² Российский Государственный исторический архив. Ф. 932. Оп. 1. Л. 1.

³ Дело о службе графа В. П. Зубова // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I. Оп. 13. Д. 293. Л. 5, 16. В качестве монографии диссертация была опубликована

задумывает создать в Петербурге Институт истории искусств. Его торжественное открытие состоялось 2 марта 1912 г.¹

Организация такого института была делом совершенно новым для нашей страны. Он был создан как общедоступная историко-искусствоведческая библиотека, при которой проводились регулярные лекции, читавшиеся ведущими учеными-искусствоведами. Отметим, что все книги приобретались на личные средства В. П. Зубова (уже к открытию было собрано около 6000 томов, кроме того, по подписке институт получал 60 специальных периодических изданий на разных языках).² Зубов пожертвовал для института часть своего дома на Исаакиевской площади. В институт принимались все желающие, а лекции в нем были бесплатными для слушателей.

После Февральской революции со всей остротой встал вопрос о судьбе бывших пригородных императорских резиденций. По логике событий, после свержения царизма они становились народной собственностью. Поэтому 27 мая 1917 г. декретом Временного правительства в дворцовых пригородах были созданы Художественно-исторические комиссии «для приема, регистрации и систематизации как с художественной, так и с хозяйственной стороны всех движимых и недвижимых имуществ» императорских дворцов.³

В Гатчине деятельность такой комиссии возглавил В. П. Зубов. Летом того же года была проделана сложная, кропотливая работа. В соответствии со старыми описями выяснялись наличие и сохранность предметов, составлялись инвентарные покомнатные описи, научное описание предметов заносилось на отдельные карточки, кроме того, во дворец было вывезено художественно-ценное имущество из парковых павильонов.⁴ В это же время активно обсуждался вопрос о дальнейшем использовании дворцов.

Очень быстро сотрудникам комиссий стало ясно, что пригородные дворцы представляли собой, по словам В. П. Зубова, «исторически сложившиеся организмы, тесно связанные с происходившими в них событиями, и па-

в 1913 г. По словам рецензента: «Автор, используя все имеющиеся печатные данные, а также обширный архивный материал, дает обстоятельную характеристику этого мастера, столь славно представленного в России». (Старые годы. 1914. Май. С. 46.)

¹ Институт истории искусств в С.-Петербурге // Нива. 1912. № 21. С. 422.

² Старые годы. 1912. Март. С. 54.

³ Цит. по: *Цыркина Г. И.* История создания пригородных дворцов-музеев Петерграда—Ленинграда и развития их как научно-просветительных учреждений. 1917–1929. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 30.

⁴ *Зубов В. П.* Докладная записка о деятельности Комиссии по приемке и охране Гатчинского дворцового имущества и Дирекции Гатчинского музея-дворца за время от 27-го мая 1917 г. по 2/15 мая 1918 г. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (в дальнейшем ОР РНБ). Ф. 1135. В. К. *Макаров*. Д. 488. Л. 2.

мятники художественных вкусов последовательных поколений. Разрознивать их было бы крупной ошибкой».¹ Поэтому они приходят к выводу, что дворцы должны стать национальными музеями, причем музеями не совсем обычными, а музеями-дворцами, то есть комплексными историко-бытовыми и историко-художественными музеями. В. П. Zubov одним из первых среди деятелей культуры нашей страны сформулировал основные принципы музеефикации императорских дворцов. В 1918 г. он писал: «Музей-дворец есть прежде всего памятник жизни, книжка с картинками, ярче, чем всякие слова, способные воссоздать атмосферу известных эпох. Художественные произведения здесь не могут быть величинами самодовлеющими, каждое из них подчинено общей картине».² В практическом плане он формулировал задачу следующим образом: «При помощи старинных инвентарей водворить на прежнее место каждый предмет вплоть до последней мелочи и представить это обиталище таким, будто тогдашние хозяева только что его покинули».³ Конечно, работа не сводилась к механической перестановке предметов с места на место. Нужно было провести их научную атрибуцию, а в некоторых случаях и реставрацию произведений. Кроме того, В. П. Zubov понимал, что предложенные им принципы музеефикации применимы лишь к наиболее интересным в художественном и историческом плане помещениям дворца. Остальные залы, по мысли Zubova, должны были использоваться для выставочной работы. В частности, он предложил план создания выставки итальянской живописи в одном из корпусов Гатчинского дворца — так называемом Кухонном каре.

Вскоре после Октябрьской революции музейная работа была продолжена. 4 ноября 1917 г. А. В. Луначарский отдает распоряжение о том, чтобы «художественные комиссии при дворцах продолжали свою научную работу, оставаясь на местах и охраняя высокоценное имущество в тех же условиях и на тех же правах, коими они пользовались до сих пор».⁴ На следующий день В. П. Zubov приказом Луначарского утверждается комиссаром дворца,⁵ а 26 ноября 1917 г. он назначается директором Гатчинского музея-дворца. Речь шла не о простом переименовании должности, а о расширении функций и полномочий. Для успешного ведения музейной работы необходимы были многочисленные административные распоряжения. Однако полномочий отдавать такие распоряжения до этого Zubov как раз и не имел.

¹ Zubov В. П. Страдные годы... С. 43.

² Zubov В. П. Докладная записка... Л. 19-20.

³ Zubov В. П. Страдные годы... С. 44.

⁴ Петроградский военно-революционный комитет // Документы и материалы. Т. 2. М., 1967. С. 140.

⁵ Центральный Государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГАЛИ СПб) Ф. 309. Оп. 1. Д. 7. Лл. 1-1 об, 10 об.

В начале 1918 г. на повестку дня ставится вопрос об открытии дворца для посетителей. Но в это же время намечается конфликт директора дворца с местным Советом, который своим постоянным и некомпетентным вмешательством препятствовал нормальной музейной работе. В марте 1918 г. по решению Гатчинского Совета Зубов был арестован. Правда, через несколько дней его выпустили на свободу, но к работе в Гатчинском дворце из-за противодействия местных властей он уже не вернулся.

Всего около года работал В. П. Зубов в Гатчине, и далеко не все получилось так, как задумывалось летом 1917 г. Но заслуга его в том, что Гатчинский дворец-музей до Великой Отечественной войны по праву считался одним из наиболее интересных историко-художественных музеев нашей страны, очень велика.¹

В дальнейшем В. П. Зубов работал в Павловском дворце-музее, где им была восстановлена историческая развеска картин и составлен каталог картинной галереи этого дворца.

В это же время В. П. Зубов продолжал активную преподавательскую и научную работу в Институте истории искусств, возглавляя его до декабря 1924 г.² Институт к этому времени, во многом благодаря Зубову, перерос свои первоначальные рамки и превратился в крупное научно-исследовательское учреждение. К 1925 г. он насчитывал около тысячи студентов и около ста преподавателей и научных сотрудников.³

2 августа 1922 г. Зубов был вновь арестован, причем без предъявления обвинения, и четыре месяца провел в тюрьме. Обстановка в стране менялась. Надвигалась эпоха единомыслия и постреволюционного мракобесия. Как писал В. П. Зубов в своих мемуарах, «Мое присутствие в России потеряло смысл: я оставался там для службы стране, несмотря на коммунизм, и отдавал себе отчет, что в некоторой степени я был ей полезен — а рикошетом и правительству, для которого, впрочем, личных заслуг не существовало, не имея больше возможности служить России, я не собирался оставаться там для прекрасных глаз большевиков».⁴ Кроме того, острый конфликт, возникший между Зубовым и сотрудниками центральных музеев на почве разно-

¹ Связи Зубова с сотрудниками Гатчинского дворца сохранялись и в дальнейшем. В библиотеке Института истории искусств находится книга «Гатчинский парк» (Пг., 1921) хранителя Гатчинского дворца В. К. Макарова, пришедшего на смену Зубову. На титульном листе книги дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Валентину Платоновичу Зубову от автора 14 марта 1922» (инвентарный номер — Авт. М-152).

² Государственный институт истории искусств. 1912-1927. Л., 1927. С. 7.

³ См.: Краткая история развития института истории искусств. ЦГАЛИ. Ф. 82. Оп. 3. Д. 13.

⁴ Зубов В. П. Странные годы... С. 139.

гласим по поводу дальнейшей судьбы пригородных дворцов Петербурга, отравил, по его словам, «атмосферу в его ближайшем окружении».

16 июля 1925 г. В. П. Зубов уехал в заграничную командировку и больше в Россию не вернулся. Первое время за границей он жил в Ницце, затем переехал в Берлин, а после Второй мировой войны — в Париж. За границей он много и активно работал, публикуя свои труды по самой разнообразной тематике в различных периодических изданиях. Однако самый плодотворный период в его научной деятельности наступил уже на склоне жизни — с середины 1950-х гг. Причем, по его собственным словам, будучи по образованию историком искусств, он в тот момент «стал историком, по крайней мере, в том, что касается истории России XVIII века». Итогом его исторических изысканий и стала опубликованная в 1963 г. на немецком языке монография «Император Павел I: человек и судьба», к сожалению, оставшаяся практически неизвестной российскому читателю.

Умер граф Валентин Платонович Зубов в Париже 9 ноября 1969 г.

Портрет Павла I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недалеко от Санкт-Петербурга в окружении прекрасного английского парка находится Гатчинский дворец — здание из желтого известняка, построенное во второй половине XVIII в., бывшее некогда любимым местом пребывания императора Павла I. Я прибыл туда весной 1917 г., через два месяца после свержения русской монархии. Мне и двум моим помощникам было поручено сохранение этого здания как исторического памятника, а также всех хранящихся в нем произведений искусства.

Странное стечение обстоятельств: именно я, потомок одного из убийц этого монарха, был избран для того, чтобы восстановить первоначальное состояние дворца и превратить его в музей. А несколько месяцев спустя, во время коммунистического путча, я уже спасал дворец от разграбления его победившими большевистскими бандами. Немного позже у меня появилась возможность провести довольно длительное время в Павловском дворце, второй резиденции того же монарха, где я составлял критический каталог собрания живописи этого дворца.

Таким образом, я прожил восемь лет в помещениях, где жил Павел I, был окружен предметами, напоминавшими о нем, и все это естественно подтолкнуло меня к тому, чтобы я серьезно занялся исследованием его жизни. Будучи по образованию историком искусств, теперь я стал историком, по крайней мере, в том, что касается истории России XVIII в. В моей памяти и в моих папках накопилось много материала, что вызвало у меня желание написать подробную биографию императора и это намерение я, возможно, когда-нибудь еще осуществлю.

Данная работа по своим задачам намного скромнее. В первой, и, по моему мнению, важнейшей главе, я старался показать характер Павла и найти новое толкование этой противоречивой личности, вызвавшей резкие споры. Возникают следующие вопросы: был ли Павел, говоря попросту, сумасшедшим, как утверждают некоторые, или он был высокоинтеллигентным, политически одаренным человеком, ставившим ясные, четкие цели, точно знавшим и видевшим пути их достижения? Или же, возможно, он был всего лишь жалким, преследуемым судьбой и людьми существом, отмеченным психическими недугами, врожденными или же приобретенными в ранней юности вследствие определенных обстоятельств, жертвой преступной матери?

Речь идет не о том, чтобы вызвать симпатию к явно неоднозначной личности императора. Речь больше идет о попытке понять его душевное состоя-

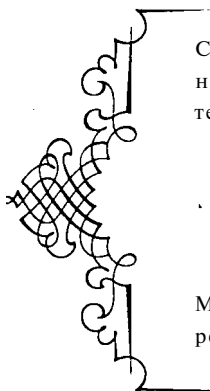
ние и объяснить явное противоречие между так называемой душевной болезнью Павла и тем фактом, что, по крайней мере, некоторые из его действий — архивы и беспристрастные свидетели предоставляют нам неопровержимые доказательства этому — предполагают ясный политический ум. Наконец, о том, чтобы увидеть и понять личность и метод правления Павла I с точки зрения его времени.

Две последующие главы рассматривают историю заговора против Павла и, наконец, его убийство. Убийство императора, как и любое другое убийство, по сути своей принадлежит рубрике «Криминальная хроника». Но последствия этого преступления имели такое значение, что оно превратилось в историческое событие, оказавшее серьезное влияние на политическое развитие Европы на долгие годы и десятилетия. Кроме того, особый интерес представляет психологический климат, в котором произошло убийство, так как все участники событий — как жертва, так и убийцы — являются в определенной степени пленниками своего времени, времени наступающего романтизма. Романтизм определяет образ мыслей действующих лиц, даже самых коварных из них; как куклы театра марионеток на нитках, они были подвижны и руководимы его духом, а у нас, хотя мы и знаем механизм действия, все же перехватывает дыхание от напряженного внимания.

Все источники, доступные мне, я проверил на их надежность, сведения о них читатель найдет в приложении. Даты, относящиеся к России, даны по юлианскому календарю, который по сравнению с григорианским отставал в XVIII в. на 11 дней, а с 29 февраля 1800 г. на 12 дней.

Так как многие из названных лиц известны только знатоку русской истории того времени, то в приложении я также дал список имен с необходимыми биографическими данными.

Валентин граф Зубов,
Париж, июнь 1963 г.

Слава короля заключается в процветании его народов: его власть и его авторитет зиждется в сердцах его подданных.

Павел.

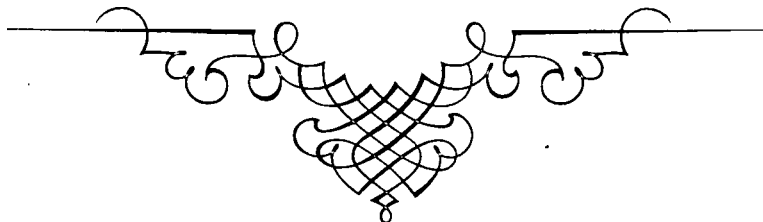
Учебная тетрадь. Запись от 18 сентября
1763 г., в возрасте 9 лет

Монсеньер, при самых наилучших намерениях вы заставите себя ненавидеть.

Порошин

Первая часть

ЛИЧНОСТЬ

Рамки этой книги ограничиваются историей заговора, который привел к убийству императора. Но для полного понимания событий необходимо более близкое знакомство со сложной личностью Павла, представлявшей собой неоднородную смесь благородства, доброты, высокой духовной культуры и государственного ума с гротескными проявлениями произвола, жестокости и высокомерия, доходящего до глупости. Картина его духовного развития с раннего детства может облегчить нам понимание этого человека.

Историки XIX в. изображали Павла большей частью как душевнобольного деспота. Однако не нужно забывать, что он стал жертвой дворцового переворота, что убийцы его остались ненаказанными, по крайней мере официально, а его наследник благодаря этому убийству вззошел на престол, и поэтому, дабы оправдать себя в глазах современников и потомков, многие были заинтересованы в том, чтобы представить свою жертву сумасшедшим. Только в начале нынешнего века были сделаны первые попытки пересмотреть исторические события, но не было найдено решения, которое удовлетворило бы всех. Большинство историков опиралось на мемуары современников, в основном негативно оценивающих царя; другие превозносили его добродетели и поступки, и лишь некоторые пытались проанализировать и хорошие и плохие стороны его характера и его правления; но все же наибольшим вниманием пользовались хулители императора, воспоминания которых воспринимались без критики. Однако при внимательном рассмотрении в этих работах можно обнаружить много невероятно противоречивого, а главную роль в них играют фантазия и ненависть. Вообще, воспоминания современников — это самый непрочный из материалов, находящихся в распоряжении историка, и проверка его требует острого критического подхода. Переписка современников представляет собой более надежную опору,

но неоспоримой основой исследования могут быть только документы архивов, а именно этим источником истории Павла пренебрегали, и только накануне революции пробел был в некоторой степени заполнен профессором М. Клочковым¹.

Очерк развития личности императора Павла, которой найдет здесь читатель, не претендует на окончательное решение сложной психологической проблемы. Это только попытка обозначить проблему более подробно, чем это делалось прежде.

Антагонизм к матери, Екатерине II, преопределил всю жизнь Павла. Екатерина, маленькая Ангальт-Цербстская принцесса, во время правления императрицы Елизаветы вышла замуж за русского престолонаследника, будущего Петра III. Этот император, внук Петра Великого по матери, правящий герцог Шлезвиг-Голштинский по отцу, быстро потерял симпатии двора, гвардии и духовенства из-за своих повадок прусского фельдфебеля, презрения к русским, православной церкви и обычаям народа, а также из-за низкопоклонства перед прусским королем Фридрихом II.

Царствование Петра III длилось только шесть месяцев. 28 июня 1762 г. в результате заговора гвардейских офицеров он был свергнут и вскоре убит. Гвардейцы были всей душой преданы его супруге, которую провозгласили императрицей, несмотря на неоспоримые права на престол ее восьмилетнего сына. Со времени смерти Петра Великого в 1725 г., то есть за 37 лет, это был уже пятый переворот, осуществленный либо знатью империи, либо гвардейцами. Факт, который позволил неаполитанцу Караччиоли с насмешкой сказать: «Российский престол не наследуется, не выбирается, а оккупирруется».

Многими ставился вопрос — особенно в связи с правом престолонаследия — является ли вообще Павел сыном Петра III. В мемуарах и в письме к своему фавориту Потемкину Екатерина недвусмысленно дала понять, и у нас нет причины подвергать сомнению ее свидетельство, что Петр не имел отношения к рождению сына. В течение девяти лет брак, заключенный в 1745 г., оставался бесплодным. Императрица Елизавета, напрасно ждавшая рождения наследника престола, велела сказать своей племяннице через Чоглокову, гофмейстерину двора великой княгини, что иногда бывают обстоятельства, при которых интересы высшего порядка требуют нарушения общепринятых норм. Чоглокова представила ей на выбор Льва Нарышкина и Сергея Салтыкова в качестве любовников. Ей, вероятно, было известно, что Салтыков уже пользовался благосклонностью великой княгини. Отвергая отцовство Салтыкова, ссылаются обычно на то, что, по выражению

¹ Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петербург, 1916.

Екатерины, «он был прекрасен, как день»,¹ в то время как Павел был очень некрасив и имел вздернутый нос. Но для полноты картины приведем сделанный Екатериной набросок внешности брата своего возлюбленного: «...У него было безобразнейшее лицо, которое мне когда-либо приходилось видеть в жизни: большие выпуклые глаза, курносый нос и всегда раскрытый рот»². Как часто фамильные черты дяди и племянника совпадают! Но как быть с мнимым сходством Петра III и Павла I? При всем желании я не могу этого утверждать. Их портреты так же похожи друг на друга, как похожи два безобразных человека, которые одеты по одной моде и одинаково причесаны; напудренный парик, костюм, а также предубеждение создают это впечатление.

Итак, многое говорит за то, что Павел не был сыном супруга Екатерины. Рассмотрим теперь, могло ли это обстоятельство повредить Павлу в его притязаниях на русский престол. Петр Великий урегулировал вопрос наследования престола таким образом, что монарх стал свободен в определении наследника. Он получил право не только отдавать предпочтение одному из членов семьи перед перворожденным, но и мог назначать наследником престола лицо, не относящееся к царской династии, в то время как по древнему московскому обычаю право престолонаследия без всякого завещания принадлежало перворожденному в царской семье. Этот указ Петра стал причиной тех дворцовых революций, которые потрясли Россию в течение XVIII в. Именно из него мы должны исходить, рассматривая права Павла на престол: во-первых, в момент свержения Петра III никто не сомневался в царственном происхождении Павла, а значит, не существовало и никакого вопроса о его правах; во-вторых, императрица Елизавета, очень хорошо знавшая обстоятельства появления Павла на свет, всеми своими действиями и в первую очередь манифестом, возвещавшим о рождении великого князя, подтверждала его права, объявляя о том, что рассматривает его как законного наследника. Закон давал ей право назначать наследником престола того, кого она захочет³. Единственный, кто мог лишить Павла прав на престол, был Петр III. Он и в самом деле намеревался развестись с Екатериной и объявить Павла незаконнорожденным, у него просто не хватило времени. Таким образом, восхождение Екатерины на престол может быть расценено как акт узурпации власти. Заслуги этой великой Самодержицы, особенно во внешней политике, отрицать невозможно, а многочисленные недостатки внутреннего правления вполне могут быть компенсированы внешними успеха-

¹ *Catherine II. Memoires. London, 1859. P. 176.*

² *Ibid. P. 146.*

³ По этой же причине нельзя ставить под сомнение права всех более поздних представителей династии.

ми, но здесь не место останавливаться на этом. Даже тень притязаний Екатерины на престол, на принадлежность к дому Романовых теснейшим образом были связаны с сыном. В случае его смерти она не смогла бы продолжить династию; он был той тонкой нитью, на которой висела ее власть. Екатерина очень хорошо это понимала, поэтому немало испугалась, когда в 1763 г., в Москве во время коронационных торжеств маленький великий князь сильно заболел.

Был ли Павел душевнобольным? Еще 50 лет назад на этот вопрос ответили бы просто «да» или «нет». Но с тех пор психиатрия стала более осторожной в вопросе определения душевной болезни. В первую очередь после основополагающих работ Кречмера¹. Мы теперь знаем, что невозможно провести точную границу между здоровьем и болезнью. Сегодня уже вряд ли кто-нибудь отважится объявить душевнобольным человека, который, несмотря на некоторые причудливые особенности в поведении, способен в то же время разумно оценивать реальность и адекватно действовать.

Уже с первых глотков воздуха жизнь Павла получила трагическую окраску. По приказу императрицы Елизаветы акушерка отнесла новорожденного в ее покои, в то время как его мать была совершенно забыта своей теткой, супругом и всем двором и несколько часов пролежала без всякой помощи. Екатерина выполнила свой долг, и ею больше не интересовались; единственным оправданием ее существования, единственной целью ее приезда в Россию было подарить стране наследника престола. Однако этой маленькой женщине удалось показать миру, что она думала по-другому и совсем иначе смотрела на этот вопрос. Долгие годы Екатерина могла видеть своего сына только издали и всего несколько мгновений; императрица полностью взяла на себя заботы о ребенке; Павел жил в ее покоях и при малейшем крике Елизавета бежала к нему: потребность материнства у этой стареющей, чувственной, бездетной женщины! Между матерью и сыном началось отчуждение, которое продолжалось всю жизнь и стало причиной трагической судьбы Павла. Можно предположить, что отношение окружающих к Екатерине во время родов притупило в ней материнские чувства, если она вообще ими обладала. Возможно, она испытывала лишь некое подсознательное сочувствие к сыну, по отношению к которому она была матерью не более, чем племенная кобыла по отношению к своему жеребенку.

Уход, который ребенок получал под опекой своей двоюродной бабушки, можно назвать гротескным, даже для мало знакомого с гигиеной XVIII в. Как в средневековой России, мальчик рос в жарко натопленной комнате, окруженный множеством старушек из народа, его укладывали спать, укрывая

¹ *Kretschmer Ernst. Körperbau und Charakter, Untersuchung zum Konstitutionsproblem und zur Lehre von den Temperamenten. 13. und 14. Aufl. Berlin, 1940.*

множеством меховых, шерстяных и шелковых одеял, и поэтому он постоянно купался в поту. Количество нянек вовсе не обеспечивало безопасности ребенка, напротив, случалось, что утром, придя будить ребенка, они находили его спокойно спящим, но не в колыбели, а на полу. Присутствие этих женщин имело и свою положительную сторону, они стали единственной нитью, связавшей Павла с народом, познакомили его с духовной жизнью, преданиями, верой и суевериями простых людей и тем самым способствовали тому, что он, по крови немец по крайней мере наполовину, душой стал совершенно русским. Уже будучи зрелым человеком и императором, Павел часто с благодарностью вспоминал этих спутниц своих первых дней.

Сегодня трудно установить разницу между врожденными и приобретенными в раннем возрасте чертами характера маленького великого князя. Первое известное нам чувство Павла — это страх; страх не отпускал его всю жизнь вплоть до ужасной гибели. К концу жизни страх становится чудовищным, болезненным, превращаясь почти что в манию преследования. Впрочем, события показали, что у Павла были для этого основания. В подобных случаях предполагают заболевание — невроз *ante partum*. Нельзя также упускать из виду то обстоятельство, что и Екатерина во время беременности постоянно испытывала горе и страх. Она чувствовала, что от нее ускользает ее возлюбленный, и изо всех сил цеплялась за эту любовь.

Возможно также, что зерна страха в душу ребенка заронили няньки. Чтобы избежать контроля со стороны императрицы Елизаветы, они попытались сделать из нее пугало для малыша, и им это очень хорошо удалось, так что он весь дрожал при ее приближении. Заметив воздействие своих посещений на ребенка, императрица стала появляться все реже и реже и наконец перестала приходить совсем. Именно этого добивались женщины. Позже мальчика охватывал страх при любом громком шуме; если хлопала дверь, он залезал под стол; не мог выносить ни салюта, ни фанфар, дрожал от взгляда нищего или попа, и ему стоило больших усилий принять причастие из рук священника.

Мы располагаем ценным документом, раскрывающим нам характер Павла-ребенка, — это дневник его учителя математики Семена Андреевича Порошина, который на протяжении более чем года день за днем записывал все, что происходило при дворе великого князя: его игры, поступки, замечания, уроки и разговоры с ним или в его присутствии¹. Эти записки относятся к тому времени, когда Павлу было 11 лет от роду, то есть к началу царствования его матери. Порошин записывал также все, что он узнавал о раннем детстве Павла. Из этого источника до сих пор черпали много фактов, в первую

¹ Порошин С. А. Дневник. 1-е изд. СПб., 1844; 2-е изд., без сокращений первого. Там же, 1881.

очередь касающихся придворной жизни, но оставляли без внимания места, проливающие свет на духовное развитие ребенка.

Три следующих друг за другом потрясения повлияли на душу мальчика в самом раннем возрасте. Первое — смерть его маленькой сестры, великой княжны Анны. Анна была естественным результатом отношений Екатерины со Станиславом Августом Понятовским, молодым, красивым польским дипломатом, которого она, придя к власти, сделала последним королем Польши, для того, впрочем, чтобы, когда настанет час, снова отнять у него его эфемерное царство. Императрица Елизавета обращалась с этим ребенком так же, как с Павлом; девочка была отнята у матери сразу же после рождения и воспитывалась в покоях императрицы вместе с братом. В то время как Павел пережил заботы своих нянек, их не выдержала менее крепкая девочка. Павел очень любил свою сестру, и ее смерть принесла ему большое горе. Это было первое знакомство со смертью, которая вскоре вновь предстала перед ним в еще более трагическом свете. В возрасте семи лет Павел перестал испытывать страх, который прежде охватывал его при виде царствующей бабушки, теперь он ее боготворил. В рождественские дни 1761 г., после двадцатилетнего правления, царица скончалась. На престол взшел Петр III, едва знавший ребенка. Шесть месяцев спустя боязливую по природе душу Павла настиг третий и решающий удар: государственный переворот 28 июня 1762 г., который возвел на российский престол его мать и стоил жизни его отцу. Разбуженный ночью своим воспитателем Паниным, в ночной рубашке, Павел на извозчике галопом был доставлен из Летнего дворца в Зимний, и по пути на улицах он видел, как разбушевавшаяся солдатня в диком восторге провозглашала императрицей его мать. В Зимнем дворце состоялся официальный акт возведения на престол. Впечатление от этого дня цепко держало Павла всю жизнь. Он еще не задумывался о том, какое отношение имеют все эти события к нему, но через некоторое время он начал понимать, что права его нарушены, и стал задаваться вопросами. Мы не знаем точно, когда и как им были сделаны первые выводы, но можно предположить, что глаза Павлу постепенно раскрывал Панин, его воспитатель и сторонник. Во время подготовки к государственному перевороту этот человек заявлял о правах своего ученика, но, как хороший дипломат, подчинился свершившемуся факту. Однако, даже будучи фактическим министром иностранных дел Екатерины, он оставался в скрытой оппозиции по отношению к ней. Еще юношей Павел догадывался об истинном положении вещей в вопросе престолонаследия, но у него никогда не хватало мужества заявить о своих правах. Даже если другие пытались это сделать для него, он дезавуировал их. Воля Павла была сломлена, но втайне он был поглощен мыслью о своей будущей роли самодержца. Вследствие чего пришел к власти с разработанной программой правления, что подтверждают его сохранившиеся за-

писи, сделанные до вступления на престол¹. Павел по своему положению был подобен Гамлету, и когда во время его визита в Вене хотели дать представление этой трагедии, то актер, исполнявший роль датского принца, отказался выступать, мотивируя это тем, что в этом случае в зале очутятся два Гамлета. Король Иосиф II вынужден был согласиться с этим.

Но в десятилетнем возрасте мысли Павла кружили вокруг отнятого у него трона. Однажды, когда он прилег на диване, Порошин осторожно разбудил его и спросил: «Дремлешь, батюшка, дремлешь?» На что ребенок, уже проснувшись, сонным голосом ответил по-французски: «Я царствую...» Слова эти, впрочем, он заимствовал из комедии «Арлекин, император луны», которую видел в придворном театре, но тот факт, что он вспомнил о них так кстати, в свете наших сегодняшних знаний является весьма знаменательным.

Благодаря порошинскому дневнику мы можем установить еще ряд доказательств раннего стремления Павла к власти. Однажды в придворном театре в отсутствие императрицы публика начала аплодировать еще до того, как это начал делать великий князь. Павел увидел в этом неуважение к себе и был крайне расстроен. Вернувшись в свои покои, он еще долго выражал свое недовольство. Граф Строганов, присутствовавший при этом, возразил ему, что государыня дозволила при себе аплодировать, хотя она и не изволит начать. На это Павел ответил: «Да об этом я не слыхал, чтоб Государыня приказывать изволила, чтобы при мне аплодировали, когда я не зачну. Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было высылать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности». — «За ужином и после все время Его Высочество посерживался».

Стоит проанализировать реакцию мальчика. Почему это незначительное нарушение этикета, не воспринимавшееся как таковое самой императрицей, Павлом было воспринято как оскорбление? Не было ли это каплей, переполнившей чашу горечи? Не было ли это реакцией на ту подчиненную роль, которую он был вынужден играть, что заставляло ребенка уже в этом возрасте болезненно реагировать на мелочи, которые он вдругом состоянии духа, возможно, и не заметил бы, и вызывавшее у него желание утверждать свою личность и свой престиж? Не имея возможности решать серьезные вопросы, он направлял свое внимание на мелочи. Так он пытался компенсировать чувство неполноценности, или, говоря точнее, комплекс неполноценности, и не только компенсировать, но и, как это большей частью было, сверхкомпенсировать. Это привело его к мысли подвергать наказанию, задевающему честь, всех, кто не проявил уважения по отношению к нему. Эта

| Вестник Европы 1867, I С. 316-322; Русская старина IX (1874), С. 678-684; X (1874). С. 309-320, 549-560, 735-742; XXXIII (1882). С. 746-750, CVII (1901) С. 317-322.

психологическая игра происходила подсознательно. Павел очень удивился бы, если бы ему сказали, что он страдает комплексом неполноценности, напротив, он видел в своем поведении проявление сильной личности.

Другой пример еще ярче подтверждает наше предположение. Мальчик любил наказывать; наказывать — это один из способов утверждать свой престиж. Он часто говорил об этом, и это побудило Порошина однажды сказать пророческие слова: «Монсеньер, при самых наилучших намерениях вы заставите себя ненавидеть».

Павел не любил, чтобы его маленькие ошибки и проделки связывались с будущим. Порошин время от времени зачитывал ему из своего дневника; Павел, хотя и признавал, что все в дневнике точь-в-точь, все же выражал желание вычеркнуть то или иное предложение. Его учитель отвечал ему на это русской поговоркой: «Из песни слов не выкинешь».

Часто бывает так, что люди, страдающие комплексом неполноценности, стремятся сравнивать себя с личностями, которых они считают героями; они пытаются найти сходство между ними и собой, таким образом утверждая собственную значимость. Еще в юном возрасте у Павла было два кумира. Во-первых, его царственный предок Петр Великий. Восхищение Павла Петром неудивительно, ведь все вокруг видели в этом монархе полубога. Воспитатели Павла превозносили Петра как совершенного государя, достойного быть примером своим преемникам, повсюду Павел слышал похвалы в его адрес. Для того чтобы более критично оценить деятельность реформатора, недоставало времени, период, отделявший время Павла от времени правления Петра I, был еще очень небольшим. Вторым кумиром Павла был французский король Генрих IV, и это свидетельствует о том, что мальчик уже читал серьезные книги. Действительно, он читал воспоминания Сюлли, министра Генриха, и его более поздняя идея государственного устройства частично строилась на этой книге. Кроме того, Павел мог видеть определенное сходство между Генрихом IV и Петром Великим. Позднее к этим фигурам присоединилась тень убитого отца, почитание которого сознательно было направлено на то, чтобы доказать себе и всему миру законность своего происхождения.

Его отец поклонялся Фридриху II, и некоторые события способствовали тому, что прусский король занял свое место и в пантеоне Павла. В последние годы жизни императора, как мы увидим, вследствие внезапной политической перемены к кумирам добавится еще первый консул Франции.

Не нужно быть великим психологом, чтобы заметить эту черту характера царя. Тайный агент французского правительства сообщал 1 мая 1800 г. из Петербурга: «...Павел I никогда не привыкнет к республиканским идеям, но он легко вдохновляется великими людьми, особенно сделавшими военную карьеру, это даже его потребность иметь кумира, которому он может покло-

няться. В течение нескольких лет его идолом был Фридрих II; но так как он в своих симпатиях не очень постоянен, то сейчас он начинает преклоняться перед Первым Консулом и, кажется, уже недалеко до того, чтобы он принимал все предложения, которые могут последовать со стороны консула»¹.

Другой существенной чертой маленького великого князя, на которую неоднократно указывал Порошин в своем дневнике, было его нетерпение. Напрасно воспитатели пытались исправить эту черту. Однажды об этом с ним говорил Порошин; Павел покачал своей головкой и сказал: «А как терпения-то нет; где же его взять?» «У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем, — говорит Порошин, — спешит вставать, спешит кушать, спешит опочивать ложиться. Перед обедом за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся, засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурыера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. Об ужине такие же заботы. После ужина камердинерам повторительные наказы, чтоб как возможно они скорей ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась заботится, чтоб поутру не проспять долго. И сие всякий день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить».

Во время придворных приемов было точно так же; как только он терял терпение, у него выступали слезы. Панин строго порицал его и даже наказывал за эти нарушения этикета. Постоянное беспокойство Павла также является свидетельством его чувства неполноценности. Он всегда находился в стремлении как можно быстрее прийти к цели, в которой он едва ли отдавал себе ясный отчет; он все время стремился преодолеть неосознанные препятствия, чтобы тем самым утвердить свою личность. У него всегда было чувство, что у него связаны крылья, что действительность не соответствует его стремлениям и миру его представлений.

У Павла была странная привычка обнюхивать любой новый предмет, будь то книга, одежда, пушка, мебель или что-либо другое. Подобное можно наблюдать у людей, склонных к недооценке собственной личности и у которых поражена слизистая оболочка. Подсознательная потребность компенсировать недостаток обоняния, чтобы добиться успеха. От Порошина мы знаем, что Павел страдал главным образом от трех болезней: головной боли, запоров и частых насморков.

Однажды утром мальчик рассказал своему учителю сны последней ночи и спросил его, что они значат. Добрый Порошин был дитя века Просвеще-

¹ National-Archiv, Paris, A. F. IV 1696. Russie. Memoires, Rapports, Correspondence. 1-er dossier, pieces 2 & 3.

ния и очень гордился своим разумом, но даже не подозревал о том, какую важную информацию извлекла бы через 150 лет наука из содержания этих снов. Он дал своему воспитаннику ответ, характерный для того времени: «сны никогда ничего не значат, и одни только суеверы и люди слабоумные выводят из них разные толкования*». — «От чего ж они бывают?» — спросил меня его императорское высочество. Отвечал я, что сны производят испорченный желудок и бродящее воображение, чем-нибудь встревоженное или весьма наполненное». Десятилетием позднее такое же объяснение снам мы находим в драме Шиллера «Разбойники». Своим ответом Порошин закрыл для нас доступ к важной области внутреннего мира Павла.

Мальчик, по натуре добрый, легко привязывающийся и преданный, в своих чувствах к людям, которые его окружали, был крайне непостоянным. На него очень легко влияли чужие суждения о людях, особенно если эти слова были обращены не непосредственно к нему, а высказывались в разговоре в его присутствии. Кажется, что лица, враждебно настроенные к кому-либо, умели использовать эту черту для того, чтобы достигать своих целей. Порошин сам часто страдал от этого. Но даже если не принимать это во внимание, очевидно непостоянство маленького великого князя, например, по отношению к друзьям детства. Порошин пишет: «Его Высочество ... имея наи-человеколюбнейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится... гораздо легче Его Высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость».

Тот факт, что он обладал чувствительным, сентиментальным сердцем, подтверждается многими мелкими событиями из его жизни. В самом раннем детстве он со слезами умолял, чтобы не убивали мокрицу, которая ползала в комнате; он любил собак и особенно кошек и старался по возможности делать добро. За неимением других объектов он защищал перед Паниным, который не любил раскошелиться, его слуг и их семьи. Доброта его сердца была тесно связана с очень сильной впечатлительностью. Услышав о каком-либо пожаре или смертной казни, он не мог уснуть ночью. Он имел живое воображение, любил строить планы, и в его мечтах они достигали высокой степени достоверности. Эта способность являлась важной стороной его склада ума.

Как сменяют друг друга стили искусства, так и духовная жизнь человечества имеет свои стили. В ту или иную эпоху появляется определенный образ мыслей и сменяется другим в медленной, но неуклонной эволюции. Павел, родившийся в 1754 г., в начале XIX в., если бы остался в живых, достиг бы пятидесятилетия. Его образ мыслей и чувств неизбежно отличается от образа мыслей поколения его матери. Екатерина целиком принадлежала второй половине XVIII в., менталитет которого определялся, главным обра-

зом сентиментальностью Жан-Жака Руссо, ядовитой насмешкой Вольтера и, в общем, слишком высокой оценкой человеческого разума. Люди этого поколения обильно проливали слезы, но чувства, вызывавшие эти слезы, не были очень глубокими; многие увлекались мистикой и занимались тайными науками, но и религиозные увлечения были поверхностными, все это было скорее общественным времяпрепровождением, чем серьезным изучением предмета. Другим было идейное направление людей, которые, как и Павел, родились в середине века. Их зрелость выпала на время раннего романтизма и уже с самого детства в них появляется соответствующая черта. Их фантазия имела другую окраску. ее контуры более размыты, в ней больше полутонов, если позволительно применить терминологию живописи к духовной жизни представителей этой эпохи. Если старшее поколение в увлечении историей интересовалось прежде всего классической древностью (например, любимым чтением Екатерины в молодости был Тацит), то современники Павла проявляют больше интереса к средневековью и рыцарству. Десятилетний великий князь, после того как прочитал историю Мальтийского ордена аббата Верто, воображал себя одним из рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского, а спустя тридцать пять лет он действительно стал магистром этого ордена. Великий князь проявлял большой интерес ко всему таинственному; он любил слушать разговоры о масонстве и стремился разгадать смысл его таинств. В более позднем возрасте он определенно будет иметь еще не до конца изученные отношения с масонскими ложами, которые преследовала его мать. Пока еще нельзя безоговорочно утверждать что Павел был принят в члены ложи, но следует заметить, что воспитатель великого князя Н. И. Панин, его брат - П. И. Панин и их племянник, князь Куракин, друг детства Павла, как и большинство его приверженцев, были масонами. Став императором, Павел тотчас же помиловал масонов, брошенных в тюрьму Екатериной. Конечно, во время своего короткого правления он заботился о том, чтобы деятельность лож не была слишком интенсивной, но, кажется, это происходило в дружественной форме. Возможно, в масонстве он увидел выражение стремлений, не отвечавших его представлению об абсолютной монархии, устремлений, которые в эпоху французской революции могли показаться вдвойне опасным. Впрочем, мы не знаем развернули бы ложи свою деятельность, если бы Павел правил дольше, как это действительно произошло, когда к власти пришли его наследники. Можно предположить, что Павел Делал различие между чисто умозрительным и политическим масонством. Русские ложи были главным образом мистическими.

Павел был умным ребенком с хорошими способностями к учению, очень наблюдательным, и его учителя утверждали, что великий князь имел математические наклонности. Порошин пишет, что уроки, которые он давал Пав-

лу, доставляли ему несказанное удовольствие благодаря пронизательности ученика и, склонный всегда к преувеличению, когда речь идет об обожаемом им великом князе, отваживается на утверждение, что если б его высокочество человек был партикулярный, то мог бы стать российским Паскалем.

Другой его учитель, немец Эпинус, сказал о нем поистине пророческие слова: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тут конец и уму, и рассудку».

Павел рос в атмосфере двора XVIII в., поэтому неудивительно, что у него преждевременно расцвели эротические чувства. В шесть лет он был уже влюблен, в десять разыгрался настоящий маленький роман, платонический и очаровательный, между ним и фрейлиной императрицы. Конечно, разговоры, которые вели за столом Панин и его гости в присутствии ребенка, были недостаточно осторожными, а в XIX в. они считались бы неслыханно фривольными.

В причудливой любви к военщине, очень рано развившейся у Павла и которой был также одержим мнимый отец Павла Петр III, многие усматривают доказательство отцовства последнего. Но тут напрашивается вопрос: являются ли военные причуды приобретенным или наследственным качеством? В первом случае переход этого качества от отца к сыну исключался бы; советская наука сегодня единственная, которая допускает возможность наследования приобретенных качеств. Если же, напротив, это наследственное качество,¹ то отцовство Петра не является для него необходимым, для него достаточно наследства по материнской линии. Все немецкие мелкие князьки безумно увлекались этой игрой.

Как известно, эта черта сохранялась в русской императорской семье вплоть до середины XIX в. Она приводила в отчаяние не только Порошина, Панин также пытался в рамках возможного приглушить это увлечение, но, к сожалению, напрасно. Панин к тому же не мог подавлять в будущем монархе и высшем военачальнике интереса к военным вопросам. Порошин горько сожалел о направлении, выбранном его учеником в военной области. «Государь должен быть полководцем, но не обязательно исправным офицером», — пишет он.

Учителя Павла, если не принимать во внимание Порошина, не были большими светилами. Вскоре после своего восшествия на престол Екатерина обратилась к Даламберу с предложением взять на себя руководство по воспитанию сына. Французский философ отказался, и императрица удовольствовалась теми, кто был под рукой; ей достаточно было жеста, который она сделала перед всем миром. Хорошо разбираясь в искусстве рекламы, Екате-

¹ См.: *Henri Bergson. L'Evolution Creatrice. Paris, 1934, S. 85-92.*

рина была своим собственным министром пропаганды. Ограничившись жестом, она окружила своего сына довольно посредственными учителями. Главный воспитатель, Панин, по понятиям того времени честный, порядочный и преданный своему воспитаннику человек, был все же по своей природе человеком вялым, а являясь к тому же министром иностранных дел, был отягощен обязанностями больше, чем позволяла ему его леность. Он не мог посвятить себя воспитанию мальчика в той мере, в какой это было необходимо. Поэтому следует только удивляться, что Павел, выйдя из детского возраста, обладал обширной интеллектуальной культурой и имел живой интерес к государственным делам, о которых он, по-видимому, основательно размышлял.

Императрица совсем не привлекала его к государственной деятельности, что было бы естественно по отношению к наследнику престола, напротив, она ревниво следила за тем, чтобы эта сфера оставалась только за ней самой и ее фаворитами. Лишь однажды она пообещала Павлу приобщать его к государственным делам, но никогда больше к этому разговору не возвращалась. У Екатерины был инстинктивный страх перед Павлом, страх порождает враждебность, на враждебность матери сын отвечал враждебностью.

Новый удар постиг этого чувствительного юношу сразу же после достижения совершеннолетия. В 1773 г., когда Павлу не было еще 19 лет, Екатерина, спешившая обеспечить продолжение династии, заставила его заключить брак. Возможно, что уже тогда она думала передать корону внуку в обход законного наследника. Начались длительные переговоры, в которые активно включился хитрый король Пруссии, так же, как он это делал 30 лет назад при бракосочетании самой Екатерины. Фридрих II всегда был готов сыграть роль посаженного отца, если это обещало ему какую-нибудь выгоду в политическом отношении. Выбор императрицы пал на одну из трех дочерей ландграфа Гессенского — Вильгельмину. Требования к невесте наследника престола были такие же, какие ставила императрица Елизавета, когда искала супругу для своего племянника Петра и имела несчастье, по ее мнению, выбрать Софию Ангальт-Цербстскую, ставшую позже Екатериной. Во-первых, невеста должна быть из мелкого княжеского рода, чтобы она рассматривала этот брак как неожиданный подарок судьбы и поэтому оставалась бы скромной, благодарной и послушной государыне Екатерине. Во-вторых, невеста должна быть протестанткой для того, чтобы ее легко можно было обратить в ортодоксальную православную веру, что с принцессой-католичкой было бы невозможно. Но так же как Елизавета ошиблась в случае с Екатериной и пригрела на своей груди змею, точно так же ошиблась Екатерина в случае с Вильгельминой, в православии Натальей Алексеевной, которую Фридрих II называл своей *Natalisation*. Только горькое и не-

ожиданное событие избавило Екатерину от тех многих забот, которые могла бы доставить ей невестка. Павел тотчас же влюбился в выбранную для него невесту, несмотря на то, что, по словам собственной матери, ее лицо было покрыто прыщами. Мать принцессы, ландграфиня Каролина, которую в Гессене называли Великая ландграфиня, весьма энергичная дама, приехала, чтобы уладить свои мелкие семейные дела в отсутствие своего супруга, скучного индивидуума, главной гордостью которого было считаться лучшим барабанщиком Германии.

Вильгельмина-Наталья была честолюбивой и своенравной юной особой. Она подчинила себе своего мужа, вероятно, с помощью интимной близости и стремилась укрепить в нем мысль об ущемлении его прав, для того чтобы создать ему партию. Кто знает, какая борьба разгорелась бы между ней и свекровью, если бы 10 апреля 1776 г. великая княгиня не умерла при родах. Неправильное строение таза, следствие несчастного случая в детстве, сделало невозможными благополучные роды, и Наталья Алексеевна умерла после нескольких дней мучений. Великая ландграфиня и ее покровитель Фридрих продали Екатерине недоброкачественный товар: по крайней мере, мать знала о недостатке дочери, но, вероятно, она не предвидела трагического исхода. Бедные мелкие князьки видели в замужестве своих дочерей перспективу удачной сделки и всегда были начеку, выслеживая хорошую партию. Русский престолонаследник после французского дофина был в Европе наилучшим вариантом, и, чтобы подцепить его, не погнушались маленьким обманом.

Павел был безутешен, но Екатерина приготовила ему лошадиную дозу лекарства. Несомненно, она знала об умершей больше, чем ее сын. Обыскав ящики великой княгини после ее смерти, императрица извлекла корреспонденцию, из которой явно следовало, что ребенок, ставший причиной трагедии, был ребенком не Павла, а его лучшего друга, прежнего товарища детских игр, человека, которого он сделал своим доверенным лицом, которому целиком открыл свое сердце — графа Андрея Разумовского. Екатерина не признававшая сантиментов, выложила письма великому князю. Удар был жестоким, но скорбь была излечена. Павел не появился при погребении своей жены, императрица взяла на себя все обязанности. Но какова была цена этого исцеления? Павел почувствовал себя обманутым одновременно в любви и в дружбе, его психика, и до того уже нарушенная, получила новую рану, и, что особенно серьезно, на этот раз с сексуальной стороны. Предательство двух любимых людей заставило его вновь сосредоточиться на недостатках своей личности. Последствия проявились не сразу.

Подвергая Павла своему лечению, Екатерина уже приготовила новый план. Три года были потеряны, а долгожданный наследник еще не родился. Началась спешка. Не давая Павлу опомниться, она представила ему мини-

атюрный портрет новой невесты. Это была принцесса Вюртемберг-Мемпельгардская (Монбельярская), юная София-Доротея. И на этот раз в игру включился старый господин из Берлина, тем более что принцесса была его племянницей. Устроив брак Екатерины II, Фридрих просчитался; он нашел в ней не агента при русском дворе, на которого он очень рассчитывал, а конкурентку на большой шахматной доске европейской политики, иногда союзницу, иногда противницу. С Вильгельминой Гессенской расчеты Фридриха также провалились. Если бы даже великая княгиня осталась жива, она все равно не играла бы в его игру. На этот раз дело было надежное. София-Доротея была именно тем, что было нужно Фридриху, — сентиментальным и в этом возрасте еще наивным существом. Ее родители точно так же, как и родители умершей Вильгельмины, испытывали благоговение перед прославленным королем. Брат Фридриха, принц Генрих, как раз гостил у Екатерины, когда наступила смерть Натальи. Он приложил все усилия, чтобы утешить молодого вдовца, а два месяца спустя принц уже сопровождал его в Берлин, куда Павел отправился для того, чтобы принять невесту из рук Фридриха. Обычно скупой, алчный король Пруссии не жалел для этого дела никаких расходов. От самых границ королевства наследника российского престола осыпали почестями, которые превзошли все, что мог ожидать молодой человек, лишенный всякого уважения у себя дома. Торжества в Берлине были великолепны. Это был бальзам на исстрадавшуюся и отчаявшуюся душу Павла. Здесь впервые в жизни он почувствовал себя престолонаследником могучего государства, а не каким-то незначительным господчиком, каким он был в России. Фридрих знал что делал. Этим приемом он сделал великого князя своим другом на всю жизнь, и не его вина, что его преемники не сумели из симпатий императора Павла извлечь наибольшую выгоду. С этого момента сын Екатерины, с детства испытывавший симпатию ко всему немецкому, стал пламенным почитателем Пруссии, ее военных и гражданских учреждений и прежде всего ее короля, которому он стремился подражать во всех областях, за исключением религиозной.

Молодые люди влюбились друг в друга с первого взгляда. София-Доротея излучала сияющую красоту, ее единственным недостатком была легкая полнота; Павел, не будучи красавцем, в этом возрасте был грациозен, а его вздернутый нос придавал лицу забавную миловидность; он сам и его манеры были исполнены очарования, покорявшего множество сердец. Эти недели были, пожалуй, единственным периодом в жизни Павла, когда он был абсолютно счастлив. О женитьбе тут же договорились, и вскоре в России была отпразднована свадьба.

К рождению своего первого внука Александра в 1777 г. императрица подарила молодой чете имение вблизи своей летней резиденции Царское Село, названное Павловском. Здесь возвели очаровательный небольшой дво-

рец, строительство которого происходило под наблюдением великой княгини, принявшей имя Марии Федоровны. Она проявила при этом тонкий вкус. Архитектором был шотландец Чарльз Камерон, мастер, которому Екатерина оказывала предпочтение. Павловск позднее называли русским Трианоном из-за приветливой красоты, грации и прелести дворца и парка. Там Павел и Мария в первые годы своего брака вели идиллическую жизнь, которая все же иногда отравлялась интригами со стороны большого двора. Самым болезненным для сентиментального сердца великой княгини было то, что императрица забирала по очереди, друг за другом ее детей, точно так же как в свое время Елизавета поступала с Екатериной, только с той разницей, что матери не было запрещено их видеть.

В 1781-1782 гг. великокняжеская чета под именем графов Северных предприняла путешествие по Европе. Они начали с Вены, где император Иосиф II устроил дружественный прием сыну своей великой союзницы. Затем путешественники отправились в Италию. В Венеции в честь их высочеств был устроен великолепный праздник, запечатленный для будущих времен живописцем Гварди. Во Флоренции герцог Леопольд, будущий император Леопольд II, наслышанный от своего венского брата об интересе к искусству и о жажде знаний великого князя и его супруги, показал все, что было в сокровищницах города, предоставив великокняжеской чете возможность и время восхищаться ими. По-отечески были приняты графы Северные папой Пием VI. Это был первый контакт Павла с католической церковью, которая с этих пор стала притягивать его. Мы будем говорить впоследствии о симпатиях Павла, которые он проявлял, будучи уже императором, к Римской церкви. Прежде католицизм ему, ортодоксальному русскому, казался запретным плодом, даже грехом, а отныне приобрел для его романтического духа притягательную силу. В Неаполе великокняжескую чету ждали король Фердинанд и его супруга Мария-Каролина. Здесь Павел встретил своего бывшего друга Разумовского, который в то время был русским послом в Неаполе. Его вкус к коронованным особам остался неизменным, и теперь он состоял в любовной связи с неаполитанской королевой. При виде Разумовского кровь ударила Павлу в голову. «Шпагу из ножен, господин граф!» — воскликнул он. Придворные из свиты встали между ними и предотвратили дуэль.

Путешественники с интересом осмотрели раскопки Помпей и Геркуланума, в то время находившиеся еще в своей начальной стадии, а затем отправились на север, где их должен был чествовать Париж. Великолепие прекрасного, как вечерняя заря, королевства предстало их взорам. Мария-Антуанетта сделала все возможное, чтобы гости были счастливы, принцы крови следовали ей в этом, а принц Конде сумел трехдневным праздником в Шантильи превзойти блеск Версаля. После пребывания в Париже супруже-

ская пара посетила Фландрию, а затем нанесла визит родителям великой княгини в Монбельяре. Несмотря на их сильное желание, они вернулись в Россию, не заехав в Берлин. Екатерина запретила им это сделать. Ее внешняя политика приобрела другое направление. Императрица отвернулась от Фридриха и протянула руку Иосифу II.

Эти месяцы путешествия были для Павла вторым счастливым периодом в его жизни. Как и во время берлинского визита, он почувствовал себя важной персоной, а увиденное стало для него духовной пищей на всю оставшуюся жизнь. Но его счастье на этот раз не было безоблачным, скверные известия и выговоры приходили из России во время путешествия; дома же Павла с супругой ждали новые унижения. После уважения, сердечности и великолепия, окружавших его за границей, второстепенная роль при русском дворе, презрение всемогущих фаворитов матери, нужда в деньгах, которую он вынужден был терпеть, в то время как императрица бросала миллионы своим возлюбленным, усугубляли его горечь. Человек с другим характером, вероятнее всего, реагировал бы иначе, искал бы пути для того чтобы защитить свои права, и, возможно, дело дошло бы до государственного переворота. Но Павел не был уверен в себе и начал сомневаться в легитимности своего происхождения. По отношению к матери он продолжал вести себя малодушно. Екатерина знала своего сына и была уверена, что с его стороны ей ничего не угрожает; единственное, что беспокоило императрицу, — это возможные действия других от имени великого князя. Однажды подобная акция чуть было при дворе не произошла. Но Екатерина очень быстро узнала об интриге. Она допросила своего сына, и он передал ей лист со списком замешанных в этом лиц. Императрица, не читая списка, бросила бумагу в огонь, она уже знала обо всем из других источников. Следствием подобных черт характера стало то, что Павел полностью лишился авторитета. Бывают характеры, у которых отсутствует что-то, что вызывает уважение окружающих. Всю жизнь к ним относятся как к детям, не принимая всерьез их идеи, как бы хорошо они не были обоснованы, возможно, из-за чрезмерной энергии, с которой они высказываются. Следствием такого отношения является их неуверенность, страх быть непонятыми и поиски сверхкомпенсации. Как у детей, у них нет своей позиции. Ребенок почти всегда обладает комплексом неполноценности, который у нормальных людей проходит в пору зрелости.

Чем сильнее Павел потрясал своими цепями, тем больше терял свой престиж, и с этим минимальным авторитетом он взойдет на престол. Камарилья его матери, которая до сих пор выказывала ему свое презрение, будучи уверенной, что Екатерина осуществит намерение передать корону непосредственно своему внуку — Александру, подчинится новому императору, скрипя зубами, заранее видя в нем свою жертву.

В 1783 г. по случаю рождения первой внучки Александры императрица подарила великокняжеской чете второе владение, Гатчину, с выстроенным уже дворцом. Но сделала она это не из материнской любви, а для того, чтобы держать сына подальше от собственной резиденции. Гатчина была построена для Григория Орлова, фаворита Екатерины, который в 1762 г. был душой государственного переворота. После смерти Орлова царица выкупила Гатчину у его наследников. Великий князь видел в Орлове злейшего врага, причину и соучастника убийства своего отца, но, несмотря на это, его приют стал любимым местом пребывания Павла. Дворец, построенный итальянцем Антонио Ринальди, своим внешним видом напоминает нечто вроде укрепленного замка, в противоположность радостному Павловску. Строгий стиль архитектуры соответствовал в определенной мере характеру нового владельца, который становился все меланхоличнее и подозрительнее. Супружеское счастье великокняжеской четы, местом действия которого был Павловск, длилось еще некоторое время и в Гатчине, ставшей осенней резиденцией, причем осени становились все длиннее. В Зимнем дворце в Петербурге Павел и Мария чувствовали себя неуютно и старались оставаться за городом как можно дольше. Здесь, в Гатчине, с 1789 г. муштровал Павел свою маленькую, организованную на прусский лад армию. По его замыслу она должна была служить образцом для будущей армии всей империи. Армия постепенно росла и достигла численности в две тысячи человек. Екатерина терпела армию, пока она была только игрушкой, но эта игрушка позволяла Павлу давать волю своей страсти к муштре.

С 1789 по 1791 г. Павел переживал тяжелый духовный кризис. Относительная жизнерадостность, которая до сих пор еще была присуща ему, уступила место угнетенному и мрачному расположению духа. Придирки, нетерпение поскорее взойти на престол и страх того, что власть может ускользнуть от него, сделали свое дело. Для Павла это был период, как он сам однажды сказал, упражнения в терпении, на самом деле это было скорее упражнение в нетерпении. Он ждал власти уже двадцать семь лет, и ему предстояло ждать еще семь.

В это время в его жизнь проник солнечный луч в образе другой женщины, Екатерины Ивановны Нелидовой, фрейлины великой княгини. Отнюдь не красавица, она была грациозна в движениях, восхитительно танцевала и обладала живым, искрометным умом и прекрасной, благородной душой. Нелидова уже давно состояла на службе у великой княгини, участвовала в путешествии 1781-1782 гг., но только сейчас начала развиваться дружба между ней и Павлом. Мы не знаем, как далеко зашли отношения, многое говорит за то, что они оставались платоническими. Но великая княгиня, в глубине своего сердца остававшаяся маленькой, сентиментальной и глуповатой принцессочкой, какой была в детстве, поняла это не так. Она начала рев-

новать, утратила такт и вызвала у своего супруга реакцию, вполне соответствующую его нетерпеливому характеру. Он перестал выказывать своей жене элементарную вежливость, потребовал от своего окружения «уважения к Нелидовой, презрения к великой княгине» и удалил от своего двора тех, кто не следовал этому приказу. Мария Федоровна усугубила ситуацию тем, что побеспокоила императрицу своими жалобами, и мать сделала выговор своему сыну. «Эта девка — бич, — писала великая княгиня своим друзьям, — потому что в ней соединено недоброе сердце с недобрым умом». Екатерина Ивановна со своей стороны подозревала супругу Павла в том, что та «роет ей могилу». Но все же позднее обе женщины поняли друг друга и объединились в искренней дружбе. «Эта девка» превратилась в «милую и добрую Нелидову», как называла ее Мария в письме «своей доброй государыне». Во время правления Павла эти две женщины стали его добрыми ангелами. Много несчастий и сам трагический конец императора можно было бы легко предотвратить, если бы Екатерина Ивановна не утратила влияния на своего царственного друга.

* * *

6 ноября 1796 г. императрица Екатерина в Зимнем дворце умерла от апоплексического удара. Она не успела опубликовать, по-видимому, уже подписанный указ, отстранявший ее сына от наследования престола. Она еще дышала, когда поспешивший из Гатчины Павел обыскал ее рабочий стол и нашел в нем некий пакет. Молчаливого жеста государственного секретаря Безбородко, указавшего на камин, было достаточно, чтобы пакет исчез в пламени. Безбородко был осыпан впоследствии неслыханными милостями.

Павел — император! Угнетаемое в течение тридцати четырех тягостных лет нетерпение прорвалось наружу с силой взрыва. Слабовольный по натуре человек, он отличался преувеличенными, утрированными жестами — сверхкомпенсация! В этом заключается источник всей его непоследовательности, беспорядка и противоречий в указах, приступов ярости и всего того, в чем упрекали Павла его современники, впрочем, и они, как водится, преувеличивали. Любое его внутреннее движение неизбежно находило выражение в том или ином приказе. На иностранной карикатуре на Павла справа от императора написано «порядок», слева «контрпорядок», а на лбу — «беспорядок». Бесспорно, были и черствость, и даже жестокость, но, прежде всего, нелепости оказывались результатом импульсивности царя, которому казалось, что он следует требованиям государственных интересов. Если удавалось убедить Павла в его неправоте, что было небезопасно, то он отменял приказ и великодушно вознаграждал жертву своего гнева. Иногда импе-

ратор даже благодарил того, кто отказывался выполнять бессмысленное распоряжение. Прорицание Порошина: «Монсеньер, при самых наилучших намерениях вы заставите себя ненавидеть» теперь исполнилось. Правда, жестокость Павла относилась большей частью к высшим слоям общества, в первую очередь к камарилье его матери, что было в значительной мере оправданно. Но в окружении Павла были люди, старавшиеся вызвать ненависть к императору, выполняя его приказы с преувеличенной жестокостью или же таким образом, чтобы представить Павла в смешном виде. Доверенный человек императора, военный губернатор Петербурга, а позднее глава заговора, граф фон Пален, умело проделывал такие шутки. Только один пример: царь приказал ему «устроить головомойку» княжне Голицыной. Пален немедленно пришел к ней, потребовал воду и мыло и с самой серьезной миной вымыл ей голову.

Маленькие происшествия, которые мы, благодаря дневнику Порошина, могли наблюдать в детстве Павла, разыгрывались теперь в масштабах всего государства. Удивительно, в какой степени в поведении императора отразилось поведение маленького великого князя. Его страсть к военной муштре теперь ничем не сдерживалась и распространилась на всю армию страны. Ежедневно перед дворцом, в котором в данный момент находился император, проходили вахтпарады. Все генералы наивысших чинов, а также оба старших великих князя, Александр и Константин, должны были присутствовать на них. Сам Павел играл роль фельдфебеля. Горе тому, кто сбивался с ноги или делал неверное движение саблей. Случалось так, что император мог на месте наказать офицера своей палкой. Виновный в одно мгновение мог оказаться разжалованным или высланным в Сибирь, не имея возможности взять из дома деньги или необходимые для дальней дороги вещи. В конце концов офицеры завели правило брать с собой большие суммы, отправляясь на вахтпарад, потому что никогда нельзя было знать заранее, что с ними может случиться. Такой образ действий был для Павла одним из способов самоутверждения.

Другим средством служили придворные церемонии. Императрица их любила не менее, чем ее супруг, она также долгие годы жаждала выйти, наконец, на свет из тени. Будучи маленького роста, безобразным внешне, с головой, напоминавшей голову мертвеца, Павел во время официальных церемоний, полагая, что это ему необходимо по рангу, пытался казаться выше и величественнее. Ему это плохо удавалось и делало его смешным. В своем же кругу он был естественным и приветливым. Только тогда, когда император впадал в ярость, его движения становились резкими, несвязными, и при этом он издавал своеобразное шипение.

Спешка царила теперь во всей империи. Государь сохранил привычку своего детства: постоянно спешил, рано вставал и рано ложился спать, за-

ставляя всех подчиняться этим правилам. Он даже считал себя вправе расписывать людям часы приема пищи. В семь часов уже горели свечи в учреждениях, и если какой-нибудь служащий в это время встретил бы императора на улице, то ему могло не поздоровиться. Встречи с ним вообще рассматривались как дурное предзнаменование, и люди страшились таких встреч, словно нечистой силы. Дамы при любой погоде обязаны были, завидев императора, выходить из кареты, невзирая на возраст и комплекцию, и, стоя в снегу или в грязи, делать глубокий реверанс. Если кучер по ошибке не останавливался, то его отправляли под арест, а карета и лошади конфисковывались. Иногда при этом разыгрывались трагикомические сцены.

Нетерпение, дразнившее его с детства, полностью господствовало над зрелым уже человеком. Когда-то он сказал своему учителю: «А как терпения-то нет; где же его взять?» Когда во время придворного бала фрейлина Нелидова заметила, что Павел хотел наброситься на церемониймейстера, и на правах старого друга попыталась удержать его за подол сюртука, он бросил ей в ответ: «Я не могу сдерживать себя!» Какие электрические бури могли быть зафиксированы на электроэнцефалограмме бергеровского аппарата! Сохранилось и его непостоянство по отношению к людям. Сегодня он мог осыпать кого-то милостями, а назавтра достаточно было дурного настроения, чтобы бывший любимчик потерял всякую благосклонность. Само благорасположение Павла вызывало опасение. Один из его самых верных слуг впал в немилость лишь потому, что во время маневров сказал, что погода, по-видимому, испортится.

Но больше всего владел душой Павла страх, преследовавший его, как известно, с первых дней жизни. Павел был романтиком, и его страх принял романтические формы. В Гатчинском дворце личные комнаты императора были связаны потайной лестницей с подземным ходом, который вел к озеру. В случае опасности он мог бы бежать этим путем. На озере всегда наготове стояла лодка. Туннелем это озеро было связано с другим озером. Сегодня, когда мы так привыкли ездить на метро, мы не можем себе представить то магическое действие, какое на наших предков оказывала мысль о подземных помещениях. Михайловский замок, который Павел построил в Петербурге целиком по своему вкусу, был кругом окружен рвами. Войти в него можно было через подъемные мосты, которые опускались только перед теми, кто имел право на вход. Говорили также, что Михайловский замок был связан подземным ходом с дворцом графа Шереметева, но проверить эту версию я не имел возможности. Однако ни подземные ходы, ни рвы не спасли несчастного императора. Именно страх Павла использовал коварнейший предводитель заговорщиков, чтобы погубить свою жертву.

Сам того не осознавая, Павел был сыном своего времени, времени просвещенного абсолютизма, энциклопедистов и французской революции. Он

способствовал развитию событий эпохи, полагая, что противостоит им. Он хорошо знал французских философов, питая особенное пристрастие к Монтескье; он признавал, что целью человеческого общества и государства является счастье всех и каждого в отдельности. Лучшей формой государства Павел считал монархию, хотя и признавал ее недостатки. Преимущества автократии состоит в соединении силы законов с быстротой действия власти одного¹. Французская республика в глазах Павла была безумием, но, как ученик Монтескье, он отклонял и деспотию, пагубную как для монарха, так и для общества. Ирония судьбы состоит в том, что именно Павел вошел в историю как деспот. Но не всем философам, как в случае с Монтескье, он отдавал дань уважения, многих других Павел считал вредными для общества.

Отчетливое представление о романтической натуре Павла дает его обожествление императорского престола. Сан монарха для него был подобен священническому сану митрополита или папы. По его мнению, он не зависел от личных достоинств человека, посвященного в этот сан. «Монарх такой же человек, как и любой другой», — писал он однажды. Потешаясь над своим маленьким ростом, над безобразием своего лица, в официальных случаях, когда совершался торжественный монарший ритуал, Павел требовал почестей почти божественных.

По его представлениям, монарх должен быть в центре власти и управлять фактически, а не только царствовать. Даже высшие государственные учреждения являются только вспомогательной силой, границы их влияния должны быть строго очерчены и зависеть от воли государя. К примеру, он значительно сократил значение Сената. Во всех своих действиях Павел претворял в жизнь свое убеждение в преимуществе власти одного и индивидуальной ответственности. В XVIII в. Россия управлялась не министерствами, а коллегиями, президент которой, выполнявший функции министра, обладал, как и прочие члены коллегии, только одним голосом. Лишь от личности руководителя учреждения зависело, сумеет ли он добиться влияния на своих коллег. В соответствии со своими представлениями Павел приступил к реорганизации коллегий в министерства по западному образцу. Но у него не хватило времени провести эту реформу до конца. Она была завершена позднее, при его сыне.

Внутренняя политика царя определялась двумя факторами: оппозицией всему тому, что делалось при его матери, и борьбой против проникновения идей французской революции. На первый взгляд это чисто негативные факторы. Однако действия Павла по отмене устоев Екатерины имели много положительных сторон. Приоритетом внутренней политики Екатерины была

См.: *Montesquieu. De l'Esprit des Loix. Buch V. (Монтескье. Дух законов. Кн. V).*

«добрая воля», причем не только самой монархини, но и ее фаворитов. Этому положению Павел противопоставил закон. У Сюлли он прочитал, что высший закон для монарха — это следование всем законам. Над монархом есть только Бог и законы. В России законов было достаточно, но их нужно было привести в порядок. Уже через 40 дней после восшествия на престол император создал комиссию, призванную кодифицировать существующие законы. К тому же недоставало решающего закона, который устанавливал бы право престолонаследия. Неопределенность в этом отношении существовала еще со времени смерти Петра Великого. Законом об императорской фамилии, опубликованным в день его коронации, Павел положил этому конец. Наследование престола устанавливалось по праву первородства по мужской линии, а при отсутствии таковой — по женской.

Для того чтобы бороться с коррупцией, которая чрезвычайно распространилась во времена правления его матери, Павел старался ввести в гражданские учреждения военную дисциплину. Позднее его упрекали в поспешности реформ. Ответ на вопрос: были ли они следствием обычной спешки под влиянием какой-либо мгновенной идеи, может быть найден, если мы обратимся к заметкам, которые делал Павел, будучи еще великим князем. Мы увидим, что все было им осмыслено и обдуманно очень давно. Конечно, некоторые из этих идей не выдерживали проверки действительностью, а некоторые зрелые, обдуманные решения искажались из-за импульсивности и опрометчивости монарха. Но при всем том Павел действительно пытался ввести господство законности. Он оставил своим наследникам после четырех лет своего правления совершенно другое государство по сравнению с тем, что он унаследовал от матери, и в этом состоит его главная историческая заслуга. Павел ликвидировал в России старый режим, то есть сделал то, что совершила революция во Франции, само собой разумеется, другим способом и более неосознанно. Это тот случай, когда неизбежные законы истории, о которых нам позволено лишь догадываться, и то только задним числом, делались руками Павла. Автократ проделал ту же работу, что и народный поток, и выполнил ее потому, что назрело время, потому что старый режим себя изжил.

Павел вполне разделял взгляды прошедшего столетия на дворянство и его роль, в действительности оказавшись противником этого сословия, особенно, что касается высшей знати. Одновременно он проявлял симпатию к народу, понятие, которое напрасно было бы искать у его предшественников. К этому добавляется еще и то, что в представлении Павла монарх находится на такой высоте, с которой классовые различия перестают быть осязаемыми, и поэтому все верноподанные равны перед ним. Однажды на слова шведского посланника барона фон Стединга, что глава оберкамергер Нарышкин является важным лицом, Павел ответил: «Господин посол, най-

те, в России важным лицом является только тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю». В этом смысле Павел является демократом, как бы парадоксально не прозвучало такое утверждение.

В рамках настоящей работы не представляется возможным исследовать все аспекты внутренней политики Павла. Но даже после того немногого, что я сказал, ее уже невозможно представлять как образ действий, лишенный логики, каковой она выставлялась ранее. Однако следует заметить, что в характере царя, наряду со сторонами в высшей степени разумными было немало обусловленных чувствами, импульсивных элементов поведения, характерных, впрочем, как уже было сказано, для всего его поколения.

Духовный мир Павла, противоположный рационализму матери, определял и его отношение к религии, как личное, так и официальное. Достаточно перелистать корреспонденцию Екатерины, прежде всего с Вольтером и Гриммом, чтобы увидеть, как великая императрица в глубине своего сердца насмеялась и над религией вообще, и над православной церковью в особенности, главой которой она себя называла. Русская церковь была для нее только одним из элементов ее политики. Совершенно иным было настроение Павла. Мы уже говорили о том, что религия — это единственная сфера, в которой взгляды императора расходились со взглядами его кумира Фридриха II. Религия была важной составной частью жизни Павла. Полковник Саблуков, который часто нес караул в Гатчинском дворце, сообщал, что он слышал вздохи императора на расстоянии четырех комнат от маленького помещения личной библиотеки Павла, в которой тот обычно молился. Я сам мог убедиться, что именно в той комнате, на месте, где Павел стоял на коленях и бил поклоны, был истерт паркет. Такое отношение к религии имело очень сильное влияние на его политику. Прежде всего — эпизод с Мальтийским орденом.

После оккупации Бонапартом острова Мальта во время его египетского похода в 1798 г. группа бежавших в Россию рыцарей провозгласила императора Павла гроссмейстером ордена, так как Фердинанд фон Гомпеш из-за капитуляции был лишен этого сана. Незадолго до этого Павел выразил согласие принять на себя протекторат над орденом. В этом не было ничего сенсационного: почему хотя бы и ортодоксальный правитель не может быть протектором латинского ордена, сильно пострадавшего от революции? Но совершенно другим делом был выбор схизматического и женатого монарха на высший сан католического монашеского ордена; этот выбор не мог быть признан папой. Папа Пий VI в тот момент не мог заявить слишком громкий протест из плена, в котором он находился. К тому же он не хотел обидеть Павла, помня, как тот, еще будучи великим князем, выражал сильную симпатию к Римской церкви. Именно через Мальтийский орден, дававший пищу его мечтам о рыцарстве, Павел хотел приблизиться к католицизму. Он

выказал также большое радушие по отношению к членам распущенного в то время ордена иезуитов, еще при Екатерине нашедшего свое прибежище в России. Однажды он сказал отцу Груберу, генеральному викарию Общества Иисуса: «Сердцем я католик, постарайтесь переубедить также моих епископов». Мощная структура Римской церкви привлекала Павла не только как запретный плод. Авторитет папы соответствовал его представлению о преимуществе власти одного. Эта церковь была построена как государство, к которому он стремился: строгая иерархическая система и абсолютное подчинение главе, авторитет которого неоспорим, а сан священен. Отец Грубер, кажется, с согласия царя разработал проект объединения церквей; говорят, что некоторые представители высшего русского духовенства не были чужды этой идее.

Святой престол не имел в России своего нунция. Переговоры с папой стали необходимы со времени раздела Польши при Екатерине и присоединения многочисленного католического населения. Тогда в Петербург прибыл чрезвычайный папский посол в лице графа Аркетти, однако многие вопросы после его отъезда остались нерешенными. Сразу же после восшествия на престол Павел попросил прислать нового папского посла. Выбор Пия VI пал на графа Лоренцо Литта, брата Джулио Литта, бальи Мальтийского ордена, находившегося в России с момента вступления императора на престол. Фактически граф Лоренцо Литта был нунцием, хотя и не имел этого титула официально. Павел принял его чрезвычайно доброжелательно и даже облагодетельствовал его материально в связи с печальным положением, в котором находился тогда римский папа. Оно не позволяло ему содержать институт нунцианства. Император деликатно принял на себя расходы, не ущемляя при этом достоинство курии. Павел предложил также Пию VI убежище в своей стране.

Брат нунция бальи Джулио был инициатором выбора императора гроссмейстером. Нунций дал на это согласие, не посоветовавшись со Святым Отцом, и даже принял без разрешения папы Большой крест ордена из рук нового гроссмейстера. Когда папа узнал об этом неслыханном с точки зрения канонического права выборе, который к тому же был сделан хотя и большой группой рыцарей, но все-таки только группой, а не генеральным капитулом, как этого требовали правила ордена (а капитул не мог быть собран из-за тогдашнего политического положения), то отказался, как высший глава ордена, признать этот выбор. Но по вышеперечисленным причинам все старались обсуждать это дело как можно более конфиденциально. Тем не менее во Флоренции, где Пий VI находился в картезианском монастыре в качестве французского пленника, начались сплетни, дошедшие до Петербурга. Ветлице прошел слух об ответе, который должен был получить нунций, и когда пришло письмо с инструкциями, Лоренцо Литта получил его уже открытым

из рук одного из членов коллегии иностранных дел. Гнев Павла обрушился не на папу, а на графа Литта и его брата. Император посчитал, что нунций намеренно дал согласие на его избрание гроссмейстером, чтобы скомпрометировать его в глазах всего мира, хотя он заранее знал, что Пий VI откажется признать это избрание. Граф Литта в течение 24 часов был выдворен из столицы, а до границы империи должен был ехать в сопровождении полицейского офицера. В отношении Павла к папе этот инцидент ничего не изменил. Виноватыми оказались нунций и его брат, высланный в поместья, которыми он владел в России. Между тем Пий VI умер и его место занял кардинал Киарамонти, ставший Пием VII. Так же как и его предшественнику, Павел предложил ему убежище в России. Однажды он сказал отцу Груберу: «Если папе будет необходим приют, я приму его как родного отца и употреблю все свои силы для его защиты». В таком же духе он написал неаполитанскому королю.

Здесь нужно упомянуть о недавней сенсационной находке, которая развевает какие-либо сомнения об отношении Павла к католической церкви. Патер М.-Ж. Руэ де Жорнель, директор славянской библиотеки в Париже, нашел в одном из отделов неаполитанского государственного архива доклад неаполитанского посла при русском дворе Антонио Мареска Доннорсо, герцога ди Серра Каприола (1750-1822), занимавшего этот пост почти 40 лет и пользовавшегося дружеским участием императора. Доклад поступил в архив только в 1953 г. из владения герцогов Руффо ди Калабрия.

Серра Каприола пишет, что 5/17 ноября 1800 г. получил приказание явиться в Зимний дворец, где по приватной лестнице его провели к царю. Павел просил герцога оставить официальный тон, желая поговорить с ним как с другом. Оба еще до беседы стали на колени перед алтарем и обратились к Господу с просьбой о помощи в деле, о котором пойдет речь. Павел также взял с посла честное слово, что тот будет хранить в тайне все, что услышит, и донесение об этом разговоре, которое, вероятно, он будет посылать неаполитанскому двору, пошлет не обычной почтой, а специальным курьером. (Император, очевидно, знал, как его почтовые учреждения обходились с корреспонденцией иностранных дипломатов.) Сохранения тайны Павел ожидал также от неаполитанского двора. Горячее желание лежит у него на сердце, он задумал великое дело — объединить церкви, разделенные уже в течение многих столетий. Он убежден, что вновь обретенное единство принесло бы миру необходимое согласие. Уже длительное время он размышляет над этой проблемой, обдумывая помимо трудностей также причины, побуждающие его к осуществлению своего замысла. У него десять миллионов римско-католических подданных (число очень преувеличено), и они заслуживают его основательного внимания. Остальное население государства исповедует греческую религию, но и тут нет единства. (Предположи-

тельно Павел говорит здесь о староверах). Он считает, что это объединение необходимо для политического благополучия его империи и всех других держав. Он хочет бороться против фальшивых идей современной философии, против кощунства и атеизма (для ученика Монтескье это, разумеется, непоследовательно). В католической церкви он видит прочность принципов, которые имеют для него притягательную силу и кажутся ему более чем когда-либо необходимыми для достижения его целей. Он уже давно чувствует определенную симпатию к католицизму и говорил об этом много лет назад, когда был в Риме в 1782 г., папе Пию VI. Он не только разрешил открыть в Петербурге иезуитский колледж, но и будет постоянно поддерживать его, так как убежден, что русская молодежь, воспитываясь там, усвоит те принципы, которые он желал бы видеть в своих верноподданных. Но в одном пункте он заботится больше о благе католической церкви, чем о собственной выгоде или о своем тщеславии. Это проблема сана гроссмейстера Мальтийского ордена, два года назад приведшая его к конфликту с Римом. «Видите ли, — сказал он Серра Каприоле, трогая рукой висевший на его груди мальтийский крест, — я мог бы считать этот почетный знак не имеющим никакой ценности, Российский император не нуждается в этом; но желание разъяснить моим верноподданным все, что может быть полезным для прославления религии и великих дел, заставляет меня уже в течение трех лет действовать на благо ордена рыцарей святого Иоанна, а следовательно, на благо всей католической церкви. Кроме того, это помогает создавать новые связи и тем самым приближать друг к другу оба вероисповедания». Между прочим, Павел совершенно не стремился к тому, чтобы каким-либо образом поколебать верховный авторитет папы над орденом; он хотел только быть признанным как гроссмейстер «в политическом смысле» или «в каком-либо еще смысле». Серра Каприола, исходя из поведения царя, интерпретировал эту последнюю фразу следующим образом: «Это значит, что я должен быть признанным также в качестве католика».

Просьба Павла к послу состояла в следующем: Испания под влиянием своего духовенства наиболее враждебно относится к признанию императора гроссмейстером. Серра Каприола мог бы объяснить чувства и высокие цели императора своему королю Фердинанду IV с тем, чтобы тот сообщил эти сведения своему брату, королю Испании Карлу IV, который со своей стороны мог бы побудить папу признать монарха, известного как «католик в душе», в качестве гроссмейстера. Он же, в свою очередь, приложит все свои силы к объединению церковей.

Серра Каприола позволил себе возразить, что Испанию, собственно, в это дело вовлекать не нужно. Было бы лучше, если бы король Фердинанд непосредственно вступил в переговоры с папой или, еще лучше, если бы он доверил дело крупному государственному деятелю кардиналу Руффо, который

в настоящее время является министром при Святейшем престоле. После некоторых раздумий Павел согласился с предложением посла и попросил его обобщить все обсужденные вопросы в ноте и предоставить ее при следующей встрече ему лично.

Аудиенция состоялась через два дня. Преамбула ноты понравилась царю, но когда Серра Каприола зачитал: «На этом основании Его Императорское Величество готов признать догмы и предписания святой, католической, апостольской, римской церкви, а главой этой церкви папу Пия VII и его законных наследников, и вместе с Его Святейшеством действовать в интересах объединения обеих названных церквей...», монарх прервал его словами: «Вы хотите таким образом сделать из меня отступника?» Смысл этого упрека был в том, что для него речь шла не об обращении в другую веру или, как выразился Павел, о вероотступничестве, а о воссоединении, то есть о признании его сторонником великой церкви Христа, восстановившей свое единство. Тем самым император надеялся найти ключ к мальтийскому вопросу, потому что с момента воссоединения он бы перестал быть раскольников, и ничто больше не мешало бы в признании его гроссмейстером. При этом Павел забыл, что он не монах, а женатый человек. Вероятно, в конце концов нашелся бы выход для решения и этого вопроса. Серра Каприола внес в свою ноту желаемые изменения и снова прочел ее вслух. Павел задумался. «Я полностью согласен с тем, что изложено в ноте, но пока не отсылайте ее». Он опасался болтливости римского двора, полностью находившегося под влиянием Вены, болтливости, которая могла бы повредить ему и в его собственной стране. Именно поэтому монарх обратился не напрямую к папе, а предпочел окружной путь через Неаполь. Посол должен был сначала написать королю письмо, представив в нем лишь общую картину разговора, и только в случае благоприятного ответа отослать ноту. Из вышесказанного видно, что Павел, обычно такой импульсивный и торопливый, мог овладеть своим нетерпением и быть осторожным, если этого требовали обстоятельства. Это еще одно свидетельство несправедливости утверждения о его безумии.

Неаполитанский государственный архив не содержит больше ничего, что нам помогло бы пролить свет на дальнейший ход этого дела. Однако отец Руэ де Жорнель в архиве Ватикана обнаружил записку кардинала Руффо от 7 февраля 1801 г., адресованную секретарю конклава кардиналов Консальви. В ней Руффо просил секретаря конклава устроить ему в тот же вечер аудиенцию у святого отца, с которым он хотел бы говорить о предмете «чрезвычайной важности».

Очень вероятно, что предметом разговора, о котором пока не сообщалось даже самому Консальви, было то, о чем свидетельствуют найденные документы неаполитанского архива. Больше мы ничего не знаем.

Ответ из Рима, который снова должен был идти через короля Фердинанда, из-за политической ситуации находившегося в Палермо, не мог прийти в Петербург до 11/23 марта, даты смерти Павла¹.

Возникает вопрос: были ли католические взгляды Павла причиной мальтийского эпизода или же наоборот, только став грессмейстером, он пришел к мысли об объединении церквей? Я не сомневаюсь, что истина заключается в последнем. Я уделил так много места отношениям Павла к Римской церкви и ордену лишь потому, что, как мне кажется, эти действия больше, чем все другие, являются отражением его экзальтированной души, а также его стремления к сверхкомпенсации. Оно заставляло Павла играть роль, которая должна была подчеркивать его значение как правителя самого большого государства в мире и придавать ему международное достоинство, пусть даже эфемерное.

Впрочем, грессмейстерское дело, каким бы фантастическим оно ни казалось, таило в себе ядро государственного интереса. Если бы Россия утвердилась на острове Мальта, то ей открылись бы неожиданные возможности во внешней политике. Она стала бы средиземноморской державой. Это заменяло бы в определенной мере выход через морские проливы, к которому Россия стремилась уже с XVI в. Великая реалистка Екатерина тоже вынашивала подобные мечты, когда англичане, чтобы привлечь ее на свою сторону в войне против американских колоний, ослепляли ее в качестве приманки Миноркой².

Как во внутренней политике Павел открыл новую эпоху, введя в нее главный принцип — законность, так и во внешней политике он ввел редко применяемые до сих пор понятия. Дипломатия XVIII в. руководствовалась исключительно национальными и династическими интересами. Павел же считал целью истинной политики защиту этических ценностей. В этом заключается большая разница между ним и его матерью. В его глазах святость принципов и справедливость имели преимущество перед корыстными целями. Это убеждение принуждало его спешить на помощь Австрии, когда она была в опасности, и помогать Англии до тех пор, пока он верил, что речь идет о защите прав, «Bonne cause»³ голландского штатгальтера. Каково же было его разочарование, когда Павел убедился, что они защищали жалкие лич-

¹ M.-G. Rouet de Journel S. J. L'Imperatore Paolo I e la riunione delle Chiese // La Civiltà Cattolica. 1959, III. P. 604-614. *Item.* Paul I-er de la Russie et l'union des Eglises // «Etudes», September, 1959. С. 211-220. *Item.* Paul I-erde la Russie et l'union des Eglises // Documents inedits. В «Revue d'histoire ecclesiastique» LIV (Louvain, 1959). P. 838-863.

² См.: Diaries and correspondence of James Harris first earl of Malmesbury, 2-nd. ed. London, 1845.

³ Bonne cause — правого дела. — *Примеч. перев.*

ные выгоды. Узнав об этом, он отвернулся от них, оставшись верным себе. В таком поведении императора заключается источник той драмы, которая является предметом этого исследования. При этом объединились две силовые группы: первая, первоисточник которой находился за границей, и вторая, действовавшая внутри страны. Франция и Англия, старые соперники, вели темную игру друг с другом, ареной которой был русский двор, а ставкой — жизнь царя.

Когда в ноябре 1796 г. Павел сменил свою мать на престоле, Россия активно готовилась к тому, чтобы принять участие в коалиции европейских держав против Французской республики. Павел ненавидел революцию так же, как и его мать, если не больше. Несмотря на это, Павел распорядился прекратить военные приготовления и заявил своим союзникам, что Россия после того, как она в течение нескольких десятилетий непрерывно вела военные действия, теперь нуждается в покое. Кроме того, своей главной задачей во внутренней политике он видит благо своих подданных и потому, несмотря на симпатию к общему делу, не имеет сейчас возможности вести новую войну.

Но в 1799 г., когда Австрия находилась в крайней опасности из-за победоносного вторжения французских войск и император Франц II попросил своего русского собрата о помощи, Павел из рыцарской солидарности послал на помощь армию во главе со своим лучшим полководцем фельдмаршалом Суворовым. Последовал знаменитый поход по Верхней Италии и Швейцарии, который принес России только пустую славу, а императору, который увидел, что его войска в критический момент были брошены австрийскими союзниками на произвол судьбы, сильное огорчение.

Одновременно Россия принимала участие в походе Англии против Батавской республики и находившихся там французских оккупационных войск. Англичане под командованием герцога Йорка потерпели позорное поражение, но, достигнув своей главной цели, состоявшей в уничтожении голландского флота, не очень беспокоились из-за поражения на суше. Их мало заботило, принадлежал ли флот Батавской республике или штатгальтеру, они в любом случае были в выигрыше. О русских союзниках англичане не думали вовсе, они нисколько не позаботились об обмене русских пленных и даже намеревались применить остатки русского военного корпуса против ирландских повстанцев, не поставив этого вопроса перед императором.

Такие действия обоих его союзников не могли оставить Павла равнодушным. Он осознанно действовал из верности священным принципам и благородного желания прийти на помощь своему царственному брату. Любая мысль о какой-то выгоде была чужда ему.

Как раз в это время над Францией восходила звезда Бонапарта. В нем Павел увидел будущего «короля» Франции «de facto», а не по названию. В дан-

ном случае он оказался легитимистом меньше, чем можно было ожидать. Для него важна была «власть одного», монархический принцип в буквальном смысле. Первый консул также быстро распознал благородный и рыцарский характер императора России и сразу сообразил, какую выгоду можно из этого извлечь. Ловким жестом Наполеон завоевал сердце Павла: без всяких условий он вернул русских пленных, захваченных французами в Голландии, причем в новом обмундировании и вооруженными.

«Я угадал тип характера Павла, изучил его до волоска... — сказал позднее Наполеон на острове Святой Елены Лас Казесу, — и с тех пор это великодушное сердце принадлежало мне, а так как у меня никогда не было интересов, противоположных интересам России, и я никогда не говорил ни о чем другом, как только о справедливости и правильных жизненных принципах, то не сомневаюсь, что впредь Петербургский кабинет был бы в моем распоряжении»¹.

Между тем Англия вызвала настоящий гнев Павла, оккупировав 5 сентября 1800 г. остров Мальта, который Бонапарт уже однажды отобрал во время египетской кампании у рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского. Павел же считал, что остров принадлежит ему, как гроссмейстеру ордена.

В этой ситуации Павел уделил внимание Первому Консулу, и начались переговоры. Они шли одновременно и дипломатическим путем, и непосредственно через переписку между обеими главами государств. Переговоры министров затянулись, так как русские дипломаты, сторонники восстановления монархии во Франции, саботировали намерения своего государя. Напротив, личная переписка, кажется, привела к взаимопониманию, но ее документальные следы, к сожалению, большей частью уничтожены. После 1815 г. переписка монархов с Наполеоном не могла быть опубликована, как он того желал. Этой публикацией Наполеон надеялся устыдить европейских монархов, которые во времена его величия ползали у его ног. Лишь недавно стала известна часть этой переписки².

Письма Павла и Александра I попали в Англию, в частное собрание, откуда в свое время они были выкуплены русским правительством. Неизвестно, что с ними стало потом. Может быть, они были уничтожены или затерялись в шкафах собственной его величества библиотеки в Зимнем дворце. Кажется, после революции они нигде не всплывали. Наверняка среди этих писем находилась записка Павла, написанная на клочке бумаги, в которой он предложил Первому Консулу вверить ему целую русскую армию, для то-

| *Comte E. de Las Cases. Memorial de Sainte Helene. Paris, 1823. Bd. V. P. 206* (6 августа 1816).

² *Lettres personnelles des Souverains a l'Empereur Napoleon, publ. par le Prince Napoleon et Jean Hanoteau, Paris (1939).*

го чтобы изгнать англичан из Индии с условием, что Наполеон помешает англичанам проходить через пролив Зунд и блокировать Балтийское море¹. Действительно, Балтика была слабым местом России, и, вопреки часто звучащим упрекам, Павел принимал это во внимание. Отметим, что в бумагах шведского посланника в России барона фон Стедингга содержится проект договора между Павлом и Первым Консулом о завоевании Индии². В 1840 г. подобный подробный договор был опубликован, к сожалению, без указания источника³. Так как в архиве французского министерства иностранных дел нет соответствующего документа, то мы не знаем, является ли договор, опубликованный в 1840 г., апокрифом или нет. Из него следует, что русские войска должны были объединиться в Таганроге с армией Республики, пришедшей через Дунай и Черное море. Отсюда предусматривался совместный поход на Индию. В договоре до деталей прописаны все вопросы вооружения и снабжения армий, и создается впечатление, что мы имеем дело с подлинным документом. Однако сам оригинал отсутствует. Мы не будем обсуждать здесь стратегическую сторону этого плана, следует только заметить, что планируемая индийская кампания, которую всегда рассматривали как признак сумасшествия императора, может быть, была не настолько бессмысленной. Этот поход получил одобрение самого великого военного гения столетия, и им был даже составлен его план, чему мы имеем неоспоримое свидетельство. До сих пор историки Павла, уже не имея возможности отрицать это свидетельство, пытались принизить его значение или же просто обойти его молчанием. Пароль известен: всеми средствами утверждать безумие Павла. Наш источник хотя и не подтверждает полностью текст, опубликованный в 1840 г., но все же свидетельствует о наличии детально разработанного соглашения. И это свидетельство исходит от самого компетентного человека, от самого Наполеона. Он дважды разговаривал о походе со своим ирландским врачом О'Меара на острове Святой Елены⁴. О'Меара пишет: «14 февраля 1817 — Я завтракал с Наполеоном. Мы беседовали

¹ Там же. С. XXI-XXII.

² *Memoires posthumes du feld-marechal Comte de Stedingk*. Paris, 1845. Bd. II. P. 6-8.

³ *Memoires de Leibniz a Louis XIV, sur la conquete de l'Egypte*, publ. av. une preface et des notes p. M. de Hoffmanns, suivi d'un Projet d'expedition dans l'Inde, par terre concertee entre le Premier Consul et l'Empereur Paul I-er, au commencement de ce siecle. Paris, Edouard Garnot, Libraire-Editeur, 1840. Немецкий перевод этого проекта в «*Deutsche Revue*» 13. Jahrg. (1888), Bd. II (April — Juni) S. 224-232 без ссылки на французское издание или какой-либо другой источник; сказано только, что этот план был получен по случаю от заслуживающего всяческого доверия источника.

⁴ *Barry Edward O'Meara*. *Napoleon at St. Helena*, 2 vol. London, 1888, 1 327-328; II 104-106 и другие издания. *Ego же*. *Napoleon dans l'Exil ou une Voix de Sainte Helene*, tr. p. A. Roy. Paris, 1835. P. 381-383, 444.

о России. "Если бы Павел остался жив, — сказал он, — то, спустя непродолжительное время, мир с Англией был бы заключен. Вы были бы неспособны, оказывать длительное сопротивление объединенным державам севера. Я писал Павлу, что он должен был только и дальше строить корабли и одновременно попытаться объединить север против вас, не отваживаться на битвы, так как англичане победили бы в них. Но Вы, Вы сами бы пришли к истощению, и вынуждены были использовать все средства для того, чтобы иметь в Средиземном море большой флот..." Я спросил Наполеона, не считает ли он, что Павел был безумным. "Да, я думаю, что в последнее время он был им, — ответил Наполеон, — сначала Павел был очень предубежден против революции и всех, кто принимал в ней участие, но, в конце концов, я его образумил, и он основательно изменил свои взгляды. Если бы Павел остался жив, вы бы уже потеряли Индию. Мы договорились с ним о вторжении туда. Я составил план похода¹ Я обязался послать 30 000 хорошо обученных войск, он должен был добавить такое же число своих лучших солдат, а также 40 000 казаков. Я должен был внести десять миллионов на покупку верблюдов и всего необходимого для прохождения по пустыне. Мы вместе должны были просить прусского короля, чтобы он разрешил прохождение моих войск по его территории, что было бы тотчас же разрешено. Одновременно я обратился бы с такой же просьбой к персидскому шаху, который также не отказал бы, хотя переговоры об этом еще не были закончены; но они бы удались, так как персы хотели извлечь из этого свою выгоду. Мои войска отправились бы в Варшаву, где они объединились бы с русскими частями и казаками: из этого города союзническая армия отправилась бы к Каспийскому морю, где она погрузилась бы на корабли или, смотря по обстоятельствам, продолжила бы свое путешествие по суше. Я вас опередил, послав своего представителя в Персию, чтобы отстаивать там мои интересы" — «22 мая 1817: После того как он пришел с купания, Наполеон говорил о России... "Когда Павел был так сильно раздражен вами, он попросил меня составить план вторжения в Индию. Я послал ему план с подробными инструкциями (здесь Наполеон стал показывать на географической карте различные пункты, из которых армия должна была начинать свой поход, и пути, которыми она должна была следовать). Из порта на Каспийском море она должна была переправиться в Индию". Трудности этого мероприятия Наполеон не считал непреодолимыми; он, между прочим, верил, что наследник Павла снова подхватит идею своего отца. О'Меара возразил ему, что расстояние до Индии слишком большое, и русские не имеют достаточных денег для подобных кампаний. "Расстояние не имеет большого значения, — сказал император, — просто провиант транспортируется на верблюдах, а казаки его все-

¹ Курсив В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*

гда будут добывать достаточно. Деньги они найдут по прибытии; надежда на завоевание в один момент подняла бы множество калмыков и казаков без всяких расходов на это. Пообещайте им разграбление некоторых богатых городов, как приманку, и набегут тысячи для того, чтобы стать под знамена..." Отрывки из дневника О'Меара доказывают, что, можно думать о этом плане все, что угодно, но Наполеон воспринимал его чрезвычайно серьезно, и потому несостоятельно утверждение о том, что будто бы Павел один вынашивал эту идею. Лас Казесу Наполеон сказал приблизительно то же самое: "Император сказал, что он и Павел отлично поняли друг друга. В момент катастрофы... добавил он, мы как раз планировали экспедицию в Индию и я постарался бы повлиять на Павла, чтобы выполнить задуманное"¹. Из слов Лас Казеса вытекает, что инициатива даже исходила от Наполеона. Все это выглядит отнюдь не шуткой, как утверждали историки, которые, однако, избегали в полном объеме цитировать тексты О'Меара. Так как в дипломатических архивах сведений о походе не найдено, мы должны предположить, что эти вопросы регулировались путем частной переписки двух глав государств, существование которой было доказано упомянутой публикацией личной переписки монархов с Наполеоном. На это же указывает и официальный документ, хранящийся в архиве французского министерства иностранных дел. Это мирный договор между Францией и Россией от 16 вандомьера X года (8 октября 1801), где ясно указывается на существование непосредственной переписки Первого Консула и умершего императора².

Павел разорвал дипломатические отношения с Англией, выслал из страны посла Его Величества Великобритании и объявил, наконец, войну. Он приказал атаману Орлову во главе отряда казаков начать поход на восток «для того, чтобы завоевать Индию». В приказе ничего не было сказано о воссоединении с французскими войсками. Географические карты, которые получил Орлов, указывали путь только до Хивинского ханства, дальнейший путь на восток атаман должен был найти самостоятельно. Вероятнее всего, армия погибла бы в пути, если бы смерть Павла не прервала ее поход. Этот поход действительно выглядит очень странным предприятием, порожденным нетерпением Павла увидеть свою мечту осуществленной. Но рассмотрим цифры. По плану Наполеона предполагалось объединение 30 000 русских солдат регулярной армии с таким же количеством французских; кроме того, к ним должны были присоединиться 40 000 казаков. Отряд Орлова насчитывал только 22 507 человек. Ясно, что он не мог быть главной силой запланированных войск и рассматривался, видимо, императором как авангард,

¹ *Comte E. deLas Cases. Memorial de Sainte Helene. Paris, 1823. Bd. V. P. 216-217 (10 августа 1816)*

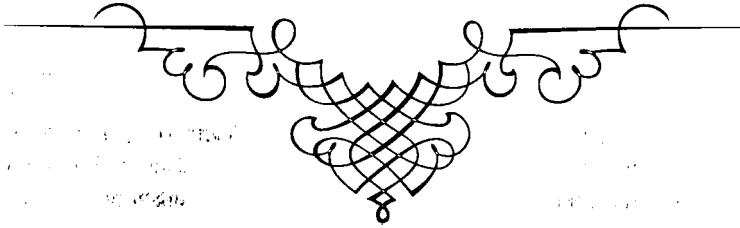
² *Nationai-Archiv, Paris. Russie, Bd. 141, № 6 и 7.*

за которым должны были последовать остальные силы. Нужно признать, что это была неудачная идея дилетанта в военной стратегии, но она не заключала в себе ничего безумного. Прочитанное выше высказывание Наполеона о душевном состоянии Павла не является доказательством безумия царя. Оно прозвучало через 16 лет после описываемых событий и сделано было, вероятно, под влиянием всего того, что Наполеон услышал из России позднее. Наполеон не был психиатром, и считай он в тот момент императора сумасшедшим, он, уж точно, не планировал бы с ним индийский поход.

Англия поняла опасность, заключающуюся скорее в союзе Павла I и Первого Консула, нежели в индийской кампании. Эта опасность лежала гораздо ближе, нежели Индия. Павел воскресил договор о вооруженном нейтралитете, заключенный 20 лет тому назад его матерью, для того, чтобы защитить интересы нейтральных держав в морской торговле во время войны, которая велась тогда между Англией с одной стороны и ее американскими колониями, Францией и Испанией с другой. Теперь, когда Великобритания и Французская республика втянулись в новую войну, морская торговля, особенно Швеции и Дании, вновь сильно страдала от английского флота. Эти причины накладывались на общее неудовольствие Павла против Англии и побудили его как человека, чувствующего себя всегда и везде Паладином справедливости, призвать монархов Пруссии, Дании и Швеции восстановить принципы вооруженного нейтралитета. Как следствие, 16 декабря 1800 г. между этими четырьмя державами был заключен договор. Когда английский флот пересек Зундский пролив, чтобы оказать давление на Данию, Павел секвестировал всю британскую собственность в России и наложил эмбарго на английские корабли в русских портах. Со своей стороны Первый Консул объявил, что полностью одобряет принципы вооруженного нейтралитета, и запретил французскому флоту подвергать досмотру русские корабли. Англия понимала, что за Лигой нейтральных государств свою игру играл Бонапарт, и ответила на меру Павла эмбарго на русские, датские и шведские корабли. Нейтральные державы приготовились к обороне на Балтийском море, и объединенный флот четырех стран представлял собой внушительную силу, но все же это была только оборонительная сила. Как наступательную меру Павел предложил Первому Консулу атаковать английское побережье для того, чтобы создать отвлекающий маневр во время индийского похода. Все это британцам грозило различными опасностями, за которыми стоял Павел. С этой точки зрения естественно и понятно, что англичане в качестве противостояния употребили оппозицию, которая у себя в стране создавала мнение о причудливом характере государя. В конечном итоге Англия выиграла игру, заключительный акт которой завершился только 15 лет спустя при Ватерлоо.

Вторая часть

ЗАГОВОР

Это было 10 июля 1782 г. во время путешествия графов Северных по Европе. Великокняжеская пара после утомительного дня в Генте прибыла вечером в Брюссель. Их сопровождали подруга юности великой княгини баронесса фон Оберкирх и князь де Линь. Мария Федоровна перед ужином ушла к себе. За столом граф Северный был очень любезен. «Я не знаю, — рассказывает баронесса в своих воспоминаниях¹, — как разговор перешел на необычные явления: предчувствия, сны, предзнаменования; каждый рассказал что-либо из своей жизни, подкрепив свое повествование теми или иными доказательствами. Великий князь не сказал ни слова.

"А вы, ваше высочество, — спросил его князь де Линь, — ...вы не оплатите нам той же монетой? Разве в России нет ничего чудесного? Или ее пощадили колдуны и черти с их злодеяниями, как говорили предки?"²

Великий князь покачал головой. "Куракин знает, — ответил он, — что и мне было бы возможно рассказать не меньше других. Но я стараюсь удалить подобные мысли: они меня когда-то достаточно мучили".

Никто не отвечал. Великий князь посмотрел на своего друга и продолжал с оттенком грусти:

— Не правда ли, Куракин, что со мной приключилось кое-что очень странное?

— Даже столь странное, государь, что при всем уважении к вашим словам я могу лишь приписать этот факт игре вашего воображения.

¹ Memoires de la Baronne d'Oberkirch, publ. par le Comte de Montbrisson, son petit-fils. T. I. С. 356-362. Paris, 1853. Стоит заметить, что эти воспоминания были написаны в 1789 г., то есть за семь лет до вступления Павла на престол.

² Курсив В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*

— Нет, это правда, сущая правда; и если госпожа фон Оберкирх дает слово никогда не говорить об этом моей жене, я расскажу вам, в чем было дело. Но я также попрошу вас, господа, сохранить эту дипломатическую тайну, — прибавил он, улыбаясь, — потому что я вовсе не желаю, чтобы по Европе разошлась история о привидениях, рассказанная мною, да еще о себе.

Все дали слово. Тогда великий князь начал свой рассказ:

— Однажды вечером или, скорее, ночью я в сопровождении Куракина и двух слуг шел по улицам Петербурга. Мы провели вечеру меня, разговаривали и курили, и нам пришла мысль выйти из дворца инкогнито, чтобы прогуляться по городу при лунном свете. Погода не была холодная, дни удлинялись; это было в лучшую пору нашей весны, столь бледной в сравнении с этим временем года на юге. Мы были очень веселы, мы вовсе не думали о чем-либо религиозном или даже серьезном, и Куракин так и сыпал шутками насчет тех немногих прохожих, которые встречались с нами. Я шел впереди, предшествуемый, однако, слугою; за мной, в нескольких шагах, следовал Куракин, а сзади в некотором расстоянии шел другой слуга. Луна светила так ярко, что было бы возможно читать, тени ложились длинные и густые. При повороте в одну из улиц я заметил в углублении одних дверей высокого и худого человека, завернутого в плащ, в роде испанского, и в военной, глубоко надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и как только мы миновали его, он вышел из своего убежища и подошел ко мне с левой стороны, не говоря ни слова. Было невозможно разглядеть черты его лица; только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень. Я был сначала изумлен этой встречей; затем мне показалось, что я ощущаю охлаждение в левом боку, к которому прикасался незнакомец. Я почувствовал охватившую меня всего дрожь и, обернувшись к Куракину, сказал:

— Мы имеем странного спутника!

— Какого спутника? — спросил он.

— Вот того, который идет у меня слева и который, как мне кажется, производит достаточный шум.

Куракин в изумлении раскрыл глаза и уверял меня, что никого нет с левой стороны.

— Как! Ты не видишь человека в плаще, идущего с левой стороны, вот тут, между стеной и мной?

— Ваше Высочество, вы сами соприкасаетесь со стеною, и нет места для другого лица между вами и стеною.

Я протянул руку, действительно, я почувствовал камень. Но все-таки человек был тут и продолжал идти со мной в ногу, причем шаги его издавали по-прежнему звук, подобный удару молота. Тогда я начал рассматривать его внимательно и заметил из-под упомянутой мной шляпы особенной формы

такой блестящий взгляд, какого не видел ни прежде, ни после. Взгляд его, обращенный ко мне, очаровывал меня; я не мог избежать действия его лучей.

— Ах, — сказал я Куракину, — я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное.

Я дрожал не от страха, но от холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало меня и проникало в сердце. Кровь застывала в жилах. Вдруг глухой и грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника, и назвал меня моим именем: "Павел!"

Я невольно отвечал, подстрекаемый какой-то неведомой силой:

— Что тебе нужно?

— Павел! — повторил он.

На этот раз голос имел ласковый, но еще более грустный оттенок. Я ничего не отвечал и ждал; но он снова позвал меня по имени, а затем вдруг остановился. Я был вынужден сделать то же самое.

— Павел, бедный Павел, бедный князь!

Я обратился к Куракину, который тоже остановился.

— Слышишь? — спросил я его.

— Ничего, государь, решительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышал; этот плачевный голос еще раздавался в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил таинственного незнакомца, кто он и чего он от меня хочет.

— Бедный Павел! Кто я? Я тот, кто принимает в тебе участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Живи как следует, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души.

Он пошел снова, глядя на меня все тем же пронизательным взором, который как бы отделялся от его головы. И как прежде я должен был остановиться, следуя его примеру, так и теперь я вынужден был следовать за ним. Он перестал говорить, и я не чувствовал потребности обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что теперь он давал направление нашему пути; это продолжалось еще более часу, в молчании, и я не могу вспомнить, по каким местам мы проходили. Куракин и слуги удивлялись. Посмотрите на него, он улыбается, он все еще воображает, что все это я видел во сне. Наконец мы подошли к большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец прямо подошел к одному месту на этой на площади, к которому я, конечно, последовал за ним, и там он снова остановился.

— Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте.

Затем его шляпа сама собой приподнялась, как будто бы он прикоснулся к ней; тогда мне удалось свободно разглядеть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидав орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку моего прадеда

Петра Великого. Ранее чем я пришел в себя от удивления и страха, он уже исчез.

В этом самом месте императрица сооружает знаменитый памятник, который изображает императора Петра на коне и вскоре делается удивлением всей Европы¹. Громадная гранитная скала образует основание этого памятника. Не я указал моей матери на это место, предугаданное заранее призраком. *Мне страшно, что я боюсь*², вопреки князю Куракину, который хочет меня уверить, что это был сон, виденный мной во время прогулки по улицам. Я сохранил воспоминание о малейшей подробности этого видения и продолжаю утверждать, что это было видение. Иной раз мне кажется, что все это еще совершается передо мной. Я возвратился во дворец, изнеможенный, как бы после долгого пути, и с буквально отможенным левым боком. Потребовалось несколько часов времени, чтобы отогреть меня в теплой постели, прикрытого одеялами. Надеюсь, что рассказ мой обстоятелен и что я не даром задержал вас.

— Знаете ли вы, государь, что эта история значит? — спросил князь де Линь.

— Она значит, что я умру в молодых годах.

— Извините, если я не разделяю вашего мнения. Эта история несомненно доказывает две вещи: во-первых, что не следует гулять по ночам, когда хочется спать, и, во-вторых, не следует прикасаться к стенам, едва оттаявшим, в таком климате, как у вас, государь. Другого заключения я из этого вывести не могу; что же касается вашего знаменитого прадеда, то призрак его, извините меня, существовал лишь в вашем воображении. Я уверен, что одежда ваша была запачкана пылью от домовых стен с левой стороны, не правда ли, князь? — закончил де Линь, повернувшись к князю Куракину.

Невзирая на это заключение, история произвела на нас сильное впечатление, что легко может быть понято».

* л *

Чтобы обрисовать ход событий, приведших к насильственной смерти императора Павла, мы, к сожалению, вынуждены основываться в первую очередь на сообщения очевидцев и рассказы современников, ведь заговоры обычно не оставляют следов в государственных архивах. То, что я говорил в предшествующей главе об относительной ценности воспоминаний, нашло себе подтверждение при исследовании данного конкретного случая. Различные авторы противоречиво представляют не только личность государя,

¹ Фальконе.

² Курсив В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*

но и реальные факты, связанные с ним. Как показывает судебная практика, полагаться полностью нельзя даже на показания непредубежденных свидетелей, насколько же подозрительнее для нас должны быть рассказы участников преступления.

Англию в Петербурге представлял сэра Чарльз Витворт. Он родился в 1760 г., в 1788 г. был назначен послом в Россию, до этого занимая такой же пост в Варшаве. Витворт оказался очень полезен в 1791 - 1792 гг. при заключении мирного договора с Турцией в Яссах, и Екатерина из благодарности подарила ему шпагу с бриллиантами, а английский король наградил его орденом Бани. Если бы Екатерина не умерла, то, наверное, он сумел бы образовать англо-русский союз против Французской республики. Новый император поначалу проявлял осторожность, но все же заключил в 1797 г. торговый договор с Англией при содействии Витворта. Однако посол не довольствовался этим и, как ловкий придворный, стремился завоевать еще большее доверие Павла, чтобы использовать его в интересах своего правительства и своих собственных.

Наконец, 18/29 декабря 1799 г. Витворту удалось заключить желанный союз. Это принесло выгоду и ему лично. Павел, который высоко ценил его, в 1798 г. ходатайствовал перед Сент-Джеймским кабинетом о присвоении Витворту звания пэра. Его очевидная связь с Ольгой Жеребцовой, сестрой последнего фаворита Екатерины, красивого князя Платона Зубова, и одновременно с графиней Толстой, супругой гофмаршала наследника престола Александра, не помешала ему строить планы женитьбы на леди Арабелле Диане Коуп, вдове герцога Дорсета. Для этой цели ему и нужен был сан пэра. Ходатайство Павла помогло Витворту в достижении цели, но еще прежде чем новый лорд получил свой диплом, он 26 мая/7 июня 1800 г. был выдворен из России.

Был ли Витворт отцом заговора, стоившего Павлу жизни, что было в то время всеобщим мнением? Действительно ли английские деньги сыграли роль или же Витворт оставался только заинтересованным наблюдателем? Эти вопросы до сих пор остаются без ответа. Можно предположить, что в Национальном архиве Великобритании в Лондоне имеется часть его корреспонденции, которая остается недоступной, но с полной уверенностью утверждать этого нельзя. С тем же немногим, что опубликовано, ничего доказать нельзя. Также в деле с английским золотом мы имеем только слухи, и все выводы делались по принципу *сui bono*¹. Несмотря на это, Витворт и его шефы Питт и Гренвилл остаются под подозрением. Вне всякого сомнения, посол знал о заговоре и одобрял его. Его возлюбленная, Ольга Жеребцова, была связующим звеном между ним и заговорщиками, собиравшими-

¹ Кому на пользу? — *Примеч. перев.*

ся в ее доме. Однако не доказано, что Витворт принимал реальное участие в дальнейшем развитии событий после своего отъезда из Петербурга. Симпатия посла к заговору читается между строк двух его писем графу Панину: прощального письма, написанного еще в Петербурге 22 мая 1800 г., и письма от 21 июня из Лондона.

Умерший совсем недавно граф Георг фон Бенингсен, который, как и автор этих строк, являлся потомком одного из заговорщиков, некоторое время тому назад проводил исследование в британской Record Office. Он, как и его предшественники, профессор Александренко, Валишевский и работавший незадолго до него Константин фон Грюнвальд, не смог обнаружить ничего, обвиняющего Витворта, но обратил мое внимание на то, что в одном из докладов последнего упоминается капитан Хоум Попхэм. В Словаре национальных биографий граф Бенингсен нашел, что сэр Хоум Риге Попхэм, впоследствии контр-адмирал, в 1798 г. на люгере «Nile» находился в Кронштадте. Он вел переговоры о транспортировке русских войск, которые должны были воевать против французов в Голландии под командованием герцога Йорка. В Кронштадте корабль посетил император Павел с супругой, подарил капитану золотую табакерку с бриллиантами и возвел его в сан рыцаря Мальтийского ордена; императрица со своей стороны подарила ему кольцо с бриллиантом. После завершения переговоров Попхэм вернулся в Англию. В донесении от 14 марта 1800 г. Витворт сообщал, что ему из доверенного источника стало известно о том, что русское правительство владеет английским шифром T. L. и M., и попросил передавать ему указания устно через капитана Хоума Попхэма, который является персоной грата у императора. Можно предположить, что так и происходило. Поэтому, может быть, в Национальном архиве Великобритании и не содержится никаких документов. Хотя, возможно, среди бумаг лорда Гренвиля находится запись министра о том, что именно Попхэм должен был передать послу, но, к сожалению, граф Бенингсен не смог натолкнуться на такую запись.

Что касается заговора внутри страны, то нужно отличать заговорщиков, веривших, что они действуют из любви к отечеству, и убежденных в шаткости положения страны, находящейся в руках душевнобольного монарха, от тех, чьи побудительные причины были личного свойства, будь то месть, честолюбие или просто мошенничество. Нелегко установить ясность в этом вопросе, потому что все эти люди пытались одеться в «римские» одежды и после свершившегося цареубийства играли роль патриотов и героев. Единственная возможность отличить их друг от друга — это оценить каждую отдельную личность в совокупности известных фактов как ее участия в убийстве, так и поведения этой личности после трагического события.

Как выглядят моральные портреты Панина, Рибаса, братьев Зубовых, Бенингсена, Талызина и прежде всего Палена, который был умом и сердцем

заговора? Следует точно определить роли даже второстепенных персонажей разыгравшейся трагедии, множества пассивных сообщников в армии и обществе, и последнее, *last not least*¹, — это роль наследника престола великого князя Александра со всеми ее противоречиями. Эта роль не могла бы быть понята, если бы мы не имели перед собой его более поздний портрет как императора, скрывающего за околдовывающей внешностью бездну лицемерия и малодушия. Существует всеобщее мнение, что идеалисты среди заговорщиков, как и сам Александр, не думали об убийстве, а только стремились к тому, чтобы устранить монарха, которого они считали душевнобольным, как в 1772 г. поступили в Дании с Христианом VII и должны будут сделать в Англии в 1811 г. с Георгом III. Только они забывали, что Россия не была ни Данией, ни Англией, что за 75 лет в России привыкли к более или менее кровавым государственным переворотам, и в этой стране самообманом была мысль, что можно низложить императора, не лишив его жизни. Другие, *color che sanno*², хорошо зная, о чем идет речь, не предавались таким иллюзиям, но в интересах дела поддерживали идеалистов.

Мы должны различать два следующих друг за другом заговора. Первый по различным причинам не привел к цели; второй, родившийся из первого, нашел своего руководителя в лице человека, не знавшего никаких преград. Первый план зародился в странном союзе идеалиста, дипломата и мошенника в доме авантюристки широкого размаха; эти образы были воплощены Паниным, Витвортом, Рибасом и Ольгой Жеребцовой.

Граф Никита Петрович Панин был сыном генерал-аншефа графа Петра Ивановича и племянником воспитателя Павла Никиты Ивановича. Петр Иванович был сторонником Павла, к которому он обращался со словами «Ваше Величество», когда тот еще был великим князем. В последние годы своей жизни он принадлежал к оппозиции, уехал в Москву, «разыгрывал оскорбленного», и находил удовольствие в саркастических речах против императрицы. Екатерина говорила о нем: «Враль и мой персональный оскорбитель». Но, однако, когда крестьянский мятеж Пугачева стал серьезной опасностью для государства, она обратилась к нему, и он спас престол.

Его сын, родившийся 17 апреля 1770 г., в мае того же года был определен Екатериной корнетом в Конногвардейский полк. Незадолго до кончины императрицы, в 26 лет, он был камергером, уже занимал пост генерал-губернатора и вследствие этого имел чин генерал-майора. Отец старался приобрести для него благосклонность великого князя. Они не были друзьями юности, как об этом часто пишут, потому что Павел был на 16 лет старше Панина, но определенное сближение между ними состоялось. Сразу же по-

¹ По очереди, но не по важности. — *Примеч. перев.*

² Те, кто знает. — *Примеч. перев.*

еле восшествия на престол император назначил Никиту Петровича членом Иностранной коллегии, а в июле 1797 г. чрезвычайным послом в Берлине. Король Фридрих Вильгельм II, «большой Гу»¹, как называла его Екатерина, Базельским договором, и особенно дополнительными статьями от 5 июля 1795 г. был связан с революционной Францией. Эта политика была продолжена его сыном, Фридрихом Вильгельмом III, который вззошел на престол в ноябре 1797 г. Все усилия Павла и Панина оторвать Пруссию от Франции остались безуспешными, царь отозвал своего министра и назначил его 25 сентября 1799 г. вице-канцлером.

Панин был очень холодным, честолюбивым, высокомерным и надменным человеком. Оценки современников личности Панина двойственны. Одни превозносят его благородный образ мыслей, другие говорят обратное. Граф Семен Романович Воронцов, посол в Лондоне, который был его другом (впрочем, только по переписке, ибо они никогда не виделись), а позднее стал ему врагом, писал: «Я никогда не видел большего лицемера и человека более одержимого в желании делать зло»². Несмотря на его холодность, Панин полностью был сыном своего века. Он любил интриги из-за их романтического характера и отправлялся на совещания со своими сообщниками с кинжалом под плащом. Панин был склонен к мистике и тайным наукам.

Ко времени его назначения вице-канцлером пост канцлера, который был связан с председательством в Иностранной коллегии, был занят Федором Васильевичем Ростопчиным³. Он был остроумным, но фальшивым человеком, готовым употребить все средства для достижения своих целей, действуя преимущественно интригами. Панин должен был показаться ему опасным конкурентом. Для того чтобы отдалить Панина от императора, Ростопчин выхлопотал у него согласие на такой порядок службы, которым свободлюбивый Панин не мог быть доволен. В сентябре 1800 г. Панин составил два политических меморандума, которые Ростопчин отказался направить императору. Неудовлетворенный ими канцлер сам написал меморандум и получил одобрение царя. Как следствие, произошел открытый разрыв между обоими государственными мужами. В действительности за всем этим скрывалось больше, чем личное соперничество. Панин был убежденным сторонником «bonne cause»⁴ и не одобрял новую ориентацию внешней политики, которая была направлена на сближение с первым консулом, в то время как Ростопчин всячески поддерживал намерения императора.

¹ В оригинале: le gros Gu. — *Примеч. перев.*

² Архив князя Воронцова, Т. XXII. С.119.

³ Отец знаменитой впоследствии французской детской писательницы графини де Сегюр.

⁴ Bonne cause — правого дела. «Сторонники правого дела», так называли себя роялисты во Франции после французской революции. — *Примеч. перев.*

Указом от 15 ноября 1800 г. Панин был смещен со своего поста и назначен сенатором, а вице-канцлером был назначен уже знакомый нам посол в Вене граф Андрей Разумовский. Павел доверил ему этот важный пост, несмотря на свою давнюю обиду. Двумя днями позже Панин был окончательно уволен со службы и получил приказ отправиться в свои подмосковные поместья. Это была ссылка, к тому же отравленная интригами Ростопчина. Он одновременно был главным директором над почтами, и в качестве такового он имел возможность перлюстрировать корреспонденцию любого человека, которого хотел очернить в глазах царя. Но в конце концов его нечестная игра раскрылась, и теперь уже гнев императора обратился против него самого. «Он чудовище, — вынужден был сказать Павел, — он хочет сделать из меня инструмент своей личной мести, я должен избавиться от него». 18 февраля 1801 г. главным директором над почтами был назначен граф фон дер Пален. Ростопчин через два дня был отстранен от всех своих должностей. Пален унаследовал и его пост первоприсутствующего в Иностранной коллегии. Ростопчин в воскресенье, 24 февраля появился в замке для того, чтобы откланяться государю. Павел же усмотрел в этом дерзость и велел ему сказать, чтобы он немедленно покинул замок и в тот же день оставил столицу. Несколько часов спустя Ростопчин находился уже на пути в Москву¹. На первый взгляд все выглядит совершенно естественно, тем не менее за всем этим можно заподозрить заранее условленную тайную игру. Как мы увидим, такой исход дела в большой степени оказал благоприятное влияние на заговор, который теперь находился в руках Палена. Все выглядит так, будто чувство справедливости императора было употреблено в интересах заговора. Панин был теперь реабилитирован в глазах императора и 16 февраля 1801 г. получил дозволение вернуться в столицу, Однако из-за родов своей жены он вынужден был задержаться и поэтому не мог сразу двинуться в путь. Известие о смерти императора Панин так и получил в своем имении². Его участие в заговоре было ограничено временем между сентябрем 1799 г., датой возвращения из Берлина? и ноябрем 1800 г., когда он был сослан. Если не от Витворта, то только от Панина могла исходить инициатива первого заговора.

Была ли это случайность или притяжение противоположностей: грансеньор, идеалист, находит партнера в мошеннике, но в мошеннике, не лишенном гениальности. Адмирал Осип Михайлович де Рибас сделал одну из

¹ Деша неаполитанского посланника герцога ди Серра Каприола от 2 марта, приведенная князем Лобановым-Ростовским в его примечаниях к русскому переводу «Истории заговора...» Августа Коцебу в сборнике «Цареубийство 11 марта 1801 г.» (СПб., 1907. С. 308-309, примеч. 2).

² Брикнер А. Материалы к биографии графа Никиты Петровича Панина. СПб., 1882-1892. Т. V. С. 670-671.

тех карьер, которыми был так богат XVIII в. Якобы сын дона Мигуэля де Рибаса Байонса, испанского дворянина на службе неаполитанского королевства, но, что более вероятно Мишеля Рубоноса, итальянского грузчика в порту Неаполя, Джузеппе родился в этом городе в 1749 г. Он бродяжничал в Ливорно, когда в 1774 г. туда прибыл со своей эскадрой граф Алексей Орлов после победы над турками при Чесме, архипелаге в Средиземном море. Он прибыл сюда для того, чтобы похитить прелестную авантюристку, которая присвоила себе вымышленное имя княжны Таракановой и выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы. Это нарушило сон северной Семирамиды. Разыгрывая влюбленность, Орлов заманил женщину на свой адмиральский корабль и под всеми парусами устремился в Россию, где несчастная с мучениями погибла в тюрьме. В этом нечистом деле Джузеппе, по-видимому, помог адмиралу; это открыло ему путь в Россию, и это был путь к блестящему будущему. В 1776 г. он женился на любимой камеристке императрицы Анастасии Ивановне Соколовой, незаконнорожденной дочери знаменитого президента Академии художеств Ивана Ивановича Бецкого. После женитьбы Рибас поднимался со ступеньки на ступеньку. Пользуясь покровительством Потемкина, он служил под его началом на юге России. Во второй военной кампании Екатерины против турок Рибас за свою храбрость получил высокие награды. В 1789 г. он завоевал крепость Гаджибей на Черном море и, правильно оценив ее удачное географическое положение, основал на этом месте город Одессу. В 1793 г. он стал вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом. Хотя Рибас и был потемкинским протеже, он сумел сохранить свое положение, когда тот вынужден был уступить свое место новому фавориту стареющей императрицы — Платону Зубову. Рибас оставался также вне опасности и при Павле. Только единственный раз, в 1799 г. он чуть было не сломал себе шею, когда слишком непринужденно, выше всех допустимых пределов обошелся с государственными деньгами. Ему пришлось уйти в отставку, но уже очень скоро Рибас снова был в седле. Теперь, правда, воровство давалось ему уже не так легко. Прежде он совсем не знал скромности в этом деле. По оценке Ростопчина, он ежегодно похищал из государственной казны не менее полумиллиона рублей. Гигантская сумма для того времени. Все же Рибас был полезен, а канцлер Безбородко полагал, что, несмотря на свое мошенничество, которое было безгранично, он обладал блестящими способностями и необыкновенной ловкостью в государственных делах. Рибас обладал чрезвычайно гибким умом, быстро оценивал обстановку и имел удивительную память. Однажды великий Суворов высказался по адресу другого большого мошенника следующим образом: «Его не смог бы обмануть сам Рибас».

Взаимопонимание между Паниным и Рибасом возникло под крылом Ольги Жеребцовой и Витворта. Негодяй подобострастно внимал грансенью-

ру, но кто знает, кого в конце концов предал бы Рибас — императора или заговорщиков? Из-за его внезапной смерти в декабре 1800 г. этот вопрос навсегда остался без ответа.

Итак, первый заговор хранили в глубокой тайне четыре человека. Ни один дипломатический представитель не в состоянии был ни слова сообщить о нем своему правительству¹. Только военный губернатор столицы, граф фон дер Пален, должен был быть глубоко посвящен в заговор. Если исключить, не поддающиеся проверке слухи о якобы сделанном Рибасом предложении покончить с Павлом с помощью яда или удара кинжалом², об убийстве никто из заговорщиков не думал. Имелось в виду только установление регентства. Для этого необходимо было согласие будущего регента. Граф Панин изложил наследнику престола мысли по поводу такого государственного переворота и попытался его убедить, что нужно действовать не теряя времени. У Павла якобы отбираются только обязанности государя, в остальном он будет вести приятную жизнь, свободную от страха и забот. Великий князь размышлял, колебался³, но не сделал того, что от него требовали обязанности сына и долг верноподданного: он не сообщил о заговоре, напротив, Александр сохранил связь с Паниным и обменивался с ним записками. Этого было достаточно, чтобы связать его с заговором, он ступил на скользкий путь, который рано или поздно неизбежно должен был его привести пусть и к пассивному, но соучастию в убийстве отца.

Мы не знаем, является ли правдой история, которую рассказал саксонский министр — резидент в Санкт-Петербурге Розенцвейг, по его утверждению, услышанную им из уст самого Панина, но она ярко характеризует романтическую натуру последнего. После первых переговоров с Александром, которые, вероятно, состоялись в ванной комнате, Панин стал чаще встречаться с великим князем. Для того чтобы соблюдать глубочайшую тайну, «они встречались по ночам в проходных галереях полуподвального этажа (Михайловского замка). Однажды вечером, когда граф Панин вышел один из своего особняка и отправился пешком по улицам Петербурга, ему показалось, что за домом наблюдал шпион, который последовал за ним. Для того чтобы избавиться от него, он начал плутать по городу и проскользнул,

¹ См.: *Князь Лобанов-Ростовский*. Заметки о графе Панине//Т. Шиман. Убийство Павла I и восхождение на престол Николая I. Берлин, 1906. С. 1-8. (*Schimann Th. Die Ermordung Pauls I. und die Thronbesteigung Nicolaus I. Berlin, 1906, S. 1-8.*)

² *Golovine, C-sse Barbe*. Souvenirs, Paris, 3. Auflage, 1910, S. 249 (*Графиня Варвара Головина*. Воспоминания. Париж, 1910. 3-е изд. С. 249).

³ *Memoires du Prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. publ. par Ch. de Mazade, de l'Ac. Fr. Paris, Plon, 1887 (2 Bd.) Bd. I, S. 231-235* (Воспоминания князя Адама Чарторыйского и переписка с императором Александром I).

наконец, в один из входов упомянутого полуподвала. Панин спешил, используя в пути свет одной-единственной лампы, к плохо освещенному месту свидания. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука коснулась его плеча. Решив, что его выследили и сейчас арестуют, Панин резко обернулся и вдруг узнал великого князя Александра, который уже ждал его». К этому фрагменту текста имеется примечание издателя, что «по сохранившемуся в семье Паниных свидетельству, Панин, думая, что его настигает шпион, внезапно обернулся и только тогда узнал великого князя. Движение Панина смертельно испугало наследника, которому показалось, что граф хочет выхватить шпагу. Рассказывая этот эпизод, Панин высказал предположение, что позднейшее нерасположение к нему Александра основывалось, возможно, на тяжелом впечатлении от этой сцены»¹.

В этом рассказе сосредоточены все реkvизиты, которые могут потребоваться для инсценировки в духе Радклиф²: шпион, ночное бегство по улицам, слабо освещенные подземные своды, взаимный испуг двух мужчин, встречающихся в полутьме.

Между тем события быстро сменяли друг друга. В мае 1800 г. Павел выслал из Петербурга британского посла, и тем самым был окончательно оформлен разрыв с Англией. Еще раньше был вынужден покинуть Россию посол императора Франца граф Кобенцль, за ним последовали представитель Сардинского королевства Бальбо и датский министр барон Розенкранц. Витворт отбыл с персоналом посольства 26 мая/7 июня 1800 г. Его отъезду еще в конце марта потребовал посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов. Вначале речь шла только о сэре Чарльзе лично, но теперь потребовали покинуть страну и всех остальных членов миссии. Воронцов, со своей стороны, в начале апреля впал в немилость царя и был заменен другим, но не в ранге посла, а всего лишь уполномоченного. В ноябре последовало удаление Панина, в декабре смерть Рибаса. Три представителя первого заговора покинули сцену, и игра, казалось, была окончена.

Произошло обратное. Панин, грансеньор, романтик, не обладал необходимым темпераментом и той беззастенчивостью, которая ни перед чем не

¹ Французский оригинал рукописи этих воспоминаний находится в Тайном государственном архиве в Дрездене, немецкий перевод без указания автора появился в сборнике «Тайные истории и загадочные личности» (*Geheime Geschichten und Ratselhafte Menschen*. Leipzig, 1858. S. 58 ff., hrsg. v. Fr. Buhlau). Во второй раз издано с указанием автора, но без примечания издателя, в журнале «Aus alien Zeiten und Landen» (Из всех времен и стран), Braunschweig, Oktober 1882; см. также: R. R. (A. Bruckner) Kaiser Pauls Ende. Stuttgart, 1897 (*Брикнер А. Конец императора Павла*).

² Радклиф Анна (1764-1823) — английская писательница, которая в своих произведениях мастерски передавала атмосферу «ужасного» и «таинственного». — *Примеч. перев.*

остановится, чтобы довести предприятие подобного рода до конца. Рибас, в конце концов, был лишь маленьким человеком, к тому же всеми сильно презираемым, и не обладал тем авторитетом, которого требовала ситуация. С уходом этих двух деятелей руководство перешло в руки настоящего дьявола в человеческом обличье, который знал, как плести паутину вокруг монарха, тем сильнее вовлекая в нее свою жертву, чем больше были ее усилия освободиться, пока она в конце концов не попала в ловушку чудовища.

Этого человека звали барон Петр Алексеевич фон дер Пален. Прибалт, родившийся в 1745 г., он был представителем эстляндского дворянства. С 1792 г. Пален был правителем рижского наместничества и с 1795 г. в звании генерал-лейтенанта стал генерал-губернатором Курляндии.

После восхождения Павла на престол Пален стал одним из первых, кто впал в немилость, допустив ошибку, несмотря на свою феноменальную смысленность. Собственно, ошибка явилась лишь следствием случайности. По приказу Павла для экс-короля Польши Станислава Понятовского, который направлялся в Петербург и должен был проезжать через Ригу, был подготовлен в Риге торжественный прием. Был выстроен почетный караул от городских жителей, а в знаменитом доме Черных голов должен был состояться банкет. Но король в этот день не прибыл, зато приехал князь Зубов, который вынужден был после смерти императрицы предпринять не совсем добровольное путешествие за границу; при этом он проезжал через Ригу. Караул оказал ему как русскому генералу почести, и чтобы приготовленный уже обед не испортился, он был дан в честь Зубова. Об этом было доложено императору, гнев которого можно себе представить. Наказание не заставило себя долго ждать. Пален усугубил проступок еще и тем, что отправился сопровождать Зубова до Митавы. Со следующей почтой Паленом был получен следующий рескрипт: «Господин генерал-лейтенант Пален. С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова через Ригу; из сего и делаю я сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет. Сие письмо можете показать генерал-лейтенанту Бенкендорфу, (подписано) Павел, 26 февраля 1797 г.¹. В тот же день Пален был отставлен от службы².

Но нашлись все же люди, которые заступились за него перед императором, и им удалось в конце концов оправдать его. Это было совсем нетрудно при умении затронуть рыцарские струны Павла. Осознав свою неправоту,

¹ Archiv des Kriegsministeriums. Seume. «Zwei Briefe über die neuesten Veränderungen in Russland». Zurich. 1797. S. 74 (Архив военного министерства. Зойме. Два письма о новейших изменениях в России. Цюрих, 1797. С. 74). Бенкендорф был военным губернатором Риги.

² Военные приказы (Санкт-Петербургские ведомости, 1797, № 18: Русская старина. Т. XI. С. 189).

он тут же поспешил загладить свою вину. Мы не знаем, кто были те друзья, к услугам которых прибежал Пален. Возможно, что это была, как предполагает Шумигорский¹, почтенная госпожа фон Ливен, главная воспитательница императорских детей и глава немецкой партии при дворе, которая, вероятно, стала заступницей Палена, не зная его истинного характера. Более достоверным выглядит мнение, что это были другие персоны. Выразителем их стремлений был Кутайсов, цирюльник Павла. Иван Павлович Кутайсов был турком, который ребенком был захвачен в плен во время завоевания Кутаиса или Бендер и подарен великому князю. Павел сделал его сначала своим брাদобреем, потом своим доверенным лицом. После восхождения Павла на престол Кутайсов стал последовательно обергардеробмейстером, обершталмейстером, графом, кавалером Большого креста Мальтийского ордена и т. д. и т. д. Однако, будучи уже графом, он по-прежнему ежедневно брил своего господина, и иногда ему случалось получать наказания императорской тростью. Перед этим Кутайсов должен был снимать свои ордена, дабы не осквернить их.

Этот человек, возможно подкупленный, «принес присягу Палену», пишет барон Гейкинг², «и так как ему были известны тайные соглядатаи императора, то он сумел воспользоваться ими, чтобы доводить, по-видимому, самым естественным образом до государя многочисленные восхваления человека, которого желали пристроить на нужное место. «Странно! — сказал однажды Павел в узком кругу. — Никогда не слышал я, чтобы о ком-либо говорили так много хорошего, как о Палене. Я, значит, довольно ложно судил о нем и должен эту несправедливость поправить». Предавшись такому течению мыслей, Павел все милостивее и милостивее стал обращаться с ним, который так опутал его своими оригинальными и лицемерно-чистосердечными речами, что скоро стал ему казаться самым подходящим человеком для занятия должности, требующей верного взгляда, ретивого усердия и безграничного послушания. Это проявление той черты характера, которую Порошин подметил еще в Павле-ребенке. Если маленький Павел слышал, что о ком-нибудь говорят плохо, то он был предубежден против этого человека, и наоборот. На свое несчастье государь уже 20 сентября 1797 г. возвратил Палена на службу с тем же чином. Мы располагаем его благодарственным письмом от 1 октября 1797 г., в котором Пален просит императора «удостоить принять подобострастное приношение живейшей благодарности и купно всеподданнейшего уверения, что он жизнь свою по гроб посвящает с ра-

¹ Русская старина. Т. СЫН (1913). С. 47.

² Без автора (барон Генрих-Карл фон Гейкинг). Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen einesKurlandischen Edelmannes. Leipzig, 1886. S. 117-118 (Из дней императора Павла. Записки курляндского дворянина. Перевод французской рукописи, неопубликованной в оригинале).

достью высочайшей службе и для того пред лицом его, государя, повергает себя к освященным стопам его величества».

С этого момента началось быстрое восхождение Палена, который с помощью Кутайсова все больше и больше втирался в доверие царя и одновременно пытался завоевать симпатии императрицы и фрейлины Нелидовой. Ему было поручено командование лейб-гвардии Конным полком, и он был назначен инспектором по кавалерии. 31 марта 1798 г. Пален произведен был в генералы от кавалерии и получил андреевскую ленту, а когда военный губернатор столицы граф Буксегвден летом того же года впал в немилость, Пален был назначен на его место. Наконец, 22 февраля 1799 г. он был возведен в графское достоинство.

Итак, император осыпал этого человека неслыханными милостями. Правда, Пален должен был передать пост военного губернатора 12 августа 1800 г. генералу Свечину, но только потому, что Павел задумал поручить ему командование одной из армий в войне, которую он хотел вести против Англии и Австрии. Уже 26 сентября он стал гражданским губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, на следующий день — военным губернатором Риги и инспектором лифляндской инспекции по кавалерии и по пехоте. Во время маневров император был настолько доволен, что пожаловал Палену Большой крест Мальтийского ордена. 21 октября Пален получил повеление быть военным губернатором Петербурга с сохранением всех прочих постов. Таким образом, его отсутствие в Петербурге продолжалось свыше двух месяцев. Эти даты важны для выяснения вопроса, когда Пален вступил в ряды заговорщиков. Один из мемуаристов¹ передает услышанный из уст самого Палена рассказ, что когда был прислан к нему курьер с приглашением вступить в службу военным губернатором Петербурга, то первое его движение было отказать от этого, «но вместе с тем, — рассказывал он дальше, — приятели мои уведомляли меня, что это нужно, то я и решился принять приглашение». Можно легко себе представить, кто были эти друзья. На первый взгляд может возникнуть неясность, относились ли эти слова Палена к его первому или второму назначению. Первое последовало 28 августа 1798 г. Тогда Панин находился еще в Берлине, и мысль о заговоре еще не всплывала. Она начала созревать только со времени возвращения графа Никиты Петровича в сентябре 1799 г. К этому следует добавить, что при первом назначении Палена не могла идти речь ни о каком курьере, так как генерал находился в Петербурге в качестве командира лейб-гвардии Конного полка. Поэтому в высшей степени вероятно, что в данном случае говорится о втором назначении, особенно если сравнить рассказ Палена со

¹ Вельяминов-Зернов И. Воспоминания. Опубликовано Шиманом в указанном сборнике (русский текст — с. 269-292. См. в особенности с. 279).

следующей историей, правдивость которой не вызывает сомнения. Генерал Свечин, преемник Палена на посту военного губернатора, был человеком высочайшего благородства и безусловной лояльности по отношению к государю. Это делало его опасным препятствием для тайно вынашиваемых планов, но, с другой стороны, он мог стать крайне необходимым сообщником. Уже в преклонном возрасте генерал сам рассказывал о попытке сближения с ним заговорщиков:¹ «Среди лиц, пришедших поздравить меня по случаю моего назначения военным губернатором, самые лестные похвалы в мой адрес выразил адмирал Р(ибас). Он появился также на приеме моей жены и показался всем задумчивым. Граф *** (Панин) нанес новому губернатору визит, против своей привычки ни к кому не ездить, из чувства собственного достоинства. Он пригласил меня зайти к нему для деловой беседы. Я отправился к нему, как было назначено, в 6 часов вечера. Кроме портье в доме не было никаких слуг. Граф встретил меня с канделябром в руке, сказал мне, что он один, и повел меня в отдаленный кабинет.

«Генерал, я должен проинформировать вас, как командующего вооруженными силами о заговоре против императора, во главе которого стою я. Помня о славном положении России в момент смерти императрицы и видя ее сегодня униженной, отделившейся от Европы, не имеющей союзников, группа наиболее уважаемых людей нации, *поддерживаемая Англией*², поставила себе целью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на престол предполагавшегося наследника, великого князя Александра, который пробуждает все возможные надежды, гарантированные его возрастом и чувствами. План выработан, средства исполнения установлены, заговорщики многочисленны. Необходимо проникнуть в Михайловский замок, как только император переедет туда, и потребовать от него отречения от престола в пользу сына. Император будет государственным пленником заключен в крепость, но с ним будут обходиться со всей бережностью, как подобает обращаться с государевым родителем. Однако мы не можем взять на себя ответственность за те случайности, которые могут произойти при переправе во мраке ночи через Неву, в это время года загроможденную льдами. Хотелось бы знать, на чью сторону вы станете в этом национальном событии»³.

¹ Madame Swetschine, sa vie et ses oeuvres, publiees par le C-te de Falloux. 3-me ed. Paris, 1860. Т. I. S. 34-36 (Госпожа Свечина, ее жизнь и произведения. Опубликовано графом де Фаллу).

² Курсив В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*

³ Что касается объединения выдающихся деятелей и многочисленности заговорщиков, то кажется, что это преувеличение Панина. В то время заговор был еще в глубокой тайне, и его участниками были он сам, Рибас, Жеребцова и, возможно, Пален. Это может быть также неточностью Свечина или издателя. Знаменательна фраза о помощи Англии.

«Граф, я не разделяю мнения, что частные люди имеют право изменять государственный строй, не имея никаких других полномочий, кроме своего собственного желания. Государи или наследные главы наций являются, по моему мнению, особыми людьми, которые не могут отречься от престола. Больной или слабоумный король, как мы видим в других странах, заменяется регентским советом. Смерть Карла I и Людовика XVI — это убийства, преступления, связанные с государственной изменой. Моя позиция следующая: я намереваюсь остаться в своей роли и не менять ее подобно Арлекину. В остальном будьте спокойны, я не воспользуюсь вашим доверием для того, чтобы недостойным доносом добиваться себе милостей. Закон дает мне право и возможности исполнять мои обязанности, чем я и собираюсь заниматься. Забудьте, граф, что я разговаривал с вами, считайте нашу встречу просто сном».

Панин видел опасность, которой он подвергался, и должен был как-то найти выход из затруднительной ситуации. Очевидной попыткой обезопасить себя выглядит новый шаг, который сделал его хитрый компаньон из южной страны. Вновь предоставим слово генералу: «Через несколько дней после этого меня посетил адмирал Р(ибас) и спросил:

"Генерал, что бы вы сделали, если бы разразился бунт (хотя в данный момент я не считаю, что он возможен) и вы должны были решиться поддержать его или выступить против?"

"Я последовал бы требованию чести и остался бы верен своей присяге".

Адмирал бросился мне на шею, дружески обнял меня и посоветовал всегда оставаться верным своему долгу. Спустя два дня, я утром был назначен сенатором, а вечером отставлен от службы».

Спрашивается, что помешало генералу арестовать заговорщиков на месте, как велел ему долг? Было ли это то же самое чувство, которое после царевубийства заставило молодого военного министра графа фон Ливена сказать, что, если бы ему сообщили о заговоре, ему ничего другого не осталось бы кроме самоубийства? «Долг бы повелевал ему спасти императора. Но что же дальше? Ведь это было равносильно тому, чтобы предать императору на отомщение и суровый гнев все великое и возвышенное, что тогда имелось налицо в России. А где бы остановились гонения, раз заговорщики были столь многочисленны? Значит, эшафоты, ссылка и тюрьма для всех? А дальше? Еще пущий гнет, чем тот, под бременем которого изнемогала вся Россия!»¹ Впрочем, когда это сказал Ливен, заговор был разветвлен настолько, что его соучастниками была фактически почти вся столица, но когда смолчал Свечин, в нем участвовали только трое, однако и он, вероятно, спросил

¹ Воспоминания княгини Дарьи Христофоровны фон Ливен, опубликованные Т. Шиманом. Указ. сборник. С. 35-52, в особенности, с. 40.

себя: где границы проскрипций? Так впоследствии думали многие, кто был бы счастлив ничего не знать.

Замена Свечина Паленом была последним шахматным ходом Панина; месяцем позже, как мы видели, он был сослан.

Пути заговорщикам прокладывали, конечно не желая того, даже те деятели, кто был предан Павлу и, безусловно, проиграл бы при его свержении. Несчастье монарха состояло в том, что среди его сторонников образовались две враждебные партии, и интриги одной против другой составляли благоприятную среду для противников Павла.

Одной из партий было окружение императрицы. К нему относились в первую очередь фрейлина Нелидова, вице-канцлер князь Александр Борисович Куракин, которого мы знаем по тому памяtnому вечеру в Брюсселе, его брат, генерал-прокурор Сената князь Алексей Борисович, племянники воспитателя Павла Никиты Ивановича Панина, которые, не будучи видными государственными деятелями, с самого детства были искренними друзьями царя. Во втором ряду этого круга были генерал фон Буксгевден, предшественник Палена в качестве военного губернатора, сенатор барон фон Гейкинг, которому мы обязаны важными воспоминаниями, со своими женами, главная воспитательница императорских детей графиня, позднее княгиня Шарлотта-Катарина фон Ливен, и несколько других лиц.

Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко, человек выдающихся способностей и обладавший талантом государственного деятеля, чувствовал себя оттесненным в тень братьями Куракиными. Хотя его совета просили во всех важных делах, но так, как справляются в словаре. Его опыт, его способности использовались для целей, которые ему самому были чужды. Прежде всего, Безбородко не был расположен к тому направлению, которое выбрал для себя император во внешней политике. Под влиянием французских эмигрантов он намеревался тогда изменить правительственный курс невмешательства в европейские дела и выступить против революционной Франции. То, что Безбородко был объективно прав, подтвердили, как мы видели, последующие события. Рыцарские чувства императора находили дополнительную питательную почву в сентиментальности императрицы и фрейлины Нелидовой. Обе женщины сочувствовали судьбам жертв революции и эмигрантам, которых они дружески принимали в России. Неодобрение канцлера вызывали также дилетантские попытки императрицы вмешиваться во внутреннюю политику. В этом отношении его оппозиция была конструктивной. В окружении Павла находились два человека, которые хотели управлять Павлом и вследствие этого проявляли личную ненависть к императрице и фрейлине Нелидовой. Это были обер-штальмейстер — парикмахер Кутайсов и генерал-адъютант Ростопчин. Первый — выскочка в полном смысле этого слова, с душой лакея; второй — человек из мелких дворян,

который возвысился благодаря милости Павла. Еще великим князем Павел находил удовольствие в остроумных анекдотах Ростопчина, которые часто забавляли его в грустном одиночестве. В 1799 г. он возвел его в графское достоинство. Эти два индивидуума, сами по себе незначительные новички в правительственных делах, почувствовали под собой твердую почву, когда с ними вступил в союз против императрицы такой государственный муж, как Безбородко. Отношение канцлера к Кутайсову не совсем ясно. Мы знаем только, что острый ум министра сразу оценил возможности, заключавшиеся в положении царского цирюльника, и он часто использовал его глупое тщеславие в различных интригах. Союз двух таких противоположных типов функционировал превосходно. Безбородко руководил Кутайсовым, Кутайсов руководил императором. Главной целью этих интриг было прежде всего разрушить дружбу между Павлом и фрейлиной Нелидовой. Это было возможно лишь в том случае, если, с одной стороны, отдалить Павла от императрицы, а с другой стороны, направить его внимание на другую женщину вместо Нелидовой, которой он мог бы посвящать свои рыцарские чувства. К камердинеру, который ежедневно обслуживал своего господина и с восточной хитростью мог что-либо нашептывать ему на ухо, присоединился для общих целей Ростопчин, хотя он ненавидел Кутайсова. Наконец, Безбородко обладал еще одним инструментом в лице государственного секретаря Петра Алексеевича Обрескова, который каждый день появлялся у императора с докладом. Эти люди, которых Гейкинг называл «посредники» или «креатуры Безбородко», вероятно, и стали неосознанно, роковым образом помощниками заговорщиков. Им удалось в 1798 г. добиться опалы фрейлины Нелидовой, графа Буксгевдена и братьев Куракиных. Чтобы вызвать отчуждение между императором и его супругой, они воспользовались берлинским гинекологом профессором Мекелем, принимавшим роды императрицы. Поводом послужило его утверждение, что для Марии Федоровны после рождения 28 января 1798 г. великого князя Михаила супружеские отношения были бы опасны, так как она не сможет пережить новые роды.

Гейкинг сообщает о беседе между императором и его графом-цирюльником. Мы должны оставить на совести автора воспоминаний текст диалога, при котором он, естественно, присутствовать не мог. Но общий смысл является верным и позволяет нам понять те уловки, которыми пользовалась клика Безбородко, превосходно умеющая использовать комплекс неполноценности Павла. Во время визита в Москву в 1798 г. император был с восторгом принят тамошним населением, и, как пишет Гейкинг, он «был тронут этими изъявлениями преданности, восторга и любви. Бедный государь обладал любящею и чувствительною душою. И зачем это так случилось, что его раздражительный характер и болезненно настроенное воображение увлекали его постоянно на ложный путь. Преисполненный радостью, он сказал Кутайсову

в тот же вечер: "Как отраднo было сегодня моему сердцу! Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский, мне кажется, что там меня гораздо более боятся, чем любят." — "Это меня не удивляет." — "Почему же?" — "Не смею выразиться яснее." — "Я приказываю." — "Обещайте мне, государь, не передавать этого ни императрице, ни фрейлине Нелидовой." • — "Обещаю." — "Государь, дело в том, что здесь вас видят таковым, каковы вы в действительности, — добрым, великодушным и чувствительным, между тем как в Петербурге, если вы оказываете какую-нибудь милость, то говорят, что у вас ее выпросили или императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Таким образом, оказывается, что когда вы делаете добро, то его делают они; если же вы караете, то это исходит от вас." — "Но... ты прав... стало быть, говорят, что я даю управлять собою этим двум женщинам?" — "Так точно, государь." — "Ну, мои дамы, я покажу вам, как мною управляют!" Исполненный гнева, Павел подошел к столу и хотел писать; но Кутайсов бросился к его ногам и убедил его действовать с притворством по отношению к упомянутым особам».

Агенты Безбородко сделали еще больше; они сыграли роль сводников для того, чтобы направить высочайшую благосклонность Павла на симпатичную молодую московскую девушку, мадемуазель Лопухину. Павел раньше уже обращал на нее внимание во время коронационных торжеств в 1797 г. и разговаривал о ней с Кутайсовым. Эти немногие брошенные тогда слова послужили теперь основой плана, рассчитанного на долгую перспективу. Кутайсову продиктовали его линию поведения, намекнув при этом, какое влияние на императора он приобрел бы, если бы снабдил его метрессой, которой предварительно он поставил бы свои условия. Гейкинг далее пишет: «На следующий день император посетил бал, на котором мадемуазель Лопухина непрерывно следовала за ним и не отрывала от него взгляда. Он прошелся с кем-то, кто как бы случайно оказался вблизи него, но на самом деле принадлежал к клике. Тот улыбнулся: "Она, ваше величество, из-за вас голову потеряла". Император засмеялся и сказал, что она совсем еще ребенок. "Ей скоро будет 16 лет", — ответили ему. Позже Павел подошел к Лопухиной, побеседовал с ней и нашел ее забавной и наивной. Он поговорил о ней с Кутайсовым, и тот уладил дело с мачехой госпожи Лопухиной. Все должно было остаться глубочайшей тайной, даже отец не должен был знать некоторые пункты этого договора, который, впрочем, полностью мог быть осуществлен только в Петербурге. В столицу должны были вызвать сначала отца, а потом и все семейство», включая возлюбленного мачехи, полковника Федора Петровича Уварова, которому была обещана прекрасная карьера.

Несмотря на конспиративность, дело дошло до ушей императрицы. Когда Мария Федоровна узнала о предстоящем прибытии юной девушки, то

совершила ту же психологическую ошибку, что и много лет назад, когда она пыталась помешать дружбе между Павлом и Нелидовой. В таких вопросах ей решительно не хватало такта. Она написала Лопухиной письмо, полное угроз, чтобы помешать ее приезду. Письмо попало в руки клики Безбородко, для которой оно стало, естественно, желанной пищей. Письмо передали императору, и можно себе представить его ярость. Он устроил своей супруге грубую сцену, а когда Нелидова попыталась защитить императрицу, Павел обошелся с ней так же бесцеремонно.

По прибытии в Петербург семья Лопухиных была осыпана богатствами и почестями. Лопухин против собственной воли 8 августа 1798 г. был назначен генерал-прокурором Сената на место уволенного Алексея Куракина. В январе 1799 г. Лопухин был возведен в княжеское достоинство.

Куракин не был единственным, кто впал в немилость. Его брат Александр, вице-канцлер, был снят со своего поста 9 сентября 1798 г. Так за короткое время были удалены все настоящие друзья императора. В этих обстоятельствах фрейлина Нелидова попросила разрешения покинуть столицу. Так как первая просьба осталась без ответа, то она повторила ее. На это Павел ответил: «Пусть уезжает, но она еще поплатится!» В июле 1798 г. Нелидова последовала за своими друзьями графом и графиней Буксгевденами, которые были сосланы в их замок Лоде в Эстляндии. Безбородко имел счастье не дожить до результатов своей деятельности.

Анна Лопухина в ответ на домогательства Павла призналась, что она не может принадлежать ему, так как с детства любит молодого офицера — князя Гагарина, находившегося в то время в армии фельдмаршала Суворова в Италии. Из рыцарских побуждений Павел отказался от любви девушки и приказал прислать ему Гагарина с сообщением о следующей победе, которую одержит полководец. Победа не заставила себя долго ждать, и 8 февраля 1800 г. император устроил свадьбу Анны с избранником ее сердца. Невзирая на это, он продолжал, как средневековый рыцарь, служение пре-красной даме.

После того как Павел узнал, что Анна по-еврейски означает «божья милость», по-русски «Благодать», он назвал так 130-пушечный корабль, спущенный со стапелей. Также император велел сделать надпись «Благодать» на знаменах Конногвардейского полка. Но, как всегда непоследовательный, он в конце концов устал от своей благородной роли, и можно утверждать, что в последние месяцы его жизни княгиня Гагарина была его метрессой. Она покинула дворец на набережной Невы, подаренный Павлом ее отцу, который она получила в наследство, и переселилась в Михайловский замок, новую резиденцию царя. Рассказывают, что Гагарина была нежной и доброй и часто заступалась за тех, кто имел несчастье впасть в немилость; свою роль она играла со скромностью и наивностью. Княгиня считалась очень

красивой, но ее портреты это не подтверждают. Князь Гагарин проявил себя как любезный супруг и из такого поведения извлек пользу для себя¹.

• it •

После смерти Рибаса и ссылки Панина Пален поставил себе цель свергнуть своего императора, своего благодетеля, которому он был обязан своей необыкновенной карьерой. Для него речь шла просто-напросто об убийстве. Пален также был романтиком, но лишь пока дело касалось инсценировок. Идеалистом он не был. Он имел очень реалистичный план и не воображал, как Панин, что в этом случае можно будет не запачкать рук. Позднее Пален цинично рассказывал Ланжерону, что хотя он и поклялся наследнику престола, что не станут покушаться на жизнь его отца, но не был настолько лишен здравого смысла, чтобы обязывать себя исполнить вещь невозможную. И добавил: «Надо было успокоить шепетильность моего будущего государя, и я обнадёжил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, обагрят и столицу и губернии».

Но что заставило Палена стать во главе заговора? Его честолюбие, благодаря столь быстрому восхождению на вершину власти, кажется, должно было быть удовлетворено, и его интересы скорее требовали держаться покровителя, которого он имел в Павле. Возможно ли, что небольшое дисциплинарное взыскание 1797 г. вызвало в этом умном и здравомыслящем человеке такую ненависть, что она оказалась непреодолимой? Или же на заговор его толкало сознание изменчивости характера Павла, невозможности доверять благодеяниям императора, страх внезапной смены его настроений? Пален говорил Ланжерону, что в своем высоком положении и именно из-за него он постоянно был в опасности. Из-за приступов ярости Павла он висел на волоске. Или это была мечта подняться еще выше, сделать из наследника престола своего сообщника и тем самым полностью взять власть над ним и, следовательно, над всем государством? Юная княгиня Ливен, супруга военного министра Павла, выразила свое тогдашнее впечатление от Палена в следующих словах: «Пален был человек крупный, широкоплечий, с высоким лбом и открытую, приветливою, добродушною физиономиею. Очень умный и самобытный, он в своих речах проявлял большую тонкость, шутливость

¹ *Comte Andrault de Langeron. «De la mort de Paul I-er».* Под этим названием виконтом де Груши (Vicomte de Grouchy) была опубликована часть воспоминаний Ланжерона в «Revue Britanique». Июль, 1895. С. 59-79.

и добродушие. Натура, не изощренная образованием, но сильная; большое здравомыслие, решительность и отважность; шутливое отношение к жизни. Словом, он был воплощением прямоты, жизнерадостности и беззаботности»¹. Впрочем, в конце своих мемуаров княгиня говорила о нем совершенно по-другому. Порой и люди постарше были введены в заблуждение этой обманчивой внешностью. Императрица Мария писала в 1798 г.: «Невозможно знать этого славного малого и не любить его»².

Но славный малый был только притворство. Люди, которые его знали лучше, его земляки, утверждали, что он изучал «Piffologie»³. Сам Пален говорил о себе: «Я как та маленькая фигурка, которую хотят поставить на голову, но она всегда переворачивается на ноги». Гейкинг, прибавит, как и он, пишет: «Его умение держаться легко распознаваемо... Он никогда прямо не говорил ничего злого о ком-либо, но и никогда не защищал оклеветанного честного человека, а хранил умное молчание или же бросал умное слово, которое только казалось забавным, а на деле было намного опаснее, так как при дворе смехотворность и чудачество было менее извинительно, чем порок, окутанный в обольстительную видимость. Так он завоевывал всех, становился очень популярным в придворной толпе, не казался опасным честным людям и незаметно прокладывал себе путь, который приводил его к тому, что его осыпали милостями и испытывали к нему безграничное доверие. Однажды император довольно несправедливо посадил сына Палена на гауптвахту, он думал, что отец попросит у него за сына и даже возмутится. Ничего подобного, Пален пришел на доклад к императору совершенно спокойно и в хорошем настроении. Павел сказал: "Я рассержен, что ваш сын отсутствовал на параде". "Ваше Величество, наказав его, вы совершили акт справедливости, который научит молодого человека быть внимательнее". Павел, при всем своем обостренном чувстве справедливости был восхищен этим ответом; сам он думал, что обошелся с молодым человеком несправедливо».

После того как Пален взял на себя руководство заговором, он поставил себе в качестве первоочередных следующие цели:

во-первых, добиться согласия наследника престола Александра, так как без этого невозможно было вообще ничего предпринять. Александр был единственно возможным регентом для тех, кто верил в переворот без применения насилия, и он же был будущим императором в случае, если акция за-

¹ Княгиня Дарья фон Ливен. Указ. соч.

² Собственная его императорского величества библиотека. Цит. по: К. Валишевский. Сын великой Екатерины. Павел I. Париж, 1912. С. 577.

³ Князь Адам Чарторийский дает следующее объяснение этому термину: «хитрый, ловкий, пронырливый человек, который всегда мистифицирует других, а сам никогда не останется в дураках. Сам Пален всегда употреблял это выражение, когда он хотел похвалить кого-нибудь». (Цареубийство. С. 263). — *Примеч. перев.*

кончится убийством. Только получив его согласие можно было вербовать сторонников и избежать наказания за участие в заговоре;

во-вторых, вновь образовать заговор, распавшийся после смерти Рибаса и ссылки Панина. Пока Пален со своими намерениями был в столице один, если не считать Жеребцову; но он знал, что найдет достаточно союзников, когда начнет их вербовку;

в-третьих, овладеть всеми ключевыми позициями, которые позволят держать всю исполнительную власть в своих руках, и установить полный контроль над всеми событиями;

в-четвертых, вызывать дополнительную ненависть к императору и без этого уже ненавидимому. С этой целью подталкивать его на самые бессмысленные меры, а при выполнении приказов Павла утрировать их жесткость, и таким способом настраивать против него армию и жителей столицы;

в-пятых, отдалять от императора преданных ему людей;

в-шестых, увеличивать страх Павла и побуждать его к действиям, которые способствовали бы выполнению замысла и делали невероятным спасение жертвы;

в-седьмых, не допустить возможного вмешательства честолюбивой императрицы Марии после убийства;

в-восьмых, так подавать свою собственную (Палена) персону, чтобы при любом возможном исходе дела, даже в случае провала, выйти из него чистым, невинным агнцем.

Мы уже знаем, что Панин предварительно прозондировал почву у наследника престола. Князь Чарторыйский слышал от самого Александра, что именно Пален устроил ему первую тайную встречу в ванной комнате с вице-канцлером и затем был посредником в переписке между ними. Но впоследствии, видимо, произошла смена ролей. Пален рассказывал Ланжерону, что императору внушили некоторые подозрения насчет его связей с великим князем, и им это было небезызвестно. Они не осмеливались даже говорить друге другом подолгу, несмотря на сношения, обуславливаемые их должностями. Номинально Александр был первым военным губернатором, а Пален вторым; в действительности последний исполнял все служебные обязанности, в то время как наследник престола занимался только чисто военными вопросами. Учитывая столь требовательное отношение государя к этим делам, он был загружен ими полностью. После появления у Павла подозрений Александр и Пален стали обмениваться записками, которые адресовались на имя Панина, передавались им по назначению, а после прочтения сжигались. Пален далее рассказывал: «Однажды Панин сунул мне в руку подобную записку в прихожей императора, перед самым моментом, назначенным для приема; я думал, что успею прочесть записку, ответить на нее и сжечь, но Павел неожиданно вышел из своей спальни, увидел меня, позвал и увлек

в свой кабинет, заперев дверь; едва успел я сунуть записку великого князя в мой правый карман. Император заговорил о вещах безразличных; он был в духе в этот день, развеселился, шутил со мною и даже осмелился залезть руками ко мне в карманы, сказав: "Я хочу посмотреть, что там такое, — может быть, любовные письма?" Вы знаете меня, любезный Ланжерон, знаете, что я не робкого десятка и что меня нелегко смутить, но должен вам признаться, что если бы мне пустили кровь в эту минуту, ни единой капли не вылилось бы из моих жил... Я сказал императору: "Ваше Величество! что вы делаете? оставьте! ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платок весь пропитан; вы перепачкаете себе руки, и они надолго примут противный вам запах". Тогда он отнял руки и сказал мне: "Фи, какое свинство! вы правы!" Вот как я вывернулся».

Это случилось за год до убийства. После этого случая, еще до того, как Панин покинул Петербург, Александр уже стал сговорчивее. Мы не знаем, когда с его стороны прозвучало решающее «да», но вполне понятно, что между согласием наследника престола и исполнением должно было пройти некоторое время, необходимое для проведения последних организационных мероприятий. Самое позднее, когда это могло произойти, — февраль 1801 г. «Если бы вы находились здесь... я никогда не был бы увлечен таким образом», — сказал Александр позднее Чарторыйскому. Одно это является достаточным доказательством его соучастия. Многие другие свидетельства, на которые мы еще обратим внимание, будут присоединены к нему позже. Но один вопрос все же остается открытым: действительно ли Александр наивно верил в возможность бескровного государственного переворота или же, он, будучи неискренен сам с собой (как это часто бывало с ним позднее), решил: пусть дела идут своим чередом, предвидя и даже в глубине души желая определенного развития событий?

Одним из аргументов, с помощью которого великого князя пытались привлечь на свою сторону, возможно, были картины ужасов народного бунта по образцу французской революции, которые ему рисовали. Между тем его вряд ли стоило ожидать, ибо недовольными были только высшие слои общества. Настроение, которое вызывали в Александре, действовало также и на его супругу, кроткую Елизавету Алексеевну, урожденную принцессу Баденскую. Склонная к либеральным идеям, она вначале даже воодушевлялась подобными мыслями. Однако в письмах, которые она позднее писала своей матери, между строк можно прочесть, что при дворе облегченно вздохнули, когда все ограничилось лишь дворцовым переворотом¹. Предотвращение народного бунта заговорщики позже ставили себе в заслугу, используя это как аргумент для прославления своего дела.

¹ Опубликовано Шиманом. Указ. сборник. Предисловие. С. VII.

Метод, с помощью которого Пален обезоружил Александра, мог бы послужить последнему смягчающим обстоятельством. Пален признавался Ланжерону, что «...так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор — или престол, или же темницу, и даже смерть, что мне, наконец, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность». Позднее Александр рассказывал своему другу Чарторыйскому, как он думал устроить жизнь отца после его отказа от престола. Картины, которые он передсобой рисовал, являются достаточно детскими. По его мнению, у Павла должно было быть все, что могло бы потребоваться для полноценной жизни. Романтическая фантазия, вопрос только в том, действительно ли Александр верил в нее.

Кто совершал все государственные перевороты в XVIII в. в России? Кто сверг Бирона, кто лишил престола регентшу Анну и маленького императора Ивана и вознес на трон Елизавету, кто сверг Петра III и провозгласил русской императрицей чужеземную Цербскую принцессу? Гвардия и еще раз гвардия. В 1801 г. еще царили умонастроения XVIII столетия. Только в XIX в. в недрах общества возникнут и будут действовать революционные партии с определенной идеологией. В 1801 г. заговорщики дрожали уже от одной мысли привести в движение низшие слои общества. Император должен быть убит, но «Да здравствует император!». Убитый также будет похоронен со всеми подобающими почестями. Только гвардия может убить императора, и в гвардии, естественно, искал Пален своих сторонников.

Но прежде должны быть возвращены из ссылки крупные фигуры, которые станут главными действующими лицами задуманной драмы, в первую очередь Зубовы: князь Платон, последний фаворит Екатерины, граф Валериан, который чуть было не разделил с ним эту честь, и их старший брат Николай. Их сестра Ольга Жеребцова с самого начала была главной движущей пружиной предприятия. Она и Пален ловко плели интриги, чтобы добиться возвращения братьев. Ухо царя, как все знали, принадлежало его парикмахеру.

Сводник и интриган, человек низкий и глупый, Кутайсов по своей природе все же не был злым человеком. Он был предан своему господину, хотя и в своих собственных интересах, и, таким образом, был абсолютно бесполезен как заговорщик. Но можно было использовать его тщеславие и жадность, а прежде всего его глупость. Сначала попытались уговорить его вступить за Зубовых, но это не удалось. Тогда прибегли к другим средствам. Ольга утверждала позднее, что Кутайсову дали 200 000 дукатов. Были ли это английские деньги? Возможно, но сумма звучит фантастически. Более вероятно, пожалуй, что все началось с французской певицы мадам Шевалье, любовницы Кутайсова, которая, подкупленная значительной суммой, завязала пе-

реговоры¹. Эта дама вела прибыльную торговлю орденами, служебными местами и почестями. Торговля происходила следующим образом: платили ей, а Кутайсов ходатайствовал перед императором за соответствующее лицо.

Есть сведения также об использовании и другого, не менее эффективного средства². Князь Платон Зубов написал Кутайсову письмо, в котором он просил руки его дочери. Одновременно Ольга дала Кутайсову понять, что эта женитьба может осуществиться только тогда, когда князь и его братья будут возвращены в Петербург и получают должности, соответствующие их рангу. Глупого турка распирало от гордости, у него закружилась голова от мысли, что он породнится с такой семьей. Он построил свою карьеру на маленьких лакейских уловках по отношению к своему господину; богатства, титулы, должности, почести и ордена сыпались ему на голову за бритье и чистку сапог; мог ли он догадаться о том, что скрывалось в неизведанной глубине души высоких господ, мог ли он только представить, что просьба руки его дочери была игрой, ставкой в которой была жизнь и смерть его господина, и что никто всерьез не думал заключать с ним родственный союз. Нелегко было изменить мнение императора. Слишком много горечи накопилось в нем против Зубовых еще с того времени, когда он — наследник престола — был задвинут в тень и подвергался травле, а они, самые могущественные в империи, презирали его и надсмехались над ним. Первый великодушный жест, сделанный Павлом вскоре после восшествия на престол, из-за его непоследовательности длился недолго. Чувства, которые вначале он сумел подавить в себе, вновь взяли вверх. Больше Павел не мог терпеть возле себя этот выводок и прогнал их со своих глаз. Теперь от него требовали разрешения вернуть его злейших врагов. Но император был великодушен и часто просто добродушен. Кутайсов признался ему в своих честолюбивых планах и показал ему письмо Платона. В угоду своему брательнику он согласился вернуть братьев и указом от 1 ноября 1800 г. подписал собственный смертный приговор. Впрочем, нужно указать на нестыковки в сообщениях о возвращении Зубовых. Как мы увидим далее, Пален добивался от императора восстановления в должности всех отставленных от службы лиц. Он сам утверждал, что одной из целей при этом было возвращение Зубовых в Пе-

¹ Меморандум графа Антуана де Ла Рош-Эмона, французского эмигранта на прусской службе, составленный 15 апреля 1801 г. для графа фон Гаугвица. Тот в свою очередь представил его королю. Речь в нем не идет, вопреки утверждению Валишевского, о высказывании Жеребцовой (Архив Министерства иностранных дел, Париж. Политическая корреспонденция. Пруссия. Т. 229 (1801), дело 27).

² *Вельяминов-Зернов*. Воспоминания. Указ. сборник; *Август фон Коцебу*. История заговора, который 11 марта лишил Павла престола и жизни. Опубликовано только в русском переводе князя Лобанова-Ростовского в сборнике «Царевийство 11 марта 1801 г. (СПб., 1907. С. 267-363).

тербург, так как он нуждался в них для осуществления своих планов. Вышеупомянутый указ носил общий характер и не имел прямого отношения к Зубовым. Коль это так, то вся игра с Кутайсовым оказывается ненужной и выглядит позднейшей выдумкой. Все же не исключено, что обе акции предпринимались параллельно. Прошло уже пять месяцев после высылки Витворта, непосредственные отношения между ним и Зубовыми осуществляться не могли, самое большее, что могло быть, — это обмен через Ольгу письменными сообщениями. Вернувшись в Петербург, Платон и Валериан были назначены сначала директорами, а затем шефами обоих кадетских корпусов, а Николай — шефом Сумского гусарского полка. Дружески и открыто принял их Павел и сказал: «Платон Александрович, забудем прошлое!» Вельяминов-Зернов пишет: «После такого приема не понимаю, что хотели эти люди!»

Таким образом, было образовано ядро, вокруг которого могли теперь группироваться заговорщики. У Зубовых собирались вечерние общества, на которых они и Пален вербовали сообщников. Особенно желательным было для них привлечь на свою сторону командиров отдельных войсковых частей, особенно командира Преображенского полка Петра Александровича Талызина. Можно предположить, что в свое время Никита Панин намеренно рекомендовал его императору на этот пост. Как и Панин, Талызин принадлежал к идеалистам. По понятиям того времени блестяще образованный (он был воспитанником Карлшутле в Штутгарте), молодой, богатый, неженатый генерал, он уже в 32 года командовал одним из первых полков гвардии, где его очень любили. В то же время он был мистиком и масоном. На пастельном портрете он изображен со звездой Давида над головой. Среди людей того поколения часто встречались подобные характеры.

Однажды Талызин, вернувшись поздно домой, нашел на своем рабочем столе запечатанное письмо. Оно пришло от Панина из ссылки. В нем бывший вице-канцлер просил Талызина помогать Палену, которому он уже рекомендовал его как надежного и верного человека. Талызин, уничтожив письмо, ждал последствий. Пален, увидя его во дворце, спрашивает при всех, читал ли он письмо Панина, и, получив утвердительный ответ, просит его к себе в шесть часов вечера на совещание. Тут они познакомились и договорились о дальнейшем. Примечателен при этом их таинственный образ действий. Талызин не только сам душой и телом вступил в заговор, но и начал вербовать офицеров своего полка, тех из них, кто должен был бы принести наибольшую пользу во время переворота. Он устраивал у себя интимные встречи и давал маленькие званые ужины, которые затягивались до глубокой ночи. Полковник Конногвардейского полка Саблуков, которого пригласили на такой ужин с намерением посвятить в заговор, рассказывает в своих воспоминаниях о том, как обычно проходили эти вечера: «Меня всегда пора-

жало одно обстоятельство: после этих обедов, по вечерам, никогда не завязывалось общего разговора, но всегда беседовали отдельными кружками, которые тотчас расходились, когда к ним подходило новое лицо. Я заметил, что генерал Талызин и другие подошли ко мне как будто с намерением сообщить мне что-то по секрету, а затем остановились, сделались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что в этом обществе затевалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, с которой императора порицали, высмеивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что против него затевается заговор. Подозрения мои особенно усилились после обеда у Талызина (за которым нас было четверо), после *petite soiree*¹ у Хитровых и раута у Валериана Зубова. Когда однажды за обедом у Палена я нарочно довольно резко выразился об императоре, граф посмотрел мне пристально в глаза и сказал: «J - f - qui parle et brave homme qui agit» (Надо меньше произносить бесполезных слов, а нужно мужественно действовать)². В конце концов стало понятно, что честная натура Саблукова делала его неподходящим для роли заговорщика. Но что делает этот вернейший из верных? Саблуков больше не сомневается в наличии заговора, он сбит с толку, думает о своем долге, о своей присяге, припоминает многие добрые качества императора и... чувствует себя очень несчастным. Естественная реакция честного смелого офицера у него так и не проявилась, он уходит в размышления, что не знает ничего осязаемого, на основании чего он мог бы действовать или даже держаться известного образа действий. Это было то самое душевное смятение, в котором тогда находились многие: так думали Свечин, Ливен и старый друг Саблукова неаполитанец Сальваторе Тончи — художник, поэт и философ, который писал императора и многих представителей петербургского общества. Станный субъект, который сближал человека с Творцом с глазу на глаз (*nez a nez avec Dieu*). Ему Саблуков рассказывает о своих сомнениях и получает на это в ответ: «Будь верен своему государю и действуй твердо и добросовестно; но так как ты, с одной стороны, не в силах изменить странного поведения императора, ни удержать, с другой стороны, намерений народа, каковы бы они ни были, то тебе надлежит держаться в разговорах того строгого и благоразумного тона, в силу которого никто бы не осмелился подойти к тебе с какими бы то ни было секретными предложениями». Саблуков последовал этому совету и позднее чувствовал себя счастливым, что остался в стороне от ужасных событий. Но чем был совет Тончи, как не страусиной политикой? Предположим, что на престоле находится другой император. Поступил бы так верный офицер? Но

¹ Маленькая вечеринка. — *Примеч. перев.*

² *Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer (N. Ssablukow) — Fraser's Magazine for town and country. London. Vol. 72 (1865). P. 222-241, 302-327.*

мысль о последствиях, которые повлекло бы за собой раскрытие заговора для тысяч и тысяч, заставляла всех молчать.

Другим человеком, безусловно сыгравшим решающую роль в драме, был ганноверский барон (впоследствии русский граф) Левин (в России — Леонтий Леонтьевич) фон Бенигсен, один из последних представителей мало, симпатичного типа солдат, которые продавали свою шпагу туда, где лучше всего платили. Он так и не смог привыкнуть к выбранной им стране, даже не научился ее языку. Бенигсен родился в 1745 г. в Ганновере, принимал участие в Семилетней войне, в 1775 г. поступил на русскую службу. Он принимал участие в обеих турецких войнах Екатерины и прослыл хладнокровным и энергичным командиром. В польской войне он дослужился до генерал-майора, получил награды в персидском походе, и в 1797 г. Павел присвоил ему звание генерал-лейтенанта, отнесясь к нему поначалу благосклонно, но уже в следующем году отставил его от службы. Вскоре Бенигсен, однако, снова оказался на службе и был отправлен на кавказский фронт. Княгиня Ливен описывает его внешность следующим образом: «Граф Бенигсен... был длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора из "Дон Жуана"». В описании заговора и своей роли в нем Бенигсен в течение последующих 25 лет, прожитых им после случившегося, был весьма непоследователен. Сообщения других лиц о роли Бенигсена также противоречивы. Так, он утверждал, что в день покушения был в столице проездом, а Пален и Платон Зубов попросили его остаться здесь тайно¹; из другого источника можно узнать, что Пален пригласил его тайно прибыть в Петербург для участия в заговоре. Наконец, княгиня Ливен говорит, что перед преступлением он открыто бывал в ее доме то есть, в доме военного министра, не участвовавшего в заговоре. Несомненно одно — в заговор его вовлек Пален, который знал, что делал. Он ценил спокойствие и хладнокровие Бенигсена и без труда завербовал этого чужеземного наемника, не испытывающего никаких чувств к наследному государю, к тому же неоднократно обиженного Павлом. Поскольку Пален, как мы увидим дальше, намеревался из осторожности не участвовать в покушении, он не мог найти себе лучшего заместителя, чем Бенигсен.

Лейб-гвардии Семеновский полк был почти равен по авторитету Преображенскому. Его шефом был наследник престола, командиром — генерал Леонтий Иванович Депрерадович, серб по происхождению, пользовавшийся полным доверием великого князя. Талызин уже был в рядах заговорщи-

¹ Эрст фон Ведель. Выводы об убийстве Павла I из сообщений генерала барона фон Бенигсена и князя Платона Зубова в Вильне в 1812 году. (Опубликовано Шиманом. Указ. сборник. С. 72-82.) Письмо генерала графа Бенигсена к генералу фон Фоку об убийстве императора Павла I. (Опубликовано Шиманом в «Историческом ежеквартальном журнале» (Historische Vierteljahrsschrift), IV (1901). С. 57-69.)

ков, теперь им нужен был Депрерадович. Получить согласие Депрерадовича было нетрудно, но полностью ему не доверяли. Его медлительное, выжидательное поведение во время переворота показало, что заговорщики в нем сомневались не напрасно. Но он знал все, и дом его, как и дома Зубовых и Талызина, также стал для заговорщиков местом встреч, которые проводились под предлогом вечеринок. Так как Депрерадович и прежде любил весело проводить время, то это не вызвало никаких подозрений.

Другими местами встреч были дом полковника Алексея Захаровича Хитрово, расположенный недалеко от Михайловского замка, и дом Ольги Жеребцовой. Она вела веселую светскую жизнь, а ее превосходный стол был знаменит в Петербурге. Рассказывают, что эта красивая женщина после своих блестящих приемов переодевалась нищенкой и в таком виде прокрадывалась к Палену¹, хотя можно предположить, что это только позднейший романтический вымысел. Для такой таинственности не было оснований, полиция была в курсе всех собраний и махинаций, ведь полиция и Пален были одно и то же. Возникает вопрос, зачем были нужны эти бесконечные совещания во множестве домов. Ведь полиция в лице своего шефа стояла на стороне заговорщиков, поэтому дело, собственно говоря, было не таким уж сложным, в то время как многочисленные собрания могли только поставить под угрозу выполнение плана. Вероятно, ход подготовки к акции определяла страсть к театральности и таинственности.

Вся клика Жеребцовой и Зубовых втерлась в доверие даже к генерал-прокурору Сената генералу Оболянинову — человеку, преданному Павлу, честному, но не очень умному, который был своего рода министром внутренних дел и юстиции. Его дом также использовался для встреч, при этом хозяин понятия не имел о том, что у него на самом деле происходило. Эта история могла бы звучать как шутка, если бы не была столь трагична.

Последний, кого можно считать участником заговора, был Федор Петрович Уваров, целиком обязанный Павлу своей блестящей карьерой. Еще три года назад он был совершенно неизвестным полковником, служившим в Москве. Сложилось так, что этот красивый, крепко сложенный молодой офицер, которому не исполнилось тогда еще и 30 лет, стал возлюбленным Екатерины Николаевны Лопухиной, урожденной Шетневой, мачехи Анны Петровны. После того как на последнюю было обращено высочайшее внимание, Кутайсов вступил в торг с мачехой, одним из условий которого было включение Уварова в неожиданный жизненный взлет семьи Лопухиных. Он должен был вместе с ней последовать в Петербург. Когда Лопухины были возведены в княжеское достоинство, император пожаловал Уварову чин генерал-майора и назначил его своим генерал-адъютантом; через год он стал

¹ Неопубликованные заметки князя Лобанова-Ростовского. Цит. по: *Валишевский*. Указ. соч. С. 590.

генерал-лейтенантом и шефом кавалергардского полка, специально для него сформированного из трех эскадронов лейб-гвардии конного полка. Ордена дождем сыпались на его грудь, и как высшая милость — пожалование в командорском крестом Мальтийского ордена. Следовательно, у Уварова не было ни малейшей причины предавать своего государя. Большинство заговорщиков могли бы назвать мотивом своего участия в заговоре какую-нибудь личную обиду на императора, у Уварова этой причины не было. Он мог даже не опасаться перемены настроения государя по отношению к себе, потому что фавор княгини Гагариной казался прочным на долгие годы. А с ним напрямую было связано его собственное положение. Со смертью Павла он только терял, а не выигрывал. И тем не менее... Единственное возможное объяснение: он боготворил наследника престола Александра и мог с собачьей преданностью участвовать во всем, что совершалось в его пользу. Впрочем, участие Уварова, как мы еще увидим, не было активным, и он не запятнал рук кровью своего благодетеля. Император Александр, ненавидевший убийц своего отца и не переносивший их присутствия, назначил Уварова своим генерал-адъютантом, и он был одним из самых приближенных к нему людей.

Офицером, чья роль в последний момент должна была стать решающей, был Александр Васильевич Аргамаков, поручик Преображенского полка и плац-адъютант Михайловского замка, привлеченный к заговору Талызиным. Среди офицеров этого полка мы можем также упомянуть его брата Петра Васильевича Аргамакова-второго и подпоручика Сергея Никифоровича Марина. Марину, который был интересной личностью, в ходе переворота выпала немаловажная задача.

Выше уже говорилось, что имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют определить движущие пружины каждого участника переворота. Остается только один путь: оценить личность в целом и из этого сделать вывод о причинах вступления человека в заговор — был ли это идеализм, патриотизм или личная месть и стремление к выгоде. Все, что мы знаем о Марине, позволяет считать его человеком, стоящим в духовном отношении гораздо выше среднего уровня. В момент вступления Павла на престол он уже был офицером. Вскоре после этого он имел несчастье сбиться с ноги во время вахтпарада, что в глазах Павла было нарушением, требовавшим строгого наказания. Он был разжалован в солдаты и только через год получил снова первый офицерский чин. Итак, месть. Для любой другой натуры этот вывод был бы, вероятно, справедлив. Не исключен полностью такой мотив и у Марина, но мы обязаны также допустить возможность побудительных причин более высокого порядка. Марин получил недостаточное образование, но по собственной инициативе и собственными силами существенно пополнил его, по крайней мере с одной стороны. Он имел тягу к ли-

тературе, особенно французской, сам пытался сочинять стихи, подражая Буало и Вольтеру, перевел вольтеровскую «Меропу». В его переводе эта пьеса шла в придворном театре. Вскоре стали известны его сатирические стихи, которые получили широкое распространение в рукописных списках. Злободневная сатира Марина принесла ему известность, но и нажила много врагов и недоброжелателей. Его стрелы не обошли стороной Павла и особенно Кутайсова. После переворота он, как и Уваров, был в числе тех немногих заговорщиков, кто до последнего дня сохранил благосклонность Александра. Современники отмечали, что, несмотря на его прямодушие, доходящее иногда до резкости, Марин был добрым человеком, который всю свою жизнь «жил только для других». Если вспомнить, что он был введен в круг заговорщиков мистиком Талызиным, то можно предположить, что Марин принадлежал к тем из них, кто не преследовал корыстных целей. Впрочем, он также не принадлежал к собственно убийцам.

Но наряду с такими характерами были и жестокие типы, как, например, князь Владимир Яшвил, сын мелкопоместного кавказского князя. Он приехал в Петербург со своим младшим братом, учился в артиллерийском кадетском корпусе, служил офицером в гвардии артиллерийском батальоне, в 1801 г. в чине полковника. Яшвил сохранил дикий дух уроженца Кавказа, для которого еще живы были понятия кровной мести. Дразнить таких бестий было очень опасно, а именно это сделал Павел, когда он в гневном порыве во время парада ударил его палкой. После этого привлечь Яшвиля к заговору не составило никакого труда.

«Скорее дикий зверь, а не человек», — так говорили о полковнике артиллерии Иване Михайловиче Татаринове. Назовем еще капитана Дмитрия Болговского, капитана Бибикова, прапорщика Константина Полторацкого, капитана Якова Скарятин, все четверо Измайловского полка, генерал-майора Бороздина, который получил шесть недель крепости за то, что он понравился княгине Гагариной, и молодого князя Петра Михайловича Волконского, адъютанта великого князя Александра как шефа Семеновского полка. Двое последних также не принимали непосредственного участия в убийстве. Волконский в более поздние годы, при Николае I, играл большую роль. Нам известны около 70-ти имен заговорщиков (смотри приложение), но можно предположить, что их было еще больше; примерно 60 человек участвовали в убийстве. К этому добавляется несметное количество посвященных. На самом деле было чудом, что этот комплот, который задолго до последнего удара перестал быть тайной, был доведен до конца. Произошло это только благодаря положению Палена, его коварству и симпатиям к заговору со стороны едва ли не всей столицы. Кроме отсутствующих — Витворга, Панина и Ольги Жеребцовой, незадолго до решающих дней уехавшей за границу, в заговоре участвовало только одно гражданское лицо — Дмитрий Прокофьевич Тро-

шинский, бывший ближайший сотрудник Безбородко, так же как и он украинец, который сделал его секретарем Екатерины. Он был автором манифеста о восшествии Павла на престол. Император щедро вознаградил его: пожаловал поместья с 1000 крепостных, высокий орден, а также назначил сенатором. Теперь Трошинский стал, так сказать, юридическим советником заговора и должен был также составить первый манифест для Александра.

Таковы были фигуры на шахматной доске Палена, которые должны были прийти в движение в нужный для него момент. Мозгом же всей акции был только он один. Только Пален был способен провести корабль через все рифы благодаря той полной свободе действий, которую получил почти во всех органах государственного управления. Он аккумулировал столько служб и постов, что практически все нити правительственного аппарата оказались в его руках. Как военный губернатор столицы Пален был вторым после наследника престола командующим всей гвардией, одновременно ему была подчинена полиция, он был своего рода министром полиции. Так как после нового назначения Пален сохранил свою должность генерал-губернатора Прибалтики, то его власть распространялась на все важные балтийские порты. Но и этого ему было недостаточно. Он хотел стать еще хозяином всех государственных и частных тайн, а также иметь возможность контролировать всю переписку в стране. В феврале 1801 г. ему удалось, свергнув Ростопчина, сменить его на постах первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел и главного директора надпочтами. Теперь Пален, овладев всеми позициями, полностью определял настроение императора. Он мог предъявить настоящие или фальшивые, будто бы раскрытые почтой письма иностранных дипломатов или частных лиц, мог путем непосредственных предписаний губернаторам приостановить въезд или выезд любого человека, кто бы это ни был, он имел полные возможности для выполнения своих намерений. Пален мог подготавливать любые акции, и если что-то одно ему вдруг не удавалось, то другое удавалось обязательно.

Теперь Пален ставил перед собой задачу возбудить всеобщее недовольство императором для того, чтобы привлечь общественное мнение на сторону заговорщиков. Для этого не было лучшего средства, чем побуждать Павла к определенным поступкам, соответствующим образом влияя на эти действия и, таким образом, делая императора инструментом собственной гибели. Особенно злоупотребляли в этом смысле великодушием монарха. Пален, сообщает барон Гейкинг, «предложил императору одно из самых смелых мероприятий, совершенно во вкусе Павла. «Ваше Величество, — сказал он, — вы справедливо наказали большое количество офицеров исключением из армии. В их числе есть, без сомнения, те, кто исправился и служил бы теперь с большим усердием, если бы имел счастливую возможность возвратиться

на службу». «Вы правы, — ответил император, — я прощаю всех и хочу, чтобы они тотчас получили возможность вернуться». Ясно, как охотно он делал добро и стремился исправить последствия своей излишней горячности. 1 ноября 1800 г. Павел издал знаменитый манифест, который позволял всем выбывшим или исключенным из службы лицам вновь вступить в оную, кроме тех, кто выбыл решением суда. Но одна оговорка в манифесте поразила всех, кто думал воспользоваться дозволением. Она предписывала всем отставленным и исключенным, рассеянным по огромной стране от Иркутска до прусской границы, лично прибыть в Петербург. Этот пункт привел в отчаяние людей, уже испытывающих нужду, которые вынуждены были проделать путешествие до столицы в 3000-4000 верст, а затем, возможно, еще столько же, чтобы добраться до полков, в которые они будут направлены. Было бы намного проще, если бы каждый офицер, желавший вернуться на службу, подал рапорт военному губернатору своей губернии, а тот послал бы прошение двору, в ответ на которое офицерам бы сообщалось, куда они должны отправиться. Эта оговорка отменяла все то хорошее, что хотел сделать император, и для людей с небольшими средствами делала это дозволение совершенно иллюзорным. Тем не менее офицеры, среди которых многие были кавалерами орденов Георгия или Владимира, двинулись в главный штаб, кто пешком, кто в едва тащившихся кибитках, запряженных истощенными лошадьми. Многие были вынуждены просить милостыню, чтобы добраться до Петербурга. Обо всех этих трудностях, которых можно было избежать, Павел не подумал. Но почему о них не подумали те, кто посоветовал ему этот благотворный акт, ведь они лучше, чем император, должны были знать истинное положение офицеров? Умно ли было допустить, чтобы в одночасье в столицу устремилось столь значительное число недовольных? Разве не было очевидно, что не все они вновь будут приняты на службу? Почему не опасались всеобщей вспышки отчаяния людей, которые презрели нужду и голод ради возвращения на службу и вновь были отвергнуты? Эти соображения, которые лежали на поверхности и должны были бы направить подготовку текста манифеста по другому руслу, во внимание не принимались. Сегодня уже нет сомнения в том, что заговорщики надеялись вызвать взрыв. Это были козни, достойные совершенного позднее преступления. Между тем Пален не устал расхваливать манифест и для того, чтобы обеспечить всходы посеянных им семян, писал некоторым генералам, которых он считал обиженными больше, чем других, приватные послания с предложением извлечь из милости императора наибольшую пользу». Крупные фигуры из числа провинившихся были восстановлены на службе, но «многие бедные офицеры, — продолжает наш авторитетный рассказчик, — были вновь оскорблены, так как император при представлении им отказывал; ему часто было достаточно одного взгляда на офицера, чтобы, не указывая никаких при-

чин, сказать своему адъютанту: "принят" или "отклонен". И в том и другом случае представлявшийся должен был в течение трех дней покинуть столицу, и этого срока было достаточно, чтобы прийти в бешенство». Гейкинг между строк дает понять, что это было одной из возможных целей, которые преследовал Пален. Барон Гейкинг был хорошим наблюдателем и как доверенное лицо фрейлины Нелидовой, а, следовательно, и императрицы, многое знал и особенно много узнал после событий. Поэтому мы не можем оставить без внимания еще одно его наблюдение: «Желая объяснить непостижимый образ действия, которого наш бедный государь придерживался в течение нескольких месяцев, пожалуй, немудрено даже соблазниться учением Мани¹ и признать его справедливым. Добро и зло чередовались, сменяя друг друга в продолжение какого-нибудь часа; доброта и варварство диктовали ему в один и тот же день приказы, в принципе как нельзя более противоречившие один другому. Не успеешь, бывало, похвалить какое-нибудь мудрое и справедливое мероприятие, как приходит весть, что все, заслужившее ваше одобрение, уже разрушено. Чтобы разгадать эту загадку, я предлагаю здесь читателю свою гипотезу; он может отвергнуть ее, если ему удастся найти другую, более соответствующую характеру Павла. По моему мнению, всякий его добрый поступок совершался под влиянием сердечной теплоты и первого непосредственного чувства, тогда как все, отмеченное печатью жестокости, внушалось ему косвенным образом извне и было порождением зависти, ненависти и желания выставить напоказ живейшую заботливость о его личности окружающих; затем, этим же путем стремились ускорить кризис, необходимость которого становилась все неизбежнее. И действительно, в силу своего коварства и своей пронырливости интриганы не видели другого средства для своего спасения, как совершение нового преступления». Эти слова, вероятно, относятся в равной степени и к Палену и Кутайсову, ибо последний действовал из сугубо личных мотивов и являлся слепым инструментом в руках того, кто сознательно держал курс на преступление. Пален сам хвастался Ланжерону, как он использовал романтический и великодушный характер Павла для того, чтобы внушить ему мысль о возвращении изгнанных офицеров. Как он бросился к его ногам и стал молить о несчастных, и как он благодаря этому делу в целом обеспечил себе два важных пункта: возвращение Зубовых и Бенигсена и усиление общего ожесточения против Павла. Ланжерон заметил при этом, что Палену Зубовы, кроме Валериана, собственно, были не нужны, потому что «Николай был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе, а Платон Зубов был самым трусливым и низким из людей».

¹ Мани (Mani-Manes) — основатель дуалистического учения манихеев. — *Примеч. перев.*

Насколько Павел стал игрушкой в руках Палена, указывает следующий рассказ Гейкинга, услышанный им из уст самого военного губернатора. Однажды Павел разгневался на Кутайсова и пригрозил его прогнать. Но цирюльник был для заговорщиков очень нужным инструментом, от которого они не могли отказаться прежде, чем цель будет достигнута, это уже после переворота, когда ничто не будет мешать, они отстегают его плетью, как собаку. В качестве главного директора над почтами Пален обычно приносил императору извлечения из депеш иностранных посланников, которые перлюстрировались, прежде чем отправить их по назначению. На сей раз Пален сочинил подложную депешу, в которой шведский посол будто бы писал своему монарху, что плохо осведомленная публика думает, что император собирается изгнать своего верного Кутайсова, но его величество слишком проницателен, чтобы не знать, что он в отношении личной к нему привязанности незаменим. Государь, обманутый этой хитростью, обнял Кутайсова и оставил его при себе. Пален взял за обыкновение в таком смысле выполнять часто поспешные приказы Павла, который тот едва ли в них вкладывал. Тем самым Пален хотел, чтобы монарх казался еще более не отдающим себе отчета человеком, чем он был на самом деле. Все это должно было либо способствовать укреплению легенды о тирании Павла, либо делать его смешным. Он способствовал распространению сплетен, им самим же подготовленных, которые должны были компрометировать Павла в глазах двора, армии и всего народа, к примеру, что он хочет заключить императрицу в монастырь, двух своих старших сыновей в крепость и жениться на певице Шевалье. Рассказывали даже, что будто любовница Кутайсова уже имеет свой *petites entrees*¹ к императору. Это была явно сознательная ложь, которую люди, приближенные ко двору, тотчас распознали. Ведь все знали, что Павел очень интересуется княгиней Гагариной, и уже одно это делало сплетни беспочвенными. «Как бы то ни было, — пишет княгиня Ливен, — рассказы эти распространялись, повторялись, и им верили». Недоумение и страх переполняли все умы. В то же время навязывалась и мысль о приближении роковой развязки и наиболее ходкой фразой было: «Так дольше продолжаться не может» (точно такое же настроение было в 1916-1917 гг., незадолго до начала русской революции). В марте сардинский посол Бальбо писал: «Император России сумасшедший». Это мнение соответствовало настроению одного определенного общественного круга — дворянства, министров, дипломатов. Но оно должно быть поставлено под подозрение в силу его пристрастности, так как этот круг, и, пожалуй, только он, мог страдать от так называемого сумасшествия Павла.

Нельзя отрицать, что Шевалье благодаря Кутайсову имела реальную власть, открыто продавала чины, должности и награды, плела политические

¹ Малый вход. — *Примеч. перев.*

интриги. Как и тот факт, что сам Кутайсов к неудовольствию и насмешкам всей страны был обер-шталмейстером, кавалером ордена Андрея Первозванного, а незадолго до этого стал владельцем великолепных поместий в Курляндии, пожалованных ему по инициативе Палена, который хотел усыпить бдительность Кутайсова и одновременно получить шпиона в ближайшем окружении царя. Пален посоветовал Кутайсову ни на мгновение не оставлять Павла и сообщать ему о любом слове императора, которое даже нечаянно сорвется с его губ.

Конечно, Пален при осуществлении своего плана должен был считаться и с противодействием. У императора были не только враги, но и те, кто либо всем ему был обязан и потому предан, либо те, кто был верен монарху из принципиальных соображений. Наконец, оставались еще и те, кто за нынешним невротиком видел прежнего Павла, который порой на короткие часы снова становился любящим супругом, добрым другом и милостивым монархом.

Перед Паленом стояла задача или удалить всех этих людей от Павла, или сделать так, чтобы он охладел к ним. Аракчеев, который был злой цепной собакой царя, представлял для Палена наибольшую опасность. Бывший артиллерийский офицер потешной армии великого князя в Гатчине, отвратительный тип, но преданный до смерти. Павел легко мог разгневаться даже на тех, кому он очень благоволил, из-за пустяка мог отдалить от себя даже своих лучших друзей, правда, также легко он отменял такие приказы. Аракчеев однажды уже попадал в опалу, но только на пять месяцев. В 1799 г. он был главным инспектором артиллерии и допустил по службе оплошность, мелочь, ставшая известной благодаря доносу, за которым, как можно предположить, стоял Пален. Во время придворного бала Аракчеев получил приказ ехать домой, на следующий день он был уволен со службы и сослан в свое поместье. Поляк Липинский, личность подобная Аракчееву, как и он, мучитель солдат, раньше служивший у Фридриха II и переделавший там свою фамилию на немецкий ладв Линденер, был сослан в Калугу. Вполне вероятно, что удаление 1 февраля 1800 г. генерал-прокурора Сената Беклешова, который семь месяцев пребывал на этом посту, произошло также под влиянием Палена, хотя с полной уверенностью утверждать этого нельзя. Зато мы знаем точно, что Пален в феврале 1801 г. сверг Ростопчина.

В отношении подлинных друзей Павла, в первую очередь императрицы, фрейлины Нелидовой, Куракиных, Буксгевдена и некоторых других, как мы знаем, «посредники» Палена в 1798 г. провели основательную предварительную работу, и теперь нужно было только не допустить, чтобы доверие к ним вновь не восстановилось. Самыми опасными были Нелидова и императрица, которые по своей наивности так высоко ценили «славного малого».

Настало время подробнее остановиться на отношениях между фрейлиной Нелидовой и Павлом после его вступления на престол. Против собст-

венного желанья осыпанная благодеяниями своего царственного друга, она на некоторое время стала его добрым гением. Пользуясь правами, которые давала ей старая дружба, она позволяла себе удерживать его от поспешных решений. Мы располагаем перепиской между Нелидовой, Павлом, Марией Федоровной и князем Александром Куракиным¹, которая позволяет нам заглянуть в сердце этой женщины и понять суть ее отношения к императору. «Знаете, почему Вы любите Вашу задиру? Потому что Ваше сердце знает ее лучше, чем Ваша голова...». «Прощайте, будьте добры, будьте сами собой. Ваша истинная склонность — доброта». «...Я благодарю Вас за все, но особенно за удовольствие, которое Вы мне доставляете, любить Вас всем сердцем. Но являетесь ли Вы для меня мужчиной? Заверяю Вас, что я никогда этого не замечала, с тех пор как я связана с Вами, и мне кажется, что Вы моя сестра, так как я не всегда осознаю то расстояние, которое Богу угодно было установить между Вашим Величием и моим ничтожеством...» Одно из писем Павла показывает нам, в какие области метафизики переносилась его фантазия в общении с Екатериной Ивановной. Это сопроводительное письмо к посылаемой книге, скорее всего, религиозного или мистического содержания. Письмо не датировано, но оно, несомненно, относится к первой половине правления. Стиль его свидетельствует о смущенном состоянии духа Павла, которое не может быть объяснено только романтическим содержанием письма. «Я никогда не писал Вам с большей убежденностью, мой дорогой друг, чем это послание... Оно сопровождает книгу, которую я не могу Вам послать, не пожелав вам наивысшего добра, стремиться к которому она побуждает... В чем оно состоит, если не в том, что вы мне рекомендуете, и все мое счастье в том и состоит, чтобы делать его каждым моим шагом с утра до вечера. Я должен сказать Вам: связь, которая существует между нами, имеет в себе нечто чрезвычайное, и я не могу допустить, чтобы она исчезла из моей памяти. Прошлое я рассматриваю со своего рода восхищением. Настоящее для меня значительно и ценно, будущего я жду с благоговением и доверием. Мне кажется, что этой книгой я делаю для Вас большой подарок, так как я побуждаю Вас думать о Боге, для того, чтобы постоянно приближаться к Нему. Я и себе делаю тем самым настоящий подарок. Это моя сущность, любить тех, кто дорог мне...»

Нелидова отвечает в том же тоне, но она выражает свои мысли яснее. Она по совету Павла будто бы раскрыла книгу наугад и нашла в ней следующее: «Князья более, чем другие люди, должны упражняться в терпении и сдержанности; чем выше стоит человек, тем больше он имеет необходимых

¹ Correspondence de Sa Majeste L'Imperatrice Marie Feodorowna avec Mademoiselle de Nelidoff, sa demoiselle d'honneur (1797-1801) suivie des lettres de Mademoiselle de Nelidoff au Prince A.-B. Kourakine, publiee par la Princesse Lise Troubezkon. Paris, 1896. Публикация крайне дилетантская и небрежная.

отношений с людьми и тем чаще ему приходится проявлять терпения и самообладания, потому что все [курсив В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*] люди несовершенны». Пусть Бог благословит Вас, ваше высочество, пусть исполнит Он все, что я Вам желаю, и Вы будете счастливы, делая счастливым народ, который Он Вам доверил».

Мы знаем, что в 1798 г. после основательного поворота в поведении Павла Екатерина Ивановна последовала со своими друзьями Буксгевденами в изгнание в замок Лоде в Эстляндии. Началась оживленная переписка между Нелидовой и ее бывшим врагом, а теперь задушевной подругой императрицей Марией, в которой отражается душевное состояние сосланной. Она печальна, но не ожесточена, печальна за всех тех, кого оскорбил Павел, но верит по доброте своего сердца, что он введен в заблуждение честолюбцами, окружающими его. Нелидова надеется, что наступит день, когда произойдет перемена, но сама она больше не хочет быть в близких отношениях с ним, не хочет, чтобы он вспоминал о ней, и желает ему счастья из своей глуши. Вначале эта переписка перлюстрировалась. Шумигорский в своей монографии о Нелидовой публикует дневник Ростопчина, в котором он как главный директор над почтами регулярно записывает соответствующие приказы императора¹. Контроль за перепиской длился три месяца, до 28 января 1799 г. Наконец, Павел, кажется, убедился, что он не сможет найти в ней ничего подозрительного.

Обе подруги, само собой разумеется, очень хорошо знали, что их письма будут открываться, и можно предположить, что они намеренно включали в них то, что хотели довести до Павла.

Семьей императора дружба Нелидовой и императрицы была отвергнута. Великий князь Александр и его супруга смогли увидеть в этом только недостойное заигрывание императрицы с фавориткой отца ради того, чтобы приобрести его благосклонность обходным путем, через «отвратительную мелкую страстишку императора». Если бы это было так, то эта дружба не пережила бы ссылку Нелидовой и смерть Павла. Нельзя отрицать, что императрице были присущи некоторые смешные черты, что она под влиянием ревности, гнева или тщеславия часто теряла самообладание, и из желания, что «все должно выглядеть как при настоящем дворе, демонстрировала манеры выскочки². Но примирение Марии Федоровны с фрейлиной Нелидовой было все же вызвано, как кажется, совершенно иным ходом мыслей императрицы. Либо она была убеждена в чистоте отношений между Павлом и Екатериной

¹ Шумигорский Е. С. Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898. С. 157-158; 2-е изд.. 1902.

² *Grand-Due Nicolas Mikhanlowitsch. L'Imperatrice Elisabeth, epouse d'Alexandre I-er.* (Вел. кн. Николай Михайлович. Императрица Елизавета, супруга Александра!). СПб., Т. I. С. 293.

Ивановной, либо, по крайней мере, понимала, что их любовные отношения, если таковые были, принадлежат прошлому. Императрица была слишком импульсивной, чтобы в течение четырех лет правления супруга не выдать себя, если бы предположения ее невестки оказались справедливыми.

Во время ссылки Нелидова получила болезнь глаз, которая угрожала ей слепотой. Это вынудило ее просить разрешения императора вернуться в Петербург в собственную квартиру в Смольном институте, основанном Екатериной II как учебное заведение для девочек-дворянок. Нелидова воспитывалась там и жила после его окончания, когда не находилась при дворе. В Петербурге она хотела лечиться у своего постоянного врача. Одновременно она попросила позволения предпринять Буксгевденам путешествие за границу. Чувство дружбы у Павла еще не угасло до конца, он ответил очень милостивым письмом, в котором он соглашался на все, и даже послал экипажи для поездки. Фрейлина Нелидова прибыла в столицу в январе 1800 г., ее ссылка продолжалась 17 месяцев. Передаю снова слово Гейкингу: «Это возвращение очень обеспокоило коалицию. [Панин также был еще в Петербурге.] Они боялись возможных последствий встречи. Были пушены в ход все средства для того, чтобы изменить планы монарха посетить его старую больную подругу. Павел между тем начал предпринимать прогулки в сторону приюта фрейлины, но так как Кутайсов по своей новой должности обершталмейстера повсюду сопровождал его, он сумел разжечь себялюбие Павла и помешать ему сделать первый шаг к сближению. С другой стороны, императрица, поняв, что Павел колеблется, но все-таки хочет увидеть госпожу Нелидову, решила придать этому примирению торжественный характер. Она устроила блестящее вечернее собрание, на которое пригласила императора. Он дал согласие. Интриганы почувствовали, что проигрывают, и приложили все усилия к тому, чтобы княгиня Лопухина [Гагарина] и Кутайсов вызвали у императора чувство, что он вновь попадает в ловушку императрицы и госпожи Нелидовой, чьи тесные связи и тайные цели этого заранее обусловленного собрания они ему раскрыли. Павел после этого долго колебался, потом уже решился последовать приглашению, но в последний момент передумал и в 7 часов вечера приказал сказать, что он не придет. Павел сделал еще больше: он торжественно пообещал Лопухиной, что не пойдет в Смольный институт, пока там находится Нелидова».

После этого вечера фрейлина Нелидова взяла себе за правило никого не принимать в Смольном, кроме своих подруг, и ни разу до самой катастрофы она не появлялась в городе.

А императрица? Мы знаем, что со времени рождения великого князя Михаила в 1798 г. между ней и императором наступило отчуждение. Часто он открыто демонстрировал неуважение к супруге, но затем, как всегда непоследовательный, вновь проявлял сердечность и вел себя по-рыцарски. Пален

сумел воспользоваться положением, созданным ранее интригами клики Безбородко, и возбудить его подозрения против Марии Федоровны и двух старших великих-князей — Александра и Константина. Он добился того, что Павел за несколько дней до смерти приказал закрыть дверь между собственными покоями и комнатами императрицы, потому что боялся нападения с этой стороны. Всеми доступными средствами Пален усиливал у Павла страх, не оставлявший его с самого детства, запугал его окончательно и добился от него реакции затравленного зверя, который сам бежит к своей гибели.

Этот человек, который все продумывал, предусматривал и предупреждал ход событий, должен был считаться с еще одним возможным поворотом дела. Речь идет о честолюбии императрицы. По этому поводу интересно прислушаться к мнению ее племянника, герцога Евгения Вюртембергского, приехавшего в Петербург 13-летним мальчиком и потом долгое время служившего в России. Он был своего рода приемным сыном Марии Федоровны и, конечно, в своих воспоминаниях не смог бы ни в чем с лукавить перед потомками. В 1836 г. он писал: «Императрица-мать, хотя и отрицательно относилась к мерам против ее супруга, все же в глубине души была убеждена в необходимости его отречения от престола, как, впрочем, и все общество. Но можно только удивляться, что в вышеописанных обстоятельствах она прислушивалась к чужим мнениям тех, кто льстиво приводил ей в пример столь высокочтимую в России Екатерину II и морочил ей голову, что для великого князя Александра, главными чертами характера которого, тогда как и в дальнейшем, были кротость и доброта сердца, и чья юношеская деликатность могла быть принята за слабость, сама мысль о необходимости что-то предпринять против своего отца является невыносимой, и, чтобы избежать подобных обвинений, было бы предпочтительнее передать ношу более опытной матери, поскольку в настоящее время великий князь не готов к принятию ее на себя. За мое двадцатисемилетнее знакомство с императрицей я смог оценить в ней благородство, сострадание к чужому горю, желание всегда делать добро и стремление к справедливости, у меня не было ни малейшего сомнения в доброте ее сердца, ее души. Но при всех этих великолепных, достойных качествах она все же не была свободна от некоторых женских слабостей и предрассудков, от которых иногда приходилось страдать и мне, ее приемному сыну (как она меня называла). Она, так же как и многие женщины, имела слабость вмешиваться в дела, в которых она была не совсем компетентна, и в надежде, что ей может быть передана власть, она действовала импульсивно там, где требовалось спокойствие и самообладание»¹.

¹ Замечания по поводу вышеупомянутых свидетельств (Бенигсена), сделанные герцогом Евгением Вюртембергским и датированные декабрем 1836 г. в Карлсруэ, Силезия. Опубликовано Т. Шиманом. Указ. сб. С. 83-89.

«Чужие мнения», которые, по словам герцога Евгения, привели императрицу к честолюбивым планам, могли исходить из ее ближайшего окружения, возможно от Куракиных. Но даже независимо от этих нашептываний у нее, кажется, были собственные комплексы, которые могли понуждать Марию Федоровну при всей ее политической наивности мечтать о роли Екатерины и хотя бы предпринять попытку прийти к власти. Понадобился острый ум Палена, чтобы предугадать это и принять соответствующие меры. События показали, что он был прав. Пален связал руки императрице, но и сам погиб в борьбе против этой женщины, хотя официально и не был наказан за преступление против своего государя.

Итак, Пален все продумал и действительно «заранее просчитал все возможности». Успех не мог не прийти, безопасность была вычислена математически, но он принимал в расчет и совершенно неожиданную случайность и не чувствовал никакого желания рисковать собственной шкурой. Его компаньоны могли лишиться голов, это Палена мало волновало, но его персона во всех случаях должна была быть в безопасности, даже в случае возможного провала.

1 ноября 1800 г. Павел поспешно покинул свою любимую Гатчину, даже не бросив на нее прощального взгляда, чтобы уже никогда сюда не вернуться. Он спешил в столицу, где уже почти готово было новое здание, которое притягивало его с магической силой, оно было построено в полном соответствии с его идеями и вкусом.

Павел родился в Летнем дворце, построенном придворным архитектором императрицы Елизаветы, графом Бартоломео Растрелли-младшим. Это было деревянное сооружение в стиле рококо. В одно весеннее утро 1797 г. некий солдат, стоявший ночью на часах в находящемся напротив Летнего сада, захотел попасть на прием к Павлу, утверждая, что у него есть для императора важное известие. Солдата пытались отговорить, но он так страстно настаивал на своей просьбе, что, наконец, решили доложить о нем императору, который приказал пропустить часового к себе. Вскоре все заговорили о рассказе солдата, утверждавшего, что ночью к нему явился архангел Михаил, приказал разыскать императора и возвестить ему, что у него родится сын, которого самодержец должен будет назвать Михаилом, а на месте старого дворца, где явился архангел, должен быть построен новый, который должен будет носить имя святого Михаила. Часовой утверждал, что ангел являлся ему этой ночью трижды и каждый раз говорил одни и те же слова.

Склонному к мистике Павлу этого было более чем достаточно: в том же году был заложен камень в основание Михайловского замка, а когда 28 января 1798 г. императрица разрешилась сыном, его окрестили именем архангела Михаила. Незадолго до своей смерти царь сказал пророческие слова: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть». Легенда о небесном предзнаменовании очень подходит Павлу, но она находится в противоречии с одним, не подлежащим сомнению документом: 20 ноября 1796 г., то есть через две недели после смерти Екатерины, был опубликован императорский указ: «Бывший Летний дворец называть Михайловским»¹. Таким образом, старое здание поменяло свое название, прежде чем пошла речь о строительстве нового. Видение солдата, при условии, что таковое было вообще, должно приходиться не на весну 1797 г., а на самые первые дни правления Павла.

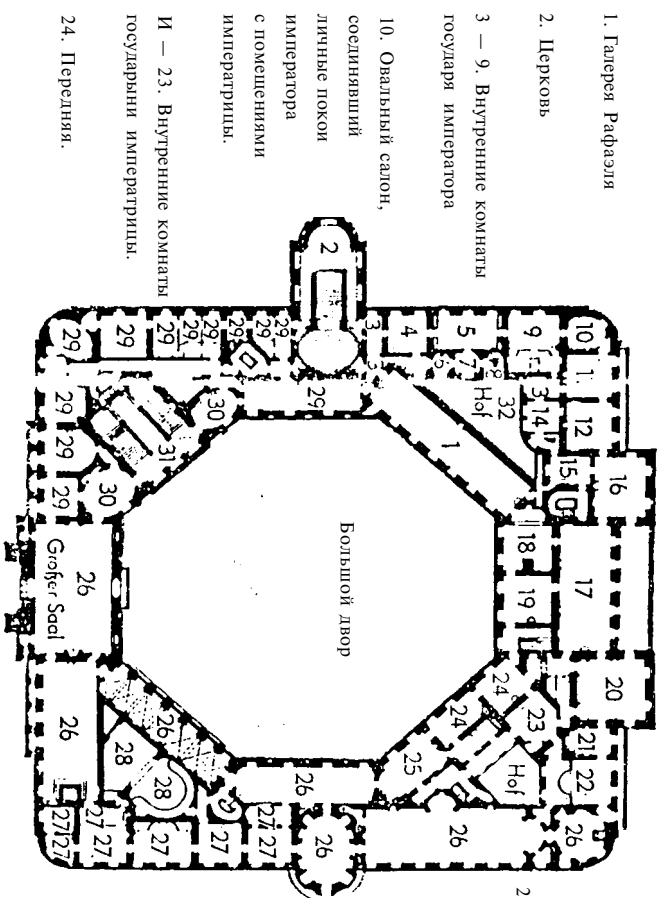
В конце 1800 г. строительство замка было закончено. На главном фасаде большими золотыми буквами было выложено неточное изречение из Библии: «Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней» вместо «Дому твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней» (Псалом ХСIII). Заметим, что эта надпись, которая воспринималась как богохульная, имела 47 букв, а императору шел 47-й год, когда он въехал в замок. Появление этой надписи объяснялось тем, что часть строительных материалов, мрамор и некоторые другие были взяты со старого Исаакиевского собора, который затем был заменен новым.

Архитектура замка резко критиковалась современниками и последующими поколениями, начиная с Августа Коцебу, которого царь пригласил в Россию, но тут же на границе велел его арестовать и отправить в Сибирь только за то, что он был писателем, а всякий писатель в его глазах был подозрителен. Но уже через два месяца Павел, осознав свою ошибку, вернул Коцебу в столицу, осыпал милостями и подарками, назначил директором Немецкого театра в Петербурге и поручил ему точное описание своей новой резиденции.

Можно понять тех, кто вынужден был жить в замке, когда свое пребывание в нем они не находили приятным. Мы знаем, что император вопреки всем советам врачей въехал из-за своего нетерпения 1 февраля 1801 г. в только что построенное здание. В его еще сырых помещениях стоял туман, по стенам стекала вода, стенная и плафонная живопись были изъедены сыростью, мебель и произведения искусства подвергались разрушению, а члены императорской семьи, как и те несчастные, кто вынужден был жить там по службе, получали ревматизм. Только Павел не замечал никаких недостатков своего замка, от которого он был в восторге. Нужно было все только хвалить, чтобы не лишиться его благосклонности.

¹ Поли. собр. законов Российской империи, № 17571.

План бельэтажа Михайловского замка.

- 1. Галерея Рафаэли
- 2. Церковь
- 3 — 9. Внутренние комнаты государя императора
- 10. Овальный салон, соединявший личные покои императора с помещениями императрицы.
- И — 23. Внутренние комнаты государыни императрицы.
- 24. Передняя.

- 25. Столовая.
- 26. Парадные апартаменты государя императора.
- 27. Апартаменты.
- 28. Малый театр.
- 29. Апартаменты.
- 30. Вестибюль для гвардии.
- Тарадная лестница.
- 32. Малый двор.

Сегодня упреки в неэстетичности здания кажутся, по меньшей мере, странными. Что касается внутренней отделки, то сейчас трудно вынести ей оценку: после насильственной смерти императора тотчас покинутое здание стало местопребыванием военно-инженерного училища, при этом внутри было так перестроено, что едва ли теперь можно получить представление о первоначальном его виде, хотя еще то тут, то там проступают великолепные детали. По Гатчине и Павловску мы все же достаточно ясно представляем художественное чутье императора и можем поверить упрекам, что ему действительно иногда изменял вкус. Однако те произведения искусства, которые находились в Михайловском замке и были перенесены его вдовой в Павловск и Гатчину, в данном случае свидетельствуют об обратном. Я имел возможность, имея на руках старые инвентарные описи замка, идентифицировать эти предметы в обеих загородных резиденциях, и могу утверждать, что по своему качеству они относятся к самому лучшему, что создавалось во второй половине XVIII в. в России или привозилось из-за границы.

Замок был построен архитектором Винченцо Бренной, римлянином, который с 1780 г. состоял на службе у великокняжеской четы и выполнял в Гатчине декоративные работы как живописец и архитектор по интерьерам. В какой мере принимал участие в первоначальных замыслах другой любимец царя, русский архитектор и маврит В. И. Баженов, гениальный неудачник, сегодня установить уже нельзя. Во всяком случае, все имеющиеся документы и сохранившиеся чертежи доказывают, что строительство полностью находилось в руках Бренны, который, возможно, использовал некоторые баженовские мотивы, так как различные детали выполнены в его стиле. Помощником Бренны был ставший знаменитым при Александре I и Николае I Карл Росси.

Возможно, что дилетантские пожелания и реальные требования царственного заказчика помешали архитектору в его работе, и из-за этого возникли неудобства здания, о которых пишет Коцебу. Запутанность и ненужная сложность планировки, различие четырех фасадов, которые создают впечатление, что это фасады разных зданий, и, наконец, странная, но ни в коем случае не лишенная прелести разбивка окон по фасадам внутреннего восьмиугольного двора; несмотря на все это, упреки в неэстетичности замка с искусствоведческих позиций являются необоснованными. Особенно эффектен главный фасад большой аркой ворот, выходящих на площадь, которая тогда, как, впрочем, и весь замок, была окружена крепостными рвами с подъемными мостами.

В центре площади возвышается бронзовая конная статуя Петра Великого, отлитая при императрице Анне Бартоломео Растрелли-старшим и долгое время стоявшая забытой в сарае. Павел извлек ее оттуда и поставил памятник перед зданием на оси ворот так, что создавалось впечатление, будто мо-

нарх скачет из крепости, однако более поздние изменения в планировке территории его ослабили. На цоколе лаконичная надпись: «Прадеду правнук». Этот текст по своей краткости был противопоставлением тексту, который Екатерина велела запечатлеть на знаменитом памятнике Петру работы Фальконе: «*Petro Primo Catharina Secundo*¹, чем она давала понять, что является истинной продолжательницей дела Петра I. Со своей стороны Павел хотел подчеркнуть надписью кровное родство с основателем империи, жест, родившийся из комплекса неполноценности и сомнений, должен был подчеркнуть легитимность его власти.

Рвы, которые окружили замок, придавали ему характер крепости. Только за этой романтической инсценировкой Павел, которого постепенно охватывала мания преследования, чувствовал себя в безопасности, только здесь его отпускали щупальца ужаса. Внутри замка тщательно соблюдалась гарнизонная служба, как в осажденной крепости. После вечерней зари только очень немногие доверенные персоны могли попасть вовнутрь по небольшому подъемному мосту, который опускался специально для них. К этим лицам принадлежал поручик Александр Аргамаков, полковой адъютант Преображенского полка, который, как уже упоминалось, в замке выполнял должность плац-адъютанта.

Теперь я даю слово Коцебу: «Государь завершил свой ставший знаменитым Михайловский дворец и душой и телом теперь предан своему, возникшему как по мановению волшебной палочки сказочному замку, строительство которого, по некоторым сведениям, обошлось от 15 до 18 миллионов рублей. Он покинул гораздо более удобный и более пригодный для жизни Зимний дворец для того, чтобы запереть себя в сырых, толстых стенах, по которым течет вода... Ему доставляет удовольствие самому водить своих гостей и показывать им сокровища из мрамора и бронзы, выписанные из Рима и Парижа. Льющаяся через край похвала, с которой превозносилась до небес малейшая безделушка, и постоянное повторение восклицаний, что подобного нет нигде в мире, вызвали, наконец, у него мысль сделать описание этого восьмого чуда света. В самых лестных выражениях он возложил эту работу на меня. Не раз он говорил мне, что ожидает от меня чего-нибудь необыкновенного. Составив себе заранее такое высокое понятие о моем труде, он поставил меня в немалое затруднение... Ежедневно, утром, после обеда и часто до позднего вечера проводил я теперь время в Михайловском дворце. Не проходило почти ни одного дня, чтобы то там, то здесь я не встретил государя, когда со своей папкой в руках я зарисовывал многочисленные предметы. Всякий раз он останавливался возле меня, чтобы несколько минут с самым приветливым выражением лица поговорить со мной и напомнить, чтобы я ни-

¹ Петру Первому Екатерина Вторая. — *Примеч. перев.*

чего не описывал поверхностно, а везде и во всем входил в большие подробности»¹.

Из этого рассказа можно почувствовать ту детскую радость, последнюю в его жизни, которую Павел получал от своего замка. Как и большинство дворцов и домов в России замок имел клеевую окраску, за исключением некоторых помещений, отделанных мрамором и гранитом. Коцебу резко критикует красноватый тон окраски и рассказывает при этом такой анекдот: «Одна придворная дама (вероятно, княгиня Гагарина. — *Примеч. В. П. Зубова.*) однажды явилась в перчатках этого цвета, и император послал одну из этих перчаток в образец составителю этой краски. Надобно сознаться, однако же, что столь резкий красный цвет более приличен для пары перчаток, чем для дворца. Многие жители Петербурга воспользовались этим случаем, чтобы тонким образом польстить императору, окрасив в этот цвет свои дома. Еще более тонко повела себя мадам Шевалье, появившись в «Ифигении» в costume такого же цвета, хотя он ей совсем не шел».

О планировке замка Коцебу пишет следующее: «Внутренность дворца представляет истинный лабиринт темных лестниц и мрачных коридоров, в которых день и ночь горят лампы; мне нужно было более двух недель, чтобы обойтись без провожатого и чтобы научиться ходить одному, не заблуждаясь, по этому лабиринту». Из всех помещений, которые описывает Коцебу, мы хотим обратить внимание только на интимные жилые покои императора, в том числе на его кабинет-спальню, которая стала местом смерти Павла. Туда вела дверь из так называемой галереи Рафаэля (на плане № 1), получившая это название по четырем гобеленам, на которых были запечатлены фрески Рафаэля в Ватикане, в том числе «Афинская школа»². Другой вход в личные комнаты был из галереи, окружавшей дворцовую церковь (на плане № 2), откуда попадали в Прихожую (на плане № 3), которая «была украшена лишь семью картинами Карла Ванлоо, изображавшими легенды из жизни святого Григория. Вторая комната (на плане № 4), белая, с золотыми разводами, представляла в полях стен прекрасные ландшафты и некоторые

¹ Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Берлин, 1802. Т. II. С. 139-142.

² Он находится сегодня в музее Грасси в Лейпциге, так как был приобретен его покойным ныне директором профессором доктором Рихардом Граулем на устроенном советским правительством аукционе произведений искусства в Берлине. С ним связана легенда, которая, впрочем, не выдерживает критики. На нем с определенной долей фантазии можно различить что-то наподобие следов от окровавленной руки, из чего делался вывод, что либо Павел в борьбе со своими убийцами, либо кто-то из заговорщиков схватился рукой за висящий в его комнате ковер. Но из точного описания помещений Коцебу мы теперь знаем, что он висел вне личных покоев царя, к тому же там просто не было стены такого размера, которая необходима для этого гигантского произведения искусства.

виды самого дворца. Но особенным украшением служил ей плафон работы Тьеполо: Марк Антоний за столом и Клеопатра, бросающая жемчуг в бокал¹. В третьей комнате, непосредственно примыкавшей к спальне Павла (на плане № 5), стены почти полностью заняты шестью ландшафтами Мартынова, представляющими виды загородных дворцов Гатчинского и Павловского. В шести нарядных шкафах из красного дерева, на которых стояло 20 великолепных ваз из порфира, восточного алебастра и т. п. заключалась частная библиотека императора. В этой комнате находились императорские лейб- или камер-гусары. Боковая дверь вела отсюда в кухню (на плане № 6), исключительно назначенную для государева стола, в которой готовила кушанье кухарка-немка². Незадолго перед тем он велел устроить точно такую же кухню в старом Зимнем дворце, совершенно рядом со своими частными апартаментами... Другая дверь вела в маленькую комнату, назначенную для камер-гусаров (на плане № 7) и непосредственно соприкасающуюся с винтовой лестницей, сделавшейся впоследствии знаменитой (на плане № 8). Она вела на двор (на плане № 32), на котором стоял только один часовой. Из библиотеки была дверь в кабинет и вместе с тем спальню императора, где он и скончался (на плане № 9). Она была большой, в форме квадрата, и составляла в длину, если я не ошибаюсь, пять или шесть саженей³. Множество ландшафтов, по большей части Верне, некоторые же из них Воувермана и ван дер Мейлена, висели по стенам, окрашенным в белый цвет. Посередине стояла маленькая походная кровать, без занавесок, за простыми ширмами, над кроватью висел ангел работы Гвидо Рени, но не ангел-хранитель⁴. В углу

¹ Эта картина, которая, впрочем, писалась не как плафон, датируется 1743—1744 гг., что следует из письма Франческо Альгаротти (см. *Поссе*. X. Письма графа Альгаротти... Ежегодник прусских художественных собраний. 1931. Приложение. С. 22.) Она принадлежала собранию графа Брюля, министра Августа III Саксонского, и была куплена Екатериной II в 1769 г. для Эрмитажа. После смерти Павла она была возвращена в Эрмитаж. Картина была продана советским правительством и находится сейчас в музее Мельбурна.

² Магнус Якоб фон Крузенштольп пишет в книге «Русский двор от Петра I до Николая I» (Т. III. Гамбург, 1856. С. 349-350), что это была англичанка, и это в то время, когда Павел не хотел даже слышать об Англии! Вообще эти рассказы никоим образом не согласуются с официальными записями в «Камер-фурьерском журнале» и другими сообщениями, из которых следует, что Павел ежедневно находился за общим столом императорской фамилии, к которому почти всегда приглашались представители двора или армии. Ланжерон (указ. соч.) говорит, что кухня рядом с покоями Павла никогда не использовалась.

³ Русская сажень составляла 2,133 м.

⁴ Здесь Коцебу ошибается. Речь идет о погрудном изображении ангела, приносящего благую весть и сходного с ангелом на картине «Мария Аннунциата». Обе картины висели над кроватью. После смерти императора они поступили в Павловск, где

комнаты висел портрет старого рыцаря-знаменосца работы Жана ле Дюка, великолепная картина, которой император очень дорожил¹. Со всеми этими великолепными картинами странную противоположность составляли конный портрет Фридриха II² и стоявший в углу на мраморном пьедестале такой же плохой по качеству, гипсовый слепок со знаменитого бюста этого монарха³. Письменный стол императора был замечателен во многих отношениях. Он покоился на ионических колоннах из слоновой кости с бронзовыми цоколями и капителями. Балюстрада из слоновой кости самой тонкой работы, украшенная маленькими вазами из той же кости, окружала его. Два украшенных бронзой подсвечника из слоновой кости, стоявших на кубиках из янтаря, поддерживали четыре пасты с модели Леберехта, изображающие императора, императрицу, обоих великих князей и великую княгиню Елизавету. Этот стол, как и подсвечники, — работы императрицы; она, покровительствуя искусствам, сама с успехом ими занимается и собственноручно выточила слоновую кость и вылепила пасты⁴. На одной из стен висела кар-

в описях о них упоминалось как о любимых картинах Павла. Этот факт характерен для вкусов того времени. Любимые картины — те, что вешали в личных комнатах, имели совершенно определенный характер, если не вести речь о произведениях современников. В целом предпочитали итальянцев, хотя находилось место и для нидерландской живописи. Среди итальянцев это было не Кватроченто, не говоря уже о Треченто, а также не раннее Чинквеченто, если это, конечно, не был сам Рафаэль, а все слащавое и академичное, болонцы: Гвидо Рени, Альбани, Карраччи и т. д. Ни в коем случае не Караваджо. Среди нидерландцев предпочтение отдавалось фламандцам: Рубенсу и еще больше Ван Дейку. Среди голландцев выбирались те, что попроще. Хальс и Рембрандт встречались очень редко. И если можно было набрести на какого-нибудь Рембранда, то это было наименее характерное для Рембрандтовой кисти произведение. В Эрмитаже имелось много лучших произведений этого мастера, но в личной галерее в Павловске хранилась слащавая головка Христа со взглядом, направленным в небеса, эскиз к картине «Спас Эммануил», который не слишком контрастировал с Гвидо Рени.

¹ На этой картине представлен все же не старый рыцарь, а, по всей видимости, знаменосец роты голландских стрелков, и она не является работой ле Дюка. Картина была помещена вдовой Павла в его личные покои в Гатчине, где, вероятно, она висела и раньше, и еще находилась там, когда я после революции возглавлял дворец. Затем она была продана советским правительством за границу. Сейчас она считается работой Томаса де Кейзера и находится во дворце Маурицхейс в Гааге.

² Вероятно, тот самый, который в мое время находился в Павловске.

³ В этих предметах решающим было не качество произведения, а то, кого они изображали.

⁴ Императрица всю свою жизнь точила по дереву на станке, лепила рельефы, рисовала, резала камни. В Павловске и в Гатчине было большое количество ее собственноручных работ подобного рода, которые она часто подписывала своим именем и дарила кому-либо. Стол, о котором говорит Коцебу, позднее поступил в Павловск. Вы-

тина, изображающая все военные мундиры русской армии. Я умалчиваю об остальной ценной мебелировке... В комнате было двое дверей, скрытых обоями... Одна из них вела в чуланчик, имеющий известное назначение, а другая запирала шкаф, в котором хранились шпаги арестованных офицеров. Двустворчатые двери, которые из спальни императора вели в комнаты государыни, никогда не были открыты, но заперты ключом и задвижкой с обеих сторон. Проход из библиотеки в спальню состоял из двух дверей, и, благодаря чрезвычайной толщине стен, между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить, направо и налево, две другие, потаенные двери. Тут они действительно были: дверь направо служила к тому, чтобы запира¹ть помещение для знамен¹; дверь налево открывалась на потаенную лестницу, через которую можно было спуститься в апартаменты императора, находившиеся в нижнем этаже»². Так сообщает Коцебу. Как видно на плане, двустворчатые двери, которые он упоминает, вели в маленький овальный салон (на плане № 10), который отделял личные покои императора от помещений императрицы.

Итак, Пален теперь столь крепко держал в своих руках императора, всю императорскую семью, двор, гвардию, общество, что катастрофа просто не могла не разразиться. Павел был настроен против своей семьи. Он вынашивал в своем сердце подозрение, что супруга и сыновья посягают на его жизнь, они же в свою очередь каждое мгновение ожидали, что их арестуют и им придется разделить участь многих несчастных, томившихся в тюрьме или ссылке. Город был полон подобными и еще более дурными слухами. Они намеренно распространялись заговорщиками, чтобы с их помощью создать такую атмосферу, в которой планируемый переворот должен был показаться героическим делом.

Однажды после обеда император, вероятно охваченный подозрением, появился в покоях наследника престола, в которые он обычно никогда не входил. На столе у великого князя среди других книг лежала трагедия Вольтера

сказывалось предположение, что, когда Павел боролся с заговорщиками, он отломил часть балюстрады стола. Действительно, один ее обломок лежал отдельно до тех пор, пока великий князь Константин Константинович, которой был последним владельцем дворца, так как Павловский дворец принадлежал второму по старшинству представителю рода, не распорядился отремонтировать стол. Это свидетельствует о том, что он был лишен настоящего исторического чутья, несмотря на то, что был писателем и поэтом.

¹ Коцебу забывает сказать, что в этом помещении спал дежурный камердинер. Он также не упоминает, что над кроватью императора висели его шпага, трость и офицерский шарф.

² Коцебу умалчивает, что эта потайная лестница вела также в комнаты княгини Гагариной и Кутайсова.

«Брут». Это оказалось достаточным, чтобы утвердить подозрения Павла. Он вернулся к себе, разыскал историю Петра Великого, раскрыл ее на том месте, где говорилось о смерти царевича Алексея во время пытки в присутствии отца, приказал Кутайсову отнести книгу Александру и предложить ему прочесть эту страницу. Если верить сообщению Бенгисена, император будто бы сказал княгине Гагариной и Кутайсову, что он, наконец, нанесет свой grand coup¹: «Скоро вы увидите, как полетят головы, которые когда-то были дороги мне». Согласно другой версии он сказал Кутайсову: «Подожди еще пять дней и ты увидишь великие дела».

В этой связи необходимо сообщить об эпизоде, который никогда не мог быть объяснен полностью. 6 февраля 1801 г. по приглашению императора в Петербург прибыл 13-летний племянник императрицы принц Евгений Вюртембергский со своими двумя воспитателями: генералом бароном Дибичем и капитаном Требра. Уже в дороге его по высочайшему распоряжению повсюду принимали с почестями. В столице он остановился в здании первого кадетского корпуса в богато меблированных комнатах. Здесь принца приветствовал шеф корпуса князь Платон Зубов, который стал просить его приказаний. Ошарашенный ребенок с трудом понял, что это только оборот речи. Принц Евгений оставил два варианта воспоминаний об этой поездке: первый был написан им в возрасте 16 лет на французском языке, второй, на немецком, он написал, будучи уже зрелым человеком. Эти мемуары были опубликованы после его смерти².

Ранним утром следующего дня его разбудил парикмахер, который напудрил ему волосы. Потом его облекли в мундир Псковского драгунского полка. Кутайсов в красном облачении мальтийского рыцаря заехал за ним и Дибичем и сопровождал их в Михайловский замок к императору. Принципишет: «Мы стали маленькими прыжками подниматься по лестнице, и его дрожжащее превосходительство воспользовалось этим медленным восхождением для преподания мне всякого рода наставлений. Наконец, пройдя целый ряд зал и великолепных покоев, мы достигли заповедных дверей. Дибич боязливо творил молитву: "Боже, буди к нам милостив!" Двери растворились,

¹ Большой удар. — *Примеч. перев.*

² Recit fidele de mes aventures en 1801, ecrit en 1804 et presente a Monsieur d'Orgelettes, mon maotre de langue francaise a Erlangen, par Eugene Prince de Wurtemberg. [Правдивый рассказ о моих приключениях в 1801 г., написанный в 1804 и представленный господину д' Оржелету, моему учителю французского языка в Эрлангене, Евгением, принцем Вюртембергским] (с приложением на немецком языке), опубликован Т. Шиманом. Указ. сб.; *Барон фон Гельдорф*. Из жизни принца Евгения Вюртембергского, из его собственноручных записок, а также из литературного наследия его адъютантов. Берлин, 1861-1862 (4 части). Т. I, см.: С. 74-160; Юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского.

и передо мной воочию предстал император, совершенно такой, каким я уже давно знал его по множеству портретов. Это был сухопарый человек среднего роста, с крайне невзрачными чертами бледно-желтого лица, крошечные глаза, верхняя губа обвисла, нижняя выпятилась вперед, нос короткий и приплюснутый, как у калмыка. На нем был старомодный, голубовато-зеленый мундир с простым красным воротником и такими же обшлагами и белого сукна панталоны в высоких ботфортах со шпорами. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. В прорези мундира видна шпага. Одежда императора не имела шитья, но левая сторона груди была украшена двумя звездами. Несмотря на странное и неприятное впечатление, которое производил весь этот ансамбль, взор императора не имел ничего устрашающего и даже казался мне добрым».

Беседа велась на немецком языке, причем император обращался к мальчику «gnadiger Herr», что соответствовало французскому «Monseigneur» («милостивый государь»). Вскоре император покинул помещение и вернулся обратно в сопровождении императрицы. «Она была 42 лет, очень хорошо сохранившаяся, высокая, полная, но с тонкой талией. Ее физиономия напоминала черты Вюртембергского дома». Император и императрица нашли, что принц красивый мальчик. Завязалась беседа на французском языке; все шло хорошо до тех пор, пока у принца с языка не сорвалось имя Канта. Лицо императора тотчас же омрачилось, а Дибич пробормотал как бы про себя: «Проклятые философы!» Принц все же сумел придать своим словам такой смешной оборот, что Павел громко рассмеялся. Покидая комнату, он сказал императрице: «Знаете ли вы, что этот маленький чудак совершенно завоевал мое расположение». Императрица осыпала мальчика материнскими ласками и дала ему несколько добрых советов. Дома принцу от имени императора был вручен командорский крест Мальтийского ордена, его посетили с визитами важные придворные персоны, в том числе и Пален. В следующие дни он, со своей стороны, начал наносить визиты, в том числе к одному старому князю, имя которого он якобы не запомнил, хотя, по всей вероятности, это был Лопухин, отец княгини Гагариной, так как дальше принц пишет: «Там я познакомился с очень красивой особой, которую называли его дочерью и про которую утверждали, что ей покровительствует император». — «Великий князь Александр... князь самый красивый и самый любезный, какого только можно было себе представить, встретил меня в кругу многочисленного общества, не позволившего ему посвятить мне особое внимание. Его прием был очень благосклонен, но немного холоден... Великий князь Константин встретил меня дружелюбно, но аудиенция была непродолжительна. Обе великие княжны, Мария и Екатерина, было только 15-ти и 13-ти лет, но их вполне сформировавшийся вид заставил казаться взрослыми девицами в моих глазах. Мария очень интересовалась мной во время моего пребы-

вания в Санкт-Петербурге, но их обер-гофмейстерина, графиня Ливен, воспитательница их императорских высочеств, обходилась со мной с очень оскорбительной холодностью».

Принц часто посещал вахтпарады. На одном из них император лично оказал ему воинские почести, промаршировав перед мальчиком во главе батальона, — событие неслыханное, никогда не случавшееся ранее. Евгений вместе с Дибичем принимал участие в большинстве вечерних собраний у императора, который опять осыпал его любезностями. «На этих вечерах мне представился случай заметить, как менялось расположение духа у императора и как он предавался своим страстям. Его разговор вращался на парадоксах и галиматье из отвлеченностей. Было также несколько скандальных сцен на парадах и военном обучении. На вечерах император выпивал много вина, и вино целыми стаканами беспрестанно подносилось всему обществу. Царедворцы оказали мне всяческие знаки уважения, и генерал Дибич уверял меня, что их поведение было отражением царского расположения... С тех пор начали замечать усиливающуюся все более и более благосклонность, которой ему желательно было меня почтить и которую я не заслуживал ни в каком отношении. Также мне дали почувствовать, что опасения моей тетки касательно меня удвоились в унисон с ее материнской заботой. Я ничего не понимал...» Как гораздо позднее узнал принц, в Петербурге были убеждены, что Павел решил запереть супругу и всех своих детей в монастырь, кроме Екатерины, своей любимой дочери, ее выдать замуж за Евгения, которого хотел объявить наследником престола. Поэтому все те, кто доброжелательно относился к принцу, опасались, что при покушении на императора мальчику тоже может грозить опасность.

Насколько катастрофа носилась в воздухе, указывает странный разговор принца с той самой молодой дамой, с которой он познакомился у старого князя и имя которой якобы так никогда и не узнал. Но это не мог быть никто другой кроме Анны Гагариной. Однажды во время придворного концерта он сидел между нею и великой княгиней Елизаветой, супругой Александра, шарм которой подействовал на него так же, как и на всех. О незнакомке принцишет: «Наряд этой соседки был в высшей степени изящен, блескее драгоценных камней давал повод заключать о ее знатном происхождении; а то обстоятельство, что ее драгоценности бросались в глаза не количеством, а качеством, доказывало, что вкус этой прекрасной лилии направлен к простоте. Да позволят мне избрать царицу цветов для обозначения моей покровительницы, играющей в этой истории слишком видную роль для того, чтоб я мог оправдать свою оплошность, что тогда же не осведомился об ее имени, да и впоследствии не узнал его.

Если бы меня заставили сказать тому причину, то я со стыдом должен был бы признаться, что она произвела на меня непостижимое впечатление, кото-

рое я боялся обнаружить расспросами, а потому и не решился на них, пока было еще время. Впоследствии же от меня скрывали ее имя по причинам, которые я подозревал, но никогда не мог вполне разъяснить».

На следующий день Евгений снова встретил эту даму во время торжественного приема. Описание собрания, которое он дает, заслуживает отдельного упоминания: «Никогда не виданное великолепие туалетов поразило мои взоры, и высокое понятие дало оно мне о блеске русского двора и о несметном богатстве русских вельмож. Глядя на изящные формы дам и на их своеобразные костюмы, сверкающие золотом, серебром и драгоценными камнями, я приходил к убеждению, что здесь обычаи давно прошедших веков и новейший вкус сочетались в общее стремление доставить красоте, к какому бы виду она ни принадлежала, подобающую ей дань удивления».

Принц увидел свою незнакомку. «Она просила меня сесть возле и объявила, что я вчера простодушно поверил ей многое такое, что ее потревожило, внушило ей симпатию ко мне, но в то же время и опасения. Затем она с грустью взяла меня за руку и продолжала растроганным голосом: "Хотите вы иметь меня другом? Я буду вашей охранительницей! Обращайтесь ко мне всегда, если вам что покажется сомнительным! Я часто приезжаю ко двору, но молчите о нашей дружбе. Под этим только условием я с вами не разнакомлюсь. На первый раз довольно вам узнать, что мы живем в такое тяжкое время, когда самые блестящие надежды бывают обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны". Поистине, все эти заверения были мне в то время совершенно непонятны, и я относил опасности, о которых она говорила, к каким-нибудь шалостям, которые могли бы лишить меня царской милости. Опасение потерять сочувствие моего доброго друга перевешивало, впрочем, все другие заботы, и я мог нарушить данный ей обет скромности, разве только увлекшись чувствами, которыми я был проникнут к ней самой, со всей силой, к какой способен сердце 13-ти летнего мальчика.

Государь, ведя под руку свою супругу, прошел из приемной комнаты в аудиенц-залу, где принял несколько представлений, а оттуда отправился в дворцовую церковь (на плане № 2), и там вместе с императрицей поместился в особой ложе, а остальные посетители, и я с ними, в нижнем приделе. Здесь я опять очутился в соседстве молодой дамы, и она во время службы объясняла мне значение многих обрядов греческой церкви. Великолепное пение, которое надо слышать, чтобы судить о сверхъестественном впечатлении, какое в состоянии производить на душу эта единственная в своем роде вокальная музыка, производило на меня обаятельное действие, и мне поистине казалось в эту минуту, что я на небе. Моя прекрасная соседка тоже, по-видимому, наполнена была сильным чувством. В такую минуту ее вопрос, знакома ли мне история удивил меня. Еще более был я поражен, когда она вслед за тем прибавила: "В таком случае вы должны содрогаться перед

судьбой английских принцев, которых Ричард III велел бросить в подвалы Тауэра". По странному стечению обстоятельств, эта сцена, со всеми ее подробностями, была очень хорошо знакома мне по гравюре, висевшей в карлсруйском замке, а заключительный вопрос моей новой подруги: "Не задумывались ли вы, к каким гнусным преступлениям, случалось, приводила придворная политика?" — привел меня к ужасной догадке. В особенности был я изумлен, когда она, чтоб устранить мои замечания по поводу направления принятого разговором, отвечала: "Оставим это. Пение разнеживает мне душу"... С необыкновенным воодушевлением упомянула она про обожаемого наследника престола. "Его, — сказала она, — вы должны держаться как спасителя, он должен быть вашим идолом"... Короче, моя милая приятельница нагнала на лихорадочную дрожь, не внушив ни ясного понятия о сущности угрожавших мне опасностей, ни мер для их предотвращения». Окончание этого разговора в мемуарах приведено не полностью. В более позднем немецком приложении к «Правдивому рассказу» 1804 г. принц сам пишет, что будто бы дама ему сказала: «Если когда-либо вам понадобится приют, то вы найдете его у меня».

Что доказывает этот странный инцидент, который, насколько я знаю, как-то остался без внимания? Вероятно, фаворитка императора была достаточно осведомлена о происходящих делах или же чувствовала настолько тонко, что предвидела кровавые последствия даже для маленького любимца императора; но тем более она должна была знать об опасности, угрожавшей Павлу. Как объяснить тогда то, что он сам не имел подробной информации? И что означает указание на Александра? Почти можно поверить, что княгиня Гагарина была посвящена.

Мальчик подмечал еще многое и полагал, «что с каждым днем увеличивались не только милость монарха во всех ее видимых проявлениях, но и внимание двора, участие императрицы и забота моей молодой покровительницы. Все же при этом я чувствовал, что вокруг нарастает напряжение и общее беспокойство. Часто заплаканные глаза моей тети, предупреждения моей приятельницы о неизбежной опасности, грозившей мне вслед за странной привязанностью императора, и, наконец, нередкие затруднительные положения генерала Дибича были для меня не единственными признаками какого-то чрезвычайного события. Этому способствовали также некоторые рассказы моих учителей и других знакомых, из которых я, несмотря на стремление моего гофмейстера утаить от меня городскую молву, узнал общее мнение: "Государь сошел с ума; это не может продолжаться!", а когда я расспрашивал дальше, то у меня появлялось отвращение к тому, кто, кажется, в виде исключения, постоянно обходился со мной доброжелательно и благосклонно».

В том, что Павел строил какие-то планы в отношении юного принца, мы можем убедиться из следующей сцены. Однажды вечером после обеденного

стола Дибич был потребован к императору и долго там оставался. «Когда он, наконец, воротился, — рассказывает Евгений, — проводил меня до кареты и вместе со мной вошел в нее вместе со мной, то вдруг, покинув свое место, он стал на колени, прижал лицо свое к моим рукам и, орошая их слезами, заговорил как пьяный: "Возлюбленный, добрейший господин! Что я слышал! Возможно ли, постижимо ли, вероятно ли это?" — "Да что же это, ваше превосходительство! Что еще, черт побери, нового?" — вскричал я с нетерпением. "Ах, что же, как не то, — отвечал Дибич, сильно вскрикнув и покрывая мои руки новыми поцелуями, — что вас ожидает великокняжеский титул, штатгальтерство, вицекоролевство!" Куда бы он зашел, если бы я не утихомирил эту бурю тем, что засыпал его вопросами, отвечать на которые он тогда еще не считал своевременным. Но к тому времени, когда мы приехали домой и были встречены слугами, у него успело вырваться заключительное, полное тяжелого значения и тревожившее меня даже и во сне восклицание: "Он хочет вас усыновить!" Я не берусь исследовать весь процесс развития тех идей, который привел императора Павла к таким видам на мою личность. В то время я не сознавал всего их объема, а впоследствии не собрать никаких положительных доказательств того, в чем меня с таким убеждением уверяли. Но, сопоставляя мои тогдашние и позднейшие сведения, не сомневаюсь, что какая-нибудь тайна этого рода, известная только немногим доверенным лицам и ушедшая в ту самую могилу, в которую сам он вскоре сошел, необходимо существовала».

Несмотря на то, что слухи о намерениях Павла будто бы подтверждают, все же едва ли вероятно, что он хотел отменить утвержденный им четыре года назад свой собственный закон о престолонаследии, написанный им, так сказать, кровью своего сердца после долгих лет ожидания престола. Закон, который считал абсолютно необходимым для спокойствия государства и для того, чтобы в дальнейшем избегать кровавых переворотов, неоднократно происходивших в XVIII в. Мысль, которая приписывается Павлу, означала возвращение к самой произвольной части указа Петра Великого, по которому государь мог в обход своих кровных родственников, усыновив постороннее лицо, сделать его наследником короны. У нас нет никаких достаточно отчетливых свидетельств о намерении Павла, все остается в области предположений.

Рассказ принца Евгения интересует нас еще и по другой причине. Это единственный источник, реально описывающий княгиню Гагарину, благодаря которому мы можем составить представление об этой молодой женщине. К тому, что было сказано выше, мы немного можем добавить.

Палену нужны были аргументы, которые помогли бы сломить последнее сопротивление Александра, и не возникает никакого сомнения, что он их

нашел. Помогли угрозы Павла против своей семьи, добросовестно переданные турком военному губернатору, и еще больше, возможно, странная комедия, разыгравшаяся вокруг принца Евгения. В течение всей своей жизни после переворота Александр Благословенный никогда не был искренним: ни с собой, ни с другими. Страусиная политика и двуличность составляли основные черты его характера. В данном случае он хотел прийти к той же цели, что и заговорщики, но, как кажется, все же не желая убийства отца. Но предпринял ли он хотя бы самую малость для того, чтобы предупредить вероятность такого развития событий? Молодость? Неопытность? Но ведь вся русская история XVIII в. была полна подобных примеров, последним из которых было свержение с престола Петра III и его скорая кончина. Нельзя поверить, чтобы ему не мерещилась возможность повторения подобного хода переворота. Вместо того чтобы взять дело в свои руки, вместо того чтобы исключить любую возможность убийства, он предоставил событиям идти своим чередом.

Как тщательно ни плелись нити заговора, все же кое-что не могло не дойти до ушей царя: неопределенные слухи, анонимные доносы. Рассказывают, что 11 марта, еще накануне убийства, кто-то вручил Кутайсову письмо с просьбой обязательно и незамедлительно передать его содержание императору. Кутайсов будто бы сунул письмо в карман и забыл о нем. В письме был точный план переворота и полный список заговорщиков¹. Правда, Кутайсовым этот рассказ опровергается.

Как бы то ни было, Павел, видимо, предчувствовал беду. Это подтверждается воспоминаниями о беседе, которую он имел с Паленом. Мемуаристы по-разному передают содержание беседы и называют различные даты ее проведения. Либо она состоялась за несколько дней до переворота, либо лишь утром 11 марта. В последнем случае она ускорила осуществление плана по свержению Павла, первоначально намечаемого на несколько дней позднее. Будто бы события должны были последовать только после Пасхи, которая в том году выпадала на 24 марта. Затем переворот был перенесен на 15 марта, день убийства Цезаря. Такого рода соображения, обусловленные театральностью, были чрезвычайно в духе того времени. Я начинаю с воспоминаний Вельяминова-Зернова. Итак, Павел обращается к Палену: «Знаете ли вы, что было в 1762 году?» — «Знаю, государь». — «А знаете ли, что теперь делается?» — «Знаю». — «А что вы, сударь, ничего не предпринимаете по званию военного губернатора? Знаете ли, кто против меня в заговоре?» — «Знаю, ваше величество. Вот список заговорщиков и я сам в нем». — «Как,

¹ Allonville, C-te Armand d'. Memoires tires des papiers d'un homme d'Etat etc. T. VIII. Paris, 1834. P. 85-86. (*Аллонвиль, Арман д'*, граф. Воспоминания, извлеченные из бумаг одного государственного деятеля и т. д. Т. VIII. Париж, 1834. С. 85-86.)

сударь?» — Иначе как бы я мог узнать их всех и их замыслы? Я умышленно вступил в число заговорщиков, чтобы подробнее узнать все их намерения». — «Сейчас же схватить их всех, заковать в цепи, посадить в крепость, в казематы, разослать в Сибирь, на каторгу!» — возопил Павел, расхаживая скорыми шагами по комнате. «Ваше величество, — возразил Пален, — извольте, прочесть этот список: тут ваша супруга, оба сына, обе невестки — как можно взять их без особого повеления вашего величества? Я не найду исполнителей и не в силах буду этого сделать. Взять все семейство вашего величества под стражу и в заточение без явных улик и доказательств — это столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россию и не иметь еще через то верного средства спасти особу вашу. Я прошу ваше величество верить мне и дать мне собственноручный указ, по которому я мог исполнить все то, что вы теперь приказываете; но исполнить тогда, когда наступит удобное время, то есть когда я уличу в злоумышлении кого-нибудь из вашей фамилии, а остальных заговорщиков я тогда уже схвачу без затруднения».

«Павел поддался на этот обман и написал указ, повелевающий императрицу и обеих великих княгинь развести по монастырям, а наследника престола и брата его Константина заключить в крепость, прочим же заговорщикам произвести строжайшие наказания. Пален с этим указом обратился к наследнику и с помощью некоторых приближенных к нему лиц исторгнул у Александра согласие низвергнуть с престола отца его». Так пишет Вельяминов-Зернов.

Граф Ланжерон передает собственный рассказ Палена об этой беседе, и он отличается от предыдущего. Впрочем, Пален описывал события этих дней в разные периоды своей жизни после переворота по-разному, поэтому его личные высказывания также не могут претендовать на безусловную точность: «Мы назначили исполнение наших планов на конецмарта, но непредвиденные обстоятельства ускорили срок: многие офицеры гвардии были предупреждены о наших замыслах, многие их угадали. Я мог всего опасаться от их нескромности и жил в тревоге. 7 марта [таким образом, здесь указывается дата беседы за четыре дня до событий, в то время как Коцебу называет субботу, 9 марта] я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему по обыкновению рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец: "Господин фон Пален! вы были здесь в 1762 году?" — "Да, ваше величество". — "Были вы здесь?" — "Да, ваше величество, — но что вам угодно этим сказать?" — "Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?" — "Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит: но почему, ваше величество,

задаете вы мне подобный вопрос?" — "Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год".

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: "Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре". — "Как! вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите!" — "Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома: каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери, у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет". — "Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать".

На этом наш разговор и остановился, я тотчас же написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар: он заставил меня отсрочить его до 11-го дня, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных. Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня. Наконец наступил роковой момент; вы знаете все, что произошло. Император погиб, и должен был погибнуть: я не был ни очевидцем, ни действующим лицом при его смерти. Я предвидел ее, но не хотел в ней участвовать, так как дал слово великому князю».

«Странный изворот! — замечает Ланжерон, — он не способствовал смерти Павла! Но, несомненно, это он приказал Зубовым и Бенигсену совершить убийство». Мы знаем, что отказ Палена от участия в убийстве был обусловлен не угрызениями совести, а заботой о личной безопасности.

Гейкинг также слышал рассказ Палена о его беседе с Павлом. Он упоминает, что, когда император неожиданно заговорил о заговоре, военный губернатор смог взять себя в руки только благодаря тому, что он выиграл несколько секунд, опустив глаза в бумаги, которые он держал в руках: «Если бы Павел положил мне руку на сердце, то он открыл бы все; но чело мое не омрачилось, и это спасло меня благодаря бумагам, которые были у меня в руках».

Саблуков рассказывает еще, что император Павел поблагодарил Палена и спросил его, не признает ли он со своей стороны посоветовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тот отвечал, что ничего больше не требуется. «Разве только, ваше величество, удалите вот этих якобинцев (при этом он указал на дверь, за которой стоял караул от конной гвардии), да прикажите заколотить эту дверь» (ведущую в спальню императрицы). Оба эти совета злополучный монарх не преминул исполнить, как известно, на свою собственную погибель». Следует заметить, что намек на караул полка конной гвардии мог быть сделан не ранее первой половины 11 марта, так как император только вечером, за два часа до драмы, отослал его, употребив то же самое определение «якобинцы», которое дал ему Пален.

Большинство приведенных выше рассказов грешит очевидным стремлением к риторике, поэтому более деловитый рассказ княгини Ливен вызывает больше доверия. Она утверждает, что слышала его лично от самого Палена. «Накануне кончины император Павел неожиданно меня спросил, не отводя пристального взгляда от моих глаз, знаю ли я, что против него замышлен заговор, весьма разветвленный, и участниками которого, между прочим, являются лица, очень близкие царю. Взгляд государя был пронизывающий, подозрительный и настолько навел на меня страх, что я похолодел. Я чувствовал, как у меня во рту пересыхает, и я, пожалуй, не смогу даже слова промолвить. Но я не потерялся и, желая оправиться, расхохотался. "Государь, ведь если заговор этот проявляет деятельность, то потому, что сам же я им руковожу. Я с такой ловкостью сосредоточил все нити заговора в собственных руках, что помимо меня ничего не делается. Будьте совершенно покойны, ваше величество. Никакие злоумышления рук моих не минуют, я в том отвечаю вам собственной головой". Государь ласково взял меня за руку и сказал: "Я вам верю". Тут только вздохнул я свободно».

Но, видимо, беседа с Паленом не полностью успокоила царя. Тайно он за день до своей смерти вызвал в столицу Аракчеева, который, как мы видели, находился в опале в своем имении Грузино в Новгородской области. Быть может, Павел хотел назначить его военным губернатором к наследнику. Верный пес поспешил к своему господину и вечером 11 марта подъехал к городским воротам. Но Пален пронюхал об этом, вероятно через Кутайсова, и велел задержать его у заставы. Таким образом, в то время, как Павла убивали во дворце, Аракчеев вынужден был торчать в караулке. На памятнике, посвященном Павлу, который он соорудил в церкви своего поместья, он велел высечь надпись: «Сердце чисто и дух прав пред Тобою». Пожалуй, именно здесь следует искать ключ к той вызывающей неприятное удивление дружбе, связывавшей императора Александра с этим отталкивающим созданием, который стал злым гением второй половины его царствования. Вызван был также Линденер из Калуги, но путешествие оттуда длится слишком долго.

Граф де Сегюр, биограф и внук Ростопчина, рассказывает, что Павел вызвал и его¹. За несколько дней до драмы он будто бы получил от императора записку, в которой было нацарапано всего несколько слов, причем в спешке: «Вы мне нужны. Приезжайте быстро. Павел». Граф тотчас же отправился в путь, но, приехав в Москву, узнал о внезапной смерти монарха. Он понял, что произошло, и вернулся в свое поместье. Позднее Ростопчин утверждал, что если бы он был в то время в Петербурге, то предотвратил бы преступление.

В воскресенье 10 марта при дворе давался концерт (по некоторым сообщениям, это было в субботу, 9-го). Принц Евгений пишет о том, что он опять находился «рядом со своей доброжелательной покровительницей. Общее мрачное настроение в этот день еще больше бросалось в глаза. Даже пение мадам Шевалье, казалось, мало привлекало внимание императора. Великая княгиня Елизавета была тиха и печальна. Александр разделял ее сумрачное настроение. Императрица с беспокойством оглядывалась и, казалось, задумывалась над тем, какими пагубными мыслями поглощен ее супруг. Государь смотрел сердито и расстроено, и меня удивляло, что в таком настроении он не отказался от концерта. Моя молодая соседка часто бросала на меня взгляды, и я заметил, что на глазах у нее блестели слезы. Но только по окончании концерта она собралась с духом и прошептала мне: "После ужина удалите мне несколько минут. Я буду вас ожидать в зале"».

Другой свидетель, поручик Полторацкий из Семеновского полка, пишет: «Павел прогуливался среди трепетавших военных, построенных по полкам. Я был с семеновцами. Великий князь Александр, бывший шефом нашего полка, приблизился ко мне и сказал: "Завтра вы будете стоять на часах в Михайловском замке". Я поклонился, но мне была неприятна необходимость нести караул вне очереди. Однако делать было нечего: необходимо было пройти через это». Рассказ Полторацкого является неожиданным. По двум причинам. Во-первых, он, как мы увидим дальше, входил в состав заговорщиков и поэтому не должен был удивляться распоряжению Александра, во-вторых, сообщение Полторацкого имеет смысл только в том случае, если концерт состоялся, как он и указывает, в воскресенье 10 марта. Но это противоречит рассказу принца Евгения, который четко разграничивает события в субботу, воскресенье и понедельник. И все же ошибается последний. Камер-фурьерский журнал неумолимо фиксирует, что принц приглашался к императорскому столу только 2-го и 10-го марта, а также что французский концерт состоялся 10 марта, а не 9-го. Таковы объективные данные официальных документов. Евгений далее рассказывает: «После концерта государь, по своему обыкновению, удалился, но его отсутствие длилось более

¹ *C-teA. deSegur. Viedu ComteRostopchineetc. Paris, 1872. P. 86. (Граф де Сегюр. Жизнь графа Ростопчина... Париж, 1872. С. 86.)*

обыкновенного. По возвращении же произошло событие, значение которого я смог понять только позднее. Когда обе половины дверей распахнулись, он подошел к близ стоявшей справа императрице, остановился перед ней, насмешливо улыбаясь, скрестивши руки, и, по своему обыкновению, тяжело дыша, что служило признаком сильного недовольства. Затем он повторил те же угрожающие приемы перед обоими великими князьями. В заключение он подошел к графу Палену, со зловещим видом шепнул ему на ухо несколько слов и поспешил к столу. Все последовали за ним молча и со стесненной грудью. На мой вопрос графине Ливен: "Что это значит?", она ответила коротко: "Это не касается ни вас, ни меня!" Гробовая тишина царилла за этой печальной трапезой, и когда, по окончании ее, императрица и великие князья хотели поблагодарить императора, он отстранил их от себя с насмешливой улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась, глубоко взволнованная».

Эта сцена доказывает, что Пален достиг своей цели. Павел был убежден в происках своего семейства, а оно в его таких же намерениях против него.

Евгений сообщает дальше: «Я нашел мою молодую приятельницу при выходе из столовой в одном из скудно освещенных коридоров. Она шепнула генералу Дибичу несколько слов, которые он, кажется, выслушал с удивлением, но почтительно ответил: "Слушаюсь!" Она крепко схватила меня за руки, поцеловала в лоб, а затем довольно пылко заключила меня в объятия и воскликнула: "О вас позаботятся, Господь не оставит нас, не забывайте меня". Это были ее последние слова, больше я ее никогда не видел. Теперь я, наконец, спросил генерала, кто эта дама. "Знаете, — ответил он, смутившись, — здесь так много знатных дам при дворе, что я не могу припомнить их всех". — "Но что она вам сказала?" — "Граф Пален вызовет меня завтра к себе"... Гораздо позднее он объяснил мне, что молодая дама обещала мне убежище в случае необходимости и потребовала, чтобы он, получив определенный сигнал, быстро доставил меня в ее жилище, но его не последовало». В данном случае речь могла идти только о собственном дворце княгини Гагариной на набережной Невы, который она оставила для того, чтобы после постройки Михайловского замка занять там приготовленные для нее покои.

О том, как протекало утро 10 марта, мы также имеем свидетельство очевидца — принца: «В последнее воскресное утро передописываемыми событиями я нашел государя не в лучшем настроении, чем вчера [как мы видели, Евгений перепутал дни]. Дибич объяснил мне во время военного куртага, что государыня и оба великих князя, очевидно, в чем-то провинились. Государь, проходя мимо, пожал мне руку с благоволением, как бы желая сказать: "У меня сейчас нет времени с тобой общаться, но не сочти это меньшее к тебе расположение".

11 марта 1801 г. эскадрон Конногвардейского полка, которым командовал полковник Николай Александрович Саблуков, должен был выставить караул в Михайловский замок. Он состоял из 24 рядовых, 3 унтер-офицеров и одного трубача. Караул находился под командованием корнета Андреевского и был выстроен в комнате перед кабинетом и одновременно спальней императора (на плане № 5) спиной к стене спальни, слева от ведущей в нее двери. Через две комнаты ближе к выходу из личных покоев императора в направлении церкви (на плане № 3) находился другой внутренний караул, от гренадерского батальона Преображенского полка, любимого государева полка, который был ему особенно предан¹. Однако в этот день, по-видимому, намеренно, он был составлен на одну треть из старых преображенских гренадер и на две трети из солдат, включенных в этот полк после раскассирования лейб-гренадерского полка². Этот полк в течение многих царствований, особенно же при Екатерине II, был одним из самых блестящих и наилучше дисциплинированных, и солдаты этого полка были весьма дурно расположены к императору. Караулом командовал уже знакомый нам подпоручик Марин.

Главный караул во дворе замка (на плане № 35), а также наружные часовые, состоял из роты Семеновского полка, шефом которого был Александр, и находился под командой капитана Пейкера, принадлежавшего к гатчинцам, следовательно, преданного Павлу. Согласно некоторым свидетельствам, все солдаты и офицеры этого караула, кроме самого Пейкера, были посвящены в заговор. Пейкера современники называли марионеткой, который исполнял все внешние формальности службы, не отдавая себе никакого отчета для чего они установлены. Вместе с Пейкером в карауле находились капитан Воронков, поручик Полторацкий и подпоручик Ивашкин. Вновь повторим: кажется странным, когда Полторацкий, находившийся, как известно, в карауле вне очереди и не без причины, говорит, что он ничего не знал о предстоящем покушении. Он объясняет это тем, что его полковой командир Депрерадович вечером забыл сообщить ему об этом.

В 10 часов утра полковник Саблуков вывел свой караул на плац-парад. Во время развода адъютант полка Ушаков сообщил ему, что он, Саблуков,

¹ Имеется несоответствие между сообщениями Саблукова, с одной стороны, Коцебу и Полторацкого — с другой. Последние утверждают, что постоянный караул, снаряжавшийся исключительно от Преображенского полка, всегда находился в на первом этаже в овальном зале, справа от парадной лестницы (на плане № 38). На брэнновском же плане второго этажа в качестве мест размещения караула обозначены два овальных зала справа и слева от лестницы (на плане № 30), что ближе к версии Саблукова.

² Полк был раскассирован по инициативе Карла фон Ливена, брата военного министра, строгого и вспыльчивого офицера.

по приказанию шефа полка великого князя Константина в этот день назначен дежурным полковником по полку. Это совершенно противоречило служебным правилам, так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле и который обязан осматривать посты, никогда не возлагалось никаких иных обязанностей. Саблуков заметил это Ушакову несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю Константину; но, к удивлению всех, ни его, ни великого князя Александра не было на разводе. Ушаков не объяснил причин всего этого, хотя, видимо, он их знал.

Так как Саблуков не имел права не исполнить приказания великого князя, то он повел караул во дворец, напомнил корнету Андреевскому обо всех его обязанностях, ибо он не рассчитывал уже видеть его в течение дня, и вернулся в казарму для того, чтобы исполнять должность дежурного по полку.

В это утро во время плац-парада император сильно гневался, однако наказания никто не получил. После парада Пален приказал всем офицерам гвардии собраться на его квартире. Прямо из экзерциргауза отправились к нему и ждали более часа, Пален все еще находился во дворце. Наконец он появился с мрачным и расстроенным лицом и довольно грозно сказал: "Господа! Государь приказал объявить вам, что он службой вашей чрезвычайно недоволен, что он ежедневно и на каждом шагу примечает ваше нерадение, леность, невнимание к его приказаниям и вообще небрежение в исполнении вашей должности. Так что ежели он и впредь будет замечать то же, то он приказал вам сказать, что он разошлет вас всех по таким местам, где и костей ваших не отыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше!" Все разъехались с горестными лицами и с унынием в сердце. Всякий желал перемены правительства»¹.

Мы, к сожалению, не знаем, основаны ли подобные рассказы на действительных событиях или это пересказанные мемуаристом городские слухи, или, наконец, плод его собственной фантазии. Но если сообщение правдиво, то оно является еще одним примером шахматных ходов, придуманных сатанинским умом Палена для того, чтобы вызвать в гвардии желаемое настроение.

Согласно камер-фурьерскому журналу, с 11 часов император и императрица прогуливались по городу верхом. Государя сопровождал обер-штальмейстер граф Кутайсов, государыню — фрейлина Протасова 2-я. Около полудня Коцебу, который работал над своим описанием замка, встретил императора, вернувшегося с верховой прогулки, на парадной лестнице рядом со статуей капитолийской Клеопатры (?)². Павел несколько минут ласково беседовал с писателем, сказал несколько слов о судьбе египетской царицы

¹ *Веляминов-Зернов Н.* Указ. соч. (Цареубийство... С. 124 -125).

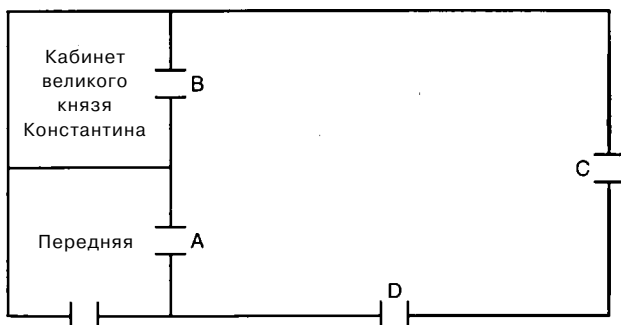
² Знак вопроса поставлен у В. П. Зубова. — *Примеч. перев.*

и затем, дойдя до самого верха лестницы, еще раз оглянулся на Коцебу. Они виделись в последний раз.

Как обычно, обеденный стол для императора был накрыт на восемь кувертов, приглашены к столу шесть человек. В 4 часа императрица посетила институт благородных девиц в Смольном монастыре и вернулась в 6 часов, после чего императорская семья собралась в гостиной комнате, присутствовали, кроме их императорских величеств, оба взрослых великих князя с супругами, юные великие княжны Мария и Екатерина и приглашаемые обычно на эти собрания знатные особы.

Но вернемся к Саблукову. Приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов в казарме Конногвардейского полка, в восемь часов вечера он поехал в замок для того, чтобы сдать свой рапорт великому князю Константину. Выйдя из саней у главного подъезда (на плане № 31), он встретил камер-лакея собственных его величества апартаментов, который спросил его, куда он идет. Саблуков хорошо знал этого человека и, думая, что тот спрашивает из простого любопытства, ответил, что идет к великому князю Константину. «Пожалуйста, не ходите, — сказал слуга, — ибо я тотчас должен донести об этом государю». — «Не могу не пойти, потому что я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его высочеству; так и скажите государю». Лакей побежал по лестнице на одну сторону замка, Саблуков поднялся на другую.

Когда он вошел в переднюю великого князя, его доверенный камердинер Рутковский спросил с удивленным видом: «Зачем вы пришли сюда?» Саблуков ответил, бросая шубу на диван: «Вы, кажется, все здесь с ума сошли! Я дежурный полковник». Тогда Рутковский отпер дверь и сказал: «Хорошо, войдите!»

Константин стоял в трех-четыре шагах от двери В (на маленьком плане Саблукова). Он имел вид очень взволнованный. Саблуков тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. Между тем великий князь Александр вышел

из двери С, прокрадываясь, как испуганный заяц (like a frightened hare). В эту минуту отрылась задняя дверь D и вошел император *progrgia persona*, в сапогах и шпорах, со шляпой в одной руке и тростью в другой, и направился к стоявшей группе церемониальным шагом, словно на параде. Александр поспешно убежал в собственные апартаменты. Константин стоял пораженный, с руками, бьющимися по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем. Саблуков же, повернувшись, по уставу, на каблучках, отрапортовал императору о состоянии полка. Император сказал: «А, ты дежурный!», очень учтиво кивнул ему головой, повернулся и пошел к двери D. Когда он вышел, Александр немного приоткрыл свою дверь и заглянул в комнату. Когда вторая дверь в ближайшей комнате громко стукнула, доказывая, что император действительно ушел, Александр, крадучись, снова подошел к ним. Константин, указывая на Саблукова, сказал Александру: «Ну, братец, что скажете вы о моих? Я говорил вам, что он не испугается!» Александр спросил: «Как? Вы не боитесь императора?» — «Нет, ваше высочество, чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди, я исполняю мои обязанности и не боюсь никого, кроме великого князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же, как мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня». — «Так вы ничего не знаете?» — спросил Александр. «Ничего, ваше высочество, кроме того, что я дежурный не в очередь». — «Я так приказал» — сказал Константин. «К тому же мы оба под арестом» — продолжил Александр. Саблуков засмеялся. Великий князь сказал: «Отчего вы смеетесь?» — «Оттого что вы давно желали этой чести». — «Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих водил в церковь Оболянинов, присягать в верности». (Таким образом, за несколько часов до государственного переворота, предпринятого с его согласия, Александр дал отцу присягу в верности). — «Меня нет надобности приводить к присяге, я верен». — «Хорошо, — сказал Константин, — теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны».

Саблуков поклонился и вышел. В передней, пока Рутковский подавал ему шубу, Константин крикнул: «Рутковский, стакан воды!» Рутковский налил, а Саблуков заметил ему, что на поверхности плавает перышко. Рутковский вынул его пальцем и, бросив на пол, сказал: «Сегодня оно плавает, но завтра потонет». Саблуков отправился домой. Было ровно девять, когда он бросился в свое кресло и предался довольно тревожным размышлениям по поводу всего, что он только что слышал и видел, в связи с предчувствиями, которые он имел раньше.

Между тем в замке был накрыт стол для ужина (на плане № 25). Ланжерон приводит рассказ присутствовавшего на нем генерала Кутузова, будущего победителя Наполеона, который, однако, не был посвящен в заговор. За столом было 20 человек. Император был очень весел и шутил с дочерью

генерала, которая присутствовала за ужином в качестве фрейлины и сидела против императора. После ужина Павел говорил с генералом, и пока тот отвечал ему, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток. Павел сказал: «Посмотрите, какое смешное зеркало! Я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полтора часа до его смерти. Есть несколько вариантов этой истории. Коцебу рассказывает, что у государя за несколько дней до этого случился судорожный припадок, который несколько скривил ему рот. Он сам шутил над этим, подошел к зеркалу и сказал: «Я могу смотреть в зеркало столько, сколько захочу, но всегда мой рот остается кривым!» Гейкинг сообщает: «Вечером 11 марта успокоенный государь весело поужинал. Графиня Пален присутствовала при этом. Весьма вероятно, что она ничего не знала о заговоре или, по крайней мере, думала, что катастрофа осуществится еще не скоро. Во время ужина Павел сказал: "Мне приснилось, что у меня скосило рот; говорят, что это дурная примета". Нарышкин (речь идет об Александре Львовиче, гофмаршале. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч. перев.*) ответил ему смеясь: "А между тем ваше величество изволили проснуться, (mit sehr guten Mund), а рот оказался на месте". (Я слышал этот рассказ от графини Пален, а графиня Ливен передала его в тех же выражениях одному из моих друзей. Эта игра слов трудно поддается переводу на немецкий язык)¹. Государь также засмеялся, и разговор перешел на другие предметы».

Часто повторяются различные рассказы о предчувствиях Павла. О явлении ему Петра Великого он рассказывал сам, как и о сне, который он и его супруга видели одновременно в ночь перед вступлением на престол. За четыре или пять дней до катастрофы Павел с императрицей в сопровождении шталмейстера Муханова совершали верховую прогулку в так называемом третьем Летнем саду. Стояла оттепель. Вдруг император остановил свою лошадь, обернувшись к Муханову, ехавшему рядом с императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» — «Государь, это, вероятно, действие оттепели», — отвечал Муханов. Павел ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок. Это не рассказ *post factum*. Саблуков утверждает, что услышал эту историю в тот же день от Муханова, который был его родственником.

В этой связи можно рассказать и о следующем факте. В качестве главы русской церкви Павел со времени своей коронации принимал причастие без священника. Одетый в далматику, он проходил через царские врата иконо-

¹ Разговор за столом, вероятнее всего, велся на французском языке, что и вызвало примечание Гейкинга о трудности перевода. В сборнике (Цареубийство... С. 297) это выражение оставлено без перевода. — *Примеч. перев.*

стаса к алтарю, собственноручно брал стоявшую на алтаре чашу и подносил ее ко рту (его преемники повторяли этот жест все же только во время коронационного богослужения). Но последний раз перед смертью, это было в субботу первой недели Великого поста 9 февраля, Павел не последовал этой привычке. Он снял шпагу и орденскую ленту, дошел до царских врат и, не входя в алтарь, принял причастие из рук духовного отца, как все верующие. Это мы узнаем из камер-фурьерского журнала.

Но вернемся в столовую Михайловского замка. В тот вечер стол был сервирован новым сервизом, украшенным видами замка. Государь был в чрезвычайном восхищении, многократно целовал рисунки на фарфоре и говорил, что это один из счастливейших дней его жизни¹. Вопреки свидетельству генерала Кутузова камер-фурьерский журнал зафиксировал, что вечерний стол состоялся не на 20-ти, а на 19-ти кувертах. Порядок за столом был следующим: по левую руку от супруга сидела императрица, справа от него находился Александр, затем его супруга, великая княгиня Елизавета, великая княжна Мария Павловна, статс-дама графиня Пален, камер-фрейлина Протасова 2, фрейлина Кутузова 2, генерал от инфантерии Кутузов, обер-камергер граф Строганов, обер-гофмаршал Нарышкин, обер-камергер граф Шереметев, шталмейстер Муханов, фрейлина графиня Пален, сенатор князь Юсупов, статс-дама Ренне, статс-дама графиня Ливен, великая княгиня Анна Федоровна (урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская), ее супруг, великий князь Константин, который таким образом оказывался возле матери. По другому свидетельству, которое мы находим в воспоминаниях графини Головиной, Павел был не в таком уж хорошем расположении духа². На самом деле, ситуация была трагической. Отец и сын, за столом сидевшие рядом, ждали друг от друга самого худшего. Александр, по сообщениям очевидцев, на последнем обеде отца, приговоренного к смерти, проявил удивительное самообладание, когда он прощался с ним, по его лицу не пробежало ни тени волнения. Позднее такое поведение было расценено как бессердечие и двоедушие. В качестве оправдания его друг Чарторыйский утверждал, что Александр неоднократно рассказывал ему, что в эти мгновения его сердце буквально разрывалось от горя, но он не мог не думать о страшной опасности, угрожавшей его матери и всему семейству в случае неудачи заговора. К тому же Чарторыйскому было известно, что оба великих князя были всегда чрезвычайно сдержанны в присутствии отца, и эта привычка скрывать свои мысли и чувства служит лучшим объяснением того, что в этот вечер никто не заметил глубокой душевной борьбы Александра. Однако есть и

¹ *Петр Иванович Полетика*. Воспоминания. Русский архив. 1885. III. С.322.

² *Comtesse Golovine*. Souvenirs. 3-me ed., Paris, 1910. P. 254 (*Графиня Головина*. Воспоминания. 3-е изд. Париж, 1910. С. 254).

другие утверждения, будто Павел все же заметил угнетенное состояние сына и спросил его: «Сударь, что с вами сегодня?» — «Государь, я чувствую себя не совсем хорошо». — «В таком случае обратитесь к врачу и полечитесь. Нужно пресекать недомогание вначале, чтоб не допустить серьезной болезни». Великий князь ничего не отвечал, но наклонился и потупил глаза. Через несколько минут Александр чихнул, на что Павел сказал: «За исполнение всех ваших желаний, сударь».

После ужина Павел очень приветливо поговорил со своим лейб-медиком, шотландцем Гриве, был рад, что ему не нужно больше глотать лекарство, и спросил, чем болен военный министр граф Ливен, который уже несколько дней не выезжал из дома. Гриве доложил о его болезни. Государь, который в ней несколько сомневался, весьма пристально смотрел на доктора во время этого доклада и потом спросил его: «Признайтесь честно, он действительно болен?» Гриве повторил свои уверения, и Павел отвернулся от него с некоторым неудовольствием¹. В тот же вечер в 11 часов он написал графу Ливену последнюю записку, в которой он приказывал ему передать портфель военного министерства князю Гагарину, мужу фаворитки, в связи с тем, что его болезнь затягивается слишком долго, а дела не могут зависеть от его самочувствия.

Мистер Росс, который после возобновления дипломатических отношений с Англией при Александре I был атташе при британском посольстве, писал лорду Мэлмсбери², что он слышал от Гриве рассказ о его последней беседе с царем; эта версия значительно отличается от вышеизложенной. Доктор был занят приготовлением микстуры для Павла, когда тот подошел к нему и, пристально глядя, сказал: «Кстати, мой дорогой, вас не мучает совесть, что вы лечите врага своих соотечественников?» Гриве ответил: «Каждый человек моей профессии не имеет никакой другой цели, кроме лучшего выполнения долга человечности». Государь обнял его и сказал: «Я не сомневаюсь в этом, и не сомневался никогда».

Хорошее настроение Павла не подтверждается также воспоминаниями, согласно которым он в этот вечер ни с кем не попрощался перед уходом. При дворе было заведено после ужина всем выходить в помещение, примыкающее к столовой, и желать государю доброй ночи. На этот раз он только сказал: «Чему быть, того не миновать»³. Однако очевидно, что этот рассказ не

¹ Княгиня Ливен пишет, что английский врач императора мистер Бек по его приказу ежедневно посещал ее мужа. Но придворный врач Бек не был англичанином, а был уроженцем Риги. Так что здесь явная ошибка княгини.

² Diaries and correspondence of James Harries, First Earl of Malmesbury. London, 1844. Т. IV. P. 55

³ Воспоминания кн. Сергея Михайловича Голицына. Русский архив. 1869. С. 633.

соответствует истине и придуман задним числом. Есть также сведения, что Павел после ужина почувствовал легкое недомогание и удалился, как всегда, в 10 часов, чтобы отправиться к княгине Гагариной, у которой он обычно оставался каждый вечер до одиннадцати часов. Пройти к ней можно было, как мы знаем, из его личных комнат по потайной лестнице.

Мы оставили полковника Саблукова в тот момент, когда дома он бросился в кресло и предался размышлениям. Через три четверти часа слуга ввел к нему фельдъегеря из замка: «Его величество желает, чтобы вы немедленно явились во дворец». — «Очень хорошо», — ответил полковник и велел подать сани. Подобный приказ, полученный через фельдъегеря, означал тогда плохое предзнаменование. Саблуков, однако же, не имел дурных предчувствий и, немедленно отправившись к своему караулу в передней императора, спросил корнета Андреевского, все ли обстоит благополучно. Тот ответил, что все совершенно благополучно; император и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имели вид очень милостивый. Полковник сказал ему, что за ним послал государь, и он не может понять зачем. Андреевский также этого не знал¹.

В шестнадцать минут одиннадцатого часовой крикнул: «Вон!», караул вышел и выстроился. Император показался из двери, в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпиц, а следовал за ним Уваров, дежурный генерал-адъютант. Собачка подбежала к Саблукову и стала ласкаться, хотя до этого никогда его не видела. Тот отстранил ее шляпой, но она опять кинулась к нему, и император отогнал ее ударом шляпы. После чего Шпиц сел позади Павла Петровича на задние лапки, не переставая пристально глядеть на Саблукова. Полковник стоял в двух шагах от караула, император подошел к нему и сказал по-французски: «Вы якобинцы». Несколько озадаченный этими словами, полковник ответил: «Да, государь». Павел возразил: «Не вы, а ваш полк». — «Что касается меня, то это куда ни шло, но вы ошибаетесь, государь, относительно полка». Император ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Саблуков командовал: «По отделениям, направо! Марш!» Корнет Андреевский вывел караул. Шпиц не шевелился и все время во все глаза смотрел на Саблукова. Император, продолжая говорить по-русски, повторил, что полк состоит из якобинцев, Саблуков вновь отверг это обвинение. Павел снова заметил, что лучше знает, и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по деревням, причем Саблукову он сказал весьма милостиво: «А ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе; два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты; распорядитесь, чтобы он был готов

¹ Совершенно непонятно, как императрица могла проходить через переднюю императора.

утром в четыре часа, в полной походной форме и с поклажей». Затем, обращаясь к двум лакеям, одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал, указывая на дверь своей комнаты: «Вы оба займите этот пост». Уваров все это время за спиной государя делал гримасы и усмехался, а верный Шпиц все время серьезно смотрел на Саблукова. Император затем поклонился особенно милостиво Саблукову и ушел в свой кабинет.

Рисунок Саблукова, который он сделал по памяти, не совсем соответствует плану архитектора Бренны

Полковник вернулся в казарму и поставил в известность командира полка генерала Тормасова о высочайших приказах. Тот молча покачал головой и приказал сделать соответствующие распоряжения в казармах. Это было ровно в 11 часов.

Таким образом, следуя внушениям Палена, Павел сам удалил караул полка, который был ему полностью предан и защитил бы его. На следующее утро, в 10 часов, после совершенного преступления, во время вахтпарада Пален подошел к Саблукову и сказал: «Я боялся вас больше, чем всего гарнизона». — «И вы были правы, — ответил тот. — Поэтому я и позаботился о том, чтобы вас услали».

Из покоев княгини Гагариной Павел послал еще две записки шефу первого кадетского корпуса князю Зубову с приказом представить тем же вече-

ром новых пажей. Немецкий писатель генерал Теодор Клиндер, автор «Бури и натиска», был тогда директором корпуса¹. У него Зубов провел весь вечер, по-видимому, весьма спокойно и болтал обо всем с полной непринужденностью. В 10 часов принесли первую записку от государя. «Скорей! Скорей!» — сказал Зубов, улыбаясь, и отправил пажей, поручив в своем ответе государю генерала Клиндера его благосклонности. В 11 часов принесена была вторая записка, написанная в самых милостивых выражениях: государь с благосклонностью упоминал в ней о Клиндере и спрашивал, что делает Дибич в кадетском корпусе. «Ничего хорошего и ничего дурного, — отвечал Зубов, — для хорошего ему недостает знания русского языка, а для дурного — власти». Поговорив несколько времени об этой переписке, Зубов удалился в 12 часов².

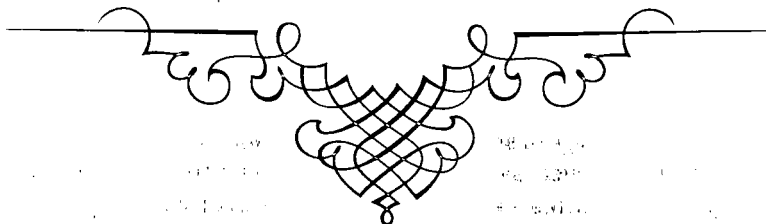
Имеются сведения, что Павел велел зайти к княгине Гагариной еще и обер-гофмаршалу для того, чтобы обсудить с ним строительный проект. Если мемуаристы верно донесли до нас перечень занятий императора в этот вечер, то в постель он мог лечь не раньше половины двенадцатого. Значит, после этого драма разыгралась спустя очень короткое время.

¹ 11 февраля 1801 г. директору I-го кадетского корпуса князю Зубову поведено называться шефом корпуса, генерал-майору Клиндери — директором, а генерал-майору Дибичу — командиром названного корпуса. Дибич, который только что привез в Россию принца Евгения Вюртембергского, был ранее прусским офицером, но там его не любили и считали интриганом. Тогда он поступил на русскую службу. После смерти Павла он потерял место воспитателя принца и был зачислен в армию. Он был отцом фельдмаршала Дибича, который отличился на русской службе в наполеоновских войнах.

² Это сообщение, которым мы обязаны Коцебу, не согласуется, по крайней мере, в отношении времени. Вообще, невозможно на основании различных воспоминаний составить хронологическую таблицу событий этой ночи. Данные противоречат друг другу, и все вместе — здравому рассудку. Единственные объективные точки опоры мы находим в камер-фурьерском журнале, но они очень скудны.

Третья часть

ЦАРЕУБИЙСТВО

Заговорщики ужинали отдельными небольшими группами. Поздно вечером, около 11 часов, все они собрались у генерала Талызина в его квартире в здании лейб-компаний¹ Преображенского полка, которое находилось рядом с Зимним дворцом. Довольно долго ждали военного губернатора, он появился около половины двенадцатого. Не снимая шляпы, он спросил: «Все готово?» Ему ответили: «Да, все». — «Ну, дорогой хозяин, при этом случае надобно шампанского!» Пален, выпивая первым, сказал приглушенным, но твердым голосом: «Поздравляю с новым императором!»

Бенигсен около 10 часов пришел к князю Зубову и там встретил его братьев, графов Николая и Валериана, а также трех других заговорщиков. Немного позже полуночи, по его словам, он сел в сани с князем, чтобы ехать к Палену². У дверей квартиры Палена стоял полицейский офицер, который сообщил им, что граф ждет их у генерала Талызина. Таким образом, Бенигсен и Зубов вроде бы прибыли туда позднее Палена.

Гости Талызина, генералы и старшие офицеры, не все были посвящены в детали заговора, но заговорщики были уверены в их общем настрое. Только в этот вечер приглашенные осознали полностью значение акции, в которой должны были принять участие.

Платон Зубов сказал речь, в которой, описав плачевное положение России вследствие сумасшествия Павла, указывал на бедствия, угрожающие и государству, и каждому частному лицу, говорил о безрассудном разрыве

¹ Так называли первый батальон Преображенского полка.

² Это утверждение Бенигсена находится в полном несоответствии с сообщением Коцебу, согласно которому Зубов провел вечер с Клингером. Как уже говорилось, все данные о времени противоречат друг другу.

с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ее экономическое благосостояние, доказывал, что при таком положении нашей внешней политики балтийским портам и самой столице может грозить неминуемая опасность и что, наконец, никто из присутствующих не может быть уверен в своей личной безопасности, не зная, что его ожидает на следующий день. Затем он стал говорить о прекрасных душевных качествах наследника, которого покойная императрица Екатерина всегда рассматривала как истинного наследника престола, и, без сомнения, она бы передала ему власть, если бы внезапная смерть не помешала ей в этом. Свою речь он закончил заявлением, что великий князь Александр, удрученный бедственным положением отечества, решился спасти его и что, таким образом, все дело сводится теперь лишь к тому, чтобы низложить императора Павла, заставив его подписать отречение в пользу наследника престола. Провозглашение Александра, по словам оратора, спасет отечество и самого Павла от неминуемой гибели.

Пален и Зубов категорически заявили, что настоящий проект вполне одобрен Александром, умолчав, однако, какие усилия они затратили, чтобы вырвать у Александра это согласие. Таким образом, все сомнения присутствующих были перечеркнуты, и полились новые потоки вина за здоровье будущего государя.

Перед окончанием застолья, отвечая на вопрос, что делать с Павлом, если он откажется добровольно отречься от престола, Пален якобы сказал: «Господа, напоминаю, чтобы съесть яичницу — нужно сначала разбить яйца».

Полковник Измайловского полка Бибиков, прекрасный офицер, принадлежащий к одной из лучших дворянских фамилий, будто бы высказал во всеуслышанье мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет и с остальными членами его семьи, и что лучше всего было бы отделаться от них от всех сразу. Впервые в истории страны была озвучена идея, которая получила свое продолжение 25 лет спустя во время декабрьского восстания и нашла свое ужасное воплощение в 1917г. Вообще, этой ночью многое говорилось слишком открыто и неосторожно. При этом слуги входили и выходили из комнаты. Бенигсен в одном из вариантов своих воспоминаний говорит о том, что никто из них не бросился в замок и не донес на заговорщиков. Он видит в этом факте доказательство всеобщего нетерпеливого ожидания конца павловского царствования, как и в том, что множество лиц в городе также знали о готовящемся событии, и все-таки никто не выдал тайны. Мне все это кажется отговорками. Как мог слуга ночью передать известие в замок? Его бы туда просто не пропустили. Идти в полицию? Но она была в руках Палена. Мы знаем, что слухи из города все же дошли до Павла, но мы также знаем, как Пален рассеял его подозрения.

Трошинский сочинил манифест, в котором говорилось: «Император ввиду болезни назначил своим соправителем великого князя Александра». Но так как было понятно, что Павел никогда добровольно не подпишет такой акт, то, в крайнем случае, его можно было заключить в Шлиссельбургскую крепость. Князь Зубов и Бенигсен взяли на себя переговоры с государем, в то время как Пален и Уваров должны были обеспечить внешнюю безопасность. Пален, наконец, объявил: «Теперь, господа, вам надобно разделиться: одни идут со мной, другие — с князем Платоном Александровичем. Прошу, разделяйтесь». Никто не тронулся с места. — «А, понимаю», — сказал Пален и стал расставлять без разбора по очереди — одного направо, другого налево, кроме генералов. Потом он, обратясь к Зубову, сказал: «Вот эти господа пойдут с вами, остальные со мной. Мы пойдем разными путями. Пойдемте!» Между было доложено, что к замку началось движение полков. Туда же теперь отправились и заговорщики.

Князь Зубов, его брат Николай и Бенигсен шли во главе первой колонны через Летний сад. Проводником служил Александр Аргамаков, который в качестве плац-адъютанта замка знал все его уголки. Он ежедневно по несколько раз должен был появляться у императора с рапортом, в том числе докладывать ему в любое время дня или ночи о чрезвычайных происшествиях в столице, особенно о пожарах, на которые государь любил выезжать. Павел доверял Аргамакову, и поэтому тот в любое время имел доступ в его спальню.

Другая колонна во главе с военным губернатором и Уваровым двигалась по Невскому проспекту. Валериан Зубов также находился в этой колонне. Он, чрезвычайно резко выступавший, против мысли об убийстве, тем не менее шел вместе со всеми. Эта колонна должна была занять главную лестницу и тем самым отрезать связь замка с внешним миром, в то время как первая должна была пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне.

Тем временем Талызин взял на себя руководство лейб-компанией своего Преображенского полка. После ужина он собрал батальон и решил обратиться к солдатам с речью, в которой объявил людям, что тягость и строгости их службы скоро прекратятся, что наступает время, когда у них будет государь милостивый, добрый и снисходительный, при котором все пойдет иначе. «Вы хорошо меня знаете, вы верите мне, следуйте за мной и делайте все, что я вам прикажу!» Взглянув на солдат, он, однако, заметил, что слова его не произвели на них благоприятного впечатления, все хранили молчание, лица сделались угрюмыми, и в рядах послышался сдержанный ропот. Тогда Талызин прекратил упражнение в красноречии и суровым командным голосом сказал: «Полуоборот направо. Марш!» Войска машинально повиновались его голосу.

Когда они проходили по Летнему саду, с громким карканьем поднялась стая ворон. Солдаты приняли это за дурное предзнаменование и не хотели идти дальше. Тут Талызин крикнул: «Как! Русские гренадеры не боятся пушек и испугались ворон? Вперед! Речь идет о нашем государе!» Это двусмысленное восклицание подействовало, и солдаты молча, с неохотой последовали за своими офицерами.

Во главе 3-го и 4-го батальонов этого полка шли полковник Запольский и генерал князь Вяземский. Они должны были в верхнем Летнем саду, вблизи замка, соединиться с 1-м батальоном Семеновского полка, который должен был привести командир полка генерал Депрерадович.

В других полках в этот день также велась разного рода подготовка. В Семеновском Депрерадович утром приказал одному из батальонных адъютантов, прапорщику лет 16-17-ти, явиться к нему после развода. Юный офицер после собрания у Палена, упомянутого выше, приезжает прямо к командиру полка. «У тебя есть карета?» — спрашивает тот. — «Есть, ваше превосходительство». — «Где ты сегодня обедаешь?» — «У моей тетки». — «Ты не отпустишь кареты домой или куда в другое место?» — «Нет, ваше превосходительство, а, впрочем, как прикажете». — «Нет, этого ненужно, тем лучше. Поди сейчас к казначею и прими от него ящик с патронами. Он такой величины, что как раз уместится в карете, под сиденьем. Возьми эти патроны, уложи их осторожно и храни целый день, да смотри же, не отпускай карету никуда. Часов в 9 вечера приезжай ко мне в той же карете и с патронами». — «Слушаюсь», — отвечал молодой человек, а сам стоял как остолбенелый и смотрел своему генералу в глаза. — Ну, больше ничего — ступай, и будь скромен; у нас сегодня будет новый император».

Юноша отправился с радостью в сердце и был уверен, что все его товарищи встретят эту новость с восторгом. Но он умел сохранить тайну даже от своих кузин, с товарищами он в этот день не виделся. В 9 часов вечера он приезжает к своему генералу, и тот ему говорит: «Поди на полковой двор, там собран батальон в строю, обойди по шеренгам и раздай патроны сам каждому солдату по свертку в руку, как они приготовлены». Адъютант исполнил приказание, и после того, спустя часа полтора, пришел на полковой двор Депрерадович и, обойдя батальон по шеренгам, стал посередине и самым тихим образом скомандовал: «Смирно! Заряжай ружья патронами!» Во время заряжания он беспрестанно повторял: «Тихе, тихе, как можно тихе». Наконец спросил: «Все ли готово?», потом так же весьма тихо скомандовал: «По отделениям направо, марш!» Офицеры, тихе нежели вполголоса, командовали: «Тихе!», а генерал также тихо: «Марш!» Батальон направился к Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнее, без всякого шума и разговоров.

В Измайловском полку довольствовались тем, что послали нескольких офицеров напоить больше обычного одну из креатур Павла — командира полка Петра Федоровича Малютина. Он, можно сказать, пропил в эту ночь своего императора и благодетеля.

Другой преданный императору человек, генерал-лейтенант Кологривов, шеф гвардии гусарского полка, тоже любил погулять. За несколько дней до этого он вызвал неудовольствие государя. Пален использовал это как предлог для того, чтобы именем императора посадить его под домашний арест. В этот вечер Кологривов играл в карты с Павлом Васильевичем Кутузовым, который служил под его началом. В половине двенадцатого Кутузов вынул свои часы и заявил хозяину, что он арестован. Кологривов, не смея выехать из дома, ничего не знал и тоже прогулял всю ночь с приятелями.

Нечто подобное произошло и с комендантом Михайловского замка, генерал-адъютантом императора, генерал-лейтенантом Николаем Осиповичем Котлубицким. Незадолго до этого Пален сказал государю, что ему нужен ежедневный рапорт коменданта о состоянии замка. В связи с этим Котлубицкий каждый вечер либо сам отправлялся к военному губернатору, либо посылал к нему с рапортом своего адъютанта. 11 марта он застал у Палена большое общество, среди них и Платона Зубова (впрочем, последнее совершенно не согласуется с другими сообщениями, которыми мы располагаем). Гости пили шампанское, сказав генералу, что у хозяина день рождения или день ангела. Котлубицкого также заставили выпить. Когда он покидал общество, Пален проследовал за ним в переднюю и сказал: «Генерал, дайте мне вашу шпагу, император приказал вас арестовать». Котлубицкий уверял, что он ни в чем не провинился, и предложил пойти к государю, чтобы выяснить в чем дело. Пален ответил: «Вы не знаете устава?» Котлубицкий вынужден был подчиниться и дал увести себя на гауптвахту. Выпущенный на следующее утро на свободу, он узнал об убийстве императора¹.

Из всех сторонников Павла Кутайсов был единственным, о ком не позаботились всерьез: его считали слишком глупым и трусливым, а следовательно, безвредным, что и подтвердил ход событий. Хотя все же подумали о том, чтобы его обезвредить. Его пытались застать в одиннадцать часов, время, когда он обычно возвращался в замок от мадам Шевалье, но Кутайсов случайно вернулся в этот вечер уже в половине одиннадцатого и тем самым избежал ареста.

Было немного за полночь, когда находившиеся у Талызина заговорщики встали из-за стола и двинулись в путь. Колонна Зубова и Бенигсена из Летнего сада подошла к маленькому пешеходному подъемному мостику, кото-

¹ Рассказы Н. О. Котлубицкого. Русский архив. Т. IV (1866). С. 1301-1331.

рой вел в замок с этой стороны. По приказу Аргамакова мост был опущен, и убийцы оказались внутри укрепления, которое было воздвигнуто благодаря романтическому духу Павла, в его наивной вере застраховаться от любого нападения за рвами и подъемными мостами.

Сейчас я попрошу читателя обратиться к плану первого этажа замка. Через арку (на плане № 40) или через так называемые Рождественские ворота (на плане № 41), которые расположены на церковной стороне замка, под покоем, помеченными на плане № 36, заговорщики попали в маленький треугольный двор (на плане № 32), а оттуда на винтовую лестницу (на плане № 8). Она ведет в маленькое помещение рядом с передней государя (на плане № 7, смотри также маленький план Саблукова на с. 121).

Теперь только двойные двери отделяли заговорщиков от жертвы. Правда, между ними, в толще стены, был вход на потайную лестницу, которая вела в покои княгини Гагариной и Кутайсова. Государь еще мог бы спастись, проснись он вовремя. Многие из тех, кто проник в замок, отстали или потому, что испугались, или потому, что заблудились в помещениях. По сведениям Бенигсена, только двенадцать из них дошли до двери спальни.

Император спал, как обычно, в кальсонах и льняной рубашке с рукавами на походной кровати, стоявшей посередине продольной стены, параллельной окнам. Над кроватью висели шпага, офицерский шарф и трость. В передней несли караул два гусара, которых Павел поставил два часа тому назад, когда он удалил пост конногвардейского полка. Камердинер спал в своем чулане.

С этого момента сообщения значительно расходятся в деталях. Самой правдоподобной выглядит версия, что Аргамаков потребовал допуска в спальню под предлогом необходимости доклада императору о пожаре. Однако гусары, увидев толпу людей позади Аргамакова, поняли, что надвигается опасность и, преградив путь, приготовились к сопротивлению, хотя были не вооружены. Камердинер бежал. Сопротивление гусар, в конце концов было сломлено, и один из них по фамилии Кириллов, получив удар саблей по голове, был тяжело ранен¹. Второй побежал по замку с криком: «Убивают императора!»

По другой версии Аргамаков, который каждый день в шесть часов утра появлялся у императора с рапортом, будто бы постучал в закрытую дверь. Камердинер проснулся и спросил, кто там и что ему угодно. Аргамаков назвал себя, прибавив: «Можно ли спрашивать, что мне нужно. Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже шесть часов! Отпирайте ско-

¹ Позднее он был щедро вознагражден за свою верность и стал камердинером вдовствующей императрицы.

рее!» — «Как шесть часов! Нет еще и двенадцати. Мы только что улеглись спать». — «Вы ошибаетесь, ваши часы, вероятно, остановились: сейчас более шести часов. Из-за вас меня посадят под арест, если я опоздаю, отпирайте скорее». Обманутый камердинер открыл первую дверь, толпа заговорщиков вошла в нее и остановилась перед дверью Б. Это сообщение выглядит менее достоверным и противоречит установленному факту присутствия гусар.

От шума Павел проснулся. У него было два пути для бегства: первый — дверь в покои его супруги, но она была прочно закрыта по дьявольскому совету Палена, второй путь — потайная лестница. Будучи в полусне, вероятно, он упустил момент, когда еще мог проникнуть за нее. По одной из версий заговорщики нашли дверь незапертой и решили, что Павел убежал к княгине Гагариной, но когда дверь оказалась закрытой, им стало ясно, что Павел находится в комнате.

Дверь выламывается... Комната пуста... Зубов спешит к кровати и испуганно кричит: «L'oiseau s'est envolé!» («Птичка улетела!»), после чего хочет скрыться. Другие заговорщики, потерявшие самообладание из-за криков камер-гусара, также в нерешительности топчутся на месте и советуются. Только Бенигсен хранит свое ничем непоколебимое спокойствие. Он подходит к кровати, ощупывает ее и произносит также по-французски: «Гнездо еще теплое, птица недалеко». Схватив Зубова за рукав, он возмущенно говорит: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступить? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!» В большой, погруженной в темноту комнате с одной-единственной свечой убийцы ищут свою жертву. Вдруг через оконное стекло лунный свет падает на ширму, стоящую перед камином, освещая выглядывающие из-под нее ноги несчастного монарха. Первым видит его Бенигсен и, указав на него пальцем, говорит: «Вот он!» Павла вытаскивают из его укрытия, Зубов и Бенигсен, одетые, как и все остальные, в полную парадную форму, с лентами и головными уборами, с обнаженными шпагами подходят к императору. Так как Зубов совсем растерялся, то говорит Бенигсен: «Государь, вы арестованы!» Павел, отличавшийся обыкновенно большой нервозностью и несдержанностью, сохраняет полное самообладание и, не устаивая ответом Бенигсена, обращается к Зубову по-французски: «Что вы делаете, Платон Александрович?» Зубов отвечает: «Мы пришли от имени отечества, чтобы умолять ваше величество отречься от престола, потому, что вы иногда страдаете помрачением рассудка. Ваша безопасность и подобающее содержание гарантируются вашим сыном и государством». С этими словами Зубов достал из кармана акт отречения и начал читать его. Он дрожал всем телом и заикался. Бенигсен пришел ему на помощь и сказал: «Ваше величество, вы больше не можете властвовать над народом в двадцать миллионов человек,

вы делаете его несчастным и должны отречься от престола. Не беспокойтесь за себя, вас не хотят лишать жизни, я здесь, чтобы защищать ее. Покоритесь своей судьбе. Но если вы окажете хотя бы малейшее сопротивление, я ни за что больше не отвечаю». — «Нет, нет! Я не подпишу!» — вскрикивает Павел.

В эту минуту один из офицеров доложил князю Зубову, что дворцовая стража собирается оказать сопротивление, а Палена с его колонной все еще нет. Ошеломленный Зубов поспешно удалился. Между тем офицеры, отставшие вначале, с большим шумом ворвались в переднюю, испугав тех, кто уже находился в спальне. Они подумали, что на помощь императору пришла гвардия, и спешно выбежали из помещения. Несколько минут Бенигсен оставался один на один с монархом и удерживал его, угрожая шпагой. Не будь здесь этого хладнокровного человека, Павел в этот момент еще мог бы спастись бегством, воспользовавшись потайной лестницей. Но Бенигсен непоколебим, он вновь повторил свои слова, не получив на них ответа: монарх только смотрел на него и молчал. Тем временем выбежавшие офицеры, столкнувшись снаружи со своими товарищами, вместе с ними возвратились в спальню. Первыми были подполковник князь Яшвиль и майор Татаринов. Император попытался спрятаться в маленькой комнате, в которой обычно хранились шпаги арестованных офицеров. Однако путь к ней теперь закрывали вернувшиеся заговорщики. Бенигсен поспешил закрыть дверь в эту комнату и одновременно удостоверился, что закрыта также дверь, ведущая к императрице. Тогда император крикнул по-русски: «Арестован? Что значит — арестован?!», и захотел прорваться силой, но тут на него набросились Яшвиль, Татаринов и многие другие рьяные офицеры. Бенигсен еще раз закричал государю: «Тише, ваше величество, речь идет о вашей жизни!» Но Павел снова воскликнул: «Арестован? Что это значит — арестован?» Один из офицеров ответил: «Уже четыре года назад следовало покончить с тобой!» На что государь по-русски сказал: «Что же я вам сделал?» В ответ прозвучало: «Уже четыре года, как вы нас мучаете!» Яшвиль вскричал: «Ты поступил со мной как тиран и должен умереть!»

Из передней снова доносится большой шум — это Бибиков привел отряд Измайловского полка, и толпа, испугавшись, снова готова разбежаться. Тогда Бенигсен с обнаженной шпагой встал в дверях и пригрозил заколоть всякого, кто тронется с места. «Теперь уже поздно отступить назад!» — воскликнул он. Бенигсен приказал Яшвилю охранять царя и поспешил в переднюю якобы для того, чтобы распорядиться нарядом часовых.

Эта версия, которая исходит от самого Бенигсена, призвана доказать, что в момент убийства он отсутствовал в комнате и его руки не запятнаны кровью. Выглядит она более чем подозрительно. Даже если этот факт имел место, то, конечно, Бенигсен ушел не случайно. Трудно поверить, чтобы че-

ловец с его присутствием духа мог покинуть сцену в момент кульминации драмы, когда страсти достигли апогея, если он только не имел намерения пустить дело на самотек. Как бы то ни было, позднее Александр рассматривал Бенигсена как убийцу своего отца. На этом мы еще остановимся.

Пьяные заговорщики становятся все нетерпеливее, император в свою очередь говорит все громче и все сильнее жестикулирует. Граф Николай Зубов, субъект геркулесова сложения, по словам Ланжерона — «нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, которым упился», ударил императора по руке и сказал: «Что ты так кричишь?» При этом оскорбленный Павел с негодованием оттолкнул левую руку Зубова. Зубов обращается к своим сообщникам: «Господа, что вы церемонитесь с этим безумцем? Вы никогда не добьетесь от него здравых мыслей. Мы теряем время, и наша медлительность может привести к большим неприятностям. Вот язык, на котором нужно говорить с таким человеком, как он». С этими словами Николай Зубов нанес монарху удар в левый висок золотой табакеркой, зажатой в руке, который свалил его с ног. Во время падения Павел схватился за балюстраду из слоновой кости письменного стола, о котором шла речь выше, и сломал ее. Все бросаются на императора, но ему еще удалось подняться, собрав последние силы. Но Яшвиль новым ударом снова свалил его на пол. Во время второго падения Павел ударился головой о камин. Возникла ужасная свалка, при которой были опрокинуты свеча и ширма. Конечдрамы разыгрывался в темноте, только бледный свет луны слабо освещал эту омерзительную сцену. Император лежал на полу, над ним пьяные, озверевшие, жаждущие мести убийцы. Их уже ничего больше не удерживало, удары сыпались один за другим, кто-то ударил его ногой в живот. Павел все еще сопротивляется, он кричит, он ужасно кричит... Наконец Скарятин схватил офицерский шарф — это был или висевший над кроватью шарф императора, или шарф Аргамакова, и накинул его Павлу на шею, Яшвиль при этом удерживал голову, отчаявшегося монарха, которому все же удалось освободить одну руку и просунуть ее между шеей и шарфом. Все это время Павел непрерывно кричал: «Воздуху! Воздуху!» В этот момент, увидав красный конногвардейский мундир одного из убийц и приняв его за великого князя Константина, он в ужасе закричал: «Как! И ваше высочество здесь! Пощадите! Воздуху! Воздуху!» Это «*tu quoque*», украшенное обращением «высочество», в такую минуту весьма примечательно для эпохи и для людей этой эпохи². Рука царя все еще пытается оттянуть шарф от горла, он держал его так крепко, что невозможно было оторвать его пальцы, тогда один из извергов схватил его са-

¹ В. П. Зубов приводит первую часть выражения «*Tu quoque, Brute!*» — «И ты, Брут!» — *Примеч. перев.*

² Крайне маловероятно, что среди убийц находился офицер Конногвардейского полка.

мые чувствительные места и стиснул их. Боль заставила Павла сделать инстинктивное движение рукой, шарф затянут, император задушен. План Палена выполнен вашим точным образом.

Итак, Павел мертв, и умер он с убеждением, что его собственный сын был одним из убийц. Чудовища продолжали бить его, все еще затягивая петлю. Они таскали безжизненное тело по комнате и изувечили его до неузнаваемости. Озверели все, но наиболее отвратительно вели себя Яшвиль, Тараринов, Скарятин, Мансуров, князь Вяземский, Горданов и Болговской. Последний, схватив мертвую голову за волосы, ударил ей об пол и крикнул: «Вот тебе, тиран!»

Агония Павла продолжалась недолго, ибо когда Бенигсен вернулся в комнату, ему навстречу бросился, как бешеный, какой-то пьяный офицер со словами: «Все кончено!» Бенигсен оттолкнул его и закричал: «Стойте, стойте!» И хотя он увидел государя поверженным на пол, но не хотел верить, что тот убит, так как нигде не видно было крови. Генерал начал негодовать и угрожать виновникам произошедшего, затем он сказал: «Господа, мы пришли сюда, чтобы спасти отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести»¹. Преступники один за другим исчезли и, громко хвастаясь своими подвигами, рассеялись по помещениям дворца, некоторые проникли в подвальные помещения и продолжили там оргию, начатую у Талызина. Ганноверец остался почти один у трупа, тщательно удостоверился, не осталась ли еще искра жизни, и, убедившись, что все кончено, сообщил созванной прислуге, что государь умер от апоплексического удара. Он приказал положить тело на кровать² и одеть его в мундир. Затем он вызвал 30 солдат с офицером Константином Полторацким, расставил везде часовых, двоих со скрещенными ружьями у дверей в покои императрицы. Эта дверь неизвестно как и кем была открыта, возможно, по собственному приказу Бенигсена, может быть, он ждал оттуда колонну Палена.

В то время как в покоях самодержца разыгрывалась драма, в остальных помещениях замка царила тишина. Караул на первом этаже спал. Один из

¹ Коцебу приписывает эти слова князю Зубову, которого, скорее всего, в этот момент там уже не было.

² По словам Ланжерона, это была кровать камердинера. Впоследствии вдова Павла, где бы ни проживала, не расставалась с безмолвными свидетелями смерти Павла: его кровать, ширма, коврик перед кроватью, работы императрицы, мундир и ботфорты, которые государь снял с себя вечером. Ежедневно, до своей смерти в 1828 г., она на коленях молилась перед этой кроватью. Когда я в 1917-1918 гг. возглавлял Гатчинский дворец, эти предметы находились там, в кабинете Павла. На простынях виднелись пятна, о которых можно предположительно сказать, что это были следы крови.

заговорщиков, заблудившись, попал в овальный зал нижнего этажа (на плане № 38 или № 39), где стояли в карауле гренадеры. Один только офицер проснулся и спросил, что ему нужно. «Я ищу графа Палена» — «Он здесь не проходил» — отвечал офицер и беспрепятственно пропустил его. На лестнице (на плане № 31) он наткнулся на двух часовых, которые при виде его без всякой причины начали дрожать. Он тоже задрожал, повторил свой вопрос, получил тот же ответ и здесь также не был задержан. Проникая дальше, он встретил двух истопников, которые в испуге бежали навстречу ему и словно намеревались поднять тревогу. Увидев его, они испугались еще больше и повернули назад. Наконец он отыскал других заговорщиков, и только тогда он приободрился, потому что, как верно сказал Коцебу, «при совершении подобных злодеяний люди бывают храбры только толпой, а в отдельности каждый из них трепещет».

Кутайсов был разбужен криками раненого гусара: «Скорее к императору, его убивают!» Первым порывом турка было бежать к Павлу, но мужество его оставило, и он, в одном халате, домашних туфлях и ночном колпаке, выбежал из замка и побежал через Летний сад на Литейный проспект, где спрятался в доме Степана Сергеевича Ланского и не показывался до самого утра. На бегу он потерял башмак, упал и вывихнул себе руку. Из своего первоначального убежища он переехал потом в свой собственный дом, притворился больным, а вечером послал просить Палена дать ему караул, потому что он опасался нападения разнузданной черни. Ему выслали охрану и просили быть совершенно спокойным.

Поведение различных караулов в замке было неодинаково. Главный караул в нижнем этаже (на плане № 35) и наружные часовые были от Семеновского полка и находились под командованием капитана Пейкера, единственного, кто ничего не знал о заговоре. Когда второй гусар после столкновения с заговорщиками в поисках помощи прибежал по замку в главный караул с криками: «Убивают императора!», никто даже не пошевелился. Пейкер растерялся и начал советоваться со своими офицерами, которые для того, чтобы выиграть время, посоветовали ему написать письменный рапорт о происшествии командиру полка, что тот, по своей глупости, и начал делать. По другой версии, его не долго думая арестовал Полторацкий с помощью других офицеров и принял командование караулом на себя. Собственный же рассказ Полторацкого об этом эпизоде кажется недостоверным: «Ночь была холодной и дождливой; мы устали. Воронков дремал на чем-то вроде канаве, Ивашкин — на стуле, я вытянулся перед камином в первой комнате, где располагались солдаты. Вбежал придворный лакей с криком: "Императора убивают!" Внезапно разбуженные, дрожащие и испуганные, мы не знали, что делать. Воронков исчез. Я остался за старшего. Другой лакей приблизился ко мне и очень тихо сказал: "Господин офицер, вас спрашивает

полковник К..." Я нашел его в коридоре в рубашке, кальсонах и ночном колпаке. Дрожа всем телом, он сказал мне прерывающимся голосом: "Господин офицер, кем бы вы ни были, завтра вы станете первым человеком в России; бегите, бегите на помощь Императору, изменники его убивают!" После этого он оставил меня и, ускользнув потайными проходами, добрался до соседнего дома, где и спрятался. Обнажив шпагу, я вернулся и прокричал моим солдатам: "Ребята, за царя!" Все устремились за мной. Мы поднялись по большой лестнице, на верху которой появились Пален и Бенигсен. Они воскликнули: "Караул, стой!", добавив: "Государь скончался, у нас теперь новый император, Александр Павлович».

Ясно, что многое в этом рассказе не соответствует действительности. Мы знаем из других источников, что все офицеры, а может быть, и солдаты караула, за исключением одного только Пейкера, были посвящены в заговор. И что же, неужели они поспешили бы на помощь императору? Еще большее недоумение вызывает, что Полторацкий ни единым словом не упоминает Пейкера, а начальником караула в его рассказе называется Воронков. Рассказ о полковнике К... вызывает вопрос: «Уж не Кутайсов ли имелся в виду?» Эти сведения согласуются с тем, что мы уже знаем о поведении Кутайсова, но как появилась ошибка относительно звания «полковник», и особенно когда Полторацкий, столь хорошо информированный, говорит об укрытии «в соседнем доме?» Едва ли, говоря о Михайловском замке, который стоит в отдалении от всех строений, можно упоминать «о соседнем доме». Но самое невероятное, это появление Палена и Бенигсена на верхней площадке лестницы, поскольку из всех других источников мы знаем, что Пален в момент убийства вообще не было в замке. Единственное, что согласуется с другими сообщениями, это контакты, установившиеся между Бенигсеном и Полторацким сразу после смерти Павла. Мы уже знаем, что генерал вызвал его с тридцатью солдатами нести караул в императорских покоях.

На втором этаже, в помещении, расположенном через зал от передней императора, находился караул лейб-гвардии Преображенского полка под командованием подпоручика Марина (на плане № 3. Сведения противоречивы, возможно, караул находился в овальном зале на первом этаже, слева от парадной лестницы, на плане № 39). Об этом карауле, его необычном составе, как и о его командире, выше уже шла речь. Поняв, что в замке происходит что-то необыкновенное, солдаты, подозревая, что императору угрожает опасность, громко выражали свои подозрения и волновались. Еще минута — и Павел мог быть спасен ими. Но Марин, не потерял присутствия духа, громко скомандовал: «Смирно!» После многих безуспешных повторений этой команды он прибегнул к другому средству: он скомандовал: «Старые екатерининские гвардейцы, вперед!», и когда те выступили, он присовокупил: «Если эти негодяи гатчинские пикнут хоть слово, то в штыки их!» Так

он восстановил дисциплину и продержал своих людей под ружьем все то время, пока заговорщики расправлялись с императором.

Но где же все это время находилась колонна графа Палена? Граф взял на себя скромную роль обеспечения безопасности на первом этаже. Но и это обязательство он не выполнил и оставался вне замка на аллее, ведущей к главному входу, при подошедших туда войсках. Принимая во внимание характер этого человека, наиболее правдоподобным выглядит позднейшее предположение, что тем самым Пален стремился полностью обезопасить себя, так как в случае возможного провала заговора он поднялся бы наверх и арестовал бы всех преступников. Ведь Пален заранее подготовил себе алиби, сказав императору, что он для видимости вошел в заговор, чтобы легче было сорвать планы заговорщиков. Кто знает, как далеко он зашел бы и что стало бы с наследником престола, его братом и императрицей, которых Пален за несколько дней до этого очернил в глазах Павла. Но и в том и другом случае Пален рассчитывал играть первую роль в государстве. Позднее даже сами заговорщики подозревали его в подобных замыслах.

Не до конца понятно, для чего понадобилось собирать войска вокруг замка. Не следствие ли это романтической атмосферы той эпохи, такое же, как и странное поведение графа Панина, необоснованно большое число заговорщиков, театрально обставленные ночные застолья у Талызина и так далее? Пален, при его всемогуществе, мог бы достичь своей цели гораздо проще. Единственные логичные аргументы, которые могут быть приведены: с одной стороны, это могло быть стремление придать государственному перевороту до некоторой степени характер народного движения и устранить нарекание в одной только дворцовой интриге, с другой стороны, следует иметь в виду тот необычайный эффект, которого бы достиг в случае провала заговора военный губернатор, если бы он во главе этих воинских частей пришел бы на помощь императору. В любом другом случае такое скопление войск не только нецелесообразно, но и опасно. Первое предположение все же кажется маловероятным, в действительности заговорщики стремились всячески избегать любого участия народа.

Батальон Талызина все это время стоял перед подъемным мостом напротив покоев Павла, зарядив ружья боевыми патронами. Офицеры разными шутками возбуждали солдат против императора, они играли ва-банк и привели солдат в такое настроение, что те уже были готовы стрелять по окнам государя. Батальон Семеновского полка во главе с Депрерадовичем шел так медленно, что когда его первые ряды показались на Садовой улице, то князь Петр Михайлович Волконский, адъютант великого князя Александра как шефа полка, подскочил верхом к Депрерадовичу и закричал: «Помилуйте, Леонтий Иванович! Вы всегда опаздываете!» И, не слушая отговорок гене-

рала, прибавил: «Ну, теперь все равно — поздравляю с новым императором!»

Здесь уместно задать вопрос, состоялось бы убийство или нет в том случае, если бы Павел пошел на уступки и подписал акт об отречении от престола. По одному из свидетельств, правда, не поддающемуся проверке, во дворе замка стояла наготове карета, которая должна была доставить его в Петропавловскую крепость¹. И что потом? Прецедент уже имелся: спустя несколько дней после своего отречения Петр III умер от «геморроидальной колики», модной в ту эпоху болезни.

Известие о смерти Павла было тотчас доведено до Палена. Теперь нельзя было больше терять ни одного мгновения, необходимо было укрепить свои позиции, различные трудности еще могли возникнуть. Наибольшая угроза исходила от только что овдовевшей императрицы, насчет позиции которой Пален не питал никаких иллюзий. Он знал, что Александр молод и нерешителен, — настала минута, чтобы нужными шагами полностью подчинить его и прибрать к своим рукам всю власть в государстве. Необходимо также было сразу же, в первые часы лишить возможности всех сторонников Павла предпринять что-либо мешающее планам Палена, наконец, следовало заручиться поддержкой гвардии и привести ее к присяге новому государю.

Оба старших великих князя находились под домашним арестом и не имели права покидать свои покои. Впрочем, арест не помешал им ужинать в этот вечер за императорским столом. Сведения о том, как началась эта ночь для Александра, довольно противоречивы. Его покои находились на первом этаже и занимали весь угол здания, выходящий на Фонтанку и Летний сад (на плане № 33). Для него не было тайной, что его отцу в эту ночь будет предложено подписать акт об отречении от престола. Он был взволнован и переживал душевные муки. По одним сведениям, Александр спал в ту ночь одетым, по другим, Пален, рассудив, что в подобных случаях может быть дорога каждая минута и что нового императора необходимо показать войскам немедленно по окончании предприятия, разбудил камер-фрау великой княгини, Прасковью Гесслер, приказал ей разбудить великого князя и его супругу, но сказать им только то, что происходит что-то важное и что они должны быстро встать и одеться. Имеются также сведения, что в 6 часов вечера Пален должен был быть у Александра и совещаться с ним. Наконец, имеется еще одна версия, согласно которой у Александра находились Уваров, князь Петр Волконский с пятью или шестью офицерами, чтобы удержать его в бездействии. Александр будто бы плакал и рвался беспрестанно идти на помощь к своему отцу. Офицеры, загораживая ему путь, становились на

¹ *Де Санглен*. Неизданные записки. См. примечания князя Лобанова-Ростовского к истории заговора Коцебу. (Цареубийство. С. 415-416. — *Примеч. перев.*)

колени и, простирая руки, умоляли его всевозможными убеждениями и даже ложными обещаниями, что Павел не будет лишен жизни, не идти к отцу, а подождать возвращения от него заговорщиков. Так они протянули время, пока все не кончилось.

Чарторыйский, который, скорее всего, слышал рассказ самого Александра, писал: «Великому князю Александру уже было известно, что в эту ночь его отцу будет предложено отречение от престола... Великий князь, не раздеваясь, бросился на постель. Ночью, в начале первого часа раздался стук в его дверь, и на пороге появился граф Николай Зубов, в беспорядочном костюме, всклокоченный, с диким, блуждающим взором, с лицом, изменившимся под влиянием вина и только что совершенного злодеяния. Он подошел к великому князю и глухим голосом сказал: «Все совершенно». — «Что такое? Что совершилось?» — спросил с испугом Александр. Великий князь плохо слышал и, быть может, боялся понять эти слова; со своей стороны, Зубов тоже не решался высказаться прямо, что совершилось. Это несколько продолжило объяснение. Великий князь был такдалек от мысли о смерти отца, что не допускал даже возможности такого исхода. Наконец, он обратил внимание, что в разговоре Зубов, не изъясняясь прямо, все время называл его "государь" и "ваше величество"... Тогда наконец Александр (рассчитывавший быть только регентом империи) понял ужасную истину и предался самой искренней неудержимой печали». По другим сведениям первым, кто принес Александру это известие, был Пален. Он будто бы встал на колени перед новым государем и тот с ужасом понял все.

А что же Константин? Позже он утверждал: «Я ничего не подозревал и спал, как спят в 20 лет. Платон Зубов пьяный вошел ко мне в комнату, подняв шум. (Это было уже через час после кончины моего отца). Зубов грубо стягивает с меня одеяло и дерзко говорит: "Вставайте, идите к императору Александру, он вас ждет!" Можете себе представить, как я был удивлен и даже испуган этими словами. Я смотрю на Зубова: я был еще в полусне и думал, что мне все это приснилось. Платон грубо тащит меня за руку и поднимает с постели. Я надеваю панталоны, сюртук, натягиваю сапоги и машинально следую за Зубовым. Я имел, однако, предосторожность, захватить с собой мою польскую саблю, ту самую, что подарил мне князь Любомирский в Ковно¹. Я взял ее с целью защищаться в случае, если бы было нападение на мою жизнь, ибо я не мог себе представить, что же произошло.

Вхожу в переднюю моего брата, застаю там толпу офицеров, очень шумливых, сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги. В гостиной моего брата я нахожу его лежа-

¹ Ошибка или опечатка у В. П. Зубова. У Ланжерона — Ровно (Цареубийство... С. 190. — *Примеч. перев.*)

щим на диване в слезах, как и императрица Елизавета. Тогда только я узнал об убийстве моего отца. Я был до такой степени поражен этим ударом, что сначала мне представилось, что это был заговор извне против всех нас. В эту минуту пришли доложить моему брату о претензиях моей матери. Он воскликнул: "Боже мой, еще новые осложнения!" Он приказал Палену пойти убедить ее и заставить отказаться от идей по меньшей мере странных и весьма неуместных в подобную минуту. Через некоторое время вернулся Пален¹ и увел императора, чтобы показать его войскам. Я последовал за ним, остальное вам известно».

Многое говорит о том, что Константин сказал правду. Несмотря на свой вспыльчивый, жестокий, невыносимый характер, он в глубине своего сердца был все же человеком прямым и честным. Весьма возможно, что осторожный Пален отсоветовал наследнику престола посвящать в заговор брата, предвидя его резкое несогласие и возможное противодействие. Неудолгимая ненависть Константина к убийцам своего отца, слова, сказанные им полковнику Саблукову спустя несколько дней после событий: «Скажу тебе одно, что после того, что случилось, брат мой может царствовать, если это ему нравится, но если бы престол когда-нибудь должен был перейти ко мне, я наверно бы от него отказался», фраза, услышанная де-Сангленом утром 12 марта в Зимнем дворце, которую Константин громко произнес, глядя на группу цареубийц: «Я бы всех их повесил», и, last not least², его поведение в 1825 г., когда после смерти императора Александра ему действительно достался престол, и он от него решительно отказался, вынудив принять корону своего младшего брата Николая, все эти штрихи, кажется, исключают участие Константина в заговоре. Тем не менее остаются отдельные факты, позволяющие все же предполагать, что он, пусть и в значительной мере неосознанно, соприкасался с известными событиями. Что означает его приказ полковнику Саблукову, эскадрон которого в этот день должен был нести караул в замке, дежурить вне очереди по полку, вопреки уставу службы? Что означает его замешательство, когда Саблуков вечером явился к нему с рапортом, а Александр прокрадывался к брату «как испуганный заяц», и император неожиданно вошел в комнату? Можно, правда, сказать, что это влияние домашнего ареста, но это не очень убедительно. Что означают слова слуги Константина о перышке в стакане воды? Что означает вопрос, заданный Александром Саблукову в присутствии брата: «Так вы ничего не знаете?» И что, наконец, означает собственноручная записка Константина, которую получил полковник Саблуков несколькими минутами позднее часа ночи через собственного ездового великого князя, спешно нацарапанную

¹ Эта ошибка в оценке времени принадлежит, вероятно, Ланжерону, который воспроизводит рассказ Константина.

² Last not least (англ.) — последнее, но не менее важное. — *Примеч. перев.*

взволнованным почерком: «Собрать тотчас полк верхом, с полной амуницией, но без поклажи, и ждать моих приказаний»? Гонец на словах добавил: «Его высочество приказал мне передать вам, что дворец окружен войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами». Этот приказ противоречил приказу Павла, согласно которому полк должен быть готов с поклажей.

Молодая императрица Елизавета описала первые минуты после смерти Павла в письме на французском языке своей матери, маркграфине Амалии Баденской, урожденной принцессе Гессенской, сестре первой супруги Павла: «Невозможно описать столпотворение, когда все сбежались к великому князю. Радостные крики до сих пор звучат у меня в ушах. Я была в своей комнате и слышала сплошной крик "ура" (она знает, что по-русски так звучит "виват". — *Примеч. В. П. Зубова*). Вскоре после этого великий князь пришел ко мне и объявил о смерти своего отца. Боже! Вы не можете себе представить, какое отчаяние охватило нас, я никогда не думала, что мне придется пережить такие ужасные мгновения».

Мы видим Александра, охваченного скорбью. Между тем войска вели себя совсем не так, как хотели бы заговорщики. Среди солдат внутреннего караула возникли волнения. В Семеновском полку Пейкер все еще писал свой рапорт, но его солдаты выражали недовольство. Еще опаснее была обстановка в Преображенском полку. Пален понимал, что время не терпит и новый монарх должен немедленно получить поддержку гвардии. Но Александр был не в состоянии показаться на людях. Он бился в нервных судорогах, падал в обморок и заявлял, что не желает править. Пален грубо схватил его за руку и сказал по-французски: «Будет ребячиться, идите царствовать, покажитесь гвардии». Наконец Александр последовал за своим ментором и позволил вывести себя к Преображенскому полку, но не мог сказать ни слова. Талызин крикнул: «Да здравствует император Александр Павлович!» Солдаты молчали. Зубовы выступили вперед и повторили восклицание Талызина... Такое же безмолвие. Пален, подталкивая Александра перед собой, подвел его к Семеновскому полку, который был как бы его собственным. Здесь его приветствовали криками «Ура!», но преображенцы продолжали роптать и, очевидно, подозревали, что Павел еще жив. Уверяли, что принуждены были несколькими солдатам показать труп, прежде чем они присягнули Александру.

Все это происходило в то время, когда Конногвардейский полк собрался в своей казарме. Это была постройка в виде четырехугольника, с внутренним двором, имевшим впереди и сзади арки ворот. Саблуков, собрав по приказу Константина полк верхом во дворе, распорядился заколотить гвоздями задние ворота, а у передних поставил парных часовых с приказанием никого не впускать, чтобы никакие ложные сведения не могли дойти до личного со-

става. Между тремя и четырьмя часами утра он был вызван к передовому караулу у ворот и увидел там полкового адъютанта Ушакова. — «Откуда вы? Вы не ночевали в казарме?» — «Я из Михайловского замка». — «И что там делается?» — «Император Павел умер, и Александр провозглашен императором». — «Молчите!» — сказал Саблуков. Отпустив поставленный им караул, он тотчас повел Ушакова к командиру полка генералу Торماسову, которого срочно разбудили. Его превосходительство появился в халате, домашних туфлях и ночном колпаке, протирая себе глаза. «В чем дело?» — «Вот, ваше превосходительство, адъютант, он только что из замка и все вам скажет...» — «Что же, сударь, случилось?» — спросил он, обращаясь к Ушакову. «Его величество государь император скончался: он умер от апоплексического удара...» — «Что такое, сударь? Как смеете вы это говорить?» — воскликнул генерал. «Он действительно умер, — сказал Ушаков, — великий князь Александр вступил на престол, и военный губернатор передал мне приказ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полк к присяге императору Александру». Он рассказал также, что Михайловский замок окружен войсками и что император Александр со своей супругой, под прикрытием кавалергардов, которыми командовал шеф полка Уваров, переехал в Зимний дворец. Последнее не совсем соответствовало действительности. Молодой император со своим братом покинули Михайловский замок в простой закрытой карете, запряженной парой лошадей, хотя обычно впрягались четыре или шесть, и по Большой Миллионной улице проехали в Зимний дворец. Сзади на запятках стояли князь Зубов или Уваров, один камергусар и, возможно, также еще князь Волконский. Вероятно, это была та самая карета, которая должна была ждать во дворе Михайловского замка, чтобы отвезти Павла в крепость в том случае, если бы он подписал отречение от престола. В камер-фурьерском журнале отмечено, что экипаж покинул замок в два часа ночи. Хотя, если верить свидетельству княгини Ливен, которая видела проезжающую по Миллионной улице карету из окон своего дома, это должно было произойти значительно позднее. Точное время событий этой ночи установить невозможно. Обычно предпочтение отдается официальному документу, однако как раз в данном случае в журнал могла вкрасться ошибка. Смерть императора Павла наступила около часа ночи. Трудно представить, что все развернувшиеся события между этим моментом и отъездом Александра смогли уложиться в всего лишь в один час. К примеру, тот же Константин утверждал, что Зубов появился в его спальне через час после смерти отца. Александр бежал из Михайловского замка, как из чумного дома. Молодая императрица оставалась пока в замке, чтобы помочь своей свекрови.

Тормасов, убедившись в справедливости известия о смерти императора, сказал Саблукову по-французски: «Хорошо, господин полковник, распоря-

дитесь, чтобы полк был построен, позаботьтесь о священнике и Евангелии и все урегулируйте. Я оденусь и спущусь вниз». Ушаков в заключение прибавил, что Бенигсен назначен комендантом Михайловского замка.

Между четырьмя и пятью часами утра, когда только начинало светать, весь полк был выстроен в пешем строю во дворе казармы. Отец Иван, полковой священник, вынес крест и Евангелие на аналое и поставил его перед полком. Генерал Тормасов громко объявил о том, что случилось: император Павел скончался от апоплексического удара и Александр I вступил на престол. Затем он приказал приступить к присяге. Речь эта произвела мало впечатления на солдат: они не ответили на нее криками «ура», как того ожидал генерал. Затем он пожелал, чтобы Саблуков в качестве дежурного полковника поговорил с солдатами. Саблуков начал с лейб-эскадрона, в котором он служил столько лет, что знал в лицо каждого рядового. На правом фланге стоял Григорий Иванов, примерный солдат, статный и высокого роста. Саблуков сказал ему: «Ты слышал, что случилось?» — «Точно так». — «Присягнете вы теперь императору Александру?» — «Ваше высокоблагородие, видели ли вы императора Павла действительно мертвым?» — «Нет», — ответил Саблуков. — «Не чудно ли было бы, если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?» — «Конечно».

В этот момент Тормасов шепотом сказал Саблукову по-французски: «Дело плохо, постарайтесь все урегулировать». Тогда Саблуков обратился к генералу и громко, по-русски, сказал ему: «Позвольте мне заметить, ваше превосходительство, что мы приступаем к присяге не по уставу: присяга никогда не приносится без штандартов». Тут он шепнул генералу по-французски, чтобы тот приказал доставить штандарты, которые находились в Михайловском замке. Генерал громко сказал: «Вы совершенно правы, полковник, пошлите за штандартами». Саблуков скомандовал первому взводу сесть на лошадей и велел взводному командиру, корнету Филатьеву, непременно показать солдатам императора Павла, живого или мертвого.

Когда они прибыли во дворец, генерал Бенигсен в качестве коменданта замка велел им принять штандарты, но корнет Филатьев заметил ему, что необходимо прежде показать солдатам покойника. Тогда Бенигсен воскликнул по-французски: «Но это невозможно, он изуродован, расшиблен; сейчас его накрашивают и приводят в порядок». Филатьев ответил, что, пока солдаты не увидят Павла мертвым, полк отказывается присягнуть новому государю. «Ну, как хотите, — сказал Бенигсен, — коль они так ему преданы, то пусть увидят». Два ряда были впущены и видели тело императора.

По прибытии штандартов им были отданы обычные почести с соблюдением необходимого этикета. Их передали в соответствующие эскадроны, и присяга началась. Прежде всего Саблуков обратился к Григорию Иванову: «Что же, братец, видел ты государя Павла Петровича? Действительно он

умер?» — «Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер!» — «Присягнешь ли ты теперь Александру?» — «Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А, впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька».¹

Этот инцидент доказывает, что простой солдат чувствовал себя при Павле благополучно; только тот, кто стоял выше (и чем выше, тем больше), боялся вспышек гнева Павла, которые, в сущности говоря, возникали из-за глубоко укоренившегося чувства справедливости, а иногда, наряду с этим, из-за его известной поспешности.

Недалеко от комнаты, в которой был убит Павел, в своей спальне мирно спала императрица Мария Федоровна (на плане предположительно № 16). Скоро ей предстояло страшное пробуждение. Важнейшими источниками об этих утренних часах являются уже упоминавшееся письмо молодой императрицы Елизаветы к своей матери, рассказ княгини Дарьи фон Ливен, невестки воспитательницы императорских детей Шарлотты-Екатерины Карловны фон Ливен и различные высказывания Бенигсена, к которым все же нужно относиться с большой осторожностью. Графиня Ливен непосредственно принимала участие в событиях, поэтому сообщение ее невестки, слышавшей от свекрови ее собственный рассказ, является самым надежным источником. Все остальные сведения служат в большей или меньшей степени лишь дополнением.

Пошел ли Пален к императрице-матери, а точнее сказать к главной воспитательнице, по собственной инициативе или по приказу Александра, было ли это до принесения присяги войсками или после, с точностью установить невозможно. Пален без всяких предосторожностей вошел в комнату графини, разбудил ее и сразу же объявил ей, что императора постиг апоплексический удар и чтобы она сообщила это известие императрице. Графиня приподнялась с постели и тотчас вскрикнула: «Его убили!» — «Ну, да, конечно! Мы избавились от тирана». Она с омерзением оттолкнула графа Палена и только промолвила: «Я знаю свои обязанности». Согласно семейному преданию Ливенов, между ними произошел разговор на немецком языке.

Графиня: «Что вы хотите?»

Пален: «Я пришел от императора Александра».

Графиня: «Что же вы сделали с другим?»

Комнаты младших детей императора, а следовательно, и графини, располагались на третьем этаже и находились, таким образом, далеко от поко-

¹ Это означает: безразлично, кто у власти, каждый, кто ее имеет, является господином — *Примеч. В. П. Зубова.*

ев императрицы. Ей нужно было пересечь много залов, чтобы добраться до них. Пост, расположенный внизу лестницы, скрестил штыки. Но графиня была женщиной смелой и пользовалась уважением. Еще находясь наверху, она приказала освободить ей дорогу, и солдаты повиновались. В каждом помещении она натыкалась на такие же препятствия, но умело их устраняла. В последнем зале, который открывал доступ с одной стороны к покоям императора, а с другой — к апартаментам императрицы (вероятно, так называемая галерея Рафаэля, на плане № 1), запрет был строже. Караул здесь был многочисленнее и решительнее. Графиня вскричала: «Как вы смеете меня задерживать? Я отвечаю за детей императора и иду с докладом к государыне о великом князе Михаиле, которому нездоровится. Вы не смеете мешать мне в исполнении моих обязанностей». После некоторых колебаний офицер уступил.

Она вошла к императрице и, прямо подойдя к ее кровати, разбудила ее и предложила встать. Императрица, вскочив спросонья, перепугалась и воскликнула: «О, я уверена, что Александра умерла!»¹ — «Нет, государыня, не она». — «Боже мой, случилось что-нибудь с Михаилом?» — «Великому князю Михаилу лучше, он спокойно спит». — «Кто-нибудь из других детей заболел?» — «Нет, все здоровы». — «Вы, верно, обманываете меня, Катарина?» — «Нет, нет, только вот государь очень плохо себя чувствует». Императрица не понимала. Госпожа Ливен сказала ей, что его больше нет в живых. Императрица посмотрела на нее блуждающими глазами и словно не хотела понять истины. Графиня решительно произнесла: «Ваш супруг скончался. Просите Господа Бога принять усопшего милостиво в лоно свое и благодарите Господа за то, что он вам столь многое оставил». Тут императрица соскочила с постели, упала на колени и предалась молитве, но довольно машинально, скорее по усвоенной привычке верить и следовать всем словам госпожи Ливен, которая обладала большим авторитетом у нее, как и у всех. Через несколько мгновений, однако, Мария Федоровна начала сознавать постигшую ее потерю, а когда поняла все, лишилась чувств. Сбежалась прислуга, позвали доктора, и ей тотчас же пустили кровь. Александр, извещенный о состоянии матери, захотел к ней войти, но графиня воспротивилась этому, опасаясь этой первой встречи в присутствии свидетелей. Правда, все другие мемуаристы умалчивают об этой попытке молодого императора, поэтому это сообщение следует воспринимать с осторожностью. Однако императрица Елизавета, появившаяся в этот момент, была пропущена графиней Ливен к своей свекрови. Елизавета и великая княгиня Анна, супру-

¹ Александра Павловна, старшая дочь, супруга эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерского, действительно, умерла 4 марта от горячки при родах, но известие об этом еще не достигло Петербурга.

га Константина, находились, вероятно, рядом с Марией Федоровной во все время последующих событий.

Когда к овдовевшей императрице окончательно вернулось сознание, она с криком потребовала, чтобы ее допустили к покойному супругу. Ее убеждали, что это невозможно. Она воскликнула: «Так пусть же и меня убьют, но я хочу его видеть!» С этими словами она босиком, без чулок бросилась к апартаментам императора, графиня Ливен успела только накинуть ей на плечи салоп. Но дверь, соединявшая их покои, была закрыта; кроме того, здесь находился пикет Семеновского полка под командованием или капитана Александра Волкова (двоюродного брата полковника Саблукова), или поручика Константина Марковича Полторацкого, или, наконец, Ридигера, ставшего позже графом и генералом. Первого из них императрица хорошо знала и неоднократно оказывала ему протекцию. В ужасном волнении, с распущенными волосами она кричала: «Пустите меня, пустите меня!» Гренадеры скрестили штыки, а офицер объяснил, что на это нет позволения. По свидетельству некоторых очевидцев, императрица дала пощечину Полторацкому. Однако представить истинную картину событий, разыгравшихся вокруг императрицы-матери, из разноречивых свидетельств очевидцев теперь невозможно. Они все противоречат друг другу в деталях и в описании последовательности событий. Неразбериха и волнение были просто чудовищны, поэтому никто не мог ясно представлять ход происходившего. Императрица Елизавета писала так: «...Беспорядок был, как во сне. Я просила совета, говорила с людьми, с которыми, может быть, никогда в жизни говорить не буду. Я умоляла императрицу успокоиться, делала тысячу вещей одновременно, принимала сто решений». В этой сутолоке происходило невероятное, когда юная императрица обняла свою свекровь, чтобы поддержать ее, она почувствовала, как кто-то жмет ей руку и покрывает поцелуями, со словами: «Вы наша матушка, наша государыня!» Обернувшись, она увидела совершенно незнакомого ей офицера, который был пьян.

Но совершенно определенно, что наряду со скорбью, которая почти сводила императрицу с ума, у нее преобладала другая мысль. От принца Евгения мы уже знаем, что некоторые ее друзья пробуждали в ней представление, что в случае возможного свержения Павла она может взять на себя ту роль, которую сыграла Екатерина в 1762 г. Однако императрица заблуждалась относительно своего собственного влияния: ни ее внешность, ни ее внутренняя сущность не имели той суггестивной силы, которая околдовывает, захватывает людей, подчиняет их себе, и чем в такой высокой степени обладала Екатерина. Марию Федоровну почитали как женщину, как супругу императора, но до слепого следования за ней было очень далеко. Ее плохое знание русского языка также мешало ей производить нужное впечатление на солдат. Кроме того, Екатерина сама стояла во главе заговора, кото-

рый она же организовала, в то время как Мария рассчитывала на государственный переворот, совершенный другими, из которого она хотела извлечь выгоду для себя.

Как известно, среди проявлений ее горя вдруг прозвучала фраза, сказанная по-немецки: «Я хочу править!» Когда Марии Федоровне не удалось пройти через дверь, соединявшую ее покои с апартаментами императора, она попыталась попасть в них окружным путем через другие залы. Но повсюду она наткнулась на посты, которые преграждали ей путь. Пален предусмотрел все. Видимо, в этот момент она должна была достичь небольшого треугольного двора (на плане № 32), куда выходила лестница из ее покоев и в который вошли заговорщики, чтобы попасть на винтовую лестницу, ведущую к комнатам Павла. Императрица надеялась попасть на эту лестницу, но и она тоже находилась под охраной. Марию сопровождали обе ее невестки. В обращении императрица металась между мольбами и угрозами. На одном из постов она опустила на пол и обняла колени солдат. Они, рыдая при виде ее горя, подняли ее с колен и сказали: «Матушка, мы тебя любим, ни тебе, ни твоим детям мы не сделаем вреда, но не смеем тебя пропустить». На другом посту воскликнула, что она коронована, что ей подобает царствовать, а ее сыну принести ей присягу. По другим сведениям, она несколько раз повторила гренадерам: «Что же, раз нет более императора, который пал жертвой злодеев и изменников, то теперь я ваша императрица, я одна ваша законная государыня! Защищайте меня и следуйте за мной!» В одном месте офицер был вынужден остановить ее за руку.

Солдаты проявляли к ней трогательное отношение. Один гренадер по фамилии Перекрестов подошел к ней со стаканом воды, но она в испуге оттолкнула его. «Не бойтесь, матушка, вода не отравлена!» Он отхлебнул часть сам и предложил ей остальное. Эта сцена рассказывается и по-другому: когда императрица спустилась в маленький двор, за ней следовала камерфрау с графином воды и стаканом. Во дворе императрице сделалось дурно, камерфрау предложила ей выпить воды и налила стакан. Вдруг Перекрестов, спокойно стоявший в некотором отдалении, закричал: «Стой! Кто это с тобой, матушка?» Камерфрау испугалась и сказала: «Это императрица». — «Знаю, — отвечал солдат, — выпей ты сперва этой воды». Она выпила. «Хорошо, хорошо, — сказал Перекрестов, — теперь можешь наливать».

Императрица Елизавета описывает состояние своей свекрови следующим образом: «...так провели мы всю ночь, — она перед запертой дверью, ведущей на потайную лестницу, уговаривая солдат, которые не хотели ее пропустить, браня офицеров, подоспевшего врача, словом, всех, кто к ней приближался. Она была в бреду, и это вполне естественно. Анна и я умоляли офицеров пропустить ее хотя бы к ее детям, но они то ссылались на приказы, которые получили (Бог весть чьи, в такие моменты все приказывают), то

взывали к доводам рассудка...» Наконец Марию Федоровну удалось увести в покои молодой императрицы.

Пален ли или Бенигсен, кто из них первым подошел к посту, чтобы уговорить императрицу, установить точно невозможно, более вероятно, что это был Бенигсен, появившийся в тот момент, когда она опустилась перед караулом на пол. Он почтительно поднял ее и сказал ей, что если она непременно желает увидеть умершего императора, то, по крайней мере, не должна разговаривать с солдатами. С возмущенным достоинством она сказала ему в ответ: «Вы думаете, что вы в Париже, где капитулируют перед подданными?», отвернулась от него и начала искать другой путь. Впрочем, вполне возможно, этот рассказ является лишь другим вариантом собственного сообщения Бенигсена о его беседе с императрицей. По его словам, он должен был явиться к Марии Федоровне, когда она находилась в покоях Елизаветы, и, по поручению императора, посоветовать ей покинуть замок и отправиться в Зимний дворец. Он пишет: «Увидев меня, ее величество спросила, мне ли поручено командовать здешними войсками. На мой утвердительный ответ она осведомилась с большой кротостью и спокойствием душевным: "Значит, я арестована?" — "Совсем нет, возможно ли это?" — "Но меня не выпускают, все двери на запоре". (Бенигсен, когда узнал, что Мария Федоровна находится у своей невестки, велел закрыть двери ее покоев.) — "Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять некоторые меры предосторожности для безопасности императорской фамилии, здесь находящейся, или тем, что могут еще случиться беспорядки вокруг замка". — "Следовательно, мне угрожает опасность?" — "Все спокойно, ваше величество, и все мы находимся здесь, чтобы охранять особу вашего величества". Тут я хотел воспользоваться минутой молчания, чтобы исполнить данное мне поручение. Я обратился к императрице со словами: "Император Александр поручил мне..." Но ее величество прервала меня словами: "Император! Император Александр! Но кто провозгласил его императором?" — "Голос народа!" — "Ах! я не признаю его, — понизив голос, сказала она, — прежде чем он не отдаст мне отчета о своем поведении". Потом, подойдя ко мне, ее величество взяла меня за руку, подвела к дверям и проговорила твердым голосом: "Велите отворить двери, я желаю видеть тело моего супруга!" — и прибавила: "Я посмотрю, как вы меня слушаетесь!" Тщетно я призывал ее к сдержанности, говорил ей об ее обязанностях по отношению к народу, обязанностях, которые должны побудить ее успокоиться, тем более что после подобного события следует всячески избегать всякого шума. Я сказал ей, что до сих пор все спокойно как в замке, так и во всем городе; что надеются на сохранение этого порядка, и что я убежден, что ее величество сама желает тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдет, то ее крики могут подействовать на дух солдат, как я уже говорил, весьма привязанных

к покойному императору. На все эти представления она погрозила мне пальцем со следующими словами, произнесенными довольно тихо: "О, я вас заставлю раскаяться". Смысл этих слов не ускользнул от меня. Минута молчания и, быть может, размышления вызвали несколько слез. Я надеялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорил опять, стал побуждать ее к умеренности и уговаривать покинуть Михайловский замок и ехать в Зимний дворец. Здесь молодая императрица поддержала мой совет с той кротостью и мягкостью, которые были так свойственны ей одной, любимой всеми, кто имел счастье знать ее, и обожаемой всей нацией. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись к невестке, отвечала ей довольно строгим тоном: "Что вы мне говорите? Не мне повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!" Это раздражение усиливалось с минуты на минуту. Она объявила мне, что не выйдет из дворца, не увидав тела своего супруга.

Причина, по которой императрицу не хотели пускать в комнату убитого императора, очевидна. Состояние трупа было настолько ужасно, что его нужно было избавить от посторонних взглядов, чтобы не вызвать еще большего взрыва. Придворные врачи занимались тем, чтобы с помощью красок и других средств привести покойника в надлежащий вид, так, чтобы появилась возможность выставить тело на всеобщее обозрение, так как официально убийство признавать не хотели. Кошебу свидетельствует, что Платон Зубов также пытался уговорить императрицу покинуть замок. Она бросила ему в ответ: «Чудовище! Варвар! Тигр! Жажда власти подвигла вас на убийство вашего законного государя. Вы властвовали при Екатерине II; вы хотите властвовать над моим сыном!» Потом она недвусмысленно заявила, что не тронется с места: «Я умру на этом месте».

Бенигсен в ответ на решительное требование императрицы вынужден был тайно послать к Александру офицера с просьбой, чтобы он дал распоряжение по этому поводу. Тот, вероятно, послал военного министра графа Ливена, сына почтенной дамы, находившейся все время рядом с императрицей, с указанием Бенигсену сопроводить его мать в комнату, где лежало тело.

Было пять часов утра, когда госпожа Ливен увидела своего сына, и у нее вырвался крик ужаса. Она не видела своего сына три недели и знала, что он болен. Его внезапное появление этой ночью вызвало у нее страшное подозрение. Сын умолял мать выслушать его, но она долго не соглашалась. Наконец, когда он торжественно поклялся, что не участвовал в преступлении, графиня поверила ему и допустила сына к исполнению возложенного на него поручения. Ливен ускорил необходимые приготовления тела усопшего. На покойника надели мундир, треуголку надвинули глубоко на лоб и положили на походную кровать.

Между тем Бенигсен решил попросить Палена прибыть в замок, так как он имел счастье лучше знать императрицу-мать. Императрица устроила ему

жесткую сцену. Но он хладнокровно выдержал все ее гневные излияния. Как только она его увидела, она вскричала: «Что здесь произошло?» — «То, что уже давно можно было предвидеть». — «Кто же зачинщики этого дела?» — «Много лиц из различных классов общества». — «Но как могло это совершиться помимо вас, занимающего пост военного губернатора?» — «Я прекрасно знал обо всем и поддался этому, как и другие, во избежание более великих несчастий, которое могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилию и благо всего государства. Я остановил два восстания (чистая ложь. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч. перев.*); третье вряд ли мне удалось предотвратить и тогда не только император, но, может быть, вы сами со всей вашей фамилией сделали бы его жертвами». Он старался успокоить императрицу соображениями разума и политики, но все было напрасно. Тогда он опять отправился к императору с докладом.

Есть еще один рассказ, правда, неясно, когда произошла следующая сцена и кто был ее действующим лицом — Пален ли, о котором говорится в рассказе, или Бенигсен. Императрица-мать сделала попытку выйти на балкон, вероятно для того, чтобы обратиться к стоящим снаружи солдатам и предотвратить провозглашение Александра императором. Пален, если только это был он, преградил ей путь, закрыл дверь, ведущую на балкон, и сунул ключ в карман. Также я не знаю, когда между ним и Марией Федоровной могла состояться следующая короткая перепалка, которая имеет смысл лишь в том случае, если она произошла сразу после смерти Павла, как, впрочем, и сообщается. Но так как Пален не мог встретить государыню столь быстро, то рассказ вызывает подозрение. Суть же его такова: императрица, когда караул не дал ей возможности проникнуть в комнату супруга, будто бы сказала Палену, который появился в эту минуту передней: «Смогу ли я взять на себя груз тяжелых обязанностей?» Тот язвительно ответил: «Об этом уже позаботились».

Когда Пален после вышеописанной беседы ушел, Мария Федоровна снова схватила Бенигсена за руку и старалась принудить его к повинности суровыми словами и угрозами. Она подводила к дверям, говоря: «Приказываю вам пропустить меня!» Генерал отвечал с неизменной почтительностью, что не в его власти повиниться ей, пока он видит ее такой взволнованной, и только при одном условии он может исполнить ее волю. «Какое же это за условие?» — «Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова вызвали новый взрыв гнева. «Не вам предписывать мне условия! Ваше дело повиниться мне! Прежде всего велите отпереть двери». На что Бенигсен будто бы сказал: «Мадам, мы тут не комедию играем».

Наконец, он напомнил ей еще раз ее обязанности по отношению к народу и умолял ее избегать малейшего шума, который мог бы иметь пагубные и даже опасные последствия. Эти слова Бенигсена, очевидно, произвели надле-

жашее действие. Императрица поняла, что уже невозможно изменить ход событий. После некоторого молчания она понизила голос и сказала: «Ну, хорошо, обещаю вам ни с кем не говорить». С этого момента она вернулась к свойственной ей кротости. Бенигсен протянул ей руку, чтобы подняться по лестнице. Она сказала: «Прежде всего, я хочу видеть своих детей».

Когда она вошла в свои апартаменты, великие княжны пятнадцатилетняя Екатерина и тринадцатилетняя Мария уже находились там с графиней Ливен. Было примерно 7 часов утра. Великие княжны, плача, обнимали свою мать, и лишь с трудом их можно было оторвать от нее. Императрица посидела еще некоторое время в этих покоях, потом встала и сказала Бенигсену: «Пойдем, ведите меня». «Здесь произошла сцена, — описывает Бенигсен, — совершенно театральная». Между тем дверь, соединявшая ее помещения с апартаментами покойного, была открыта, и, таким образом, им предстояло пройти лишь две комнаты, но прежде чем войти в комнату, императрица несколько раз садилась и восклицала по-немецки: «Боже, помоги мне перенести!» Кроме Бенигсена ее сопровождали лейб-медик Роджерсон, обе юные великие княжны, графиня Ливен, две камер-юнгферы и камердинер. Ширмы все еще заслоняли его постель со стороны той двери, в которую они вошли. Когда императрица увидела тело супруга, она громко вскрикнула, Бенигсен и Роджерсон поддерживали ее под руки. Через несколько мгновений она приблизилась к кровати, встала на колени и поцеловала руку Павла, проговорив: «Ах, друг мой!» После этого, все еще стоя на коленях, она потребовала ножницы и отрезала прядь волос с головы императора. Наконец, поднявшись, она сказала детям: «Проститесь с отцом!» Великие княжны встали на колени, чтобы поцеловать его руку. Императрица уже сделала несколько шагов, чтобы удалиться, но, увидев дочерей еще на коленях, вернулась и проговорила: «Я хочу быть последней». И опять опустилась на колени. Бенигсен и Роджерсон просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ее здоровью, столь драгоценному и столь нужному всей императорской фамилии. Они взяли ее под руки, чтобы помочь ей встать, и затем вернулись в покои императрицы. Мария Федоровна удалась в туалетную, где облеклась в глубокий траур, и вскоре опять вышла к ним. Шталмейстер Муханов уже докладывал, что поданы экипажи, которые должны были доставить государыню с великими княжнами в Зимний дворец. Все желали, чтобы она покинула Михайловский замок еще до рассвета. Но императрица, видимо, хотела использовать для себя эту поездку как последний шанс, и она затягивала отъезд с минуты на минуту до того, как совсем рассвело. Тогда она попросила Бенигсена подать ей руку, чтобы спуститься по лестнице и довести ее до кареты. Когда караул при выходе императрицы, как и обычно, отдал ей честь, она вся сжалась от испуга и прошептала: «Убийцы!» Она отъехала в сопровождении графа Ливена. По

всему пути до Зимнего дворца собралась большая толпа. Мария Федоровна опустила стекла в карете и приветствовала народ. Она, вероятно, ожидала, что с его стороны что-то будет предпринято в ее интересах, но скоро должна была признать, что заблуждалась на этот счет. Было уже 10 часов утра. В данном случае, в отличие от всех других, мы располагаем официальной информацией — записью в камер-фурьерском журнале.

В записках принца Евгения Вюртембергского мы находим следующие размышления о поведении императрицы в эти часы: «Все в ее сознании в эти страшные мгновения причудливо переплелось. На первое известие об убийстве в душе чувствительной женщины ужасающим образом наслоилась другая мысль. Здесь дело касалось не только супруга, чья жестокость, безнравственность, провинности и экстравагантность не смогли все же в ее сердце целиком искоренить воспоминаний о двадцатичетырехлетней совместной жизни. В ее глазах он, кроме того, был государем и императором, павшим от преступных рук своих подданных, один из которых имел наглость принести ей эту весть от имени ее сына. В первые мгновения, находясь в состоянии возбуждения, она посчитала Александра причастным к преступлению, и именно поэтому, наряду с ужасом от осознания этого факта, у нее вновь появились мысли, уже ранее приходившие ей в голову, о своем, как ей казалось, практически неотвратимом будущем. Императрица, видимо, посчитала, что она призвана принять на себя правление, став посредником между сыном, хотя и заслуживающим наказания, но все же лишь поддавшимся искушению и исполненным раскаяния, и возмущенным насилием Сенатом и народом. Когда же государыня поняла свое заблуждение, она невольно оказалась скомпрометированной перед Паленом, Бенигсеном и молодой императрицей, этим и объясняется никогда позднее не исчезающая полностью напряженность между двумя императрицами. Александр, бывший всеобщим любимцем, в первые минуты своего царствования не смог все же до конца не поддаться нашептываниям, к которым дали повод первые двусмысленные поступки матери. Только позднее, благодаря откровенному взаимному объяснению, их отношения стали достаточно равными. Но мне кажется, что склонный вообще к недоверию Александр так и не потерял чувства легкого раздражения против матери и поэтому, несмотря на все уверения в сыновней преданности и внешней уступчивости, всегда действовал по незыблемому принципу — избегать всего, что могло бы разжечь ее честолюбие».

В эти тяжелые часы, по воспоминаниям всех очевидцев событий, молодая императрица единственная сохраняла спокойствие и присутствие духа. Впоследствии Александр не раз вспоминал об этом. Нежная и ласковая, несмотря на отчуждение, которое существовало между супругами, она утешала и поддерживала его. Елизавета покидала его только на то время, когда надо было быть рядом со свекровью, призывая ее к сдержанности и открывая

ей глаза на те опасности, которые могло вызвать одно неосторожное слово в такое время, когда опьяненные успехом заговорщики заполняли все залы и господствовали в замке. Молодая императрица явилась в эту ночь, полную ужаса и тревоги, утешительным и примиряющим ангелом-посредником между супругом, императрицей-матерью и заговорщиками; все невольно подчинялись авторитету этого нежного и скромного существа.

Александр покинул замок, не увидев матери. Прежде чем он уехал, был послан фельдъегерь к военному министру графу Ливену, длительное время болевшему и которого накануне вечером Павел отставил со службы. Ливен улегся в постель с опасением, что отставка может принести ему много неприятностей, так как с Павлом никогда нельзя было предвидеть последствий его неудовольствия. Он и его супруга крепко спали, когда камердинер внезапно вошел в спальню, разбудил графа и сообщил ему, что прибыл фельдъегерь с известием, что император желает немедленно поговорить с ним. Было половина третьего ночи. Шум разбудил и графиню. Муж сказал ей: «Дурные вести, вероятно. Пожалуй, ужогу в крепость». Через минуту, не дав Ливену даже встать, в спальню явился фельдъегерь. Заметив, что Ливен не один, он сказал: «Громко я боюсь говорить». Граф подставил ему ухо: «Его величество приказывает вам немедленно явиться к нему в кабинет в Зимний дворец». Так как государь жил в Михайловском замке, то Ливену эти слова показались лишёнными смысла, и он сказал фельдъегерю: «Вы, должно быть, пьяны!» Обиженный офицер решительно возразил: «Я повторяю дословно слова государя-императора, от которого только что вышел». — «Да ведь император лег почивать в Михайловском замке». — «Точно так. Он и теперь там. Только вам он приказывает явиться к нему в Зимний дворец, и притом немедленно». Тут пошли расспросы о том, что случилось. Зачем императору понадобилось выезжать из замка посреди ночи? Что его подняло на ноги? Фельдъегерь на это отвечал: «Государь очень болен, а великий князь Александр, то есть государь, послал меня к вам». Ливен переспросил опять, но офицер только повторял прежнее. Страх обуял графа, опустив посыльного, он принялся обсуждать с женой, что может значить это непонятное, таинственное сообщение. Уж не сошел ли с ума фельдъегерь? Или, быть может, Павел ставит Ливену ловушку? И если это так, то какой опасности подвернется Ливен, отправившись в Зимний дворец! Ну а если фельдъегерь сказал правду!... Напрасны были попытки разобраться во всех этих загадках. А принять решение все-таки было нужно. Ливен встал, приказал запрячь сани и перешел в туалетную, выходящую окнами во двор. Спальня выходила окнами на Миллионную, как раз напротив казарм Преображенского полка, где жил Талызин. Ливен заставил свою молодую жену подняться с постели и приказал, встав у окна, наблюдать за тем, что происходит на улице, ведущей как раз к Зимнему дворцу, рассказывая ему обо

всем увиденном. Одна четверть часа сменялась другой, и графиня умирала от скуки, что ровно ничего не видела. Но вот послышался отдаленный шум, в котором ей почудился стук колес. Она увидела очень скромную карету, запряженную парой лошадей, но на запятках которой выездных лакеев заменили два офицера. При мерцании снега графине показалось, что в одном из них она узнала Уварова. Такой выезд представлялся необычайным. Ливен перестал колебаться, вскочил в сани и отправился в Зимний дворец, который находился вблизи от его дома.

Здесь мы снова сталкиваемся с сомнительными данными относительно времени, когда происходили те или иные события. По официальным данным, Александр покинул замок в два часа ночи. Под окнами Ливена он должен был проехать буквально через десять минут. По воспоминаниям графини, фельдъегерь приехал к ним в 2 часа 30 минут, и после этого прошло еще много «четвертей часа». Во сколько же она должна была увидеть карету?

Приближаясь к Зимнему дворцу, Ливен на другом конце здания в кабинете великого князя Александра, действительно, увидел свет. Несмотря на это, по лестнице он поднимался очень неуверенно. В приемной он застал Константина, заливавшегося слезами, и нескольких генералов. В каких-нибудь полминуты Ливен узнал, что императора Павла не стало и что ему предстоит приветствовать нового императора.

Александр потребовал Ливена к себе. «Где Ливен?» Граф бросается в кабинет, и император падает ему в объятия с рыданиями: «Мой отец, мой бедный отец!» Этот порыв продолжался несколько минут, потом государь выпрямился и воскликнул: «Где же казаки?» Ливен был единственным человеком, кто мог дать ответ на этот вопрос. Никто в России не должен был ничего знать о маршруте экспедиции. Павел диктовал министру приказы в своем кабинете, курьер получал тут же запечатанные конверты, и Ливену строго-настрого было запрещено хотя бы словом обмолвиться об этом. Даже всемогущий Пален ничего не знал о сделанных распоряжениях. Ливен сообщил императору все сведения об экспедиции. Тотчас же был написан, подписан и отправлен приказ о немедленном возвращении казаков.

Тут возникает вопрос: *cui bono?*¹ Против кого был направлен поход казаков и кто был заинтересован в расстройстве этого плана? Если до сих пор роль Витворта была ясна не конца, то очевидная поспешность, которую продемонстрировал молодой император, проливает на нее новый свет. К этому можно добавить следующие совпадения: 24 декабря 1800 г. покушение в Париже, едва не стоившее жизни первому консулу, и убийство императора Павла, последовавшее в ночь 11 марта 1801 г. Во Франции ясно понимали связь этих событий.

¹ *cui bono?* (лат.) — кому на пользу?; в чьих интересах? — *Примеч. перев.*

После того как вопрос с казаками был улажен, император сообщил (по крайней мере, так утверждает супруга Ливена) о предпринятых им безуспешных попытках увидеться со своей матерью и поручил графу, как об этом уже говорилось, поехать в замок, чтобы с помощью старой графини уладить там дела.

Кроме Ливена в Зимний дворец срочно также был вызван Трошинский. Александр бросился ему на шею и сказал: «Будь моим руководителем!» Он, кажется, многим бросался на шею в это утро, к примеру, шведскому послу барону фон Стедингу, одному из старых друзей императорской фамилии. Ему он сказал: «Я несчастнейший человек на земле!» — «Вы должны им быть», — ответил тот.

Де Санглен, присутствовавший на этом первом утреннем приеме в Зимнем дворце, пишет: «Новый император шел медленно, колени его как будто подгибались, волосы на голове были распущены, глаза заплаканы, взгляд направлен прямо перед собой. Иногда он наклонял голову, как будто кланялся. Вся поступь его, осанка изображали человека, удрученного горестью и растерзанного неожиданным ударом рока. Казалось, он выражал на лице своем: «Они воспользовались моей молодостью, неопытностью, я был обманут, не знал, что, исторгая скипетр из рук самодержца, я неминуемо подвергал и жизнь его опасности».

Александр был глубоко ранен. Как Орест, преследуемый фуриями, он с этого момента должен был пронести через всю свою жизнь чувство вины. С самого начала правления оно парализовало его лучшие качества и привело в конце жизни к мистицизму, который граничил с суеверием. «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанной», — писала Елизавета в первые минуты после драмы. В начале своего правления Александр страдал такими депрессиями, что на все увещевания отвечал только: «Нет, это невозможно, против этого нет лекарства; я должен страдать; как вы хотите, чтобы я перестал страдать? Это нельзя изменить». Или еще: «Все неприятности и огорчения, какие мне случатся в жизни моей, я их буду носить как крест». Своей супруге он сказал: «Я не могу исполнять обязанностей, которые на меня возлагают. Как я смогу найти силы царствовать с постоянным воспоминанием, что мой отец был убит? Я не могу. Я отдаю свою власть кому угодно. Пусть те, кто совершил это преступление, будут нести ответственность за то, что может произойти».

Из-за этого душевного состояния монарха уже после его смерти возникла легенда, которая хотя и прекрасна сама по себе, но не имеет доказательств. Якобы император, который по официальной версии умер в 1825 г. в Таганроге, на самом деле не умер, а отправился в Сибирь, где и закончил свою жизнь во второй половине XIX в. под именем старца Федора Кузьмича. Пустой же гроб, или, по другим сведениям, гроб, в котором лежало тело другого чело-

века, был доставлен в Петербург и похоронен в императорской усыпальнице Петропавловской крепости. Кузьмич, существование которого не подлежит сомнению, и фотография действительно подтверждает его известное сходство с Александром, был за бродяжничество без документов подвержен публичной порке. Если это действительно был Александр, то он, вероятно, воспринял это наказание как искупление за преступление. Легенда звучит очень соблазнительно для романтически настроенных людей, но исследователи до сих пор так и не смогли прояснить этот вопрос, поэтому легенда остается легендой.

Трошинскому было поручено составить манифест о вступлении на престол: «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца. Мы, восприемля наследственно императорский всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой, коей память нам и всему отечеству вечно будет любезна, да, по ее премудрым намерениям шествуя, достигнем возвести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим, которых через сие призываем запечатлеть верность их к нам присягой перед лицом всевидящего Бога, прося Его, да подаст нам силы к снесению бремени ныне лежащего».

Упоминание Екатерины в манифесте было заигрыванием с народом; на самом деле Александр, так же как и Константин, был настроен по отношению к бабушке весьма критично.

Только в 11 часов утра допустила императрица-мать к себе Александра. Свидание проходило без свидетелей, и даже самые близкие к ним люди никогда так и не узнали, какой разговор произошел между матерью и сыном. Ничего не сообщают о нем ни Чарторыйский, ни княгиня Ливен. Тем удивительнее, что содержание этой беседы со всеми подробностями мы находим у Коцебу. С всевозможными оговорками я приведу его рассказ:

«"Саша!" — вскричала она, как только его увидела. — Неужели ты соучастник?" — Он бросился перед ней на колени и с благородным жаром сказал: "Матушка! так же верно, как то, что я надеюсь предстать перед судом Божиим, я ни в чем не виноват!" — "Можешь ли поклясться?" — спросила она. Он тотчас поднял руку и поклялся. То же сделал и великий князь Константин. Тогда она привела своих младших детей к новому императору и сказала: "Теперь ты их отец". Она заставила детей стать перед ним на колени и сама хотела то же сделать. Он ее предупредил, поднял, рыдая, детей; рыдая, поклялся быть их отцом, повис на шее своей матери и не хотел оторваться от нее. Граф Салтыков пришел его позвать; он хотел было идти

и снова бросился в объятия своей матери». Эта плаксивая сцена звучит напыщенно, фальшиво и примитивно.

Чарторыйский, который доносит до нас лишь сам факт состоявшегося разговора, пишет, что впоследствии мать и сын, без сомнения, поняли друг друга, но в эти первые ужасные минуты, Александр подавленный всем тем, что ему пришлось пережить, был почти не в силах высказать что бы то ни было. С другой стороны, императрица дошла до высшей степени возбуждения и раздражительности и вела себя почти враждебно даже по отношению к самым близким людям, утерев всякое чувство самообладания и рассудительности. Княгиня Ливен настроена не так критично. Она рассказывает, что Александр вышел от матери очень взволнованный. С этого мгновения вплоть до кончины он всегда проявлял к ней внимательность, почтение и нежность, а императрица — страстную привязанность к сыну. Кажется, что все же Чарторыйский ближе к истине.

К боли от потери супруга, к разочарованию по поводу неудачи ее честолюбивых планов в душе этой женщины поселилось третье чувство — жажда мести убийцам. Она ожидала, что их накажет Александр — мы далее увидим, почему он не мог этого сделать. Мария Федоровна возьмет дело мести убийцам в свои руки и на протяжении всего времени правления Александра везде, при любой возможности, всеми доступными ей средствами будет преследовать преступников и их помощников, духовных вдохновителей и сообщников.

Мог ли Александр принять меры по отношению к убийцам своего отца? Его положение было чрезвычайно затруднительным. В первые три месяца он чувствовал себя как бы в их власти, не решаясь действовать во всем вполне самостоятельно. И не только из страха скомпрометировать себя, но и из чувства справедливости, которое помешало ему предать виновных суду. Александр знал, что мысль о заговоре буквально носилась в воздухе почти с первого дня вступления Павла на престол, но обрела четкие формы только в тот момент, когда он, поставленный об этом в известность, не ответил решительным «нет» и не донес на зачинщиков. И только тогда, когда он сказал «да», она стала реальностью. К тому же, как отделить главных виновников от менее виновных? Тогда пришлось бы поставить перед судом почти все петербургское придворное общество, гвардию и армию. Как провести четкую границу между теми, кто непосредственно участвовал в убийстве, и теми, кто желал только отречения от престола? Ведь к ним принадлежал и сам Александр. Заставить Павла подписать отречение — не есть ли это уже насилие над священной персоной монарха, допускающее само по себе возможность, в случае сопротивления, поднять на него руку? Возможно, что именно таким был ход мыслей Александра, по крайней мере, так комментирует поведение императора его задушевный друг Чарторыйский. Следует

добавить, что полный список заговорщиков он смог узнать только по прошествии нескольких лет.

Главные же оковы возлагало на него собственное соучастие в этом преступлении. Мог ли Александр разоблачить себя, не подорвав тем самым принципы монархии? Процесс, как бы осторожно он ни проводился, не мог не коснуться личности престолонаследника. Поэтому и нужно было объявить причиной смерти императора Павла апоплексический удар, хотя его убийство ни для кого не являлось тайной. Вплоть до начала XX столетия все, что имело отношение к заговору, запрещалось русской цензурой, и только общее смягчение цензурных условий в период правления последнего царя сделало возможным публикацию относящихся к этому событию документов и воспоминаний.

Причины, не допускавшие открытого осуждения преступников, не мешали молодому императору ненавидеть их всей душой. Возможно даже, что именно его бессилие подстрекало эту ненависть. Вдовствующая императрица, со своей стороны, не упускала случая заметить ему, что недопустимо терпеть этих людей в окружении монарха. Постепенно ей удалось, удаляя одного за другим, положить конец их дальнейшей карьере. За редким исключением, большинство преступников настигла месть императрицы или же кара собственной судьбы.

События, которые разыгрывались в замке, нашли свой отзвук в покоях юного принца Евгения Вюртембергского. То, что там происходило, интересует нас не с точки зрения приключений этого мальчика, а исключительно в качестве доказательства широкой огласки в городе всех событий, практически в тот же самый момент, как они совершались. Принц пишет: «В понедельник 11/23 марта, в 9 часов вечера господин фон Требра был куда-то вызван. Вскоре после этого ко мне вошел совершенно растерянный генерал Дибич и, заикаясь, смутно дал понять, что граф Пален велел ему предпринять меры безопасности для меня и что поэтому он должен переговорить, со вторым шефом первого кадетского корпуса, т. е. с генералом Клингером. После этого разъяснения, он быстро удалился».

Если сравнить это со словами княгини Гагариной 9 марта, то вырисовывается, пожалуй, просто поразительная связь между ней и Паленом.

У принца появлялось очень много людей, в том числе и те, кого он не слишком хотел бы видеть, например старший сын Дибича, в то время — капитан сенатского полка. «Но, — продолжает принц, — были также и очень славные персоны, из тех, что были приставлены ко мне генералом Дибичем и господином фон Требра, некоторые из них являлись моими учителями. Они иногда не сдерживали себя и высказывали такие нескромные мнения, которые не могли не оказать поистине потрясающего впечатления на еще неокрепшую душу тринадцатилетнего мальчика. Короче говоря, они внуши-

ли мне мысли о таких предметах, которые, с одной стороны, приводили меня в сильное изумление, а с другой, живо тревожили. Были ли разговоры, которые доходили до моих ушей в тот роковой вечер, также следствием иллюзий и лжи или собственных заблуждений людей, собравшихся здесь, тем не менее, они стали источником постоянного недоверия, с которым я рассматривал впредь мое положение в России. Постараемся перенестись в ситуацию, небольшой эскиз которой я только что набросал. Задумаемся, насколько сила моего юношеского воображения должна была придать реальность ощущению всеобщей опасности, существование которой так отчетливо отражалось на лицах всех присутствующих. В это же время в безмолвной тишине размеренным шагом мимо проходили войсковые отряды, и как связанный с этим легкий шум от необычных для такого времени воинских передвижений, так и темнота ночи придавали ситуации странность, которая воздействовала на меня зловеще. Частые приходы и уходы господина фон Требра, совещание моих знакомых в столь поздний час, их едва слышное перешептывание и, наконец, отдельные слова, доносившиеся до меня, привели меня скоро к убеждению, что в ближайшее время произойдет кровавое разрешение ужасной загадки. Того самого намерения, суть которого для меня оставалась тайной, но общее содержание постепенно становилось ясным, когда я в предшествующие дни отчасти с детским любопытством и отчасти с тревогой прислушивался к известиям о всеобщем недовольстве и страшных муках, которые вызывает у всей русской нации ужасное правление императора. Не было ни одного из всех моих учителей или других знакомых, кто сегодня хотя бы слово сказал в пользу императора. Но при этом я впервые услышал в высшей степени меня поразившее и едва мне понятное высказывание, что его триумф для меня оказался бы хорошим результатом, и поэтому они желают императору успеха, хотя и ненавидят его всей душой. Как я выше упоминал, господин фон Требра и старый Дибич уже несколько раз входили и выходили, едва слышно перешептываясь при этом, причем выражение лица у обоих излучало уверенность и согласие, что было очень странно для таких антагонистов. Когда они снова удалились, старший сын Дибича тотчас прервал заговор молчания, и его примеру поспешно последовали почти все остальные, предсказывая мне в ближайшем будущем чрезвычайный успех и давая советы, какую линию поведения следует избрать, чтобы я в моем трудном положении сохранил необходимую для меня благосклонность монарха. Яснее всех высказался о сложившейся ситуации молодой Дибич. "Император — тиран, — таков был приблизительный смысл его путаной, противоречивой речи, — новее же он и вполнину не так плох, как замыслили его представить, чтобы вызвать чувства ненависти и протеста, и с их помощью избавиться от него. (Таким образом, уже для современников игра этой камарильи не была тайной. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч.*

перев.) Одни думают достичь милостей и почета возведением на престол старшего великого князя. Другие хотят повторения Павлом I судьбы Петра III, чтобы получить почести и звания с помощью Марии Федоровны, и даже есть такие интриганы, которые с величайшей радостью утопили бы всю императорскую семью в море и сами заняли бы ее место. Но все они ведут к одному концу. Павел, для которого все эти посягательства никоим образом не могут оставаться тайной, становится все более свирепым и совершает все более ужасные акты насилия. Доказательством того, что все сказанное более или менее справедливо, являются всеобщее беспокойство, постоянное пребывание полков в казармах, хождение по городу усиленных патрулей и усиление всех караулов. Император неизбежно должен выйти на след инициаторов враждебных ему начинаний, и тогда обнаруженным и схваченным конспираторам трудно будет позавидовать". "Только вам, — сказал мне один из присутствующих, — только вам, заговор послужит на благо, потому что Павел до безумия увлечен вами и носит с мыслью усыновить вас. Если только ему покажется, что собственная семья считает его безумным, о чем говорят все в городе, и хочет запереть его под замок, то он, пожалуй, опередит своих милых близких и задушит их в собственном гнезде". В ответ на эти страшные слова мое волнение только усилилось. «Вы говорите очень неосторожно и опрометчиво, — заметил говорившему один из моих старших учителей, — вы, вероятно, знаете, что если бы вас подслушал один из тысячи шпионов, которыми, несомненно, наводнен сегодня ночью весь город, принц мог бы стать жертвой партии, которая может сказать все, что хочет, формирует в своих интересах общественное мнение и, пожалуй, доведет до конца свое дело. Я не сомневаюсь при этом, что она готова прибегнуть к самым отчаянным средствам, чтобы удержать монарха от новых сумасбродств, на которые вы намекаете". "Но, — продолжил другой, — разве он как император и самодержец не управляет всю свою жизнь неограниченно и не может по русскому обычаю распоряжаться тронном по своему произволу?" — "Именно это он и может, — сказал первый, — и именно потому, что он может самовольно изменить уже последовавшие в пользу Александра распоряжения, то, несомненно, постараются такому решению воспрепятствовать. И если невозможно будет устранить самого Павла, то заинтересованные лица постараются вознаградить себя тем, что подвергнут своей ярости и мести его любимца". — "Я того же мнения, — заметил третий, — и с нетерпением жду возвращения господина ротмистра фон Требра, чтобы обратиться к нему с предложением доставить принца без каких-либо дополнительных уведомлений во дворец той дамы, которая так благосклонно интересовалась им". В этот момент предыдущий оратор приложил палец к губам в знак молчания. Затем он не только выразил свое согласие с последним прозвучавшим мнением, но и предложил немедленно предпринять все необходимые меры для

выезда, так как он утверждал, что при противоречащих друг другу интересах партий нельзя терять ни мгновения для обеспечения моей безопасности. О том, что мне стало не по себе от таких довольно неожиданных разговоров, которые затрагивали радости и горести моего положения, легко можно будет догадаться, если я еще замечу, что только теперь я понял, что в данных обстоятельствах должен был означать намек моей прелестной покровительницы на детей Эдуарда IV, убитых Ричардом III. И также лишь теперь мне стало ясно, на какое неслыханное безумие считали способным императора Павла и почему появилась возможность с моей незначительной персоной связывать определенные замыслы, которые в любой другой цивилизованной стране мира оценивались бы как полная бессмыслица. А при других обстоятельствах, когда нелепость не была бы поставлена, как теперь, на повестку дня, и в самой России рассматривались бы как самая смешная сказка... Я довольно ясно помню, что меня быстро препроводили в спальню от моих собравшихся приверженцев, переодели, закутали в шубу, и что в тот момент, когда я в глубоко надвинутой на лицо шапке дождался приглашения вышеупомянутых приятелей незаметно проследовать на улицу, на лестнице раздался сильный шум, который опять наполнил меня страхом и ужасом. Я услышал там оживленный спор и голос господина фон Требра, который, должно быть, выразил несогласие с только что предпринятыми шагами, так как прежде чем я с ним снова увиделся, двое господ подбежали ко мне, опять меня раздели и сказали, что на улице моя безопасность будет находиться под еще большей угрозой, чем здесь, дома. Господин фон Требра не стал продолжать ранее начатый разговор, и в доме воцарилась мертвая тишина. Она далеко не способствовала возникновению у меня мужества и чувства уверенности, напротив, пожалуй, лишь моя молодость извиняет тот страх, который до такой степени овладел тогда мной. Впрочем, все другие сердца бились немалого спокойнее моего. Это стало ясно уже в следующее мгновение, когда все присутствующие, как от удара электричеством, вскочили с кресел от вновь раздавшегося сильного шума. Он возник сначала внизу в передней, затем стал приближаться по лестнице к нашей комнате, и когда дверь, наконец, распахнулась от сильного удара, я смог прочитать в глазах каждого такое выражение, словно им сейчас вынесут смертный приговор. Сообщение, которое, запыхавшись, передал ворвавшийся в комнату капитан фон Волькерсберг, было, вероятно, очень важным, и оно успокаивающе подействовало на души всех присутствующих. Он выкрикнул: "Все кончилось!" и сделал понятное всем, кроме меня, движение рукой вокруг шеи. Господин фон Требра, кажется, воспринял эту весть со страхом, но мне он почти хладнокровно сказал: "Ложитесь спать!" Все остальные устремились к дверям».

Когда через восемь дней после катастрофы принц впервые увидел свою царственную тетку, она была в глубоком трауре и в настроении духа очень

серьезном, мрачном и грустном. Мария Федоровна осыпала его вопросами, что с ним за последнее время приключалось и правда ли, что одна молодая дама любезно предупреждала его об опасности и отчасти оказала ему покровительство. Она, казалось, была тронута ее стараниями, но приказала хранить об этом глубокое молчание. «Вы обязаны ей своей признательностью, но никогда больше не увидите ее: она уехала!» Вопрос, кто же эта дама, был тут же отстранен коротким ответом: «Оставим это!»

Действительно, княгиня Гагарина покинула столицу сразу после смерти императора и умерла в 1805 г. в Вене в возрасте 28 лет. Жизнь князя Евгения протекала в совершенном уединении, его теперь не очень охотно принимали при дворе. Родители принца решили отозвать сына назад, и в июле он покинул Петербург. Будучи уже взрослым, он поступил на русскую военную службу и отличился в наполеоновских войнах. Но, несмотря на это, в отношениях между ним и Александром всегда оставалась некоторая напряженность.

Когда 12 марта утром забрезжил рассвет, на улицах города царила мертвая тишина. Но скоро начали шептывать друг другу на ухо, что что-то случилось; однако не знали, что именно, или, вернее, никто не решался громко сказать, что государь скончался, потому что, если бы он был еще жив, одно это слово, тотчас пересказанное, могло бы погубить. Обращали также на себя внимание необычные передвижения войск в различных направлениях, можно было подумать, что идут учения или подготовка к большому параду. Улицы были еще пустынные, на них виднелись лишь обычные прохожие. Внезапно столицу охватил непристойный радостный вихрь. Покинув замок с наступлением дня, убийцы рассеивались по всему городу, каждый спешил к своим знакомым. С бешеной радостью, врываясь в дома спящих, еще из передней они кричали: «Ура! Поздравляю с новым государем!» Там, где дома были закрыты, они стучали так сильно и громко, что вся улица просыпалась, как по тревоге, и сообщали каждому, кто высовывался из окна, эту новость. Все выскакивали из домов, радостная весть разнеслась по всему городу. Многие были в таком упоении, что, плача от радости, словно на Пасху обнимали и целовали совершенно незнакомых людей, поздравляя с новым императором. Зеленщики, продававшие свой товар по домам, поздравляли с «переменной», содержатели почт отправляли курьеров в Москву даром. Но многие спрашивали, однако, с боязнью: «Да точно ли он умер?» Кто-то даже любопытствовал узнать, набальзамировано ли уже тело. Только когда его в том уверили, он глубоко вздохнул и сказал: «Слава Богу!» Даже люди, которые получали от Павла одни только благодеяния, находились в таком же настроении. «Ну, — спросил мимоходом Платон Зубов у генерала Клингера, — что говорят о перемене?» — «Князь, — отвечал тот, — говорят, что вы один из римских героев».

В 9 часов вечера на улицах царила такая суматоха, какой никогда не припомнят. К вечеру во всем городе не стало шампанского. Один не самый богатый погребщик продал его в тот день на 60000 рублей. Пировали во всех трактирах. Приятели приглашали в свои кружки людей вовсе незнакомых и напивались допьяна, повторяя беспрестанно радостные крики в комнатах, на улицах и площадях. Одной из главных «жестокостей», в которых обвиняли Павла, считались его предписания относительно старомодных костюмов, причесок, экипажей и тому подобных мелочей. Новые моды в его представлении связывались с идеями французской революции. Как только известие о кончине императора распространилось в городе, тотчас же появились круглые шляпы, прически *a la Titus*, сапоги с отворотами, исчезли косы и букли. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые модные костюмы. Экипажи, имевшие вид старых немецких или французских, уступили место русской упряжи, с кучерами в национальной одежде и с форейторами, которые с обычной быстротой и криками понеслись по улицам, что было запрещено при Павле. Пешеходы, встречавшиеся «новаторам», размахивая платками и шляпами, кричали им «браво». Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобожденным от полицейских предписаний и уличных правил, заставило всех ощущать, что с рук их, словно по мановению волшебной палочки, свалились цепи, и вся нация пробудилась для новой жизни. Графиня Головина рассказывает, что она видела гусарского офицера, скакавшего верхом по тротуару, который непрерывно кричал: «Теперь можно делать все, что угодно!» Весь город, имевший более 300 000 жителей, походил на сумасшедший дом. Вечером Санкт-Петербург был иллюминирован жителями. Никаких полицейских приказаний для иллюминации не было, как это бывало в день рождения или тезоименитства монарха, но она была блистательнее, чем в большие праздники. Один только Зимний дворец возвышался темной массой и представлял собой величественный контраст.

Даже молодая императрица чувствовала себя освобожденной от тяжелого гнета. 14 марта она писала своей матери: «Хотя трагическая смерть императора причинила мне настоящее страдание, я все же должна признаться, что я вздохнула вместе со всей Россией».

В обществе курсировали стихи, написанные по этому случаю, на русском, французском и немецком языках. Граф Виельгорский распространил стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

Que la bonte divine, arbitre de son sort,
Lui donne le repos, que nous rend sa mort!¹

¹ Пусть благодать Божия, судья его судьбы,
Даст ему покой, который нам возвратила его смерть! (*фр.*)

Один немец написал:

Kommt, Ihr Wanderer, und tretet
An dies Grab, — doch nur von Weitem!
Hier liegt Paul der Erste, betet:
Gott bewahr uns vor dem Zweiten!¹

Утром 12 марта в Михайловском замке собрались на панихиду высокое духовенство, придворные и прочие высокие чины. Приехал и убитый горем Александр. Среди присутствующих нагло расхаживали убийцы Павла. Они, не спавшие ночь, полупьяные, растрепанные, как бы гордились преступлением своим и чувствовали себя хозяевами страны.

В 10 часов состоялся плац-парад, во время которого вся прежняя рутина была соблюдена, словно ничего не случилось. На нем отсутствовали только Александр и его брат. Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво. Платон Зубов также появился здесь со своими улыбочками и остротами, которые принесли ему такой большой успех при дворе Екатерины. 13 марта на параде в обычный час уже присутствовали император и Константин. Они оба унаследовали военные пристрастия отца, когда тот, будучи еще наследником престола, играл со своей маленькой армией в Гатчине, заставляя сыновей принимать в этом участие. Во время парада оба имели очень удрученный вид. На них уже не было мальтийского креста, но на Адмиралтействе еще долго развевался мальтийский флаг. Коцебу сообщает, что было также замечено, как Александр взял князя Зубова под руку и дружески прохаживался с ним взад и вперед. Поступок, который хорошо согласуется с характером Александра: под внешним шармом у него всегда обнаруживался слой фальши и трусости. Некоторые из главарей заговора выглядели несколько смущенно, один Пален держал себя как обычно, а князь Зубов был еще более болтлив, чем накануне.

Коцебу утверждает также, что он видел сам, как 13 марта, после панихиды императрица-мать, уходя из замка, опиралась на руку Бенигсена, — это должно было продемонстрировать, что даже Мария Федоровна убеждена в его невинности.

Не заставили себя долго ждать и слухи о том, что в Михайловском замке появилось привидение, которое громко требует мести.

Тело Павла было забальзамировано придворным доктором Гриве с несколькими другими врачами и загримировано художниками. Гриве сообщил

¹ Сюда, прохожий! Подойди к этой могиле,
Но не слишком близко!
Здесь лежит Павел Первый, молись,
Да избавит нас Господь от Второго!

Коцебу сделанное им подробное медицинское заключение. На теле были многие следы насилия. Широкая полоса вокруг шеи, сильный кровоподтек на виске (от удара Николая Зубова золотой табакеркой), красное пятно на боку, но ни одной раны острым орудием, как полагали сначала. Два красных шрама на обеих ляжках, — вероятно, его сильно прижали к письменному столу, на коленях и далеко вокруг них значительные повреждения, которые доказывают, что императора заставили встать на колени. Кроме того, все тело покрыто было небольшими подтеками, произошедшими от ударов уже после смерти.

Двор должен был соблюдать глубокий траур в течение всего года. Учрежденной печальной комиссии было поручено разработать церемониал погребения. До 17 марта покойный находился на походной кровати в той самой комнате, в которой он был убит. В этот день тело императора было положено на парадную кровать и перенесено в большой зал над главным входом в замок (на плане № 26). Широкий галстук закрывал его шею, а треуголка, вопреки правилам, была надвинута на лоб. Таким образом, были прикрыты красная полоса вокруг шеи и кровоподтеки у левого глаза и на виске. Саблуков, видевший покойного государя, лежащего в гробу, рассказывает, что, несмотря на грим, на лице его были заметны черные и синие пятна. На парадной кровати Павел лежал одетый в императорскую мантию, вблизи кровати стоял небольшой стол, покрытый малиновым бархатом с золотым галуном, на такой же подушке, находилась императорская золотая корона, на табуретах лежали прочие императорские регалии и орденские знаки.

Приняты были надлежащие меры для того, чтобы народ мог видеть тело императора лишь в отдалении. Писатель Н. И. Греч, тогда еще юноша, рассказывает, что едва люди входили в дверь, как им тут же указывали на противоположную с увещанием проходить как можно быстрее. Он раз десять от нечего делать ходил в замок для прощания с Павлом и смог увидеть только подошвы ботфортов и поля шляпы.

23 марта, в Страстную субботу, последовало погребение в соборе Петропавловской крепости. Торжество было обставлено с впечатляющей пышностью. Император следовал за гробом в длинной траурной мантии, в широкополой шляпе с черным флером, за ним следовала императорская семья, за исключением обеих императриц, и двор. На подушках несли императорские регалии. Граф Румянцев, который нес скипетр, уронил его и заметил это только через двадцать шагов. Это происшествие дало повод для тысячи суеверных подозрений, особенно учитывая тот факт, что произошел еще один инцидент, который также толковался как зловещее предзнаменование. Было принято, чтобы в траурной процессии государя принимали участие две символические фигуры. Рыцарь в черных доспехах олицетворял собой умершего самодержца и шел пешком. Другой рыцарь в золотых доспехах,

верхом на лошади символизировал нового монарха (этот обычай сохранялся еще при погребении императора Александра III в 1894 г.). Под тяжестью доспехов золотой всадник потерял сознание и упал с лошади. Кроме того, рассказывали, что какой-то мужчина из толпы бросился к Палену, ехавшему в траурной процессии верхом, и поцеловал его сапог. Точно не известно, имел ли в действительности место этот случай, как и то, к какому обществу сословию принадлежал этот человек. В целом радость по поводу смерти Павла господствовала только в высших классах и не распространялась на все население страны. Широким народным массам не пришлось страдать при Павле, напротив, они ощущали на себе воздействие его чувства справедливости. Они видели в нем своего защитника от произвола и высокомерия вельмож и боялись возвращения к старым порядкам. Из 36 миллионов населения, замечает Коцебу, по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора. Солдаты любили его за щедрость, за интерес, который он проявлял к их здоровью и питанию, а также за частое поощрение в виде водочной порции. Во время первого парада после смерти Павла офицеры начали поздравлять солдат, говоря: «Радуйтесь, братцы, тиран умер!», но те отвечали: «Для нас он был не тиран, а отец».

Низшие слои могли, само собой разумеется, сожалеть об умершем только молча. Они не имели возможности оставить какие-либо письменные свидетельства, как это сделало дворянство, причем во враждебной форме. Но в народе возникла легенда, которая была жива и спустя столетие. Она гласила, что генералы и вельможи задушили государя из-за его любви к справедливости и сочувствия народу. Его почитали как мученика и как святого. Считалось, что молитва на его могиле приносит успех, позволяет преодолеть трудности в работе, излечивает от любовной тоски, помогает в несчастливом браке; жертвам, пострадавшим от несправедливости, помогает добиться восстановления истины. Перед гробом Павла всегда горело больше свечей, чем перед могилами других самодержцев, и чуть ли не каждый день частными лицами заказывались различные поминальные службы.

Я не ставлю своей задачей описывать «дней Александровых прекрасное начало»¹. Мне осталось решить только еще одну задачу: рассказать, как сложились судьбы главных действующих лиц этой трагедии и, прежде всего, Палена, потому что в конце концов возникает вопрос: кто является главным героем этой книги — Павел или Пален, подобно тому, как в другой трагедии Яго и Мавр?

¹ В оригинале сделана сноска: Пушкин. — *Примеч. перев.*

Пален, который стал первым человеком в государстве, полагал, что полностью подчинил себе молодого императора. Общественным мнением он и его сообщники превозносились до небес. Соответственно и он вел себя чванливо и хвастливо. Своеобразный феномен. Как этот человек, до сего времени такой осмотрительный, взвешивающий все возможности и все шансы, хладнокровный, непревзойденный по хитрости и изворотливости, внезапно потерял все свои выдающиеся способности, чувство реальности в оценке ситуации? Пален не принял в расчет врагов как тех, кого он себе нажил ранее, особенно такого опасного, как императрица-мать, так и тех, кого он приобрел своими новыми поступками. Он повел себя как человек, пораженный слепотой, и сам себя погубил.

Уже упоминавшийся нами современник событий — барон Гейкинг, неплохо осведомленный и многое видевший собственными глазами, рассказал о взлете и падении Палена. Благодаря своему чрезвычайно точному и немного педантичному уму Гейкинг является авторитетом, заслуживающим доверия во всем, что он пережил, находясь в самой гуще событий. Барон находился в Прибалтике, куда он был вынужден отправиться в конце царствования Павла, как, впрочем, и многие другие преданные слуги императора. После смерти самодержца Гейкинг вернулся в Петербург из своей неофициальной ссылки. В связи с дальнейшей карьерой он был заинтересован во встрече с всемогущим в то время Паленом, и он решился, пусть и внутренне сопротивляясь, посетить его. Во время первого визита Гейкинг смог обменяться с Паленом лишь несколькими словами, но зато барон имел возможность наблюдать за тем, как ведет себя Пален с множеством людей, заполнивших его приемную. Он «неустанно следил за ним взором, чтобы уловить его взгляд и прочесть в нем, каково его душевное состояние. Мне показалось, что в нем сказывалось присутствие глубокого волнения, и что вся его манера держать себя обнаруживала какую-то затаенную душевную двойственность, замаскированную смелостью и даже дерзостью внешней поведки». Насколько это наблюдение соответствует истине, вопрос остается открытым. Вполне можно допустить, что после совершенного деяния Палену изменило присущее ему ранее хладнокровие, и этим объясняется необдуманная линия его поведения.

Далее Гейкинг пишет: «Я внимательно изучал ход нового правления и, убедившись в величайшей любви к справедливости монарха, дрожал за него, видя его окруженным людьми вроде Палена, Зубовых и других, которых общественное мнение во всеуслышание называло виновниками последней трагедии».

Во время второго визита Гейкинга к Палену между ними состоялась подробная беседа. Не нужно забывать, что сенатор был дружен с госпожой Не-

лидовой и принадлежал к кругу овдовевшей императрицы, поэтому Пален имел надежду выудить у него информацию о враждебном лагере.

«Едва мы успели сесть, как он заговорил: "Мне известно все, что вам пришлось перенести; но это ничто в сравнении с гнусностями, совершенными по отношению к массе людей, которым приписывались воображаемые преступления или вся вина которых заключалась в одной лишь необдуманности. Мы устали быть орудиями подобных актов тирании, а так как мы видели, что безумие Павла возрастает с каждым днем и вырождается в манию жестокости, то у нас оставалась лишь следующая альтернатива: или избавиться свет от чудовища, или увидеть в ближайшем будущем, как мы сами, а быть может, и часть царской фамилии сделаемся жертвой дальнейшего развития его бешенства. Только один патриотизм может даровать человеку смелость подвергнуть себя, жену и детей опасности умереть самой жестокой смертью ради 20 миллионов угнетенных, измученных, сосланных, битых кнутом и искалеченных людей с целью возратить им счастье. Впрочем, я всегда ненавидел его и ничем ему не обязан; я ничего не получил от него, кроме этих орденов (!!!)¹. Но и их я возвратил нашему государю при его воцарении; но он приказал мне сохранить их, и я считаю, что получил их только от него. Такая услуга, оказанная государству и всему человечеству, не может быть оплачена ни почестями, ни наградами, и я объявил нашему государю, что никогда не приму подарка. Граф Панин, разделивший мой труд, солидарен со мною и во взгляде на этот вопрос". — "Я не знал, что граф Панин был здесь и опять уехал". — "Мы лишь хотели заставить государя отречься от престола, и граф Панин одобрил этот план. Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цели сенатом; но большинство сенаторов болваны, лишённые души и способности отдаться идеям высшего полета. Теперь они рады всеобщему счастью; они упиваются восторгом; но у них никогда не хватило бы ни смелости, ни самопожертвования, необходимых для совершения доброго дела. Возможно, что мы были накануне действительного и, быть может, гораздо большего несчастья, а для великих недругов необходимы и сильные средства. И я должен сказать, что поздравляю себя с этим поступком, считая его своей величайшей заслугой перед государством, ради которого я рисковал жизнью и пролил свою кровь (?)²".

После нескольких, не имеющих значения, слов, он начал снова: "Меня удивляет, что императрица-мать, по-видимому, хочет отомстить мне за это, в особенности тогда, как она сама подвергалась величайшей опасности, и с этой точки зрения, некоторым образом обязана мне. Я отказываюсь от проявления ее признательности, но она должна чувствовать ее и, по крайней

¹ !!! — восклицательные знаки поставлены В. П. Зубовым. — *Примеч. перев.*

² ? — вопросительный знак поставлен В. П. Зубовым. — *Примеч. перев.*

мере, не пытаться возбуждать государя против меня... Вы, без сомнения, видели Нелидову? Я высоко ценю ее... Что сказала она вам по этому поводу?" (Эта фраза послужила мне разгадкой для всего этого длительного введения, цель которого заключалась исключительно в том, чтобы узнать мнение личности, весьма близкой императрице.) — "Я видел ее всего минуту, причем она была окружена полудюжиной фрейлин". Едва успел я вымолвить эти слова, как он вынул свои часы. "Ах, прочтите мне свою записку: у нас осталось очень немного времени". Я поспешно прочел ее и заметил, что он слушал без внимания. Затем он сказал: "Очень хорошо..." Он весьма вежливо проводил меня до дверей кабинета, но я заметил в лице его выражение, что его поведение не искренно».

Далее Гейкинг рассказывает о беседе, которую он имел с госпожой Нелидовой. Она очень сильно изменилась. Волосы поседели, лицо покрылось сплошь морщинами; цвет его был желтовато-свинцовый, и черты глубокой печали омрачали это всегда столь ясное лицо... «Вы правы, не любя этого Палена... Ему еще мало, что он был зачинщиком заговора против своего благодетеля и монарха; он еще хотел бы поссорить мать с сыном, чтобы управлять государством как премьер-министр; но я сомневаюсь, чтобы второй план удался ему так же хорошо, как первый. Государь любит свою мать, а она боготворит его: такая связь не может быть порвана каким-нибудь Паленом, вопреки всем его искусным маневрам».

Граф Виельгорский, у которого остановился Гейкинг, пригласил его сделать несколько визитов, в том числе Палену, которого они нашли за карточным столом вместе с графом Валерианом Зубовым и двумя другими господами, играющими в фараон. Генерал Бенигсен присутствовал в качестве зрителя. «Увидя нас, Пален нахмурился; но несколько острот Виельгорского вернули ему хорошее расположение духа, так что мы остались там по окончании игры... Не знаю, как это случилось, но разговор коснулся императрицы. "Право, — сказал Пален, — она напрасно воображает себе, что она наша повелительница. В сущности, мы оба подданные государя, и если она подданная первого класса, то я — второго; усердие, с которым я стараюсь избежать всего, что могло бы послужить поводом к скандалу и возмущению, всегда останется неизменно тем же по глубине и искренности. Знаете ли вы историю с иконой?" — "Нет". — "Так дело вот в чем. Императрица пожертвовала для часовни Екатерининского института икону, на которой изображены Распятие, Божья Матерь и Мария Магдалина; на ней сделаны надписи, намекающие на кончину императора и могущие подстрекнуть раздраженную чернь против тех, на кого молва указывает как на участников этого Дела. Надписи эти уже успели привлечь многих в часовню, так что полиция донесла мне об этом. Чтобы не поступить опрометчиво, я отрядил туда смышленного и образованного полицейского чиновника в партикулярном платье,

поручив ему списать возмутительные места надписей, и я велел передать священнику, чтобы образ был удален втихомолку. Он ответил мне, что ничего не может сделать без непосредственного приказа императрицы. Вот почему я сегодня поговорю об этом с государем, который завтра едет навестить свою мать в Гатчину. Мне передали, что она хочет, чтобы икона осталась на месте во что бы то ни было. Но это невозможно".

Он еще несколько раз горячо высказался против императрицы. Когда мы собрались уходить, граф Виельгорский сказал мне: "Я положительно не узнаю Палена. Он всегда отличался, чтобы не сказать худшего, смышленостью камер-фурьера или придворного камер-лакея, а сегодня он позволил себе, не стесняясь, такие выходки против императрицы, и еще при свидетелях!" — "Он, очевидно, воображает, — ответил я, — что находится в такой незыблемой милости, что может тягаться с императрицей, но ему следовало бы быть поосторожнее. Императрица — женщина: в ней много упорства, сын ее любит и уважает. Это очень неравная игра».

О происхождении этой иконы сведения различны. По одним, ее в знак сочувствия императрице поднесли старoverы, которые были многим обязаны Павлу, по другим, икону принес ей художник. Гейкинг продолжает: «В воскресенье вечером я получил от одного из своих друзей записку следующего содержания: "Пален со всей своей семьей уезжает в 9 часов в Ригу; уверяют, что он подал прошение об отставке. Все едут к нему, и я советую Вам сделать то же". Я ответил ему: "Не верю ни одному слову об этом путешествии. Сходите к нему, и по возвращении уведомите меня, в чем дело". В 11 часов вечера мой друг написал: "Он уехал, разыгрывая роль невозмутимого, но она в отчаянии". Все это показалось мне сном. Но я, тем не менее, спокойно лег спать и, во всяком случае, пожелал ему счастливого пути. Около 10 часов утра к Виельгорскому пришел кто-то из приближенных государя и объяснил нам причину внезапного отъезда Палена. В четверг утром он горько жаловался государю на инцидент с иконой. Его величество, рассерженный сильными выражениями Палена, заметил ему: "Не забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочем, невозможно, чтобы надписи были таковыми, как вы говорите; я хочу видеть икону"».

Пален, без дальнейших околичностей, велел взять образ и принес его государю, который, прочитав надписи, ничего не сказал, а поехал в Гатчину, где потребовал объяснений от своей матери. Как ни старался он смягчить дело, императрице все-таки пришлось оправдываться в своих намерениях, что было для нее крайне унижительно. Она заключила объяснения, приведенные в свое оправдание, словами: "Пока Пален будете Петербурге, я туда не возвращусь!" Государь вернулся из Гатчины лишь в субботу вечером и, не желая лично приказать Палену отправиться на ревизию Лифляндии и Курляндии, проработал с ним вместе в воскресенье все утро до обедни; по-

еле этого он велел позвать к себе генерал-прокурора и поручил ему передать Палену свое повеление приблизительно за час до обеда¹. "Я понимаю, — сказал Пален Беклешову, — смысл этого совета государя и знаю его источник. Доложите его величеству, что сегодня вечером в 8 часов его приказ мной будет исполнен, и меня не будет в Петербурге". Он сообщил о случившемся своей жене и заявил ей, что немедленно потребует полной и безусловной отставки. Она сама написала молодой императрице о своем увольнении, чтобы иметь возможность сопровождать своего мужа. Пален пометил свое письмо Стрельной², и оно было передано государю при его пробуждении. Его отставка была обнародована в тот же день при параде. Таким образом, меньше чем за 26 часов этот человек, считавший свое положение неизблемым, обладавший в такой высокой мере умом и тактом, обратился в ничтожество и был принужден празднично прогуливаться в своих имениях в сопровождении своей совести, веский голос которой теперь уже не мог быть заглушен лестью и шумом придворной жизни».

Как в действительности обстояли дела с совестью Палена, об этом мы имеем противоречивые свидетельства. Княгиня Ливен рассказывает, что после своего изгнания и вплоть до самой смерти в начале 1826 г. (через несколько недель после кончины Александра) он «совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опаматоваться не раньше следующего дня». Этим сведениям противоречит семейное предание Паленов, которое гласит, что, умирая, он сказал: «Господи, отпусти мне мои грехи. А к встрече с Павлом я и так готов». До самой кончины Пален был убежден, что он совершил великое дело и заслужил благодарность своих сограждан.

Об обстоятельствах падения Палена с незначительными расхождениями в деталях сообщают Чарторыйский, Саблуков и княгиня Ливен. В своем высокомерии Пален зашел так далеко, что делал довольно неосторожные намеки на свое всемогущество и на возможность «возводить и низводить монархов с престола». Пален пал 17 июня 1801 г. Его величие продолжалось три месяца и шесть дней.

Платон Зубов также воображал себя человеком, крепко сидящим в седле. Когда кто-нибудь поздравлял его с тем, что государственный переворот стоил всего одной жертвы, он отвечал: «Это еще не все, нужно добавить, что никто из его участников не будет наказан». Еще при жизни Екатерины II он

¹ Типичная черта характера Александра — малодушие, которое он еще часто проявлял в ходе своего правления. Впрочем, еще один монарх недавнего прошлого следовал примеру Александра. (Намек на императора Николая II. — *Примеч. перев.*)

² Вблизи от Петербурга, но уже за городской чертой.

позволял себе ухаживать за супругой Александра Елизаветой, за что ему не раз выговаривала старая государыня. Теперь он снова осмеливался оказывать молодой императрице неуместные знаки внимания. Братья Зубовы скоро заметили, что им не стоит ждать больших милостей от императора, и попытались запугать его обходным путем, через Чарторыйского. Это им не удалось, и в тот же самый день, когда Александр освободился от Палена, у него хватило мужества послать и князю Зубову приказ отправиться в свои имения. Позднее Зубов получил разрешение уехать за границу. До самой своей смерти в 1822 г. он жил в своем великолепном замке Рунсдаль в Курляндии. В 54 года он выглядел стариком, несмотря на это в Вильне он влюбился в юную девушку из мелкопоместной литовской дворянской семьи Феклу Валентинович. Он думал одержать легкую победу, но девушка, и особенно ее мать, узнав, кто он такой, отказали ему. Престарелый Зубов потерял голову и женился на красавице, которая отравила ему последние 11 месяцев жизни.

Николай Зубов, непосредственный убийца императора, сразу после смерти Павла был пожалован в обер-штальмейстеры, но вскоре был замечен в рукоприкладстве по отношению к своим подчиненным. Государь, ненавидевший всех заговорщиков, использовал это как предлог для отстранения его от дел. Он умер уже в 1805 г.

Только Валериан Зубов, непосредственно не участвовавший в убийстве и бывший его противником, не попал в опалу и был назначен членом вновь образованного Государственного совета. Он умер уже в 1804 г. в возрасте 32-х лет.

Красавица Ольга Жеребцова покинула Петербург с большой суммой денег в последние дни февраля, вероятно, для того, чтобы сохранить состояние семейства за границей в случае провала заговора. В Данциге ее ожидало известие о смерти Павла. Здесь она узнала, что с уведомлением о вступлении на престол Александра к королю Фридриху-Вильгельму III послан ее сын. Они встретились в Берлине, где сначала они отрицали любую свою причастность к государственному перевороту, но спустя несколько дней стали громко бахвалиться этим. Молодой человек позволял себе, находясь в обществе, такого рода выражения, что даже те русские, которые эмигрировали в Берлин из-за оппозиции к Павлу, были возмущены. Король, испытывавший отвращение к факту убийства Павла, находился в затруднительном положении: как он должен принять посланца этой вестии, и в итоге принял его чрезвычайно холодно.

Ольга поехала дальше в Лондон, где ее приятель Витворт между тем успел жениться на вдове герцога Дорсета, леди Арабелле Диане. Известие об этом до такой степени вывело Жеребцову из себя, что уже в Берлине она потеряла всякий контроль над собой, и излагала свои жалобы всем англичанам, ко-

торые попадались ей на пути. Она утверждала также, что Витворт должен ей деньги. К счастью для него, он был назначен посланником в Париж и уже не находился в Лондоне. Ольга же оставалась там несколько месяцев. Во время одного из своих более поздних посещений Англии по случаю Жеребцова стала любовницей регента — будущего короля Георга IV. Она вернулась в Россию с сыном, которого выдавала за внебрачного сына короля, и дала ему имя Георг Норд.

Полна таинственности судьба молодого генерала Талызина, с которым мы познакомились как с мистиком. Он умер ровно через два месяца после смерти Павла, 11 мая 1801 г. Высказывавшееся предположение, что он, не выдержав мук совести, покончил жизнь самоубийством, выглядит довольно правдоподобно.

Из протагонистов этой трагедии лишь Бенигсен избежал немилости, хотя Александр ненавидел его до конца своей жизни. Сначала он был литовским военным губернатором с резиденцией в Вильне, затем, во время наполеоновских войн, оказалось, что невозможно обойтись без его военных талантов. В 1807 г. он был главнокомандующим во время кампании в Восточной Пруссии и прославился 8 февраля этого года битвой при Прейсиш-Эйлау, когда Бенигсен первым сумел разрушить миф о непобедимости Наполеона. Несмотря на это, Александр не пожаловал Бенигсену маршальского жезла, которого тот, пожалуй, заслуживал. Вскоре же при Фридрихсберге он потерпел сокрушительное поражение.

Император всегда рассматривал Бенигсена как убийцу своего отца, хотя генерал в своих воспоминаниях отрицает это обвинение. В Тильзите Александр заметил, что Наполеон оказывает Бенигсену большое внимание, и захотел узнать причину этого. «Потому что он ваш генерал», — отвечал Наполеон. «Но он гнусный негодяй, — сказал Александр, — это человек, который убил моего отца; лишь политика заставляла и заставляет меня использовать его, несмотря на то, что я предпочел бы видеть его мертвым, и я имею намерение скоро послать его в такое место, где смогу посмотреть, как он отправится на тот свет»¹. Когда Бенигсен в 1802 г. был губернатором в Вильне, он хвастался тем, что участвовал в убийстве Павла². Почти 20 лет спустя, имея причины жаловаться на Александра, он сказал Ланжерону: «Неблагодарный, он забывает, что ради него я рисковал попасть на эшафот». Ланжерон со своей стороны заметил: «Бенигсен не захотел мне больше ничего говорить, однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве».

¹ *Барри Эдвард О'Меара*. Napoleon at St Helena. London, 1888. Vol. I. P. 327-328. Датировано 14 февраля 1817 г.

² *Memoires de la Comtesse Potocka*, publiés par Casimir Stryienski. Paris, 1897. P. 44-45. Мемуары графини Потockой.

Несмотря на поражение при Фридрихсбурге и ненависть Александра, военная карьера ганноверца еще не закончилась. После Тильзита он ушел на войну, но в 1812 г. был начальником Генерального штаба при Кутузове, при этом писал доносы на своего шефа. Позднее Бенигсен принял участие в битве при Лейпциге, за что был пожалован титулом российского графа. В 1818 г. он вернулся на родину, где и умер в 1826 г., в тот же год, что и Пален.

Главной движущей силой в наказании заговорщиков была императрица-мать. Самым большим ее желанием было привлечь их всех к суду и послать на виселицу. Но это было не в ее силах, поэтому она действовала против каждого в отдельности, по мере того как постепенно узнавала об их участии в убийстве. Ненависть ее не затихала до конца жизни, и она снова и снова требовала от своего сына принятия мер то против одного, то против другого. И горе было тому, кто попадал в ее поле зрения.

Мы уже познакомились с той ролью, которую сыграл в граф Никита Петрович Панин, и знаем, что именно он вовлек в него Александра. Таким образом, его связывала с молодым императором глубокая тайна. Так как его руки не были обогреты кровью монарха, он отсутствовал в Петербурге в день смерти императора и как будто никогда не был сторонником цареубийства, то казалось, что нет никаких препятствий для его дальнейшей карьеры. Уже 12 марта Александр вызвал Панина назад в столицу, при встрече обнял его со слезами на глазах и сказал: «К сожалению, дело приняло другой оборот, чем мы ожидали». Это было 21 марта. В тот же день Александр поручил Панину исключительное руководство внешней политикой. Правда, из уважения к князю Куракину за ним была сохранена должность вице-канцлера, и, следовательно, именно он был официальным главой Иностранной коллегии, где Пален, но также только формально, занимал второе место, а Панин по рангу стоял лишь на третьем месте. Однако руководство делами, по недвусмысленному приказу императора, было возложено исключительно на одного Панина. По мнению Панина, за короткое время между сменой правительства и его прибытием в Петербург были совершены грубые ошибки внешнеполитического характера, особенно в отношениях с Англией, вину за которые он возлагал на Палена. В письме послу в Лондоне графу Семену Воронцову от 11 июня он написал: «...граф Пален, который в наших делах (т. е. дипломатических. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч. перев.*) соображает не больше, чем я в сапожном ремесле». Так оценивается человек, который должен был проявить для осуществления заговора так много «дипломатии».

Но не прошло и семи месяцев, как в карьере Панина наступил поворот, ошеломивший всех как внутри, так и вне страны. После монарших милостей, которыми он был буквально осыпан, 3 октября 1801 г. он вдруг получает отпуск для поездки за границу сроком на три года. Когда же Панин в кон-

це 1804 г. вернулся на родину, ему запрещают останавливаться в столице, одновременно повелевают ехать в свое имение и никогда не покидать его. Эта ссылка длилась свыше 30 лет, вплоть до самой его смерти в 1837 г. Для современников эти события остались непонятными. Сам Панин упорно хранил молчание. Только после смерти Александра он несколькими современникам объяснил тайные причины. Князь Лобанов-Ростовский узнал эту историю в 1869 г. Для проверки ее достоверности он расспросил сына Панина и получил его подтверждение. В записи Лобанова история звучит примерно так. Когда Александр вызвал Панина, Мария Федоровна выступила против этого выбора и спросила императора, хорошо ли он подумал, что он делает. Александр ответил, что указ уже подписан. Когда Панин в своем новом сане представлялся овдовевшей императрице, она не захотела протянуть ему руку для поцелуя, прежде чем он ей не скажет и не подтвердит честным словом, принимал ли он или нет участие в катастрофе, положившей конец прежнему правлению. Панин отвечал: «Ваше величество, вероятно, будет достаточно, если я скажу, что меня в это время в Петербурге не было». Мария Федоровна в ответ протянула ему руку, обрадованная, что в окружении ее сына будет находиться хоть один человек, не причастный к убийству Павла.

Мы уже знаем, что Панин был высокомерным человеком. Друзей у него было мало. Среди русских представителей за границей в дружеской переписке он находился с графом Семеном Романовичем Воронцовым, хотя они никогда не виделись. Однажды Воронцов попросил его, ссылаясь на их многолетние доверительные отношения, сказать совершенно откровенно, что он думает о новом правлении и о характере молодого императора. Панин без долгих раздумий ответил, что он не ожидает ничего хорошего, что император молод, легкомыслен, увлечен танцами и больше стремится к тому, чтобы нравиться женщинам, чем к тому, чтобы заниматься государственными делами. Так как письмо было слишком откровенным и не могло быть доверено почте, Панин передал его через курьера. Несмотря на эти меры предосторожности, его содержание вскоре стало известно императору. Панин был убежден, что Воронцов переправил письмо прямо самому Александру. Государь был возмущен, но сдержал себя и ограничился только тем, что предоставил Панину трехлетний отпуск. Эта внезапная опала повергла всех в изумление. Императрица Мария сделала замечание своему сыну, особо подчеркивая, что безупречное поведение Панина во время заговора заслуживает доверия. Александр молча выслушал упреки матери. В тот же день он написал несколько строк, в которых поставил ее в известность, что Панин участвовал в заговоре, и приложил письмо Панина Витворту. С этого мгновения Панин потерял благосклонность императрицы. Она обвинила его в предательстве, лжи и ненавидела до конца своей жизни.

При возвращении в Россию Панин велел начать ремонт своего жилища в Петербурге. Это известие дошло до императрицы и вызвало у нее сильнейший гнев. Она бросилась к императору и заявила ему, что он должен выбирать между ней и Паниным, так как она сразу же покинет дворец, как только Панин хотя бы одной ногой ступит в него. Александр тотчас послал Панину приказ незамедлительно отправиться в свое имение в Смоленской губернии и дал Сенату указ об увольнении Панина. Со своего младшего сына Николая I при его вступлении на престол в 1825 г. императрица взяла обещание не допускать никаких изменений в судьбе Панина. Лобанов добавляет от себя: «Удивительно, с каким систематическим и неустанным коварством мягкая, благодетельная, сердечная мать отечества, императрица Мария Федоровна, десятилетиями преследовала ненавистного ей человека. У этой женщины, олицетворяющей саму доброту, многие злые люди могли бы поучиться тому, как самым рафинированным образом нужно мучить ближнего своего». Можно по-разному относиться к этому высказыванию. Есть современники, такие, как, например, графиня Головина, которые аналогично оценивают характер императрицы, считая, что она только благотворительность рассматривала как проявление своей любви к людям и благодаря своим добрым делам считала себя, так сказать, свободной от всех других обязательств по отношению к самым близким людям. С другой стороны, понятно, что у нее никогда не заживала кровоточащая рана из-за того, что убийцы ее супруга, убийцы императора, разгуливали безнаказанными. Монархический принцип стоял тогда еще на высоте, несмотря на дворцовые перевороты, которые на протяжении всего XVIII в. непрерывно следовали один за другим, поэтому эта ситуация выглядела чудовишно. Тем более что этот дворцовый переворот отличался от более ранних. Тогда свергнутый монарх заменялся тем, кто его сверг. Александр же формально вступил на престол просто как законный наследник своего отца, формально он не участвовал в свержении и юридически, строго говоря, обязан был наказать убийц Павла. А что такое пожизненная ссылка того же Панина в его роскошном имении по сравнению со смертным приговором, которого он заслуживал? Причем даже эта ссылка не была столь уж тяжелой, так как Панин сумел предпринять еще четыре длительных заграничных путешествия.

Менее значительные цареубийцы, те, кто непосредственно принимал участие в зверском удушении, императрицей преследовались без передышки. Мы не имеем возможности проследить здесь судьбу каждого. Кое-кто из них избежал ее мести, либо потому, что она узнала их имена лишь много лет спустя, либо потому, что совсем их не узнала. Некоторые были сосланы на кавказский фронт, где погибли в боях против горцев. Наконец, несколько заговорщиков, преимущественно те, кто лично не участвовал в убийстве, сохранили расположение Александра.

Несмотря на удаление важнейших из заговорщиков, известная мадам де Боней, о которой говорили, что она будто бы являлась тайным агентом Первого консула при дворе Павла, имела основание написать Фуше: «Я присутствовала на коронации императора... Я видела его выходящим из Кремля... Впереди него шагали убийцы его деда, рядом с ним убийцы отца, а позади его собственные убийцы!»

Вскоре после Пасхи императрица Мария выразила желание вернуться в свою летнюю резиденцию, Павловск. Император спросил ее, какую охрану она желает там иметь. «Друг мой, я не выношу вида ни одного из полков, кроме конной гвардии». — «Какую же часть этого полка вы желали бы иметь при себе?» — «Только эскадрон Саблукова». Так Саблукову выпала возможность наблюдать жизнь овдовевшей императрицы и описать, как она переносила свое горе. Его воспоминания прямо противоречат злословию графини Головиной, которая ненавидела императрицу и рассказывала о ее жажде развлечений.

По своему характеру Мария Федоровна не могла обойтись без известной доли сентиментальной аффектации, но все же ее печаль была подлинной. Саблуков рассказывает, что он каждую ночь, подобно сторожу, обходил сады, окружавшие небольшой дворец, среди которых разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые в память различных событий супружеской жизни покойного императора. Здесь, подобно печальной тени, удрученная горем, Мария Федоровна, одетая в глубокий траур, бродила по ночам среди мраморных памятников и плакучих ив, проливая слезы в течение долгих, бессонных ночей. Нервы ее были до того напряжены, что малейший шум пугал ее и обращал в бегство. «Вот почему, — пишет Саблуков, — моя караульная служба в Павловске сделалась для меня священной обязанностью, которую я исполнял с удовольствием». Императрица не искала в забвении облегчения своего горя: напротив, она как бы находила утешение, выпивая до дна чашу душевных мук. Кровать, на которой Павел испустил последнее дыхание, с одеялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена в Павловск и помещена за ширмами, рядом с опочивальней государыни, и в течение всей своей жизни вдовствующая императрица не переставала посещать эту комнату. «Недавно мне передавали, — добавляет Саблуков, — что эту кровать после смерти государыни перевезли в Гатчину и поместили в маленькую комнату, в которой я так часто слышал молитвы Павла». Это описание показывает нам, что Саблуков также был романтиком и истинным сыном своего времени.

Кроме вдовы и детей мало кто при дворе оплакивал покойного императора. Среди них была Нелидова, для которой смерть Павла стала тяжелейшим ударом. Бывшая соперница стала самой близкой подругой императрицы

Мари. Общая любовь к усопшему связала этих двух женщин неразрывными узами. Их дружба как в зеркале отражается в письмах, которыми они обменивались до самой смерти императрицы. Новый памятник присоединился к тем, что уже украшали Павловский парк. На тихом, приветливом, окруженном темной листвой месте вдова Павла поручила французскому архитектору Тома де Томону воздвигнуть маленький дорический храм, который стал жемчужиной архитектуры и полон удивительной гармонии. На решетках, которые окружают священную рощу, виднеются факелы, обращенные к земле, и надпись на фасаде: «Супругу-благодетелю». Внутри возвышается кенотаф работы скульптора Мартоса: перед пирамидой из черного мрамора, украшенной медальоном с портретом Павла, печальная женщина, стоящая на коленях перед урной.

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В. П. Зубов все названия непосредственно в тексте приводит на языке оригинала источников, так же как и фамилии авторов. При переводе оригинальные написания были вынесены в примечания. В тексте же они даются в русском переводе. Названия русскоязычных изданий автор дает в немецком переводе, приводя в скобках русское название латинским шрифтом. В таких случаях немецкий перевод опускается. Не оговаривается также иностранное написание общеизвестных фамилий и названий. Кроме того, В. П. Зубов в тексте приводит выходные данные изданий и ссылки. Эти сведения также вынесены в примечания, причем ссылки даются в русском написании.

А. ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания современников являются, к сожалению, основным источником сведений о событиях, которыми мы занимаемся, причем источником весьма ненадежным, и использовать их следует с оговорками. Они содержат противоречия и хронологические неточности. Очень схожие события часто датируются по-разному, и потому остается сомнение, идет ли речь об одном и том же факте или нет. Сама пространственность рассказа порой затемняет смысл. Зачастую мы вынуждены прибегать к параллельному повествованию. Только в случае, когда свидетельства известного числа мемуаристов совпадают, мы можем нащупать относительно твердую почву.

Однако нужно ли нам отказываться от подробностей по одной лишь причине, что мы сталкиваемся с противоречиями у различных летописцев? Не лишится ли таким образом картина жизни и красок? Вот главная причина, побудившая меня предложить читателю как можно больше фактов, не беря на себя ответственность за их полную достоверность. Сравнивая повествования, я стремился реконструировать ход событий в роковые дни в той версии, которая мне казалась наиболее вероятной. Одновременно я приводил также и альтернативные варианты, если они не противоречили здравому смыслу.

Я стремился, и это самое важное, включить эти события в общий ход истории. Подробности, в конце концов, исходя из высших соображений, имеют все же лишь анекдотическое значение. Они интересны, главным образом, с точки зрения психологии и человеческой сущности. Точность или неточ-

ность в деталях ничего не меняет в том воздействии, которое оказало убийство императора Павла на ход последующих эпох. С человеческой же точки зрения, причем это касается как жертвы и убийц, так и характера всего общества, свой психологический смысл имеют не только факты, но и их отражение через слухи и сплетни. Все эти люди, как я уже говорил и снова повторяю, дети своего века, и именно эпоха придает голым фактам свой колорит.

В интересах непрерывности повествования я до сих пор не делал критического обзора основных источников, находящихся в нашем распоряжении, и теперь хочу восполнить этот пробел.

Различные воспоминания, о которых я хотел бы рассказать, были опубликованы Теодором Шиманом в сборнике под названием «Убийство Павла I и восшествие на престол Николая I»¹. Второе издание книги, с тем же самым текстом и с появившейся нумерацией страниц, вышло под заглавием «К истории правления Павла I и Николая I»² в 1906 г. Речь идет о мемуарах, которые касаются периода от государственного переворота 1801 г. до декабрьского восстания 1825 г., последовавшего вслед за смертью Александра I. Далее при цитировании «Шиман».

В 1907 г. в Санкт-Петербурге в издательстве Суворина появился сборник на русском языке «Цареубийство 11 марта 1801 года» с анонимным предисловием. Сборник содержит воспоминания различных русских авторов или мемуары в русском переводе, в том числе и те, что были изданы Шиманом. В дальнейшем при цитировании «Цареубийство».

В 1908 г. в Москве был издан другой сборник, также анонимно, — «Время Павла и его смерть». Отчасти он содержит те же тексты, что и предыдущие издания, но также и некоторые другие. Далее при цитировании «Время Павла».

Я находился в нерешительности, в какой последовательности перечислять различные сочинения. Хронологический порядок по годам первой публикации показался мне нелогичным, потому что дата издания не имела никакого отношения ко времени написания каждой отдельной рукописи. Кроме того, этот порядок мог бы дать предпочтение менее важным документам перед теми, которые имеют основополагающее значение. Это же соображение говорит против расположения по алфавиту. Таким образом, остается только классификация по документальной ценности.

В первую очередь нам нужно заняться рассказами очевидцев. Их мало. Непосредственный свидетель убийства только один — Бенигсен, да и тот, если ему верить, в момент убийства находился в соседнем помещении.

¹ *Theodor Schiemann. Die Ermordung Pauls I. und die Thronbesteigung Nicolaus I.* Berlin: GeorgReimer, 1902.

² *Zur Geschichte der Regierungen Pauls I und Nicolaus I.*

Что же касается событий, которые предшествовали перевороту или последовали за ним, тут свидетелей гораздо больше, и некоторые из них пересказывают то, что рассказывали им участники драмы.

Если не принимать во внимание те несколько строк в мемуарах графини Потоцкой, о которых я упоминал на с. 171, мы имеем, по меньшей мере, четыре варианта заветов Бенигсена потомкам о событиях, в которых он принимал участие 11 и 12 марта. Эти варианты принадлежат различным периодам его жизни, и он в них кое-что изменяет в описании отдельных деталей. Только один вариант написан им собственноручно. Другие записаны с его слов, но, несмотря на это, производят впечатление подлинного рассказа.

1. Из различных свидетельств мы знаем, что граф написал свои воспоминания на французском языке. Теодор Шиман опубликовал в 1901 г. в «Историческом ежеквартальном журнале»¹ рукопись, которую в его распоряжение предоставил Рудольф фон Бенигсен, член ганноверской ветви семьи Бенигсенов. Эта рукопись представляет собой письмо к другу автора, генералу Александру Борисовичу фон Фоку, в котором автор описывает царубийство и связанные с ним события. Под текстом стоит: «С копии Т. Баркгаузен, урожденной фон Мюллер, записано верно». Рукопись сопровождается пояснением, из которого следует, что мемуары Бенигсена, оказавшиеся после его смерти, последовавшей 1 октября 1826 г., у его вдовы, Екатерины Фадеевны, урожденной Андржейкович, были взяты русским посланником господином Струве. Она отдала рукопись потому, что император Николай I пообещал ей за это пенсию в 12 тысяч талеров. Но она получила всего-навсего 4 тысячи рублей. К тому же вдова должна была дать обещание не оставлять у себя копии. Одна из дочерей Бенигсена, София фон Менте, тем не менее поручила своей дочери Мете скопировать самую интересную часть воспоминаний. Эта копия хранилась тайно до тех пор, пока другая внучка Бенигсена, Теодора фон Баркгаузен, не сняла с нее вторую копию, которая и была опубликована Шиманом.

Благодаря принцу Евгению Вюртембергскому мы также знаем, что Бенигсен написал обстоятельные воспоминания, и русский двор, опасаясь огласки, тотчас после его смерти, последовавшей в Германии, через своего представителя предпринял соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать их публикации вдовой генерала. Достоверность этих сведений подтверждается дневником русского военного писателя, генерала Михайловского-Данилевского (см.: журнал «Русская старина», 1893. III. С. 191-192). Он записал рассказ шурина Бенигсена, генерала Андржейковича, который в 1829 г. сообщил, что издатели предлагали его сестре за мемуары покойного супруга 60 тысяч талеров. Но она не хотела продать их без согласия

¹ Historischen Vierteljahrsschrift. Тетрадь 1. С. 57-69.

российского правительства и обратилась к посланнику России в Ганновере, господину Струве. Вскоре после этого российский министр иностранных дел попросил ее выслать рукопись в Петербург. Вдове пообещали мемуары быстро вернуть. С той поры прошло четыре года, но рукопись так и не вернули.

В 1818 г. Бенигсен рассказал Михайловскому-Данилевскому: «Мои "Воспоминания о моем времени"¹ составляют семь томов и начинаются с 1763 г. Я думаю, что битва при Пултуске — мой шедевр, ибо я маневрировал в присутствии Наполеона, точно на параде...» Часть воспоминаний, относящаяся к кампании 1807 г., была обнаружена и опубликована в русском переводе в 1896-1897 гг. П. М. Майковым. Нас может заинтересовать в этой публикации то, что Майков говорит о рукописи, хранившейся в семействе фон Фок. Видимо, Бенигсен поведал своему другу не только историю кампании 1807 г., но и об убийстве императора в форме письма, которое написал, вероятно, вскоре после этого события. Очевидно, что он включил это письмо в свои воспоминания, несколько его не изменив. Шиман в своем издании опустил введение к рассказу Бенигсена, так как оно заключает в себе неверное по содержанию описание сумасбродств Павла и не сообщает ничего нового. Предисловие Шимана, важнейшие положения которого я здесь воспроизвел, вошло так же, как и текст Бенигсена, в русский перевод в «Цареубийство» (с. 107-128). Несколько лет тому назад Лео Левенсон² обнаружил опубликованный анонимный немецкий текст, в котором имеются неизвестные места. Текст схож с письмом Фоку и увидел свет задолго до смерти Бенигсена и охоты русского правительства за его воспоминаниями; неизвестно только, появилась ли эта публикация с разрешения Бенигсена или нет. Этот текст находится в журнале «Сообщения по истории Нового времени», который издавался между 1817 и 1823 гг. фон Цшоке в Аарау (Швейцария)³. Анонимный издатель текста, подчеркивает, что он, видимо, был написан кем-то из тех, кто хорошо знал жизнь русского двора. Намек на то, что это будто бы воспоминания Бенигсена, содержится в «Воспоминаниях из жизни генерал-фельдмаршала Германа фон Бойена»⁴, который был в России во время наполеоновского похода, разузнавал там о цареубийстве и посвятил ему несколько страниц. Как бы то ни было, я не отваживаюсь полностью присоединиться к мнению Левенсона, который здесь видит подлинный текст Бенигсена. Сдерживают меня имеющиеся в нем значительные различия с письмом Фоку, к тому же в тексте есть очевидные неточности и противоречия.

¹ Memoires de mon temps.

² Leo Loewenson.

³ vonZschokke. Ueberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit. Aarau, Jahrgang 1819. С. 340-352.

⁴ Erinnerungen aus dem Leben des Generalfeldmarschal Hermann von Boyen. Leipzig, 1889. Ч. II, С. 246-249.

Я считаю, что хотя в основе публикации лежит письмо Фоку, но оно прошло через руки какого-нибудь литератора и было им препарировано. Примечательно, что вскоре после его публикации в Аарау это письмо было опубликовано на французском и английском языках в Париже и Лондоне, причем оба раза без упоминания имени Бенигсена. В России эти публикации в то время, вероятно, не были замечены. В 1859 г. в Лондоне русский эмигрант Герцен (Искандер) перепечатал этот текст на русском языке. Наконец, независимо от прежних публикаций под названием «Дневник заговорщика»¹ он появился в «Русском архиве» в 1914 г. За подробностями об этих публикациях я отсылаю к статье Лео Левенсона в «Славянском обозрении»,² к которой он приложил английский перевод немецкого текста. Французский оригинал военных воспоминаний Бенигсена в пяти томах был издан в Париже без указания года (с 1907 и далее) с введением, приложением и комментариями инженер-капитана Генерального штаба армии Е. Казаласа³.

2. Племянник и адъютант Бенигсена, бывший генерал-майор Эрнст фон Ведель, оставил после себя рукопись под заглавием «Выводы об убийстве императора Павла I по свидетельствам генерала графа Бенигсена и князя Платона Зубова в Вильно в 1812 году»⁴. Речь идет о рассказе Бенигсена в присутствии Зубова. Шиман узнал о рукописи от сына Теодора фон Бернгарди. Последний использовал ее в статье, к которой мы еще вернемся (Шиман. С. 72-82; русский перевод: Время Павла. С. 196-208). Эти тексты сопровождалась «Замечаниями о вышеуказанных свидетельствах герцога Евгения Вюртембергского, датированные декабром 1836 г. в Карлсруэ, Силезия»⁵. Принц, с приключениями которого в тринадцатилетнем возрасте мы уже познакомились, был в 1807 г., в одно время с Веделем, адъютантом Бенигсена. В 1810 г. и весной 1812 г. он находился в Вильно в гарнизоне и почти ежедневно посещал генерала, жившего в своем имении Закрет⁶ в окрестностях города. Евгений рассказывает, что туда приезжал и Ведель, тогда еще прусский майор. Бенигсен не только давал прочитать ему свои записки, но и часто в присутствии Зубова рассказывал «о событиях, которые ему всегда было трудно вспоминать, но именно через раскрытие тайны этих событий он надеялся найти оправдание в глазах общества, настроенного

¹ Tagebuch eines Verschworers. Русский архив. 1914. III. С. 443-454.

² The Slavonic Review. Т. XXIX. (1950/51). С. 212-232.

³ E. Cazalas.

⁴ Ernst von Wedell. Aufschlüsse über die Ermordung des Kaisers Paul I. nach Depositionen des General Freiherrn von Bennigsen und Fürsten Plato Subow zu Wilna im Jahre 1812.

⁵ Bemerkungen über vorstehende Depositionen von dem Herzoge Eugen von Württemberg, datiert aus Carlsruhe in Schlesien im Dezember 1836.

⁶ Sakret.

против него. Таким образом, генерал фон Ведель узнал много важного о тех событиях, но рассказывать о них публике он считал преждевременным». Это говорил принц Евгений в 1836 г. Он не знал, предвидел ли Бенигсен, что петербургский двор после его смерти предпримет меры в отношении его мемуаров, но то, что граф говорил ему, убеждает, что, по крайней мере, отрывки из этих воспоминаний уже находились в руках доверенных лиц, и это подтверждается существованием рукописи Фока. Шиман полагал, что рукопись Фока, как и рассказ Бенигсена графу Ланжерону, о котором тоже пойдет речь, отображают события так, какон их обычно воспроизводил в 1801 г. Тогда как веделевские записи — это, так сказать, редакция 1812г. Шиман подчеркивает большое различие между текстами. Должен признаться, что повторное сравнение меня в этом не убедило. Имеются различия в деталях, некоторые детали, имеющиеся в одном документе, отсутствуют в другом, и наоборот. В основном же документы идентичны. Основная тенденция и той и другой трактовки — желание доказать, что поведение Павла делало переворот неизбежным, и отрицание личного участия в кровавом исходе дела. Хватает выпадов и против Палена, который появился во дворце только тогда, когда все было уже закончено. Чувствуется, что Бенигсен пытается подчеркнуть важность своих действий и тем самым принизить роль Палена.

Неполный текст «Свидетельств»¹ содержится также в воспоминаниях принца Евгения, опубликованных Гельдорфом в 1861 г. (см. ниже). Шиман, видимо, игнорирует это обстоятельство, заявляя, что опубликовал их впервые. Принц дает нам понять, что главное, то есть описание сцены убийства, было положено на бумагу вскоре после самого события. Это, вероятно, является доказательством, что нет никакого различия по времени создания между редакцией рукописи Фока и записками, послужившими основой для «Свидетельств» Веделя. Что же касается рассказа о событиях, которые последовали вскоре после убийства, то, как утверждает принц, он был изложен Бенигсеном в памятной записке, которая существовала уже в 1810 г. По предположению Евгения, Бенигсен надеялся с помощью этой записки добиться более мягкого к себе отношения вдовствующей императрицы, которое изначально было враждебным.

3. Я только что говорил, что Бенигсен также дал разъяснения графу Андро де Ланжерону, французскому эмигранту, поступившему на русскую военную службу в 1790 г. и произведенному в 1799 г. в генералы. Он оставил после себя шесть объемистых томов рукописей, которые находятся в архиве французского министерства иностранных дел. Сочинение это большей частью носит военный характер, однако несколько страниц посвящены мартовским событиям 1801 г. Они были опубликованы виконтом де Груши

¹ Depositionen.

в «Британском обозрении» в июле 1895 г. под названием «Убийство Павла I»¹ (русский перевод: Цареубийство. С. 129-153; Время Павла, С. 137—191). Ланжерон вовсе не является очевидцем событий, во время драмы его даже не было в столице. Но выступает он приблизительно в том же качестве, что и Ведель. Он приводит свидетельства трех лиц, тесным образом связанных с событиями: Бенигсена, Палена и великого князя Константина. Кроме того, он был знаком со многими людьми, прежде всего, с братьями Зубовыми, чьи нелицеприятные портреты он сумел набросать в нескольких словах. Вопреки всему, что рассказывал ему Бенигсен, Ланжерон высказывает убеждение в его моральной вине: у него не было необходимости братья за это дело, так как имелись другие люди, чтобы проделать грязную работу. Как уже упоминалось, рассказ Бенигсена Ланжерону не слишком отличается от письма Фоку. Ланжерон от себя добавляет некоторые подробности, заимствованные из других источников, например о роли золотой табакерки Николая Зубова.

Важнее сообщения Бенигсена, которое лишь повторяет его другие высказывания, является информация, услышанная Ланжероном из уст Палена, когда он в 1804 г. навестил его в изгнании в Митаве. Пален описал ему события, в которых он сыграл решающую роль. Информаторы Ланжерона, таким образом, не простые свидетели, а личности, которые сделали всю игру. Именно это заставляет нас быть осторожными. Хотя оба говорят с откровенностью, граничащей с цинизмом, но Пален пытается выставить себя героем, спасителем отечества и невинной жертвой Павла, скрывая ненависть и честолюбие, которые им руководили. Бенигсен со своей стороны старается, как мы уже видели, смыть с себя подозрение, что он участвовал в убийстве.

В 1826 г. в Варшаве Ланжерону представилась возможность услышать рассказ великого князя Константина о той трагической ночи. Это лишь очень краткое сообщение о том, что Константин сам видел и пережил после убийства отца. Великий князь не мог сказать больше, потому что, как справедливо заметил Шиман, ему, пожалуй, никогда не были известны все нити. Кроме того, Ланжерон добавляет еще некоторые истории, курсировавшие тогда в столице и в стране. Отдельные детали кажутся достоверными, другие же являются ошибкой. Отрывки из его военных воспоминаний в русском переводе были опубликованы Н. К. Шильдером в журнале «Русская старина» в 1895 г. под названием «Русская армия в год смерти Екатерины II».

4. Принц Евгений вскоре после смерти Павла возвратился к своим родителям. Русское интермеццо, кажется, повредило ему в общественном мнении. О нем слишком много говорили, осыпали почестями и рассматривали

¹ Andrault de Langeron. De la Mort de Paul I-er/(de Grouchy) Revue Britanique. Juli 1895. С. 59-79.

по меньшей мере как зятя императора России, если не как наследника престола. Теперь он опять, под насмешки света, превратился в бедного маленького принца младшей немецкой ветви. Его семья хотела, чтобы публика о нем забыла, поэтому для продолжения образования он был послан не в знаменитые университеты, а в маленький Эрланген. Там в шестнадцать лет он написал свои первые воспоминания о том, что пережил, увидел и услышал во время своего фантастического путешествия. Они написаны по-французски и озаглавлены «Достоверный рассказ о моих приключениях в 1801 г., записанный в 1804 г. и подаренный моему учителю французского языка в Эрлангене, господину де Оржелетту, Евгению, принцем Вюртембергским»¹ (Шиман. С. 59-72; русский перевод: Время Павла. С. 158-172). Это первая редакция его юношеских воспоминаний, за которыми много позже последовала вторая. Они производят впечатление полной правдивости, но это сочинение совсем молодого человека, почти ребенка, они наивны и гораздо менее подробны, чем последующие. «Достоверный рассказ» излагает только голые факты и предоставляет читателю самому делать из этого выводы. В то время, когда принц их писал, он еще не вполне осознавал важность событий, свидетелем которых он был. Поэтому странно, что Шиман, публикуя эти воспоминания, особо выделяет именно их, а мемуары, написанные позднее, упоминает между прочим, говоря, что они представляют лишь более позднюю редакцию.

5. Первая часть мемуаров, написанных позднее, вышла в 1861 г. под названием «Из жизни генерала от инфантерии российской императорской армии принца Евгения Вюртембергского по его собственноручным заметкам, как и письменному наследию, собранному и изданному его адъютантом генерал-майором бароном фон Гельдорфом»². В этом томе содержатся, среди прочего, воспоминания принца о юношеских годах, написанные им уже в зрелом возрасте и адресованные генерал-лейтенанту Валентини³. Значение этих мемуаров в изображении судьбоносного дня, пережитого принцем в Петербурге, до сих пор недостаточно раскрыто. Я уже упоминал замечание Шимана о них. При издании комментариев к «Свидетельствам» Веделя, этот же ученый их вообще опускает, ссылаясь на то, что их важнейшая часть почти дословно содержится в воспоминаниях, изданных Гельдорфом. Если бы это был не Шиман, то позволительно было бы спросить, читал ли он послед-

¹ Recit fidele de mes aventures en 1801, écrit en 1804 et presente a Monsiuer d'Orgelettes, mon maotre de langue francaise a Erlangen, par Eugene Price de Wurtemberg.

² Aus dem Leben des Kaiserlich — Russischen Generals der Infanterrie Prinzen Eugen von Wurttemberg aus dessen eigenhandigen Aufzeichnungen sowie aus dem schriftlichen Nachlaß seiner Adjutanten gesammelt und herausgegeben von Freiherrn Helldorff, General-M. z. D.

³ Valentini.

ние вообще. Они содержат гораздо больше подробностей, богаче с психологической точки зрения, передают более живую картину двора Павла и событий, предшествовавших смерти государя и последовавших за ней. Достаточно уже появления княгини Гагариной, этой возлюбленной императора, столь информированной о надвигающемся событии. Подобные сведения не смог сообщить ни один другой мемуарист. Стечение неожиданных обстоятельств, общие переживания молодой женщины и мальчика заставили ее проговориться. Впрочем, то, что она знала о заговоре больше чем многие другие, не является доказательством ее участия в нем. Мы обязаны этим воспоминаниям и еще рядом картин, живо рисующих нам атмосферу того дня.

6. Третий документ, написанный рукой принца Евгения, — это уже упомянутые «Замечания о вышеуказанных свидетельствах герцога Евгения Вюртембергского, датированные декабрем 1836 г. в Карлсруэ, Силезия» (Шиман. С. 83-89). Они содержат не только историю происхождения сочинения Ведела, но и собственные рассуждения принца об этом событии. Они написаны приблизительно в то же время, что и поздние воспоминания о юношеских годах. Много, о чем он не имел представления, когда писал «Достоверный рассказ», теперь ему известно. Герой наполеоновских войн на русской службе, племянник вдовствующей императрицы, двоюродный брат императоров Александра I и Николая I, он в состоянии объяснить тайные причины поведения Александра в отношении матери, так же как и душевное состояние своей царственной тетки, которую он обожает, но чьи слабости он не замалчивает. В своем жестком суждении о Павле, который выказал по отношению к нему так много добра, принц следует мнению, господствовавшему среди его класса. Похвала, расточаемая им Александру, явно к нему несправедливому и не простившему ему намерений, которые Павел с ним связывал, как и все, что нам известно о благородном характере Евгения Вюртембергского, служит речательством искренности его слов.

7. Воспоминания княгини Доротеи (Дарьи) Христофоровны фон Ливен, урожденной фон Бенкендорф, в той части, где речь идет о времени Павла, представляют собой документ чрезвычайной важности, когда речь идет обо всех событиях, разыгравшихся за пределами комнаты смерти, особенно для понимания поведения Александра и Марии Федоровны после убийства. (Шиман. С. 35-52; русский перевод: Цареубийство. С. 171-199). Французский оригинал записок в момент появления сборника Шимана находился в Собственной его императорского величества библиотеке в Зимнем дворце. Имеются другие копии. Полное издание с той поры вышло в Лондоне под названием «Неопубликованный дневник и политические зарисовки»¹. Княгиня, в то время графиня фон Ливен, родившаяся в 1785 г. в Риге, была доче-

¹ The unpublished diary and political sketches. — J. Cape Ltd., 1925.

рю Анны-Юлианы Шилинг фон Канштат¹, подруги детства императрицы Марии, известной под именем Тилле или Тиллине. Она последовала за будущей императрицей в Россию и здесь вышла замуж за балтийского барона Христофора Ивановича фон Бенкендорфа. За несколько лет до своего восшествия на престол великий князь Павел, к большому сожалению Марии Федоровны, удалил баронессу фон Бенкендорф от своего двора, так как та, по его мнению, слишком уж вмешивалась в его семейные дела. Это был период натянутых отношений между супругами из-за мадемуазель Нелидовой. Юлиана фон Бенкендорф умерла в Дерпте вскоре после вступления Павла на престол, не повидавшись больше со своей подругой. Императрица горячо оплакивала ее и при поддержке мадемуазель Нелидовой взяла на себя воспитание двух девочек сирот, детей покойной. Малышки были помещены в институт благородных девиц, известный как Смольный монастырь, а в возрасте 14 лет назначены придворными фрейлинами. В 1800 г. Доротея вышла замуж за графа Христофора Александровича фон Ливена, который в 25 лет занял пост начальника военной канцелярии его величества, что соответствовало функциям военного министра. У меня была возможность рассказать о нем подробно, так же как и о его матери, главной воспитательнице императорских детей, которую император Николай I в 1826 г. возвел в княжеское достоинство вместе со всеми ее наследниками. Благодаря матери и, прежде всего, свекрови и мужу, графиня Доротея принадлежала с молодых лет к интимному кругу императорской семьи и была поэтому наилучшим образом информирована обо всем, что происходило при дворе. Во время правления Александра I, после Тильзитского мира, ее муж был посланником в Берлине, а с 1812 по 1834 г. являлся послом России в Лондоне. Здесь княгиня, которая была более яркой личностью, чем ее муж, стала послом де факто. Шатобриан называл ее «чудным созданием». Она имела блистательный салон и получала свои инструкции непосредственно, через голову мужа, от министра иностранных дел графа Нессельроде и императоров Александра I и Николая I. Она была тесно связана с Меттернихом, чьим противником стала в дальнейшем, после того, как она поддержала партию Каннинга, а позже Гизо, когда переселилась в Париж, где и умерла в 1857 г. Именно Гизо она оставила фрагменты своих воспоминаний о смерти Павла, пребывании союзных монархов в 1815 г. в Лондоне и об основании греческого королевства. Гизо использовал их, хотя и весьма неполно, в написанной им биографии княгини в своем издании «Смесь биографическая и историческая»².

Когда она писала свои воспоминания, Доротея не была уже больше пятнадцатилетней девочкой, только что вышедшей замуж за молодого военно-

¹ Anna-Juliane Schilling von Cannstatt.

² *Melanges biographiques et historiques*. Paris, Michel Levy, 1868. С. 189-222.

го министра, как в 1801 г., а являлась высокоинтеллектуальной женщиной, прекрасным дипломатом и полностью давала себе отчет о событиях, которые полусознательно пережила в своей юности. Кроме исторического интереса ее сочинение привлекает своими литературными достоинствами. Портреты Павла, Палена, Бенигсена написаны чрезвычайно живо. Убедительно передана атмосфера столицы в последние месяцы жизни императора, так же как и события, свидетелями и участниками которых были ее свекровь, муж и она сама. Дочь близкой подруги императрицы Марии, ее воспитанница, княгиня, естественно, идеализирует императрицу больше, чем некоторые другие современники. Хотя она не скрывает, что государыня повела себя недостаточно достойно перед часовыми, преградившими ей путь, но игнорирует ее политические притязания. Ей можно верить, когда она, вопреки литературным приукрашиваниям Коцебу, утверждает, что первая беседа матери с сыном после драмы прошла без свидетелей. Ливен описывает, как и многие другие, бешеную радость города при известии о смерти монарха, сияющую красоту молодой императорской четы и едва ли не страстную любовь, которая окружала их с первых дней нового царствования. Наконец, ей мы обязаны одной из версий о борьбе между вдовствующей императрицей и Паленом, о его падении и смерти.

8. В 1865 г. в лондонском журнале *Fraser's Magazine*¹ вышли «Воспоминания о дворе и временах императора российского Павла I до периода его смерти. Из бумаг умершего русского генерала»². Их французский перевод появился вскоре после этого в «Современном обозрении»³ под названием «Убийство Павла. Генерала С-ова»⁴. Полное имя автора оставалось неизвестным до ноября 1869 г., когда в московском журнале «Русский архив» был опубликован русский перевод и обнародовано имя генерал-майора Николая Александровича Саблукова. Вследствие тогдашних цензурных предписаний публикация была не полной, и значительная часть текста, самая интересная, была опущена. Факт цареубийства не допускался, официальная формулировка — апоплексический удар — была обязательна. Только в 1907 г. смогли впервые издать полный перевод мемуаров, выполненный К. Военским, (Цареубийство. С. 1-107; отдельное издание: Санкт-Петербург, 1911). Автор воспоминаний родился в 1776 г. в Петербурге, получил превосходное образование, знал несколько иностранных языков. В юности

¹ *Fraser's Magazine for town and country*. Т. 72. С. 222 -241, 302-327.

² *Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer*.

³ *Revue Moderne*. Т. 35 (1 декабря 1865). С. 519-543 и Т. 36 (1 января 1866). С. 106-140.

⁴ *La Mort de Paul I-er par le General S-off*.

он путешествовал по Германии и Италии и был представлен при различных дворах. Вернувшись в 1792 г. на родину, Саблуков в 17 лет был записан в Конногвардейский полк. В момент смерти Павла он был полковником и командовал эскадроном. Не принадлежа к гатчинским войскам, он тем не менее пользовался благосклонностью императора на протяжении всех четырех лет царствования Павла, что посчастливилось далеко не каждому. Государь, по-видимому, ценил в нем безоговорочную преданность человека твердых принципов, который не колебался даже тогда, когда его отец тяжело пострадал от несправедливого гнева Павла, о чем император потом сожалел. Командир полка, великий князь Константин, во многом унаследовавший от отца вспыльчивый характер с неконтролируемой реакцией, также симпатизировал Саблукову, умевшему смягчать выходки молодого человека.

У Саблукова была возможность многое увидеть и услышать, и его записки производят впечатление самой достоверной точности. Он был свидетелем важных событий накануне и в ночь преступления, одним из последних, видевших монарха при жизни и говоривших с ним. Во время убийства Саблуков, разумеется, находился далеко от места преступления. То, что он видел собственными глазами, можно считать достоверным фактом с высокой степенью вероятности. Хотя окончательная редакция воспоминаний была написана только между 1840 и 1847 гг., можно предположить, что она писалась на основании более ранних заметок, сделанных в Англии, Карлсруэ и Петербурге. При этом необходимо отметить, что в прилагаемых мемуаристом планах помещений все же есть неточности. Они не совсем совпадают с аналогичными планами строителя замка Бренны. То, что Саблуков знал с чужих слов, естественно, менее точно. Автор и сам просит читателя делать различие между его личной информацией и рассказами третьих лиц, которые он только повторяет. Необходимо также указать на определенные противоречия, которые касаются участия в заговоре Англии. Дойдя до известного пункта, тон повествования вдруг меняется. Это можно объяснить только тем, что текст, опубликованный во *Fraser's Magazine*, был «причесан» редакцией журнала. Подзаголовок «Из бумаг...» сам по себе наводит на размышления. Возможно, что в редакции пытались вычеркнуть или ослабить намеки автора на Англию. Покойный герцог Георг Лейхтенбергский утверждает в первом томе своей истории Конногвардейского полка (Париж, 1938, на русском языке), что в Собственной его императорского величества библиотеке в Зимнем дворце находилась французская рукопись воспоминаний Саблукова, которую он использовал для своей работы. К сожалению, сегодня невозможно проверить, идет ли речь об оригинальной рукописи, которая не претерпела вышеупомянутых изменений английского журнала, или же просто о тексте, опубликованном в «Современном обозрении».

Убийство Павла удручающе подействовало на представления Саблукова о неприкосновенности священной особы монарха. В конце 1801 г. он вышел в отставку и уехал за границу. В 1803 г. он женился в Англии на мисс Юлиане Ангерштейн, дочери коллекционера, 38 полотен которого образовали в 1824 г. ядро Национальной галереи. В 1806 г. мы вновь находим его в России на службе в Адмиралтейств-коллегии. Он дослужился до чина генерал-майора, но в 1809 г. вторично подал в отставку и возвратился в Англию. Когда в 1812 г. Отечество оказалось в опасности, Саблуков поспешил на помощь и принял участие в боевых действиях, но после освобождения территории России окончательно ушел в отставку, осел в Англии, часто путешествовал по Европе, время от времени приезжая на родину, и умер в 1848 г. в Петербурге от холеры.

9. Павел, как уже говорилось на с. 92, по какой-то прихоти заманил в Россию немецкого писателя Августа Коцебу. С подлинным паспортом, выданным русским представительством, тем не менее он был арестован при пересечении границы и отправлен в Сибирь, где пробыл два месяца. Обнаружив свою ошибку (Коцебу был далеко не либерал), Павел, как всегда, поспешил ее исправить и вознаградить жертву, вернув писателя в Петербург и осыпав милостями. Он назначил Коцебу директором немецкого императорского театра и поручил ему описание своего нового замка. После переворота работа, начатая Коцебу, стала беспредметной, так как замок был покинут и разграблен. Коцебу не был бы чрезвычайно плодовитым писателем, если бы из своих русских приключений не сделал книги. В 1802 г. в Берлине вышел двухтомник «Достопамятный годмоей жизни»¹. В них автор рассказывает о своем сибирском изгнании, о службе у Павла и приводит факты о его смерти, которые он посчитал уместным опубликовать в тот момент. Коцебу приложил к этому сочинению сделанное им описание Михайловского замка. Оно ценно для нас при реконструкции декораций, в которых разыгрывалась драма. Конечно, при этом необходимо иметь перед глазами оригинальные планы архитектора. Книга Коцебу — первая по времени опубликованная работа о событиях, которыми мы занимаемся.

10. Значительно более важное сочинение того же автора доступно нам только в русском переводе. По-немецки оно называется: «Geschichte der Verschwörung, welche am 11. März 1801 dem Kaiser Paul Thron und Leben raubte»². Рукопись, полностью написанная автором собственноручно, осенью 1872 г. была подарена императору Александру II в Крыму во дворце Ливадия сыном писателя, Павлом фон Коцебу, который был высокопоставлен-

¹ Das merkwürdichste Jahr meines Lebens.

² «История заговора, который 11 марта 1801 г. лишил императора Павла престола и жизни».

ным российским чиновником и был возведен в графское достоинство. В тот момент опубликовать работу было невозможно, но князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, много лет занимавшемуся историей Павла, разрешили снять с нее копию. Князь подготовил также перевод, который в 1877 г. дополнил предисловием и примечаниями. Последние в основном взяты из архивов, к которым он имел доступ в качестве посла в Вене, Берлине и Лондоне, а потом в качестве министра иностранных дел. (Его биографию см.: Русская старина. 1896. IV. С. 687 и далее). Переводе комментариями Лобанова-Ростовского появилась возможность опубликовать только в 1907 г. (Цареубийство. С. 267-375). Коцебу, который, как мы знаем, являлся свидетелем последних недель жизни Павла, был знаком с Паленом и Платоном Зубовым, сумел завоевать доверие старой графини фон Ливен. Он находился на дружеской ноге со своим шефом, любимцем Павла, легкомысленным и болтливым обер-гофмаршалом Александром Львовичем Нарышкиным, как и с придворным врачом Гриве, который производил осмотр тела императора для установления причин смерти и его бальзамирование. Он знал также многих других лиц при дворе, отовсюду черпая сведения, факты, толки, которые свел воедино со своими собственными наблюдениями. Когда 29 мая 1801 г. он покинул Петербург, у него весьма вероятно уже был набросок рассказа, которому он придал окончательную форму лишь 10-11 лет спустя. Коцебу начинает с описания характера Павла, добавляя к нему анекдоты и сообщения о незначительных событиях, которые нам уже известны из других источников, из них только немногие заслуживают внимания. То же, что автор смог узнать непосредственно после смерти императора, — важно. Его сочинение построено более логично и последовательно, чем воспоминания других мемуаристов, но оно также требует критического подхода. Коцебу не удалось оправдать свое собственное название «История заговора и т. д.». Он не представил нам никакой истории заговора, мы находим здесь только общеизвестные факты. Описание становления Komplota, его внутреннего механизма отсутствует. То, что с точки зрения формы является достоинством автора, в некоторых местах становится недостатком, так как нарушает историческую точность. Кажется, что Коцебу не всегда мог побороть в себе привычки литератора и там, где ему не хватало достоверных сведений, стремился восполнить их писательской фантазией. Та же информация, которую, он имел возможность получить непосредственно, кажется объективной и точной. Поэтому следует отличать то, что автор мог узнать сам, от того, что он только слышал от других. Несмотря на эти оговорки, сочинение Коцебу является одним из самых содержательных наших источников.

11. Точка зрения на события человека, близкого к Александру, изложена в «Воспоминаниях князя Адама Чарторыйского и его переписке с императором».

ром Александром I»¹ (первый русский перевод в «Русской старине» за 1906 г., затем в Москве в 1912; отрывки из перевода, касающиеся убийства Павла, соответственно: Цареубийство, С. 201-239; более крупный отрывок: Время Павла. С. 209-314). Этот польский князь, который в молодости в качестве заложника вел приятную жизнь при дворе Екатерины, подружился здесь со своим ровесником, великим князем Александром. Позднее эта дружба вызвала неудовольствие императора Павла, который удалил Чарторыйского, назначив его министром при сардинском дворе. Тотчас после вступления на престол Александр вызвал князя к себе, и он стал ближайшим другом и доверенным лицом молодого государя. Чарторыйский принадлежал к знаменитому «Негласному комитету», который в первые годы правления Александра поддерживал его либеральные устремления. Некоторое время Чарторыйский был министром иностранных дел. Тем не менее в 1806 г. между императором и его другом все же возникло первое охлаждение. Чарторыйский подал в отставку и возвратился в Польшу. При Николае I, во время польского восстания 1830 г. он был председателем Сената и Национального правительства. После крушения революции он покинул Родину и с тех пор жил в Париже, где и умер в 1861 г.

Значение воспоминаний Чарторыйского для нашего исследования главным образом состоит в рассказе о том, как заговорщики постепенно завладели мыслями наследника престола, и о настроениях Александра после переворота. Когда разыгрывались сами события, князь находился далеко. То, что он говорит о них, ему известно от других и в первую очередь от самого Александра. Тем не менее факты, приводимые им, представляют интерес, когда их можно проверить с помощью других свидетелей.

12. Если Чарторыйский является своего рода рупором Александра, то курляндский барон Карл Александрович фон Гейкинг кажется рупором императрицы Марии Федоровны и фрейлины Нелидовой. Мемуары, написанные им по-французски под названием «Мои воспоминания»², составили четыре рукописных тома и были лишь частично опубликованы в двух немецких переводах. Первый, в котором речь идет о Павле I, озаглавлен «Из дней императора Павла. Заметки курляндского дворянина»³. (Русский перевод немецкого текста без главы 5, повествующей о цареубийстве, был опубликован в «Русской старине» (Т. 56, 1887). Перевод последней главы: Цареубийство. С. 241-265; Время Павла. С. 68-126. Полный перевод немецкого

¹ Memoires du Prince Adam Czartoryski et Correspondance avec l'empereur Alexandre I-er, publ. par Ch. de Mazade. Paris, Plon, 1887. В 2-х т.

² Mes Reminiscences.

³ Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen eines kurlandischen Edelmannes von Friedrich Bienemann veröffentlicht. Leipzig, Duncker & Humblot, 1886.

текста издан отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1907 г.). Другой немецкий перевод французского текста касается раздела Польши и озаглавлен «Из последних дней Польши и Курляндии»¹.

События ночи 11 марта являются самым слабым местом в сочинении Гейкинга. Он тогда находился в своего рода ссылке в Прибалтике, куда Павел отправил его, когда вся клика императрицы попала в немилость. Он вернулся в столицу только две недели спустя смерти Павла. Самые невероятные слухи кружили по городу, и Гейкингу пришлось приложить определенные усилия, чтобы отличить правду от лжи. Поэтому его рассказ о драме носит общий характер и по сути ничего существенного не прибавляет к тому, что мы уже знаем. Некоторые его утверждения можно назвать ошибочными. Большое значение этих воспоминаний заключается в другом. Автор, который при Екатерине получил известность при присоединении Курляндии², был женат на дочери директрисы Смольного института, госпожи де Лафон². Воспитательное заведение для дворянских дочерей было основано Екатериной в сооруженном при Елизавете здании, которое первоначально предназначалось для размещения монастыря. Поэтому это заведение навсегда получило название Смольный монастырь. Там воспитывалась мадемуазель Нелидова, и там же она окончила свои дни в квартире, которая была предоставлена в ее распоряжение. Императрица Мария, которая объединяла в своих руках руководство всеми благотворительными учреждениями государства, в силу необходимости была тесно связана с этим образовательным заведением. Старшая госпожа де Лафон еще во времена покойной императрицы Екатерины пользовалась исключительной благосклонностью Павла и его супруги. Гейкинг, в то время председатель суда в Митаве, часто навещал свою тещу в Петербурге, где имел неоднократную возможность встречать великого князя Павла, и пользовался его благосклонностью. Вскоре после своего вступления на престол новый государь призвал Гейкинга в столицу, назначив его сначала сенатором, а немного позднее президентом Юстиц-Коллегии по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии. В конце 1798 г. Гейкинг, как уже было сказано, попал в немилость. Его жена тесно была дружна с мадемуазель Нелидовой. Братья Куракины, граф и графиня фон Буксгевден принадлежали к этому же кругу, центром которого была императрица. Поэтому Гейкингу могли быть известны многие подробности внутренней жизни императорского дворца, но, само собой разумеется, в интерпретации партии императрицы. Он сообщает нам о характере Павла и механизме заговора, уже давно готовившегося Паленом. Его свидетельства весьма ценны из-за того, что он непосредственно после катастрофы слышал

¹ Aus Polens und Kurlands letzten Tagen. Berlin, 1897.

² De La Font.

объяснения последнего из его собственных уст. Негативное мнение Гейкинга о Палене и симпатия к Павлу, несмотря на то, что император плохо обошелся с ним, позволяют считать его объективным человеком и отнестись к его сведениям с доверием. Стиль воспоминаний Гейкинга несколько педантичен, но именно это является гарантией того, что он не следовал фантастическим слухам, а взвешивал и проверял свои утверждения.

13. Мемуары поручика Семеновского полка Константина Марковича Полторацкого относятся к воспоминаниям человека, сыгравшего определенную, хотя и подчиненную роль в событиях ночи 11 марта в Михайловском замке. Они представляют собой рукопись на французском языке, которая находилась в Собственной его императорского величества библиотеке в Зимнем дворце и публиковалась в разное время лишь в виде коротких выдержек. Самый большой отрывок приводится во французской переработке первого тома пятитомного труда Н. Шильдера об Александре I, который был опубликован под названием «Н. Шильдер. История Павла I в анекдотах, переведенная с русского Дмитрием Бенкендорфом»¹. В то время места, в которых говорилось о смерти Павла, в России не могли быть опубликованы. Я уже указывал на причины, по которым рассказ этого офицера мог быть использован только с большими оговорками (см.: с. 133-134).

14. Правлению и смерти Павла посвящена одна глава воспоминаний на французском языке адмирала Павла Чичагова (Париж, 1909. С. 247-254). (Первое фальсифицированное издание, Берлин, 1858, принимать во внимание не следует.) Автор хорошо осведомлен об убийстве, в котором не участвовал, и дает краткое и довольно точное его описание, не вносящее, впрочем, ничего нового по сравнению с другими авторами. Менее точно ему известно о становлении заговора, инициаторами которого он называет братьев Зубовых, выигравших от изгнания Палена. Он, вероятно, ничего не знает о роли Панина. Он испытывает к Павлу глубокую ненависть, называет комплот «благим делом» и радуется его успеху.

15. Воспоминания Якова Ивановича де Санглена, шефа тайной полиции при Александре I, могли бы представлять большой интерес, если бы были опубликованы полностью. Автор сам лично многое видел в первую половину дня 12 марта. Но эти воспоминания, написанные в 1860 г., были опубликованы в тот период, когда на это событие было наложено табу. Таким образом, в довольно обширном и подробном сочинении, охватывающем долгую жизнь автора, мартовские события большей частью замалчиваются. Главы, которые могут быть нам интересны, следует искать в «Русской старине» (Т. 36 (1882). С. 443-498 и Т. 37 (1882). С. 1-46). С сокращениями мемуары

¹ *Schilder N. Histoire anecdotique de Paul I-er, tire du Russe par Dimitri de Bencken-dorff-Paris, 1899. С. 247, 251-252.*

были переведены на немецкий язык Л. фон Марнитцем для «Библиотеки русских мемуаров»¹ Шимана. Текст этот почти ничего не дает о перевороте, но в примечаниях князя Лобанова-Ростовского к сочинению Коцебу (Царевубийство. С. 367-368) содержатся два коротких отрывка из оригинального текста де Санглена, в которых приводится высказывание Александра об одном из убийц Павла — Болговском и сведения о карете, которая якобы ожидала во дворе Михайловского замка, чтобы в случае отказа Павла от престола отвезти в его крепость.

16. К. Валишевский опубликовал мемуары на французском языке графини Варвары Николаевны Головиной, урожденной княжны Голицыной (1766-1821)². В юности княжна была задушевной подругой великой княгини, позднее императрицы Елизаветы. Для обеих женщин это была экзальтированная, почти патологическая дружба. Позднее их отношения омрачились. Графиня, видимо, разочаровалась в своей царственной подруге. Злая на язык Головина относится с неприязнью к императрице Марии и распространяет о ней откровенную ложь. Почитательница Екатерины, она вследствие этого принадлежала к оппозиции Павлу. Под влиянием французских эмигрантов Головина в дальнейшем перешла в католичество и умерла в Париже. Ее рассказ, за исключением мелких подробностей, не добавляет ничего нового к тому, что мы уже знаем. О событиях в Михайловском замке мемуаристка знает только понаслышке, зато она своими глазами видела безумное ликование столицы 12 марта 1801 г.

17. Граф П. А. Валуев в своем дневнике в записи от 11 сентября 1855 г. передает рассказ графа Медема, внука Палена, который он слышал от своего деда (Шиман. Русский текст — с. 298-299; немецкий перевод — с. 57-58). Стало быть, с одной стороны, в информацию, полученную из третьих рук, могут вкрасьться ошибки и недоразумения, но, с другой стороны, — это источник, восходящий к главному действующему лицу, который мы не можем игнорировать. Пален в этом своем рассказе изменился. Это относится и к трактовке знаменитой беседы, которую Пален имел с Павлом, и к сцене с ключом от балконной двери, которая произошла между ним и императрицей Марией утром 12 марта. Впрочем, нельзя отвергать предположения, что в последнем случае имеет место забывчивость Медема или Валуева и что речь идет не о Палене, а о Бенигсене.

18. Информацией, полученной из вторых рук, являются воспоминания сенатора Александра Николаевича Вельяминова-Зернова (Шиман. Русский текст — с. 269-292; немецкий перевод — с. 9-34; русский текст: Время

¹ *L. von Marnitz*. Bibliothek Russischer Denkwürdigkeiten. Stuttgart, 1894.

² [Souvenirs — В. П. Зубов не приводит названия записок на французском языке]. Paris, Plon Nourrit & C-ie 3. Aufl. 1910; русский перевод: Москва, 1911.

Павла. С. 137-157). Это далеко не рассказ очевидца. Автор находился в день убийства в Петербурге и составил себе картину по слухам, кружившим по городу. Он склонен верить фантастическим историям, и у него можно обнаружить явные неточности. Таким образом, требуется осторожность. Во всяком случае, это сочинение показывает, что современники верили, что заговор был затеян Англией и поддержан английским золотом.

19. «Рассказы Н. О. Котлубицкого о временах Павла I» (Русский архив. 1866. Т. IV. С. 1301-1331) знакомят нас с эпизодом, произошедшим вечером 11 марта, когда автор — генерал-адъютант и комендант Михайловского замка был лично арестован Паленом. Мы не имеем достаточных оснований отвергать сообщение как вымысел, хотя в деталях он не совпадает с прочими воспоминаниями. Противоречия могли быть вызваны тем, что рассказы записаны кем-то другим со слов генерала.

20. В 1850 г. в Лейпциге в первом томе сборника «Тайны истории и загадочные личности. Сборник тайных и забытых достопримечательностей», изданного Фридрихом Бюлау¹, был опубликован рассказ об убийстве Павла I. Анонимный автор заявлял, что подробности сообщил ему сам граф Панин. Выяснилось, что этот текст был переводом французской рукописи, хранившейся в Тайном государственном архиве в Дрездене и принадлежавшей Карлу Фридриху Розенцвейгу, который в момент смерти Павла был саксонским министром-резидентом в Петербурге. Он записал то, что ему удалось узнать. Итак, это свидетельства из третьих рук. Но в них имеются сообщения, которые сделал автору Панин, и это придает документу значимость. Вторично текст был опубликован в 1882 г. в Брауншвейге с именем автора в журнале «Из всех времен и стран»² под названием «Первая публикация подлинных записок саксонского посла Карла Фридриха Розенцвейга»³. Публикация 1850 г. редакции журнала, по-видимому, осталась неизвестной. Не имеется в этом издании и немаловажных примечаний первого издателя.

21. Бумаги другого иностранного дипломата, шведского министра в Петербурге, барона фон Стединга, который был другом императорской семьи, передают некоторые черты характера Павла, но почти ничего не сообщают об интересующих нас событиях, кроме беседы барона с Александром утром 12 марта. Они опубликованы в «Посмертных воспоминаниях»⁴ его родственника, фельдмаршала, графа фон Стединга.

¹ Fridrich Biühlau; Geheime Geschichte und Raathselhafte Menschen. Sammlung verborgener und vergessener Merkwürdigkeiten. С. 58 и сл.

² Aus alien Zeiten und Landen.

³ Erste Publication der authentischen Aufzeichnungen des sachsichen Gesandten Karl Friedrich Rosenzweig.

⁴ Memoires posthumes. Paris, 1845. Т. 2. С. 6 и сл.

22. Только после некоторых раздумий я решился причислить записки М. А. Фонвизина (русифицированная форма от немецкого фон Визен) к мемуарам. Автор соприкоснулся со следами драмы уже после свершившихся событий. Будучи учеником инженерной школы, размещенной в Михайловском замке после того как императорская семья спешно его покинула и он был освобожден от произведений искусства, Фонвизин часто стоял там в карауле и имел возможность посещать все помещения. Он расспрашивал очевидцев, читал книги об убийстве Павла, изданные за границей, и составил из всего этого рассказ, в котором многие пункты соответствует истине. Но необходимо сопоставлять его сочинение с другими воспоминаниями.

23. По этому же принципу я выбрал один из коротких рассказов, опубликованных госпожой Толычевой под общим заголовком «Анекдоты и маленькие исторические факты» в журнале «Русский архив» (Т. XV (1877, 2). С. 101-102). Автор приводит рассказ двух придворных фрейлин, княжон Анны и Екатерины Волконских, согласно которому придворные фрейлины, жившие в Зимнем дворце (очевидно, что речь все-таки идет о Михайловском замке), в ночь убийства обнаружили, что их двери были заперты снаружи. На рассвете их снова отперла неизвестная рука.

24. Можно, не впадая в ошибку, смело утверждать, что почти все написанное за границей о кончине Павла в форме воспоминаний людьми, которые тогда не были в России, принадлежит миру басен. Одно сочинение, тем не менее, содержит сведения, которые, если и не отличаются строгой точностью, заслуживают внимания по другим причинам. Это — «Наполеон на Св. Елене» Барри Э. О'Меара¹. Французский перевод: *Poÿ A. Наполеон в изгнании или голос Св. Елены*². О'Меара говорит, что Наполеон, возможно, знал о заговоре. Однако император мог знать о нем только понаслышке, и то, что он рассказывал своему врачу, было отражением неточных и вымышленных сведений. Лишь высказывания, которые Наполеон слышал из уст Александра в Тильзите, придают ценность этому документу. В частности, он подтверждает на основании слов императора России соучастие Бенигсена в убийстве, даже если и ошибается явно в деталях (см. выше: с. 171-172).

25. Высказывания Наполеона зафиксированы также в «Воспоминаниях, повествующих об истории Франции при Наполеоне I» генерала барона Гаспара Гурго³. Он приводит здесь рассказ о кончине Павла, который соответствует тому, что слышал от Наполеона О'Меара, и упоминает о его перепис-

¹ *Barry E. O'Meara. Napoleon at St. Helene. London, 1888 и др. изд. В 2-х т.*

² *Roy A. Napoleon dans l'Exil ou une Voix de Sainte Helene. Paris, 1835.*

³ *Gaspard Gourgaud. Memoires pour servir a l'Histoire de France sous Napoleon I-er. Paris, 1822-1823. Т. П. С 129-130, 151-154.*

ке с российским императором, которая, по словам Наполеона, была «ежедневной».

26. В «Мемориале Св. Елены» графа Эммануэля де Лас Казеса¹ мы также обнаруживаем отдельные намеки императора в отношении той трагической ночи. Кроме того, здесь приводится новое подтверждение существования планов индийской экспедиции, равно как и переписки между Наполеоном и Павлом. Эти три последних сочинения, по сути дела, представляют один и тот же источник.

27. В качестве примера воспоминаний, написанных за пределами России, можно сослаться на мемуары Пьера-Мари Демаре «Пятнадцать лет высшей полиции при Консульстве и Империи»². Автор был начальником отдела в министерстве полиции, т. е. высоким полицейским чином. Можно было бы предположить, учитывая занимаемую им должность, что он был хорошо осведомленным человеком. Но это совсем не так. Хотя мемуарист собрал фрагменты, точность которых подтверждается более или менее правдоподобными источниками, он связывает их друг с другом фактами, взятыми с потолка. Историческая ценность этой главы книги Демаре просто отсутствует. Все остальные сочинения подобного рода стоят еще меньше.

28. Нужно назвать еще три бесценных, но, к сожалению, утраченных источника. Первый — это дневник императора Александра I, который он вел до 1812 г. Дневник находился в Собственной его императорского величества библиотеке в Зимнем дворце. Первое сообщение о нем содержится в письме великого князя Константина от 12/24 марта 1826 г., в котором он благодарит обер-гофмейстера Опочинина за то, что тот по приказу императора Николая I поставил его в известность об открытии ящика, содержавшего интересные бумаги, и в том числе «несколько тетрадей, исписанных рукой покойного императора карандашом». См.: Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I³. Позднее покойный член Академии наук Куник уверял Теодора Шимана, что он держал эти тетради в руках. Однако Н. К. Шильдер, автор большого труда об Александре I, имевший свободный доступ в Собственную его императорского величества библиотеку его величества, найти их не смог. Но надежда, что их когда-нибудь смогут обнаружить, не потеряна.

29. Другой безвозвратно исчезнувший источник — дневник императрицы Марии Федоровны. Это был длинный ряд тетрадей, покрытых ее изящ-

¹ *Emmanuel de Las Cases. Memorial de Sainte-Helene. Paris, 1823. T. V. С. 205-206, 216-217.*

² *Pierre-Marie Desmarest. Quinze Ans de haute police sous le Consulat et l'Empire. Paris, A. Levasseur, 1833. Новое издание: Париж: Гарнье, 1900. Смерть Павла I — Ч. IV. С. 67-69.*

³ *Grand-Due Nicolas Mihanlovitch. L'Empereur Alexandre I. СПб., 1912. T. I С. 9, в примечании.*

ным почерком и охватывавших период с 1770 по 1800 г. Император Николай I уничтожил их, не читая, в 1829 г. по воле матери. 14/26 января 1829 г. он писал своему брату Константину: «...сознаюсь, что мне было очень жаль делать это». Ему было непонятно, как императрица находила время так много писать. В ответе от 24 января/5 февраля 1829 г. его брат Константин сожалел, со своей стороны, о необходимости этого уничтожения¹. Можно предположить, что многие, сегодня неразрешимые проблемы нашли бы свое объяснение, если бы мы обладали этими тетрадами. Но император Николай не считался с историей.

30. Третий документ, которого мы, к прискорбию, не досчитываемся, — дневник императрицы Елизаветы. Пушкин записал в своем дневнике 4 декабря 1833 г.: «Государыня (Александра, супруга Николая I. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч. перев.*) пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также, — государь (Николай) сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (по словам супруги историка)»².

Таковы наиболее важные из воспоминаний, на которых базируется наше знание фактологии, касающееся убийства Павла I. Мемуары других современников, рассказывающих об этом императоре, очень мало затрагивают событие, которое составляет содержание данной работы. Они повествуют о царствовании в целом, распространяются о так называемых безумствах Павла, но почти ничего не сообщают об истории заговора.

Б. ПЕРЕПИСКА

Очевидно, что такой человек, как Павел, вызвавший столько ненависти, не мог быть оценен современниками справедливо. Поэтому использование воспоминаний о нем в качестве источника является вдвойне трудной задачей, решение которой требует сравнения мемуаров с другими документами. Таких документов, подходящих к узким рамкам заговора, у нас очень мало. Прежде всего, нам может быть полезна частная переписка, причем именно частная. Большая часть ее опубликована в то время, когда еще не разрешалось говорить об убийстве, следовательно, мы были вынуждены читать между строк. Разумеется, мы скорее можем почерпнуть из писем высказанные мнения и оценки определенных корреспондентов, чем факты. Письма, в общем, имеют преимущество перед мемуарами. Они не претендуют на литера-

¹ Шиман. С. IV-V. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. Т. I. С. 9.

² У А. С. Пушкина заключительные слова в скобках: «Слыш. от Катерины Андреевны». — *Примеч. перев.*

турную форму, но зато их авторы меньше подвержены искушению прибегнуть к помощи своей фантазии. Хотя каждое письмо предлагает нам ограниченную область данных, но зато эти данные спонтанны. В данном случае необходимо учитывать и тот факт, что все корреспонденты принадлежат к одному классу общества — двору и высшему чиновничеству, то есть к среде в целом враждебной Павлу и выигравшей от его убийства. Тем не менее сравнение различных писем может нам помочь прояснить некоторые пункты. Рассмотрим следующие опубликованные издания:

Архив князя Воронцова — издание, состоящее из 40 томов частной переписки, охватывающей период от Петра Великого до Александра I. Примечательно, что многие места писем были написаны лимонным соком или синтетическими чернилами, что позволяет нам получить представление о сокровенных мыслях автора.

Почти так же важно издание, подготовленное А. Г. Брикнером (Брюкнером), — «Материалы к жизнеописанию графа Н. П. Панина» (СПб., 1888—1892, в 7 т.). К сожалению, по названной уже причине документы, имеющие отношение к смерти императора Павла, неполны. Несмотря на это, мы находим там важные объяснения.

Дополнением к публикации Брикнера могут служить два письма Панина, одно к императрице Марии, другое к Александру I (Шиман. С. 53-56). Прибавим также к этому исследованию князя Лобанова-Ростовского о Панине (Шиман. С. 1-8).

Шиман на С. V—VII и великий князь Николай Михайлович в своем сочинении «Императрица Елизавета, супруга Александра I»¹ публикуют два письма молодой государыни к своей матери от 13/25 марта и 14/26 марта 1801 г., которые были написаны сразу после убийства. Оригиналы находятся в Карлсруэ, копии — в Петербурге. Следует также отметить, что в упомянутом выше труде великого князя Николая Михайловича опубликованы и другие письма императрицы Елизаветы, которые, правда, не имеют никакого прямого отношения к царубийству, но содержат интересные подробности об атмосфере при дворе.

Переписка между мадемуазель Нелидовой, императрицей Марией и Павлом представляет ценность не для истории заговора, а для составления психологических портретов этих трех личностей. Она публиковалась трижды. Первый раз — в сборнике «Осьмнадцатый век» (Т. III. Москва, 1869. С 435 и далее). Второй — в виде небольшой книжки под названием «Переписка ее величества императрицы Марии Федоровны с мадемуазель Нелидовой, ее фрейлиной (1797-1801), сопровождаемая письмами мадемуазель Нелидовой князю А. Б. Куракину, опубликованная княгиней Лизой Тру-

¹ L'Imperatrice Elisabeth, épouse d'Alexandre I-er. СПб., 1908 Т. I. С. 267-273

бецкой»¹. Наконец, в третий раз она была опубликована Е. Шумигорским под названием «Письма ее величества императрицы Марии Федоровны и мадемуазель Нелидовой»². Эта книга в продажу не поступала, и разыскать ее практически невозможно. Все три публикации частично повторяют друг друга. В то же время есть письма, которые встречаются только в одном из изданий. Отдельно все же нужно сказать о публикации княгини Трубецкой, чтобы предостеречь читателя от ошибок, которые могут возникнуть при некритичном подходе к этой книге. Княгиня по мужу была двоюродной внучкой мадемуазель Нелидовой и являлась обладательницей ее писем. Она напечатала этот ценный материал в отчаянной спешке, с неверными датами и множеством опечаток. Введение к книге, написанное ею, полно исторических заблуждений, основанных, вероятно, на семейных преданиях, которые в большинстве случаев оказались ошибочными. Даже заглавие книги не вполне соответствует ее содержанию. Публикация содержит не только переписку мадемуазель Нелидовой с императрицей и Куракиным, но и письма Нелидовой Павлу, письма Куракина императору и одно письмо Павла своей матери. Датировка «1797-1801» также неверна. Корреспонденция простирается до 1828 г., года смерти императрицы. Кроме того, создается впечатление, что некоторые куски при публикации были выпущены.

В. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Кроме воспоминаний и частной переписки у нас есть третий источник — документы архивов, которые включают в себя и дипломатическую корреспонденцию. К сожалению, в нашем случае урожай скуден. Заговор не оставляет после себя никаких официальных следов. А дипломатические представители или тайные агенты, информировавшие свои правительства о свершившемся факте, знают о нем не больше, чем мемуаристы, из тех, что не являлись свидетелями событий. Как и последние, дипломаты вынуждены были пользоваться слухами и старались все, что они услышали, сообщать своим правительствам. Примером могут служить воспоминания Розенцвейга. Они являются мерилom того, что мог знать иностранный представитель, которому еще посчастливилось получить сведения от одного из главных заговорщиков — Панина.

Но существует документ, который я посчитал уместным включить в рубрику «архивные документы», хотя он, по крайней мере та его часть, которая

¹ Correspondence de Sa Majeste L'Imperatrice Marie Feodorowna avec Mademoiselle Nelidoff, sa demoiselle d'honneur (1797-1801) suivie des lettres de Mademoiselle Nelidoff au Prince A.-B. Kourakine, publice par la Princesse Lise Troubetzkon». Bibliotheque Slave Elzevirienne XIV). Paris, Ernest Leroux, editeur 1896.

² Lettres de S. M. l'Imperatrice Marie Feodorovna et de Mile. Nelidov. СПб., 1897.

касается интересующего нас времени, опубликован. Это так часто упоминавшийся «Камер-фурьерский журнал». Он бесстрастно фиксирует год за годом, день за днем, час за часом с внешней стороны все события при дворе со времен Петра Великого до революции 1917 г. Этот журнал публиковался ежегодно, как только проходило столетие со дня событий. Например, в 1901 г. публиковались записи 1801 г. и т. д. В 1914 г. издание было прекращено. Журнал содержит изложенные в официальном стиле чиновником невысокого ранга сведения о времяпрепровождении императора, императрицы, иногда других членов императорской фамилии, о приемах, торжествах и тому подобных мероприятиях, со всеми подробностями: фамилии гостей и порядок, в котором они рассаживались за столом. В ходе своего повествования я указывал на важность этих записей для разрешения неминуемых противоречий в мемуарах.

Что касается дипломатических донесений, то следует назвать в первую очередь, сообщения шведского представителя, барона фон Стединга, находящиеся в Стокгольме. Короткие отрывки из них опубликовал R. R. (А. Брикнер) в своей книге «Конец императора Павла»¹. Как я упоминал на с. 45, записки Стединга были опубликованы графом Стедингом в «Посмертных воспоминаниях».

Хранящиеся в Национальном архиве Великобритании в Лондоне донесения Витворта («Россия» № 157 и след.) могли бы иметь чрезвычайный интерес для выяснения вопроса об участии в заговоре как его самого, так и его шефов. Профессор Александренко привел отрывки из них в своей статье в «Русской старине» (1898. Т. ХСVI. С. 93-106). Но, как отмечает Шиман в указанном сочинении, ему были показаны только официальные депеши. Валишевский, работавший там же, так же не смог извлечь из них большой пользы, как и Константин фон Грюнвальд, и граф Георг Бенигсен (см.: с. 54).

В архиве французского министерства иностранных дел 139, 140, 141 тома «Дипломатической переписки», Россия² содержат документы, относящиеся ко времени Павла. Валишевский и Моран использовали их в своих трудах (см. раздел «Библиография»). Полностью они были опубликованы Трачевским в 70-м томе Сборника императорского русского исторического общества. Однако документы содержат мало сведений, связанных со смертью Павла.

Там, где меньше всего можно было ожидать, а именно в «Политической переписке» Пруссия³ в архиве французского министерства иностранных дел находится документ, который заслуживает определенного интереса. Впро-

¹ Kaiser Pauls Ende. Штутгарт, 1897

² Correspondence Diplomatique, Russie.

³ Correspondance politique, Prusse. Т. 229, часть 27.

чем, Берлин в то время был звеном цепи, связывающей самодержавную Россию с республиканской Францией, ибо прусское правительство сблизилось с Парижем больше, чем кто-либо другой. Документ, о котором идет речь, — меморандум, написанный графом, позже маркизом Антуаном де Ла Рош Эмоном¹, французским эмигрантом на прусской службе, адъютантом принца Генриха. Меморандум предназначался для графа фон Гаугвица², чтобы тот, в свою очередь, представил его для прочтения королю. Копия документа была направлена через посольство в Париж. Оригинал, вероятно, должен находиться в Секретном государственном архиве в Берлине. Он датирован 15 апреля 1801 г., то есть 23 дня спустя царевубийства. Автор собрал в нем все, что можно было разузнать об этом событии в Берлине. Валишевский, утверждавший, что он скопировал этот меморандум, полагал, что де Ла Рош Эмон основывался на сведениях, полученных от Ольги Жеребцовой. Это ошибка. Граф расспросил слугу Платона Зубова, который за два дня до этого прибыл в Берлин в качестве гонца князя к своей сестре. Мне известно, что князь Платон обычно имел камердинера француза. Таким образом, автор меморандума легко мог установить контакт с этим курьером. Гонец утверждал, что привез Ольге письмо на 16 страницах. Она разрывала и сжигала каждую страницу, которую прочитывала. Посланник Зубова свободно рассказывал в различных домах Берлина то, что он знал о царевубийстве. Де Ла Рош сравнил эти данные с тем, что узнал от российского посланника при берлинском дворе, барона фон Крюденера, и с другими более или менее точными сведениями, касающимися деталей, которые ему удалось получить. Верно, однако, и то, что и он сам, и графиня де Ла Рош встречались с госпожой Жеребцовой. Но Жеребцова вовсе не стремилась делиться сведениями, а, наоборот, расспрашивала о том, что говорят в Берлине о внезапной смерти императора Павла, и вела себя так, словно никто из их семьи не был связан с этим событием. Хотя несколько дней спустя, противореча сама себе, она громко хвасталась своим участием в заговоре.

Этот документ, написанный иностранцем за границей, содержит меньше фантастических историй, чем большая часть такого рода сочинений. Новым в нем является, во-первых, сомнительное утверждение, что Жеребцова передала Кутайсову 200 000 дукатов — сказочную по тем временам сумму. А также утверждение о том, что когда Павел ненадолго секвестировал имущество Платона и Валериана Зубовых, они жили на суммы, переводившиеся им берлинским банкиром Лего. Он делал это через своих корреспондентов и при посредничестве Жеребцовой. Ей удавалось, несмотря на запреты и слежку властей, доставлять эти средства своим братьям. Этому докумен-

¹ Antoine de la Roche Aymon.

² Haugwitz.

ту мы обязаны также утверждением, что будто бы Платон Зубов во время убийства стоял в оконной нише спиной к ужасной сцене, разговаривая с кем-то, и произнес: «Боже! Как он кричит, это ужасно». Эта версия, однако, опровергается более достоверными сообщениями, которые говорят, что Платон Зубов, охваченный паническим страхом, сбежал в самом начале акции. Остальная часть мемуаров — это смесь известных фактов, пересказанных другими словами, и очевидных ошибок. В тот момент, когда Ла Рош Эмон писал свое сочинение, в западных странах распространялись сотни слухов, в которых почти невозможно было разобраться. Он проделал добросовестную работу, которая соответствовала задаче, поставленной перед ним министром: «насколько это возможно, собрать и упорядочить факты для предоставления его величеству». Этот документ отличается своей серьезностью от других сочинений подобного рода.

Целый том составляет переписка генерала Бернонвиля¹, представителя Республики в Берлине, со своим министром иностранных дел. Когда речь заходит о России, то обоих корреспондентов главным образом заботит вопрос, будет ли император Александр соблюдать морскую конвенцию, заключенную его отцом, придерживаясь принципов вооруженного нейтралитета, о чем он заявил, или же в конце концов капитулирует перед английскими требованиями. Пруссия была заинтересована этой проблемой не меньше, чем Франция. И это было основной темой бесед между Бернонвилем и графом фон Гаугвитцем, министром иностранных дел при Фридрихе-Вильгельме III. Но наряду с этим французский представитель в своих донесениях возвращается к подробностям убийства русского императора, по мере того как он их узнавал как в виде точной информации, так и фантастических слухов.

Ряд других документов находится в парижском Национальном архиве². Это сообщения различных дипломатических агентов, частных лиц и даже сообщение короля Пруссии его посланнику в Париже. Эти рассказы столь же фантастичны, как и другие. Я отмечаю их лишь как курьезы.

К документам, содержащимся в российских архивах, до революции доступ имели только привилегированные лица, как уже упомянутый министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский, ранее бывший послом в Вене, Берлине и Лондоне. Он, имея в своем распоряжении архивы посольств и министерства, написал на основе их материалов свои примечания к истории переворота в изложении Коцебу, но опубликовать их при жизни не смог. Заметки увидели свет, как уже отмечалось, только в 1907 г. (Цареубийство. С. 363–375). Прискорбно, что князь не назвал документы, которыми пользовался.

¹ Beurnonville.

² A. F. IV. 1696 — Russie. «Memoires, Rapports, Correspondence», An VIII a 1814. 1-er dossier.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. СОЧИНЕНИЯ О ЦАРЕУБИЙСТВЕ

1. Первое сообщение о насильственной смерти Павла появились в иностранных газетах. Я назову следующие французские газеты: Le Publiciste от 23 жерминаля IX года (12 апреля 1801 г.), Le Moniteur Universel от 27 жерминаля (официальная газета). В ней сообщалось: «Павел умер в ночь с 24 на 25 марта!!! (Дата ошибочна. — *Примеч. В. П. Зубова. — Примеч. перев.*) Английская эскадра прошла пролив Зунд 31-го. История нам покажет, существует ли связь между этими двумя событиями!!!» На следующий день этот текст повторили Le Publiciste и La Gazette de France. Последняя газета прибавляла: "Один русский офицер, находящийся в Париже, говорил офицеру консульской гвардии, показывая на улицу Никез: «Они промахнулись по нему 3-го нивоza, но не промахнулись по нему в России 24-го марта» (3-го нивоza на улице Никез произошло покушение на Первого консула.) Таким образом, видно, что факты были сразу же оценены соответствующим образом и использованы правительством консулата в пропагандистских целях. Пароль был дан: Англия руководила убийцами. В последующие дни в газетах начали множиться разнообразные слухи.

2. В Лондоне первое сообщение дает «Таймс» в номере от 17 апреля и сразу выражает сомнение по поводу апоплексического удара. Эта же газета пытается убедить читателя, что адмиралы, которые пересекли пролив Зунд и бомбардировали Копенгаген, ничего не знали о смерти Павла. «Таймс» в номере от 6 мая пишет: «Апоплексический удар Павла I — единственное преступление революционного характера, которое не нашло ни одного защитника во Франции. Республиканские льстецы короля-консула находятся в затруднении, как найти слова, чтобы выразить свои чувства относительно цареубийства». Но вообще, английская пресса первое время после смерти Павла была крайне сдержанна, причин этого события касалась только намеками, вероятно из-за нечистой совести. Следует еще назвать такие издания: «The Annual Register 1801»¹, «The New Annual Register 1801»², «The Gentlemen's Magazine 1801»³.

¹ Лондон, 1802. С. 114-115.

² Лондон, 1802. С. 260.

³ С. 364, 374.

3. В 1806 г. в Париже вышла анонимная брошюра, озаглавленная «Заметки о смерти Павла I, императора России»¹. Текст опубликован также в *Mercure de France*² и в *Journal de l'Empire* за 1 и 2 июня 1806 г. Предполагают, что ее автором был Александр-Винсент Пино-Дюваль³ (1762-1842), актер, драматург и член Французской академии. Пино-Дюваль во время государственного переворота был в Петербурге и на следующий день после убийства узнал подробности от госпожи Шевалье. Так это или не так, но автор брошюры был довольно хорошо информированным человеком. Он начинает с похвальных слов в адрес Павла, указывает на любовь к нему народа и утверждает, что волю маленькой кучки людей хотят выдать за желание всего общества, говорит о роли Витворта в руководстве заговором, о дружбе между императором и Бонапартом и об индийском проекте. «Все доказывает участие английского министерства... и экспедиция через Зунд может служить дополнительным доказательством». Это главная тема сочинения, которое следует данному Франции паролю.

4. В 1836 г. вышло новое издание «Кратких хроник по истории Франции от Хлодвига до смерти Людовика XIV» президента Эно⁴, продолженное до событий 1830 г. «группой литераторов», полностью отредактированное М. Мишо⁵, членом Французской академии. В нем на с. 626-630 имеются сведения об интересующем нас событии, которые основаны на статье *Le Moniteur* и брошюре 1806 г.

5. Несмотря на позднюю дату издания, я включил сюда, написанные между 1838 и 1847 гг. «Мемуары Ж. де Норвена (Воспоминания об истории Наполеона)»⁶. Жак Марк де Монбретон де Норвен⁷ был во времена Первой Империи шефом полиции в Риме. Во втором томе его воспоминаний на с. 279-282 содержится история смерти Павла. Автор знаком с Пино-Дювалем, он также цитирует статью из *Journal de l'Empire*, брошюру 1806 г. и «Краткую хронику» Эно-Мишо.

Все эти сочинения, авторы которых, несмотря на некоторые очевидные ошибки, для иностранцев довольно хорошо осведомлены о событиях, все же не дают нам ничего нового. Общим в них является то, что они пытаются до-

¹ Notice sur la mort de Paul I-er, Empereur de Russie» — chez Maradau, r. des Grands Augustins et chez le Normant.

² Т. 24. С. 461-468.

³ Alexandre-Vincent Pineux-Duval.

⁴ *Abrege chronologique de l'histoire de France, depuis Clovis jusqu'a la mort de Louis XIV»* vom President Henault.

⁵ M. Michaud.

⁶ *Memorial de J. de Norvins (Souvenirs d'un historien de Napoleon)*. Publ. par L. de Lanzac de Laborie, Paris, Plon, 1896.

⁷ Jacques Marquet de Montbreton de Norvins.

казать участие Англии в убийстве, то есть представляют официальную точку зрения Франции при Наполеоне.

6. *Адольф Тьер* приводит рассказ о заговоре и убийстве в своей «Истории Консульства и Империи»¹. При этом он использует два источника. Один из них обозначен как «Меморандум очень хорошо информированного лица»², составленный при берлинском дворе и переданный Первому консулу. Вне сомнения, речь идет о записке де Ла Рош Эмона. Другой Тьер не называет. Но очевидно, что это рукопись Ланжерона.

7. В третьем томе за 1860 г. «Исторического журнала»³, издаваемого г. фон Зибелем⁴, появилась статья анонимного автора, озаглавленная «Убийство императора Павла»⁵. Она основывалась, с одной стороны, на фрагменте воспоминаний Бенигсена, известных как письмо Фоку, с другой стороны — на источниках, подробно говорить о которых автору показалось «пока нежелательным». Позднее выяснилось, что автором статьи был Теодор фон Бернгарди, который повторил ее содержание в своей работе «История России и европейской политики с 1814 по 1831 год»⁶. Как установлено сегодня, неназванными источниками, которые Бернгарди здесь скомбинировал, были «Достоверный рассказ», воспоминания принца Евгения о юношеских годах, а также записки Веделя с включенными в них замечаниями принца. Странно, что даже здесь Бернгарди не решается назвать свои источники, хотя к этому времени воспоминания Евгения о юношеских годах уже 14 лет как были опубликованы.

8. *Князь Августин Галицын (Голицын)* завершил свою небольшую книгу «Наброски о России»⁷ главой, озаглавленной «Ночь 11 марта»⁸. Он утверждает, что это перевод воспоминаний одного из современников, написанных на русском языке, в чем я очень сомневаюсь. Эта глава, как мне кажется, является компиляцией различных мемуаров, нам знакомых, которые, однако, к 1863 г. еще не были опубликованы.

9. Ранним произведением является небольшая книга «Конец императора Павла. 1801.»⁹ анонимного автора, обозначенного как R. R. (под этими инициалами был скрыт покойный профессор Дерптского университета Алек-

¹ Histoire du Consulat et de l'Empire. Париж, 1845. Т. 2. С. 420-439

² Memoire einer sehr gut unterrichteten Personlichkeit.

³ Historischen Zeitschrift.

⁴ Н. Sybel.

⁵ Die Ermordung des Kaisers Paul.

⁶ Geschichte Russlands und der europaischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Лейпциг, 1875. Т. II, 2. С. 431).

⁷ Melanges sur la Russie. Париж и Лейпциг, 1863.

⁸ La nuit du 11 mars. С. 167-187.

⁹ Kaiser Pauls Ende. Штуттгарт: Й. г. Готта, 1897.

сандр Брикнер). Немецко-русский историк проделал здесь очень добросовестную работу, насколько это ему позволял уровень знаний тогдашнего времени. Он еще не располагал источниками, опубликованными позднее, поэтому его книга сегодня может быть расценена как опередившая свое время. Кроме того, от него ускользнули воспоминания о юношеских годах принца Евгения. Что касается позиции Брикнера, то ей недостает объективности. Его оценка личности Павла априорно негативная. Автор, например, склонен принять без какой-либо критики мнение, которое высказывают в своей корреспонденции «министры, послы, царедворцы, высшие чиновники» о том, что «в общих интересах необходимо было его (Павла) устранить или обезвредить». Он считает, что «такой материал (исследователь имеет в виду опубликованные документы из архива Воронцова) является «обвинительным для жертвы катастрофы и, соответственно, оправдательным для ее зачинщиков». Для Брикнера не стоит вопрос о социальной обусловленности этих высказываний. Он ничего не знает о противоположном мнении более низких слоев общества. Даже благоприятные высказывания о Павле, которые исследователь, правда, приводит, как, например, слова шведского посла Стединга, Брикнер пытается обесценить, задавая вопрос: не рассчитаны ли они были на то, что «подобные депеши проходили через почту и, как было известно, перлюстрировались»? От слов Стединга: «Хотя своей строгостью и поспешностью в наказаниях император и вызывает некоторое недовольство, он, однако, не упускает случая завоевывать сердца многих своих подданных, кого-то щедростью, большинство же своей любовью к порядку и справедливости. Все это, внушая всем страх, тем не менее защищает народ от угнетения, под которыми он томился прежде» — Брикнер коротко отмахивается замечанием: «Стединг ошибался... В высказываниях шведского посла содержится упрек императрице Екатерине, переоценка популярности Павла. Народ вообще во внимание не принимался. Напротив, при Павле существовали "притеснения", которых в прежние времена не знали». Наконец, в связи с этим он в качестве доказательства приводит личные суждения одного из «Великих», Безбородко, который был просто осыпан щедротами Павла. Так же некритично воспринимает Брикнер все высказывания мемуаристов, исполненные ненавистью к Павлу.

Эта позиция Брикнера, впрочем, не стоит особняком и свойственна всем историкам его времени, унаследовавшим ее от современников Павла. Ведь противоположное мнение низших классов не могло вообще найти никакого отражения в печати и поэтому не учитывалось историками XIX в. Только с начала XX в. дорогу прокладывает объективная и научная оценка. Вместо того чтобы опираться на воспоминания и частную переписку, историки начинают систематическое изучение правительственных документов, чего до

сих пор не делалось. Эти исследования позволили создать совершенно иной образ государя.

10. *Альберт Сорель*. «Убийство Павла I»¹. Знаменитый историк, видимо, не счел нужным проводить в короткой журнальной статье глубокое исследование. Он делает компиляцию нескольких воспоминаний, не подвергая их критическому анализу, и допускает некоторые ошибки в их изложении.

11. *Е. Шумигорский*. «Год 1800».² Эта статья является, так сказать, дополнением к книге этого автора об императоре Павле (см. ниже). С 1907 г. в России, как уже говорилось, появилась возможность публично говорить об убийстве Павла. Было разрешено ссылаться на различные воспоминания, относящиеся к этому предмету. Автор ограничивается воспроизведением фактов, которые предшествовали трагической ночи 12 марта. Он, собственно, не сообщает ничего нового, кроме пары подробностей, которые он почерпнул из находящихся в его распоряжении неопубликованных рукописей. Он располагал, к примеру, полным текстом исследования князя Лобанова-Ростовского о графе Панине, которое Шиман издал только частично (Шиман, С. 1-8), и неопубликованными заметками Злобина. Для тогдашнего русского среднего читателя эта статья служила точным и подробным обзором последних месяцев правления императора Павла. Нужно было бы исправить только несколько незначительных неточностей.

12. *Лео Левинсон*. «Смерть Павла I (1801) и мемуары графа Беннигсена»³. См. об этом подробнее с. 180.

13. *Константин Грюнвальд*. «Убийство Павла I, русского царя»⁴. Это последнее из появившихся в свет сочинение объемом около 200 страниц в 18 листа включает характеристику личности императора, историю заговора и убийства Павла. Книга не имеет обширного научного аппарата, но написана занимательным, легко читающимся языком. Она является приятным чтением, которое можно настоятельно рекомендовать читателям. Автор, как уже упоминалось, работал в британском Национальном архиве Великобритании, однако ничего не смог установить относительно участия Англии в перевороте.

¹ La Mort de Paul I-er — «La Revue Bleue». Т. XVII. Январь — июнь. 1902. С. 1-7.

² Русская старина. 1913. Т. CLII. С. 37-54, 263-279, Т. CLIV. С. 223-236.

³ The Death of Paul I (1801) and the memoirs of Count Bennigsen. — The Slavonic and East European Review. Т. XXIX (1950/51). С. 212-232.

⁴ Constantin Grunwald. L'Assassinat de Paul I-er, Tsar de Russie. Париж, 1960.

Б. ВАЖНЕЙШИЕ СОЧИНЕНИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, СВЯЗАННЫЕ С ИМПЕРАТОРОМ ПАВЛОМ

Иван Головин. «История Александра I»¹. В начале своей книги автор дает краткую характеристику Павла словами одного генерала, который, должно быть, хорошо знал монарха. Генерал представляет императора обыкновенным сумасшедшим с короткими моментами просветления, деятельность Павла вредной государству, а его насильственную смерть как необходимым выход из создавшегося положения. Высказывание современника, которого автор не называет, очевидно, оказало на него большое влияние: он пытается оправдать цареубийство.

Теодор фон Бернгарди. «История России и европейской политики с 1814 по 1831 год»². Бернгарди является автором упомянутой выше анонимной статьи об убийстве Павла в «Историческом журнале» в 1860 г. Здесь он повторяет ее содержание. Об истории правления Павла он сообщает большей частью общеизвестные факты. У него Павел способен на благородные и рыцарские порывы, но выражаются они в болезненных формах. Его внутренняя и внешняя политика часто зависела от настроения, а не от зрелых планов или системы. Преувеличенное представление о своем достоинстве, враждебность к делам и памяти матери, страх перед идеями французской революции, военные причуды, пристрастие к Мальтийскому ордену — таковы были побудительные мотивы деятельности Павла. Крайности его характера производили лишь беспорядок, его полубезумие делало жизнь многих людей невыносимой, в особенности придворных и высшего чиновничества.

Д. Ф. Кобеко. «Цесаревич Павел Петрович. 1754-1796. Историческое исследование»³. На немецкий язык книга была переведена Юлиусом Лауренти⁴. Автор представляет жизнеописание великого князя с момента рождения до вступления на престол. Вопреки большинству историков своего времени он относится к Павлу с симпатией, отдавая себе отчет о сложности его характера, его своеобразии, противоречиях и причудах. Кобеко подчеркивает разносторонность его знаний и начитанность. Он считает, что цесаревич во время его вынужденного затворничества в Гатчине и Павловске много думал о будущем России и о мерах, необходимых для ее благополучия. Только после долгих и глубоких размышлений Павел пришел к представлению о том государственном устройстве, которое позднее частично

¹ Histoire d'Alexandre I-er. «История Александра I». Париж. 1859.

² Geschichte Russlands und der Europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Лейпциг. Т. II, 2. 1875. С. 367-438.

³ Санкт-Петербург, 1882, 2-е изд. 1883, 3-е доп. изд. 1887.

⁴ Julius Laurenty. Берлин, 1886.

осуществил. Благородный, наделенный чувством справедливости, он страстно реагировал против всего того, что ему казалось несправедливым и противозаконным. Автор добавляет, что характер Павла со временем изменился к худшему и что это стало возможным с ослаблением «благотворного влияния» императрицы Марии и победой интриг, которые его окружали. Единственный упрек, который можно сделать автору этой превосходной работы: он не достаточно глубоко использовал дневник Порошина для объяснения психики Павла-ребенка. Правда, в то время, когда Кобеко писал свою книгу, еще не было научного подхода к этому вопросу.

В. О. Ключевский. «История современной России», литографированный курс лекций, читанный в 1883/84 гг. в Московском университете. С. 298-301.

Заслуженный профессор, чьи работы в основном имеют значение для изучения русского Средневековья, видит в Павле «первого антидворянского царя». Чувство порядка, дисциплины и равенства были основными движущими силами его политики. Его главной целью была борьба с классовыми привилегиями. Павел лишил дворянство и крупное купечество определенных преимуществ и сделал первую попытку регламентировать отношения между помещиками и крепостными крестьянами. Деятельности Павла, тем не менее, недоставало последовательности и твердости, что было следствием беспорядочного воспитания и неестественных отношений между ним и его матерью. У него не было никакой выработанной программы, никакого знания людей и практического опыта, а лишь в огромной степени затаенное горькое чувство. Последнее утверждение едва ли следует понимать в психоаналитическом смысле. Его правительственная деятельность, определяемая чувствами и нервами, приобретала не столько политический, сколько патологический характер. Обширная программа реформ растворилась в мелких формальностях, борьба против существовавшего порядка превращалась в травлю людей, неприязнь к классовым привилегиям — в ограничение элементарных человеческих прав, представление о порядке и равенстве зависело от жестокого или великодушного расположения духа. Все свелось к политическим анекдотам, и анекдоты составляют все содержание этого царствования.

Даже то небольшое, что я смог сказать о правительственной деятельности Павла в своей книге, посвященной лишь последней главе жизни императора, дает основание легко опровергнуть эту скорее остроумную, нежели обоснованную шутку. Однако «анекдоты» Ключевского создали определенную школу, и последующие авторы в значительной степени разделяли его позицию.

Н. К. Шильдер. «Император Александр Первый». Т. I¹.

¹ СПб., 1-е изд. 1897, 2-е изд. 1900.

Его же. «История Павла I в анекдотах, переведенная с русского Дмитрием Бенкендорфом»¹.

Его же. «Император Павел I. Историко-биографический очерк». Санкт-Петербург, 1901.

Этот историк, являющийся представителем крайней точки зрения, видит в личности Павла только отрицательные стороны. Хотя в предисловии автор и заявляет, что жизнь этого монарха была трагична как никакая другая в русской и мировой истории, что в его характере обнаруживаются гамлетовские черты, в самом сочинении не найдется ничего, что хоть в малейшей степени могло бы пробудить симпатию к императору. Его правление было лишь «слепой прихотью и насилием», «бредом и хаосом». Главное направление его деятельности — только «возмездие за 1762 год», из-за которого сын был вынужден стать судьей между отцом и матерью. Все принципы управления были смещены и опрокинуты, а страна приведена в состояние хаоса. Однако в доказательство этого Шильдер приводит лишь запрет на ношение круглых шляп, фраков и жилетов, а также введение неудобной военной формы, что в глазах автора и современников Павла означает непростибельное преступление. В упрек Павлу ставятся также либеральные меры по отношению к Польше и балтийским провинциям. Работы Шильдера основываются главным образом на воспоминаниях. Он цитирует более сорока мемуаристов, без разбора списывая целые страницы, смешивая анекдоты с проверенными фактами. При этом автор отдает предпочтение воспоминаниям, в которых проявляется враждебное отношение к Павлу, и замалчивает страницы, которые могли быть ему благоприятны. Отсюда следует большое число чисто фактических ошибок и односторонняя оценка личности и правления монарха. Совершенно удивительно, что царская цензура, подавлявшая любой намек на цареубийство, чтобы не нанести ущерб престижу монархии, допустила публикацию самых грубых выпадов мемуаристов против личности государя.

«История в анекдотах» является французским переложением первого тома сочинения Шильдера об Александре I и соответствует своему названию, ибо содержит только основные факты без научного аппарата оригинального издания. Но в нем оказалось возможным напечатать кое-что из того, что не было разрешено русской цензурой, например, большие отрывки из воспоминаний Полторацкого.

Е. С. Шумигорский. «Император Павел I». Санкт-Петербург, 1907.

Его же. «Императрица Мария Федоровна». Т. I. Санкт-Петербург, 1892.

Его же. «Екатерина Ивановна Нелидова». Санкт-Петербург, 1898.

¹ Histoire anecdotique de Paul I-er, tire du Russe par Dimitri de Benckendorff. Paris, 1899.

Его же. «Павел I» в «Русском биографическом словаре». Санкт-Петербург, 1902.

В этих сочинениях автор приводит новую точку зрения на личность и правление Павла, согласно которой император был интеллигентным и образованным монархом, имевшим в момент своего вступления на престол разработанную программу. Но автор не уточняет, в чем состояла эта программа, и предоставляет право читателю самому составить о ней представление по отдельным эпизодам своей книги. Он подчеркивает глубокое понимание Павлом роли самодержца, его склонность лично вникать во все детали управления и руководить всем самому, из-за чего Сенат и Совет его величества утратили свою законодательную роль. Павел пытался придать центральным органам управления индивидуальную ответственность вместо бывшей до этого коллективной и преобразовать коллегии в министерства. Он хотел, чтобы его приказы выполняли конкретные личности, а не абстрактные ведомства. Его целью было создание основных законов, отсутствие которых низводило Россию до уровня азиатской державы. Принципы правительственной системы Павла можно свести в целом к снижению значения дворянства, отмене его общественных и экономических привилегий, облегчению гнета, переносимого крестьянством, и наведению порядка и законности. Автор признает, что эта программа из-за несчастливых обстоятельств изменилась к худшему и что одновременно с этим более мрачным стал первоначально доброжелательный и благородный характер императора. Причину этого следует искать в обществе того времени и в сущности этого человека. Не отдавая себе отчета в исторических задачах, возникающих перед Россией, он всю свою жизнь метался между борьбой против западноевропейского влияния и любовью к своему народу, полубессознательной верой в его гигантские силы. Все это, как и индивидуальные черты характера Павла, его вспыльчивость, неосторожная прямолинейность, препятствовали его правительственной деятельности. В поисках справедливости он мало задумывался о тех средствах и о том впечатлении, которые вызывали предпринимаемые им меры. Император не отдавал себе отчета в том, что эти шаги могут принести больше вреда, чем та несправедливость, которую они должны искоренить. Он не умел владеть собой, теряя чувство меры и понимание ситуации. Вводя строгий порядок, он требовал от каждого точного исполнения своих приказов. При малейшем упущении виновных не могли спасти никакие былые заслуги. Желание быть справедливым, невзирая на лица, приводило его к другой крайности, и он допускал величайшие несправедливости. Аристократия, офицеры гвардии, все, кто был способен мыслить, чувствовали неуверенность в завтрашнем дне, были раздражены на государя, который наносил ущерб их жизненным интересам и даже вмешивался в их личную жизнь. Деспот хотел видеть вокруг себя только рабов, и в этом

была главная причина его гибели. Так Шумигорский оценивает личность Павла и его правление. Хотя это и новый подход по сравнению с предыдущими авторами, но он не отличается целостностью. То Павел — государь, стремящийся к справедливости, то ненавидимый всеми тиран. Одобряемая в начале система, в конце признается ошибочной. Вполне возможно, что действительно все так и происходило, но автор показывает нам это недостаточно убедительно. Он разбирается в хитросплетениях придворных интриг, внимательно анализирует биографию императора и некоторых его приближенных, но когда речь заходит о государственной деятельности Павла, то Шумигорский не в состоянии создать сколько-нибудь полноценную картину. Переписка и воспоминания все еще являются для него основными источниками. Государственные архивы он, как и его предшественники, обошел своим вниманием.

Анонимный автор. Предисловие к сборнику «Цареубийство 11 марта 1801 года». Санкт-Петербург, 1907.

Это предисловие (объемом 48 страниц) рассматривает личность Павла и его политику в целом, следовательно, оно должно быть упомянуто в данном обзоре. Автор производит впечатление скорее дилетанта, чем профессионального историка. Однако он добросовестно пытается выработать объективную точку зрения. Пожалуй, он даже чересчур подчеркивает свою точку зрения, противоположную предшествующим авторам, вследствие его явной симпатии к Павлу. По его мнению, короткий период правления императора является переходной эпохой, именно в ней следует искать истоки политической, военной и гражданской системы, которая, пережив несчастливого монарха, развилась затем во время правления двух следующих императоров; правление Павла является ключом к пониманию истории России первой половины XIX века. Автор опровергает «легенду» о душевной болезни монарха и выбирает с этой целью те воспоминания, которые подкрепляют его точку зрения. Он упоминает о положительных и разумных реформах Павла в армии и в гражданском управлении, противопоставляя их тому беспорядку и коррупции, которые расцветали пышным цветом при Екатерине, особенно в ее последние годы. Несомненно, поступки императора диктовались благородными побуждениями, и если Павел все же пожинал недовольство и ненависть, то они исходили главным образом от самых худших представителей гвардии и дворянства, деморализованных слишком долгим женским правлением.

П. И. Ковалевский. «Император Петр III, император Павел I». Психиатрические очерки, заимствованные из истории¹. Автор, известный врач невропатолог, черпает исторические сведения у историков, представляющих

¹ СПб., 1909. Т. 1,6-е изд.

точку зрения Шильдера. Он дает краткую биографию Павла и приводит несколько анекдотов. На основании подобных материалов он объявляет императора душевнобольным и в значительной степени дегенератом. Эту дегенеративность автор находит во всем. Павел, сын Екатерины, был маленького роста. Если бы исторические познания Ковалевского были чуть глубже, он бы знал, что «Великая Екатерина» была очень маленькой женщиной, что доказывают ее платья, сохранившиеся в различных дворцах, в том числе и в Гатчине. Далее автор высказывает мнение, что Павел страдал ранней слабостью и старческой импотенцией. Его умственные способности были не из особенно блестящих. Они стояли даже ниже среднего уровня. Его интеллект отличался недостатком логики, последовательности и сообразительности. Все эти утверждения сплошь произвольны. Нам требуется лишь обратиться к дневнику Порошина, чтобы прочесть в нем о чрезвычайных математических способностях Павла, к его личным тетрадам и выпискам из проштудированных им Сюлли и Монтескье, чтобы констатировать его интерес и понимание экономических, юридических и политических вопросов. Теперь о том, что касается старческой импотенции. Известно, что к моменту его смерти от него были беременны две женщины. У Павла были чрезвычайно развиты фантазия и воображение. Он был склонен к мистицизму, предчувствиям и т. д., страсти и чувства у него были на первом месте. В этом автор полностью прав, но является ли это доказательством его дегенеративности? Таким образом, можно было бы почти всех представителей романтического века объявить дегенератами. Приводя подобные аргументы, автор в конце концов приходит к выводу, что Павла должно отнести к дегенератам высшим, дегенератам второй степени с склонностями к переходу в душевную болезнь в форме мании преследования. Он напоминает, что Павел был эпилептиком и в юности у него случались конвульсии. В действительности же все это ничем не доказанные сплетни. Вся терминология сочинения выглядит сегодня устаревшей.

В. Ф. Чиж. «Император Павел I. Психологический анализ»¹. В этом случае мы имеем дело с врачом-психиатром, который не обращается с предметом исследования с такой легкостью, как его коллега Ковалевский, а старается добросовестно изучить исторические факты. К сожалению, не будучи историком, он смог воспользоваться только теми фактами, которые лежат на поверхности, и не смог дать правильную оценку произведениям, использованным им при написании своего труда. Так, он использует книги «лучшего историка, который занимался этим периодом», Шильдера, и «превосходную книгу» Валишевского (не его работу о Павле, опубликованную пять лет

¹ В сборнике «Вопросы философии и психологии». СПб., 1907. Т. 88. С. 221-290; Т. 89. С. 391-468; Т. 90. С. 585-678.

спустя, а две с сильным оттенком романа книги о Екатерине II «Роман одной императрицы» (Париж, 1893) и «Вокруг трона» (Париж, 1894), и, наконец, сочинения Шумигорского. Очевидно, что последнему не удалось уберечь автора от слабостей двух первых. Кроме того, Чиж ознакомился с известным количеством мемуаров. Чиж считает, что Павел отличается своим характером от любого другого индивидуума: он не на кого не похож, а потому общие правила, установленные в психологии, к нему неприменимы. Автор представляет подробный и систематический анализ мозговой деятельности Павла, его чувств, воли, склонностей. Показывая негативные качества императора, автор одновременно констатирует, что интеллект Павла «был не ниже среднего уровня». Его чувства владели разумом, воля была слаба, он легко поддавался чужому влиянию. Затем Чиж переходит к главному вопросу, который должен интересовать психиатра: был ли Павел безумен, как утверждают заговорщики и многие современники? Он указывает на то, что поведение Павла перед вступлением на престол было таким осторожным, таким сдержанным, что все те, кто не желал его возвышения, не получали никаких доказательств его душевной болезни. Екатерина не считала его больным. Без сомнения, Павел вовсе не был эпилептиком. Анализируя утверждения современников и убийц, Чиж заявляет, что они не располагали ни малейшими доказательствами и не смогли привести ни одного симптома его душевной болезни. Только рассказ великого князя о явлении ему Петра Великого мог бы служить косвенной уликой. Однако, по мнению автора, этот рассказ с точки зрения психиатрии представляется лишь плохой выдумкой. Павел только хотел развлечь общество. Возможность существования сверхъестественного была не для него. В конце концов автор приходит к выводу, что в Павле никак нельзя увидеть душевнобольного. Его несчастье, и тем самым несчастье России, заключалось в том, что он был полностью неспособен царствовать. Лишенный какой-либо ответственности за ситуацию, при отсутствии внешних или внутренних сдерживающих факторов, его характер привел его к крайнему деспотизму. Затем автор вторгается в чуждую для него область истории, что весьма прискорбно. Пока автор оставался на родной почве психологии, ему можно было доверять как специалисту, и его работа представляла серьезный интерес. Но, покусившись на «историю», он отдал себя на произвол тех сочинений, которые он имел счастье или несчастье прочитать, и смог лишь дать собственный парафраз прочитанного.

Пьер Моран. «Павел I до своего вступления на престол. 1754-1796»¹. Автор дает хорошо подкрепленное документами жизнеописание Павла — великого князя. Его книга охватывает, таким образом, тот же период, что и работа Кобеко, только подробнее, чем у него. Кажется, что автор сделал

¹ Pierre Morane. Paul I-er de Russie avant l'avenement. 1754-1796. Paris: Plon, 1907.

своей главной задачей объяснение душевного состояния Павла, руководствуясь одним-единственным сочинением по психопатологии, а именно книгой Маньяна и Легрена «Дегенераты, состояние сознания и эпизодические синдромы»¹. Моран пытается все симптомы, указанные в этой книге, обнаружить в жизни великого князя. Это производит впечатление предвзятости и потому не убеждает. В Павле он старается увидеть высшего дегенерата. Впрочем, сама доктрина Маньяна сегодня представляется устаревшей.

Казимир Валишевский. «Сын Великой Екатерины. Павел I»². Автор предлагает очень подробное, но несколько романизованное жизнеописание Павла, показывает картину двора, его интриги и финал драмы, а также внешнюю политику государя, только слегка касаясь его внутренней политики. В оценке личности Павла он следует за своими предшественниками. Валишевский — занимательный, начитанный рассказчик, но он не всегда точен. Его книга — приятное, легкое чтение, но не может рассматриваться как строго научное произведение.

М. В. Ключков. «Очерки правительственной деятельности времени Павла I»³. С точки зрения автора трудно составить представление о правительственной деятельности Павла по противоречивым мнениям предшествующих историков, потому что: 1) они больше занимались личностью императора, чем его деятельностью; 2) никто из них не изучал его деятельность всесторонне, ограничиваясь только одним из аспектов, чаще всего военным или дипломатическим, и лишь давая поверхностную картину целого; 3) историки основывали свои заключения на воспоминаниях, лишь изредка уделяя внимание законодательству и указам, не говоря уже том, что они вовсе не изучали богатейшие фонды Сенатского и Государственного архивов. Ключков намеревался восполнить эти пробелы изучением официальных документов и дать полный обзор правительственной деятельности времени императора Павла. Его работа базируется на императорских указах, рескриптах, изустных приказах, конфирмованных императором сенатских докладах и т. д. Всего имеется около 12 000 документов подобного рода. Ключков добавляет к ним рапорты и переписку статс-секретарей его величества, через которых Павел давал указания и отвечал на прошения и доклады, а также обширную корреспонденцию канцелярии генерал-прокурора Сената, который по статусу соответствовал приблизительно министру внутренних дел. Этот комплекс документов представлен более чем 3000 дел, каждое

¹ Magnan et Legrain. Les Degeneres, Etat mental et syndromes episodiques. Paris, 1895.

² Le Fils de la Grande Catherine, Paul I-er. Paris : Plon, 1912. Имеются также издания на польском и русском языках.

³ Петроград, 1916.

из которых содержит от десяти до нескольких сотен страниц. Генерал-прокурор уже при Екатерине стал центром всего управления, а при Павле его значение еще более возросло. Его канцелярия была местом, из которого тянулись нити ко многим центральным и провинциальным учреждениям. Автор, которому удалось осилить эту гору документов, получил более или менее полную картину управления и принципов его функционирования.

Руководящая идея Павла в организации государственного механизма, как это вытекает из работы Ключкова, логически берет начало в представлении императора о монархии: автократия является наилучшей формой правления, так как она соединяет силу закона с быстротой действия власти одного. Монарх должен не только властвовать, но и эффективно управлять. Он — центр всей власти, все исходит от него и снова возвращается к нему. Высшие инстанции и сановники существуют только для того, чтобы содействовать государю, их должностные обязанности должны быть четко расписаны, и они должны были во всем зависеть от воли монарха. Образованный Павлом Совет его величества рассматривал только те вопросы, которые направлялись ему императором. Сенат утратил свой престиж и не мог под бдительным взором генерал-прокурора, называемого «оком государевым», предпринять ничего важного помимо воли монарха.

Подобная теория о власти самодержца привела Павла к практическим выводам. Индивидуальной власти монарха на всех ступенях управления должна соответствовать индивидуальная ответственность. Коллегиальная система, господствующая со времени Петра Великого, должна быть заменена персональной.

Император был одержим идеей законности, которая отчасти возникла у него как оппозиция режиму матери. Однажды он написал, что в ее время не было ничего стабильного, что воля фаворитов императрицы была законом, в то время как, согласно Монтескье, неоспоримой основой монархии должен быть закон.

Автор подчеркивает важную сторону системы управления Павла — перенесение принципов военной организации на гражданскую службу. Вероятно возникшая на основе склонностей и темперамента императора, эта тенденция имела на взгляд автора принципиальное значение. Павел был убежден в необходимости решительными и действенными средствами искоренить коррупцию на службе и в нравах. Он искренне считал, что нужно править «железной рукой», поэтому ввел жесткую иерархию среди учреждений и чиновников, а также безоговорочное и автоматическое выполнение его указаний. Будучи человеком быстрого темпа, он ценил это качество в Других. В соответствии с этим не терпел никаких отсрочек при выполнении его воли. Так в России после его вступления на престол возникла своего рода военная диктатура.

По мнению автора, после всего сказанного нетрудно ответить тем из современников Павла и историков, кто утверждал, что все указы и мероприятия императора были только случайными, изменчивыми прихотями. Его записки, написанные за десять лет до вступления на престол, доказывают, что во время 34-летнего ожидания Павел последовательно и усиленно размышлял о задачах своего будущего правления и что он с точностью осуществлял долго зревшие в нем мысли. Тот факт, что в ходе их окончательного формирования они приобретали доктринерский характер, стали его почти фанатичным вероисповеданием и порой при соприкосновении с действительностью приводили к причудливым результатам, объясняется натурой Павла, формировавшейся под давлением, которому он подвергался как наследник престола.

Для того чтобы подробно рассказать об очень серьезной работе Ключкова, недостаточно рамок этого библиографического указателя. Я могу только отослать к ней читателя, владеющего русским языком и желающего глубже изучить этот вопрос.

Этот указатель литературы никоим образом не претендует на полноту. Напротив, я упомянул только самые известные работы. Сочинений, прямо или косвенно касающихся Павла, — легион. Представление об их количестве можно получить с помощью списка литературы, завершающего книгу Валишевского. Причем необходимо еще принять во внимание, что этот список заканчивается 1912 г. и не охватывает периоду, в которой десятилетиями публиковались статьи и документы. Я считаю полезным назвать основные сборники такого рода:

Русская старина;

Русский архив;

Исторический вестник;

Сборник Императорского русского исторического общества;

Чтения в Императорском московском обществе истории и древностей российских.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Книга В. П. Зубова вышла более 40 лет назад. За прошедшие годы появились новые данные о персонажах, упоминаемых в книге, которые позволяют исправить неточности, вкрапившиеся в именной указатель, составленный автором. Речь идет, главным образом, об уточнении дат: годов жизни, времени присвоения воинских званий, назначения на должность и т. д. Кроме того, уточнены названия занимаемых должностей и воинские звания. Эти исправления в приводимых сведениях не оговариваются. В остальном авторский текст при переводе полностью сохранен.

Переводчик выражает благодарность М. Б. Асварищу за работу по проверке именного указателя В. П. Зубова.

Август III (1696-1763), курфюрст Саксонии, король Польши с 1733 г. 98, в примеч.

Александр I, российский император, старший сын императора Павла I, родился в С.-Петербурге 12 декабря 1777 г., император с 12 марта 1801 г., умер в Таганроге 19 ноября 1825 г. 14, 24, 28, 30, 33, 35, 44, 46, 53, 55, 59, 60, 64, 70-74, 78, 80-82, 85, 88, 90, 94, 99, 100-103, 106-116, 118-119, 124, 125, 131, 134-143, 146-148, 150-156, 158, 160, 162-175, 178, 185-187, 190-197, 199, 203, 209-211

Александр II, российский император, старший сын императора Николая I, родился в Москве в 1818 г., убит в Санкт-Петербурге в 1881 г. 189

Александр III (1845-1894), российский император, второй сын императора Александра II. 164

Александра Федоровна (1798-1860), российская императрица, урожденная принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина Прусская, дочь короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. В 1817 г. вышла замуж за великого князя Николая Павловича, будущего императора России. Императрица с 1825 г. 198

Александра Павловна, великая княгиня, эрцгерцогиня Австрийская, старшая дочь императора Павла I, родилась в Павловске в 1783 г., вышла замуж в 1799 г. за эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерского, умерла в Офене 4 марта 1801 г. 31, 143

- Александренко**, Василий Никифорович (1861-1909), с 1888 г. профессор международного права в Варшавском университете. 54, 201
- Алексей Петрович**, царевич, сын Петра Великого от первого брака с Евдокией Федоровной Лопухиной. Родился в 1690 г., умер от пыток в 1718 г. 101
- Аллонвиль, Арман-Франсуа**, граф де (1764-1832). Офицер армии принца Конде. Преемник Альфонса де Бошампа на посту редактора «Воспоминаний, извлеченных из бумаг одного государственного деятеля». 107, в примеч.
- Альбани, Франческо** (1578-1660), художник из Болоньи. 99, в примеч.
- Альгаротти**, граф Франческо (1712-1764), итальянский писатель. 98, в примеч.
- Амалия** (1754-1832), маркграфиня Баден-Дурлахская, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская. Мать российской императрицы Елизаветы Алексеевны, супруга маркграфа Карла-Людвига (1755-1801), сестра великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги великого князя Павла. 73, 139, 142, 161, 199
- Ангерштейн**, Джон Юлиус. Родился в С.-Петербурге в 1735 г., умер в Англии в 1823 г. Лондонский купец, проживавший в Англии с 1749 г. Тесть полковника Саблукова, коллекционер произведений искусства. Друг художника сэра Томаса Лоуренса. 189
- Андреевский**, Степан Степанович (1784-1843), в 1801 г. — корнет лейб-гвардии Конного полка. Отличился в наполеоновских войнах. В 1813г. — генерал-майор, с 1821 г. — командир лейб-гвардии Уланского полка. 113, 114, 120
- Андржейкович** (Буттовт-Андржейкович), Иван Фаддеевич, генерал-майор, шурина графа Бенигсена. 179
- Анна Иоанновна** (1693-1740), российская императрица, в 1710 г. вышла замуж за герцога Фридриха-Вильгельма Курляндского (умер 1711), взошла на российский престол в 1730 г. Дочь царя Иоанна V, племянница Петра Великого. 94
- Анна Леопольдовна**, великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбургская. Родилась в Ростоке в 1718 г., умерла в Холмогорах в 1746 г. Дочь герцога Карла Леопольда и Екатерины Иоанновны. Племянница императрицы Анны Иоанновны, супруга принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Вольфенбюттельского, мать императора Иоанна VI, регентша в 1740-1741 гг., свергнута императрицей Елизаветой Петровной и сослана ею с семьей в Холмогоры. 74
- Анна Петровна**, великая княгиня, герцогиня Гольштейн-Готторпская, Родилась в 1708 г., умерла в 1728 г., в Киле. Дочь Петра Великого, в 1725 г.

вышла замуж за герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, мать императора Петра III. 15

Анна Петровна (1757-1759), великая княгиня, дочь великой княгини Екатерины Алексеевны, мнимым отцом которой был будущий император Петр III. 19

Анна Федоровна, великая княгиня, урожденная принцесса Юлиана-Генриетта-Ульрика Саксен-Заальфельд-Кобургская. Родилась в 1781 г. в Готе, в 1796 г. вышла замуж за великого князя Константина Павловича, брак распался в 1801 г., развод признан в 1820 г. Умерла в Эльфенау близ Берна в 1860 г. 108, 115, 118, 143, 145

Анот (Ганото), Жан (1869-1949?), майор. Опубликовал вместе с принцем Наполеоном «Личные письма монархов императору Наполеону I» (Париж, 1939). 44, в примеч.

Антоний, Марк (80-30 до н. э.). Римский триумвир. 98

Аракчеев, граф Алексей Андреевич (1769-1834). Учился в артиллерийском кадетском корпусе. В 1787 г. получил свой первый офицерский чин. Оставленный в качестве преподавателя геометрии в своем корпусе, он отличался жестокостью по отношению к воспитанникам. Из-за этого был переведен в артиллерийский полк, а затем очутился в гатчинских войсках великого князя Павла. Аракчеев привлек внимание Павла своим прилежанием, точностью, энергичностью и строгостью к подчиненным, а также личной преданностью. После коронации Павла, в возрасте 26 лет, стал генерал-майором и назначен на должность коменданта столицы. В 1797 г. ему был пожалован титул барона и земельные владения с 2000 душ крепостных в Новгородской губернии. В 1798 г. он после недолгой опалы был произведен в генерал-лейтенанты и назначен инспектором всей артиллерии. В следующем году Аракчеев был возведен в графское достоинство. Тем не менее, незначительные беспорядки в петербургском Арсенале вызвали гнев императора, и он был отставлен от службы и сослан в свои владения. Только в 1803 г. Аракчеев был восстановлен императором Александром I в должности инспектора артиллерии. В 1808 г. он назначается на должность военного министра, оставаясь инспектором артиллерии и пехотных войск. В кампании 1812 г. он был правой рукой государя в подготовке резервов и в продовольственном снабжении армии. Затем ему как главе военного департамента было поручено проводить реформы в военной сфере. Здесь он проявил свои недюжинные способности и навел в армии дисциплину и порядок. Но, с другой стороны, влияние его деятельности на Россию было роковым, а память о нем проклята в народе. Изобретением Аракчеева были «военные поселения», в которых он дал волю своим садистским наклонностям. В последние годы правления Александра его влияние распространилось на все области госу-

- дарственной деятельности, он был в известной мере премьер-министром, не занимая официально этого поста. Смерть Александра положила конец его карьере. Николай I, так же, как Аракчеев, автократ по натуре, должен был уступить общественному мнению и удалил его от всех дел. Аракчеев вернулся в свое имение, где, за неимением других жертв, мучил своих крестьян. Пожалуй, только собачья преданность Павлу и Александру была единственной положительной чертой этого монстра. *86, 110*
- Аргамаков (1)**, Александр Васильевич. В 1801 г. майор Преображенского полка, батальонный адъютант, плац-адъютант Михайловского замка. Один из заговорщиков 1801 г. *80, 96, 125, 128, 131*
- Аргамаков (2)**, Петр Васильевич. Брат вышеупомянутого, в 1801 г. лейтенант Преображенского полка, один из заговорщиков 1801 г. *80*
- Аркетти**, Андреа, монсеньор. Родился в Брешии в 1731 г., умер в Асколи в 1805 г. В 1775 г. он становится епископом, с 1776 г. по 1783 г. был папским легатом в Варшаве, в 1783-1784 гг. — нунцием в Петербурге, в 1785 г. — легатом в Болонье, в 1795 г. — епископом в Асколи. В 1798 г. он был изгнан из Рима французской армией, в 1799 г. принял участие в конклаве в Венеции, в 1800 г. он епископ в Сабинии. *38*
- Бальбо**, посол Сардинского королевства в России с ноября 1799 г. 15/17 ноября 1800 г. внезапно был Павлом удален. Брат будущего министра графа Проспера Бальбо. *60, 85*
- Баркгаузен**, Теодора, урожденная Мюллер. Внучка генерала графа Беннгсена. *179*
- Баженов**, Василий Иванович (1737-1799). Архитектор, учился во Франции. Многие его произведения так и остались проектами. Главные его архитектурные сооружения — Каменноостровский дворец и старый Арсенал (позднее здание Окружного суда) в Санкт-Петербурге, его идеи повлияли на архитектуру Михайловского замка. Масон, осуществлял связь между Братьями и великим князем Павлом, который очень благоволил ему. *94*
- Безбородко**, Александр Андреевич (1747-1799). Граф Св. Римской империи с 1784 г., граф Российской империи с 1795 г., светлейший князь с 1797 г. Выходец с Украины. В 1775 г. стал секретарем «у принятия челобитень» Екатерины II, с 1787 г. — докладчик по делам Совета, в качестве помощника вице-канцлера Остермана управлял до 1791 г. ведомством иностранных дел. С 1797 г. канцлер, действительный тайный советник I класса. *32, 58, 66-68, 82, 90, 207*
- Бек**, Иван Филиппович. Родился в Риге в 1735 г., умер в 1811 г.. Военный врач, с 1761 г. придворный врач, с 1786 г. врач великого князя, с 1796 г. врач императора Павла. Тайный советник, доктор медицины и хирургии. *119, в примеч.*

- Беклешов, Александр Андреевич** (1745-1808). В 1783 г. — губернатор в Риге. После вступления Павла на престол — военный малороссийский губернатор. С 1798 г. — сенатор, с 7 июля 1799 г. по 8 февраля 1800 г. и с 16 марта 1801 г. по 8 сентября 1801 г. (дата основания министерств) — генерал-прокурор Сената. Предшественник и преемник Оболянинова на этом посту. В 1804-1806 гг. главнокомандующий в Москве. В 1807 г. готовил земское войско. *86, 169*
- Бенигсен, граф Георгий Павлович**, умер в 1962 г. Потомок нижеупомянутого. *54, 201*
- Бенигсен, Левин-Август-Теофил** (русифицировано Леонтий Леонтьевич). Барон, с 1813 г. граф Российской империи (награда за участие в битве при Лейпциге). Родился в Ганновере в 1745 г. умер в родовом имении Бантельн под Ганновером в 1826 г. В чине старшего лейтенанта принимал участие в Семилетней войне. В 1773 г., будучи премьер-майором, поступил на русскую военную службу, отличился в обеих турецких кампаниях при Екатерине, а также в польской и персидской. В 1798 г. — генерал-лейтенант, в 1802 г. — генерал от кавалерии. В 1807 г. при Эйлау одержал победу в сражении с Наполеоном, но вскоре от него же потерпел поражение под Фридландом (2/14 июля 1807 г.). В 1818 г. уволился со службы и вернулся в Германию, в свое поместье под Ганновером. Он так и не захотел вступить в российское подданство. *54, 78, 84, 90, 101, 109, 123-125, 127-132, 134, 141, 142, 146-150, 162, 167, 171, 172, 179-183, 187, 194, 196, 206, 208*
- Бенигсен, Мария-Леонарда** (или Екатерина) **Фаддеевна**, баронесса, впоследствии графиня, урожденная Буттовт-Андржейкович (в некоторых источниках указываются два ее первых имени, в других — только третье, скорее всего, она носила все три имени). Родилась, вероятно, между 1770 и 1775 гг., умерла в Бантельне в 1855 г. Четвертая супруга Л. Л. Бенигсена, сестра действительного статского советника Михаила Фаддеевича Буттовт-Андржейковича, гражданского губернатора Гродно, затем Волыни, и генерала Ивана Фаддевича. *179, 180*
- Бенигсен, Рудольф**, барон (1824-1902). Член ганноверской ветви этой семьи. Германский государственный деятель, с 1866 г. по 1898 г. — председатель национально-либеральной партии, в 1866-1877 гг. — доверенное лицо Бисмарка. Его сын, также Рудольф (1859-1912), в 1899-1902 гг. был губернатором германской Новой Гвинеи. *179*
- Бенкендорф, Анна-Юлиана**, урожденная Шиллинг фон Канштатт, подруга юности императрицы Марии Федоровны. *186*
- Бенкендорф, барон Дмитрий Александрович**, фон (1844-1921?). Перевел на французский язык первый том труда Н. К. Шильдера об Александре I, издан под названием «История Павла I в анекдотах». *193, 211*

- Бенкендорф, Христофор Иванович** (1749-1823). Генерал-лейтенант, военный губернатор в Риге. В 1799 г. был уволен от должности. Супруг А. Ю. Бенкендорф. Его сын Александр Христофорович был при императоре Николае I шефом жандармов (тайной полиции), ему был пожалован титул графа, его дочь Дарья (Доротея) вышла замуж за графа, впоследствии князя Ливена. *61, 186*
- Бергер, Ганс.** Врач-невролог Йенского университета. В 1929 г. стал создателем нового метода исследования — электроэнцефалографии. Открыл так называемые «альфа-потoki» оболочки мозга. *34*
- Бергсон, Анри** (1859-1941). Французский философ. *25, в примеч.*
- Бернгарди, Теодор** (1802-1887). Военный историк. Бисмарк часто использовал его для выполнения военно-дипломатических поручений. В 1873 г. ему было пожаловано дворянство. С 1834 по 1851 гг. жил в России. Труды: «История России и европейской политики с 1814 по 1831 год» (3 тома, 1836-1877), «Фридрих Великий как полководец». *181, 206, 209*
- Берновиль, Пьер Руэль, де** (1752-1821), граф, затем маркиз. Французский маршал. Генерал Республики, в 1800 г. — посол в Берлине, затем с 1802 г. — в Мадриде. Примкнул к Бурбонам. Людовик XVIII пожаловал ему чин маршала (1816 г.) и титул маркиза (в 1817 г.). *203*
- Бецкой, Иван Иванович**, родился в Стокгольме в 1703 г., умер в 1795 г. в Санкт-Петербурге. Внебрачный сын фельдмаршала князя Трубецкого. Его мать — шведка, баронесса Вреде. Один из образованнейших людей XVIII века в России. С 1794 г. — президент Академии художеств. Екатерина глубоко чтит его, что вызвало необоснованный слух, что она является его внебрачной дочерью. *58*
- Бибиков, полковник** Измайловского полка. Один из заговорщиков. *81, 124, 130*
- Бинеман, Фридрих**, переводчик воспоминаний барона Гейкинга. *191, в примеч.*
- Бирон, Эрнст-Иоганн**, (1690-1772), герцог Курляндский, регент России. Шталмейстер и фаворит Анны Иоанновны, герцогини Курляндской, впоследствии российской императрицы. После ее вступления на российский престол в 1737 г. под нажимом России он был избран герцогом Курляндским. Во время ее правления пользовался неограниченной властью. По завещанию Анны Иоанновны стал регентом малолетнего императора Иоанна VI и оставался на этом посту с 17 октября по 7 ноября 1740 г. Был свергнут матерью малолетнего императора, принцессой Анной Леопольдовной, и отправлен в ссылку. Екатерина II в 1763 г. вновь сделала его герцогом Курляндским. *74*
- Бойен, Герман** (1771-1848). Прусский генерал-фельдмаршал и военный министр. Трехтомное издание его воспоминаний вышло в свет в 1889-1890 гг., двухтомное — в 1913 г. *180*

- Болговский**, Дмитрий Николаевич. Один из заговорщиков 1801 г., будучи в то время капитаном Измайловского полка. В 1812 г., когда в чине полковника он находился в действующей армии, государственный секретарь Сперанский по неизвестной причине распорядился его арестовать. Болговский был доставлен в Петербург, а затем сослан в Сибирь. Но не успел он доехать до места ссылки, как получил сообщение о том, что император Александр I его помиловал. В 1847 г. он был генерал-губернатором в Вологде. См. о нем у А. Герцена: «Былое и думы», гл. IX. *81, 132, 194*
- Бонейль**, графиня Каролина, де. Авантюристка, ее настоящее имя Адель Рефлон. Дочь надсмотрщика за вывозом мусора и уборкой павших лошадей. Она появилась в Петербурге в мае 1800 г., подружилась с Шевалье, которая познакомила ее с Кутайсовым, и стала любовницей Ростопчина. Павел удостоил ее приема. Она считалась агентом Первого консула. *175*
- Бороздин**, Николай Михайлович (1777-1830). С 1782 по 1800 г. служил в Конногвардейском полку. В 1800 г. — полковник Кавалергардского полка, с 1807 г. — генерал-майор. В 1803 г. он становится флигель-адъютантом его величества, в 1820 г. — генерал-адъютантом, в 1826 г. — генералом от кавалерии. Герой наполеоновских войн, один из заговорщиков 1801 г. По одному из сообщений в ночь с 11 на 12 марта он вместе с Уваровым и еще несколькими заговорщиками должен был находиться в покоях наследника престола, «чтобы в случае необходимости защитить его и разделить с ним все опасности в случае провала заговора» (Государственный архив в Дрездене. MS. № 30380). Был женат на Елизавете Александровне Жеребцовой, дочери Ольги Жеребцовой. *81*
- Бренна**, Винченцо (русифицировано Викентий Францевич). Родился в Риме в 1750 г., умер в Дрездене в 1814 г. Архитектор, строитель Михайловского замка в Санкт-Петербурге. *94, 113, в примеч., 188, 189*
- Брикнер**, Александр Густавович. Родился в Санкт-Петербурге в 1834 г., умер в Йене в 1896 г. Немецко-русский историк, профессор Одесского, Дерптского и Казанского университетов. *57, в примеч., 60, в примеч., 199, 201, 206, 207*
- Брюль**, граф Генрих, (1700-1763). Министр Августа III, курфюрста Саксонии, короля Польши. *98, в примеч.*
- Буало-Депро**, Николя (1636-1711). Французский поэт и писатель. *81*
- Буксгевден**, граф Фридрих-Вильгельм (русифицировано Федор Федорович) (1750-1811). Происходит из старинного прибалтийского дворянского рода. При Екатерине участвовал в различных военных походах. В 1772 г. стал адъютантом князя Григория Орлова. В 1795 г. король Пруссии пожаловал ему титул графа, этот же титул в 1797 г. был ему пожалован Павлом I. В 1797-1798 гг. — военный губернатор Петербурга. Попав в опалу, он уехал в свой замок Лоде, позднее в Германию. Был возвращен

- императором Александром I, отличился в наполеоновских походах и при завоевании Финляндии. *63, 66, 67, 69, 86, 88, 89, 192*
- Буксгевден**, графиня Наталия Александровна, урожденная Алексеева, (1758-1808), супруга вышеназванного. Официально — дочь полковника Алексеева, в действительности — внебрачная дочь князя Григория Орлова и, вероятно, Екатерины II. Близкая подруга госпожи Нелидовой. *66, 69, 88, 89, 192*
- Бюлау**, Фридрих. Издатель сборника «Тайны истории и загадочные личности». Первый том вышел в Лейпциге в 1850 г. *60, в примеч., 195*
- Валентини**, генерал-лейтенант. *184*
- Валентинович**, урожденная Заячковская. Мелкопоместная литовская дворянка, мать княгини Феклы Зубовой. *170*
- Валишевский**, Казимир (1849-1935), польский историк. *54, 71, в примеч., 75, в примеч., 79, в примеч., 194, 201, 214, 216, 218*
- Валуев**, граф Петр Александрович (1815-1890), сенатор с 1861. Автор упоминаемого в книге дневника. *194*
- Ванлоо**, Карл, см. Лоо, Шарль.
- Ведель**, Эрнст, фон. Генерал-майор, племянник и адъютант графа Беннигсена. *78, в примеч., 181-185, 206*
- Вельяминов-Зернов**, Александр Николаевич. Автор упоминаемых в книге воспоминаний. Гвардейский офицер до 1799 г., затем на гражданской службе. *63, в примеч., 75, в примеч., 76, 107, 108, 114, в примеч., 194*
- Берне**, Клод-Жозеф (1714-1789), французский художник. *98*
- Верто**, Рене Обер, аббат де (1655-1735), французский историк. *24*
- Виельгорский**, граф Юрий Михайлович (1753-1808). Литовец по происхождению. Генерал-лейтенант Войска польского. В 1790 г. польский представитель в России. В 1794 г. поступил на русскую службу и пожалован в камергеры. Пользовался благосклонностью Екатерины и Павла в начале его правления, при нем он стал обер-гофмаршалом и обер-камергером. В 1798 г. попал в опалу, был уволен со службы и вернулся в Вильно. После своего вступления на престол Александр I вернул его в Петербург и назначил сенатором. Ему был пожалован чин тайного советника. Был одним из культурнейших людей своего времени, знатоком искусства и музыки. *161, 167, 168*
- Вильгельм V** (1748-1806), наследственный штаттгальтер Нидерландов. В 1795 г. вынужден был искать убежища в Англии *42, 43*
- Вильгельмина**, великая княгиня, принцесса Гессен-Дармштадтская, первая супруга Павла, получившая при русском дворе имя Натальи Алексеевны. См. Наталья Алексеевна.
- Витворт**, леди Арабелла Диана. Родилась в 1769 (?) г., умерла в поместье Кнол Парк в 1825 г. Дочь Чарльза Коупа, баронета, и Екатерины, пятой

дочери Сесиль Бишоф фон Порхем, которая впоследствии вышла замуж за лорда Ливерпуля. Первым браком леди Диана была замужем за Джоном Фредериком Заквилем, третьим герцогом Дорсет (умер в 1799 г.), вторым браком (в 1801 г.), за бароном, впоследствии графом Чарльзом Витвортом, близким другом ее первого мужа. Она была умной и высокомерной женщиной, любившей власть и роскошь, но это в общем и целом не противоречило ее склонности к бережливости. После смерти первого мужа имела ежегодный доход 13 000 фунтов и имение в Ист-Гринвуде, в дополнение наследовала Дорсет Хаус и Кнол Парк. Она умерла через три месяца после смерти ее второго мужа. 53

Витворт, сэр Чарльз, впоследствии граф. Родился в Лейбурне в 1752 г., умер в Кнол Парке в 1825 г. В начале своей карьеры был военным, затем перешел на дипломатическую службу. В 1785 г. Витворт был назначен полномочным министром в Польшу. В 1788-1800 гг. занимал этот пост в Санкт-Петербурге. 21 марта 1800 г. он был возведен в пэры Ирландии и получил титул — барон Витворт Ньюпорт Пратт. 27 апреля 1801 г. он вернулся из России в Англию и женился на леди Арабелле Диане Коуп, овдовевшей герцогине Дорсет. 10 сентября 1802 г. Витворт был назначен послом в Париж. Этот пост он занимал до 12 мая 1803 г. В 1813 г. король Георг III возвел его в лорды of the bedchamber, и в этом же году он стал лордом-лейтенантом Ирландии — должность, которую он занимал до октября 1817 г. В июне 1813 г. он стал пэром Англии и виконтом Витвортом Эдбастоном. В 1815 г. он получил орден Бани и стал бароном Эдбастоном и графом Витвортом Эдбастоном. 47, 53-55, 57, 58, 60, 76, 81, 152, 170, 171, 173, 201, 205

Военский, Константин Адамович, переводчик на русский язык воспоминаний Саблукова (СПб., 1907). 187

Волков, Александр. В 1801 г. капитан Семеновского полка, двоюродный брат полковника Саблукова. 144

Волконская, княгиня Анна Михайловна. Умерла в 1827 г. В 1801 г. фрейлина. Впоследствии замужем за генерал-лейтенантом фон Грессером. 196

Волконская, княгиня Екатерина Михайловна (1775-1834). В 1801 г. фрейлина. Впоследствии замужем за генерал-адъютантом Козиним. 196

Волконский, князь Петр Михайлович (1776-1852). Брат вышеупомянутых. С 1797 г. — адъютант великого князя Александра, как командира в то время Семеновского полка. Он принимал участие в заговоре, но не присутствовал при убийстве императора. В день коронации Александра I ему было присвоено звание генерал-адъютанта. В 1812г. начальник Главного штаба. При Николае I он член Государственного совета, министр императорского двора и уделов, канцлер всех российских орденов. С 1850 г. — фельдмаршал. 81, 135, 136, 140

- Волькерсберг**, капитан. В ночь 11 марта находился в покоях принца Евгения Вюртембергского. 159
- Вольтер**, Франсуа-Мари Аруэ (1694-1778), французский писатель и философ. 24, 37, 81, 100
- Воронков**. В 1801 г. капитан Семеновского полка. 113, 133
- Воронцов**, граф (с 1845 г. — князь) Михаил Семенович (1782-1856). В 1844-1853 гг. наместник на Кавказе. Опубликован его семейный архив. 56, в *примеч.*, 199, 207
- Воронцов**, граф Семен Романович (1744-1832). В 1785-1806 гг. — полномочный министр, затем посол в Лондоне. Умер в Лондоне. Отец вышеупомянутого. 56, 60, 172, 173
- Воуверман**, Филипп (1619-1668), голландский художник. 98
- Вяземский**, князь. В 1801 г. — генерал-майор. Командир 4-го батальона Преображенского полка. 126
- Вяземский**, князь Иван. В 1801 г. — полковник Измайловского полка. Один из заговорщиков 1801 г. 132
- Гагарин**, князь Павел Гаврилович (1777-1850). Генерал-адъютант его величества. Муж А. П. Гагариной. 69, 70, 119
- Гагарина**, княгиня Анна Петровна, урожденная Лопухина (1777-1805). Дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина, впоследствии возведенного в княжеское достоинство, и его первой супруги Прасковьи Ивановны, урожденной Левшиной. Гагарина в раннем детстве лишилась матери и воспитывалась мачехой Екатериной Николаевной, урожденной Шетневой, женщиной малообразованной и легкого поведения. После того как А. П. Гагарина обратила на себя внимание Павла, она вместе со всей семьей была переселена из Москвы в Петербург, где стала фрейлиной императрицы. Затем вышла замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина, стала статс-дамой и получила орден Св. Екатерины I степени, а также Мальтийский крест. Ее такт и скромность облегчали ей исполнение ее двусмысленной роли. После вступления Александра на престол ее супруг был назначен полномочным министром при сардинском дворе. Она последовала за ним в Италию, где прожила два года. Умерла в Вене от чахотки после родов в возрасте 28 лет. 68-70, 79-81, 85, 89, 97, 100, в *примеч.*, 101-106, 111, 112, 119, 120, 121, 122, 128, 129, 156, 159, 160, 185
- Гамлет**. 20, 211
- Гаррис**, Джеймс (1740-1820), первый граф Мальмсбери. Английский дипломат, посол в Германии при Фридрихе II, в России при Екатерине II и посол в Гааге. 42, в *примеч.*, 119, в *примеч.*
- Гаугвиц**, Кристиан-Август-Генрих-Курт (1752-1832), прусский государственный деятель. 75, в *примеч.*, 202, 203
- Гварди**, Франческо (1712-1793), венецианский живописец. 29

Гейкинг, баронесса Ангелика. Урожденная де Лафон. Супруга барона Гейкинга. 66, 192

Гейкинг, барон Генрих-Карл (Карл Александрович) (1752-1809). Курляндский дворянин. При аннексии Курляндии он выступил на стороне России. До 1796 г. был председателем суда в Митаве. После своего вступления на престол Павел вызвал его в Петербург, назначил сенатором и тайным советником, затем президентом Юстиц-коллегии по делам Лифляндии и Эстляндии. В 1798 г. впал в немилость Павла и был сослан сначала в Митаву, а затем в свое имение в Курляндию. После смерти Павла он на два месяца вернулся в Петербург, затем снова вернулся в Митаву. Он был зятем мадам де Лафон, директрисы Смольного института, был дружен с Нелидовой и генералом Буксгевденом, входил в партию императрицы Марии. 62, 66-68, 71, 82, 84, 85, 89, 109, 117, 165, 167, 168, 191-193

Гельдорф (Хелдорф), барон, фон, генерал-майор Германии. Состоял на русской службе во время военного похода 1813-1815 гг. Адьютант принца Евгения Вюртембергского, после смерти которого опубликовал его воспоминания. Ранее он был адъютантом генерала от кавалерии барона фон Винценгероде. 101, в примеч., 182, 184

Генрих IV (1553-1610), король Франции с 1589 г. 21

Генрих-Фридрих-Луис (1726-1802), принц Пруссии. Брат Фридриха II. 28, 202

Георг III (1738-1820), король Англии с 1760 г. В 1811 г. был объявлен душевнобольным. 53, 55

Георг IV (Георг-Август-Фредерик) (1762-1830). Король Англии, сын Георга III. В 1811 г. вследствие душевной болезни отца был объявлен регентом, в 1820 г. — королем. 171

Герцен, Александр Иванович, русский писатель и политический журналист. Псевдоним: Искандер. Родился в Москве в 1812 г. Внебрачный сын дворянина. Умер в Париже в 1870 г. В 1834-1839 г. в качестве политически неблагонадежного сослан в провинцию. В 1847 г. эмигрировал. В 1852 г. основал в Лондоне русскую типографию. В 1855-1862 гг. издавал ежемесячный журнал «Полярная звезда», в 1857-1867 гг. — еженедельную газету «Колокол», которая до 1863 г. оказывала большое влияние на общественное мнение в России. 181

Гесслер, Прасковья. Камеристка императрицы Елизаветы Алексеевны. Англичанка по происхождению. 136

Гизо, Гийом (1787-1874). Французский государственный деятель и историк. 186

Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич (1772-1843), граф с 1831 г. В 1794 г. лейтенант Лейб-гвардии Конного полка, в 1796 г. — флигель-адъютант его величества, в 1798 г. — полковник, 29.03.1799 г. — 2.12.1800 г. —

в отставке, со 2.12.1800 г. — генерал-майор лейб-гвардии Конного полка, 23.12.1800 г. переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, шефа которого он арестовал в ночь на 11 марта 1801 г. 16.03.1801 г. назначен командиром Кавалергардского полка. В 1810 г. становится генерал-адъютантом и обер-полицмейстером Петербурга. Отличился в битве под Лейпцигом. В 1825 г. — член Госсовета. С 1826 г. — генерал от кавалерии. Один из заговорщиков 1801 г. 127

Голенищев-Кутузов, Михаил Илларионович. Родился в 1747 г. Умер 16 апреля 1813 г. в Бунцлау, граф с 1811 г., 6.12.1812 г. возведен в княжеское достоинство с добавлением наименования Смоленский. Отличился во время турецких походов при Екатерине II. В 1784 г. — генерал-майор, в 1791 г. — генерал-поручик, в 1798 г. — генерал от инфантерии. С 17 июня 1801 по 29 августа 1802 г., после отставки П. А. Палена, был военным губернатором Петербурга. Командовал русскими войсками в 1805 г. под Аустерлицем. Главнокомандующий в 1812 г. во время Бородинской битвы, Смоленского сражения, при Березине и др. Умер во время похода. 116, 118, 172

Голенищева-Кутузова 2-я, Анна Михайловна, дочь М. И. Кутузова, придворная фрейлина, в замужестве Хитрово. 116, 118

Голицын, князь Августин Петрович (1824-1875). Сын князя Петра Голицына (1792-1842) и Елизаветы, урожденной Слотницкой. Женат на Луизе, дочери графа де Ла Рош-Эмона. Католик по вероисповеданию, как его отец, он публиковал на французском языке полемические статьи, направленные против русской церкви, и сочинения по русской истории XVII-XVIII вв. 206

Голицына, княгиня Евдокия Ивановна, урожденная Измайлова (1780-1850). Ее называли Belle de nuit или Princesse Nocturne («Ночная красавица» или «Ночная принцесса»). 33

Голицын, князь Сергей Михайлович (1774-1859). Действительный тайный советник первого класса. С 1837 г. — член Государственного совета. Супруг вышеупомянутой. Автор воспоминаний, опубликованных в «Русском архиве». 119, в примеч.

Головина, графиня Варвара Николаевна, урожденная княжна Голицына, (1766-1821). Автор воспоминаний. 59, в примеч., 118, 161, 174, 175, 194

Головин, Иван, родился в 1816 г. Русский публицист. Жил в эмиграции. Автор истории правления Александра I на французском языке (Париж, 1859). 209

Гомпеш, барон Фердинанд фон. Родился в Дюссельдорфе в 1744 г., умер в Монпелье в 1803 г. Гроссмейстер Мальтийского ордена. Капитулировал перед Наполеоном 13.06.1798 г. и был объявлен низложенным капитулом, собравшимся в Петербурге. 37

- Горданов**, Евсей Степанович (1777-1859). С 11.01.1800 г. адъютант Кавалергардского полка. Пользовался благосклонностью Павла. В ночь на 11 марта Пален поручил ему охрану императрицы Марии. Он преградил ей путь в комнату убитого, а когда она упала в обморок, Горданов поднял императрицу на руки и отнес в ее покои. Во время коронации Александра она узнала его, он вынужден был тотчас покинуть Москву и отправиться в гарнизон на Кавказе. Но он предпочел уйти в отставку. До конца жизни ему было запрещено проживать в обеих столицах. Он вел холостяцкую жизнь и умер в своем маленьком имении. 132
- Гоффман**, де. Издатель «Мемуаров Лейбница...» (Париж, 1840). 45, *в примеч.*
- Грауль**, Рихард (1862-1944), профессор истории искусств. Директор музея Грасси в Лейпциге. 97, *в примеч.*
- Гренвиль**, лорд Вильям Виндгам (1759-1834), английский государственный деятель. 53
- Греч**, Николай Иванович (1787-1867). Русский писатель, журналист и педагог. 163
- Гриве**, Джеймс, придворный врач. Англичанин. Подробнее см.: Русская старина. Т. V. (1872). 119, 162, 190
- Григорий I**, Великий. Римский папа с 590 по 604. Святой .97
- Гримм**, барон Мельхиор. Родился в 1723 г. в Регенсбурге. Умер в 1807 г. в Готе. Французский писатель немецкого происхождения. 37
- Грубер**, патер Габриэль, иезуит, родился в Вене в 1740 г., погиб в ночь с 25 на 26 марта 1805 г. в Петербурге во время пожара. В молодости — профессор механики и гидрографии в иезуитском колледже в Лайбахе. Прославился замечательным проектом осушения болот в своей стране. Во время роспуска иезуитского ордена Климентом XIV в 1773 г. Грубер некоторое время оставался в Австрии. Отправиться в Россию его побудило сообщение о том, что там иезуитский орден продолжает существовать под защитой Екатерины II. Он получил кафедру в иезуитском колледже в Полоцке. С конца 1798 г. он становится рупором идей ордена при российском императоре. После смерти генерального викария патера Ленкевича, последовавшей 10 ноября 1798 г., его преемник патер Кареу, избранный 1 февраля 1799 г, послал Грубера в Петербург, чтобы выразить императору Павлу почтение от имени ордена. Император принял его с благосклонностью. В январе 1800 г. Грубер снова появился в столице как представитель генерального викария. Грубер имел славу ученого и был небезызвестен Академии наук. Павел проявил большую симпатию к ордену. Своей вершины благосклонность монарха к Груберу достигла тогда, когда он издал указ, по которому орден, до сих пор признававшийся только на недавно завоеванных польских землях, теперь был легали-

зован на всей территории России. Орден иезуитов получил разрешение основать школы; один из таких колледжей был открыт в Петербурге, и его директором стал Грубер. Управление католической церковью св. Екатерины, построенной при Екатерине II, было отдано иезуитам. Митрополит Сестрэнцевич, который рассматривал ее в качестве своего кафедрального собора, был этим крайне недоволен, между ним и Грубером возник антагонизм, и Грубер вышел из этой борьбы победителем, в результате чего митрополит был выслан в свои владения. Летом 1800 г. Грубер добился, чтобы Павел написал собственноручное письмо папе Пию VII, в котором он предложил ему дать формальное согласие на существование иезуитского ордена в России. С согласия императора Грубер работал над проектом воссоединения православной и католической церкви. Когда патер Кареу 30 июля 1802г. умер, Грубер 10 октября 1802г. был избран генеральным викарием ордена иезуитов. 38, 39

Груши, граф Эммануэль Анри (1839-1911). Опубликовал в *Revue britannique* (июль 1895) часть воспоминаний графа Ланжерона, касающуюся смерти Павла. 70, в *примеч.*, 182

Грюнвальд, Константин. Русский историк, живший в Париже. 54, 201, 208

Гурго, генерал, барон Гаспар (1783-1852). Первый адъютант Наполеона I. Сопровождал его на о. Св. Елены. Автор книги: «Святая Елена, журнал 1815-1818» (Париж, 1899) и других произведений о Наполеоне. 196

Даламбер, Жан Лерон (1717-1783). Французский просветитель, один из основателей энциклопедии. 25

Де Масад, Луи-Шарль-Жан-Робер (1821-1893). Член французской Академии. Автор предисловия к воспоминаниям князя Чарторыйского (Париж, 1887). 59, в *примеч.*, 191, в *примеч.*

Дейк, Антонис ван. (1599-1641). Фламандский живописец. 99

Депрерадович, Леонтий Иванович (1766-1844). Выходец из Сербии. Генерал от кавалерии. Командир Семеновского полка с 1799 по 1807 гг. Один из заговорщиков 1801 г. 78, 113, 126, 135, 136

Демаре, Пьер-Мари (1764-1832). Шеф полиции при консульате и первой империи. 197

Дибич, барон Ганс Эренфрид фон (русифицировано Иван Иванович) (1737-1822). Прусский офицер, принимал участие в Семилетней войне. В 1766 г. пожалован в свиту Фридриха II и в рыцари ордена *pour le Merite* («За заслуги»), В 1790 г. — подполковник. В 1791 г. вышел в отставку. В 1798 г. вступил на русскую службу с повышением в чине до полковника и непосредственным подчинением его величеству и великим князьям. В 1799 г. впал в немилость и был отставлен от службы. Однако спустя четыре месяца он был повышен в звании до генерал-майора, получил Мальтийский крест, земельные владения в Курляндии и снова был передан в

- непосредственное подчинение великих князей. В 1800 г. получил должность в Первом кадетском корпусе и был послан в Германию, чтобы привести юного принца Евгения Вюртембергского, первым воспитателем которого он был назначен. В 1811 г. стал директором Первого кадетского корпуса, позднее директором оружейного завода в Сестрорецке. *101—103, 105, 106, 112, 122, 156, 157*
- Дибич**, барон. Имя неизвестно. Старший сын предыдущего. Прибыл в Россию вместе с отцом. В 1801 г. он был капитаном Сенатского полка. *156, 157*
- Дибич-Забалканский**, граф Иван Иванович (Иоган-Карл-Фридрих-Антон). Родился в Силезии в 1785 г., умер в Варшаве в 1831 г. Фельдмаршал. Сводный брат вышеупомянутого. В 1801 г. после смерти Павла I прибыл к своему отцу в Россию и поступил на русскую службу. Один из героев войны с Наполеоном. В Русско-турецкой войне 1829 г. он во главе армии пересек Балканские горы, достиг Адрианополя, за что ему был пожалован титул графа с наименованием «Забалканский». *122, в примеч.*
- Дорсет**, Джон Фредерик, третий герцог Сэквил (1745-1799). В 1783—1789 гг. — посол во Франции. В 1790 г. женился на леди Арабелле Диане Коуп. Его вдова вышла замуж за барона Чарльза Витворта, в последующем графа Витворта Эдбастона. *53*
- Дюк**, Жан ле (1629-1675). Голландский художник-анималист. *99*
- Евгений**, принц Вюртембергский (1788-1858). Сын герцога Евгения Вюртембергского, племянник императрицы Марии. С детства числился на русской военной службе. Состоял уже в чине генерал-майора, когда в возрасте 13-ти лет приехал в Россию. После смерти Павла I он вернулся в Германию, но во время войны с Наполеоном снова вернулся в Россию и оставался здесь до турецкой войны 1828 г., в которой он командовал 7-м армейским корпусом. Затем ушел в отставку и осел в своем замке в Карлсруэ в Силезии. Первым браком был женат на принцессе фон Вальдек (ум. в 1825), вторым — на принцессе Гогенлоэ-Лангенбургской. *90, 91, 101-106, 111, 112, 122, в примеч., 144, 150, 156-160, 179, 181-185, 206*
- Елизавета Алексеевна**, (13.01.1779 — 4.05.1826), российская императрица, урожденная принцесса Луиза-Мария-Августа Баден-Дурлахская. Вышла замуж 28.09.1793 г. за будущего императора России Александра I. Императрица с 12.03.1801 г. *73, 88, 89, 99, 103, 108, 111, 115, 118, 136, 138-140, 142-147, 150, 151, 153, 161, 163, 169, 170, 187, 194, 198, 199*
- Елизавета Петровна**, (18.12.1709 — 24.12.1761), российская императрица, вступила на престол 25.11.1741 г. Вторая дочь Петра Великого. *15—19, 26, 29, 58, 74, 91, 192*
- Екатерина II Алексеевна**, российская императрица, урожденная принцесса София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербская. Родилась в Штеттине

- 2.05.1729 г., умерла в Петербурге 6.11.1796 г. Вышла замуж за великого князя, наследника российского престола Петра Федоровича, впоследствии императора Петра III (1761-1762), свергнув его, вступила на престол 28.06.1762 г. *11, 15-20, 23-33, 35-38, 42, 43, 48, 52, 53, 55, 58, 61, 64, 71, в примеч., 74, 78, 82, 89-91, 96, 98, в примеч., 109, 113, 124, 134, 144, 147, 154, 162, 169, 170, 183, 191, 192, 194, 207, 209, 211, 214-217*
- Екатерина Павловна** (10.05.1788-1819), великая княгиня, герцогиня Вюртембергская, четвертая дочь императора Павла. Отличалась живым умом и веселым характером. В 1808 г. в Эрфурте Наполеон намекал императору Александру, что он желал бы жениться на его сестре. В ответ на это императрица Мария поспешила выдать свою дочь замуж за принца Георга Ольденбургского, ставшего затем губернатором Твери. Екатерина Павловна окружала себя людьми, принадлежавшими к духовной элите общества того времени. После того как ее муж умер в декабре 1812 г., она сопровождала своего брата-императора в военных походах 1813 и 1814 г. Она участвовала в Венском конгрессе и играла там определенную роль. В 1816 г. она вышла замуж за своего двоюродного брата, наследного принца Вильгельма Вюртембергского, который в том же году вступил на престол. Этот брак не был счастливым. Герцогиня умерла в Штутгарте в 1819 г. *102, 103, 115, 149, 154*
- Жеребцов, Александр Александрович.** (1780—после 1828). Генерал-майор, тайный советник. Сын О. А. Жеребцовой. С 1804 г. женат на княгине Александре Петровне Лопухиной, сестре княгини Анны Гагаариной. Один из виднейших масонов. *170*
- Жеребцова, Ольга Александровна, урожденная Зубова** (1766-1849). Замужем за камергером Александром Александровичем Жеребцовым (1764-1807). Сестра князя Платона Зубова. Любовница сэра Чарльза Витворта, позднее английского короля Георга IV. Играла одну из ведущих ролей в заговоре 1801 г. *53, 55, 58, 64, в примеч., 72, 74-76, 79, 81, 170, 171, 202*
- Запольский, Андрей Васильевич** (1768-1813). В 1801 г. — полковник Преображенского полка. Командир 3-го батальона. *126*
- Зойме, Иоганн-Готфрид** (1763-1810). Немецкий писатель и поэт. Автор сочинения «Два письма о новейших изменениях в России». *61, в примеч.*
- Злобин.** Автор заметок. *208*
- Зибель, Генрих** (1817-1895), немецкий историк. *206*
- Зубов, граф Валериан Александрович** (1771-1804). Младший брат князя Зубова. Генерал-аншеф, директор 2-го кадетского корпуса, член Государственного совета, главнокомандующий во время Персидского похода 1796 г. Покоритель города Дербента. Принимал участие в заговоре

1801 г., но при убийстве императора не присутствовал. *54, 74-77, 79, 84, 109, 125, 139, 165, 167, 170, 183, 193, 202*

Зубов, граф (с 1793) Николай Александрович (1763-1805), обер-шталмейстер, президент придворной конторы. Женат на княжне Наталье Александровне Суворовой, дочери генералиссимуса Суворова. *11, 54, 74-76, 79, 84, 109, 123, 125, 131, 137, 139, 163, 165, 170, 183, 193*

Зубов, граф (с 1793 г.), князь (с 1796 г.) Платон Александрович (1767-1822). В 1784 г. — корнет лейб-гвардии Конного полка. Когда в 1789 г. произошел разрыв Екатерины II с тогдашним ее фаворитом Дмитриевым-Мамоновым, Зубов командовал караулом в Царскосельском дворце. С помощью графа Николая Ивановича Салтыкова, имениями которого управлял отец Зубова, он сумел обратить на себя внимание императрицы. 21 июня Зубов остался один в ее покоях до 11 часов вечера, 24 июня он получил 10 000 рублей и перстень с портретом государыни, после чего через короткие промежутки времени последовательно становится полковником, адъютантом ее величества, генерал-майором. Ему жалуются высшие ордена империи и портрет императрицы для ношения на груди. После смерти Потемкина в 1791 г. положение Зубова окончательно укрепилось. Он стал шефом Кавалергардского корпуса, генерал-адъютантом, генералом от артиллерии, Екатеринославским и Таврическим генерал-губернатором, командующим Черноморским флотом. Зубов получает богатые земельные владения в Литве и Курляндии. В общей сложности 30 000 крепостных крестьян. В 1793 г. император Франц II жалует Зубову, его отцу и трем братьям титул графов Священной Римской империи, а в 1796 г. возводит Зубова в княжеское достоинство. После смерти Екатерины II он был сослан Павлом I и смог вернуться в Петербург только в конце 1800 г. Зубов принял активное участие в событиях 11 марта 1801 г. При Александре I он уже не играл никакой роли в политической жизни. Умер Зубов в своем замке в Рунсдале в Курляндии. Менее чем за год до своей смерти он женился на юной польке Фекле Валентинович, происходившей из мелкопоместных дворян. Она уже после смерти Зубова родила дочь, которая умерла в детском возрасте, кроме того, он имел много внебрачных детей. Современники считали Зубова ограниченным и подлым человеком. После смерти Потемкина благодаря беспредельной любви старой императрицы тщеславие Зубова не знало границ, а его влияние распространялось на все сферы управления государством. Екатерина II с первых дней любовной связи напрасно пыталась сделать из него серьезного государственного деятеля. Скрывая свою чувственность под видимостью материнских чувств, она пела дифирамбы своему «черноволосому любезному чаду» и сама хотела верить в то, что оказывает государству большую услугу, воспитывая такого молодого человека, как

Зубов. Но он не мог осмыслить ни малейшей политической комбинации, предавался утопиям, которые он называл «проектами», и часто выдавал чужие идеи за свои. Однако же глупость у Зубова сочеталась с большой хитростью, которая, прежде всего, проявилась в том, что он сумел убедить старуху, что она сохранила всю прелесть юности. Пока положение Зубова было непрочным, он подхалимничал и унижался. Но, став всемогущим, он проявил себя как беззастенчивый, надменный и неблагодарный человек. Его алчность была беспредельна. Его крепостные умирали от голода, за что он получил строгий выговор от Александра I. Удаленный от государственных дел после смерти Екатерины, Зубов жил на свои богатства жизнью маклера. Он любил спускаться в подвалы своих дворцов и рассматривать там накопленные сокровища. В пожилом возрасте Зубов панически боялся смерти. Он не мог даже слышать слово «смерть» и бледнел при звуке церковных колоколов. Внезапная смерть Екатерины уничтожила его величие; еще вчера высокомерный, на следующий день он стал ничтожным и презренным. 53, 54, 58, 61, 74-76, 78, 79, 84, 101, 109, 121-125, 127, 129, 130, 132, в примеч., 137, 139, 140, 147, 160, 162, 165, 169, 170, 181, 183, 190, 193, 202

Зубова, княгиня Фекла Игнатьевна, урожденная Валентинович (1802-1873). С 1821 г. супруга П. А. Зубова. Во втором браке с 1826 г. за графом Андреем Петровичем Шуваловым (1801-1873), который впоследствии был обер-гофмаршалом. А. С. Пушкин в своем дневнике охарактеризовал ее следующим образом: «кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная» (запись от 14.4.1834). 170

Иван (Иоанн) VI (точнее Иван III) Антонович. Родился в Петербурге 2.8.1740 г., император с 17.10.1740 г., свергнут с престола 25.11.1740 г., сослан в Холмогоры до 1756 г., затем заключен в Шлиссельбургскую крепость, где он 4.7.1764 г. был убит во время попытки его освобождения, организованной одним честолюбивым офицером. 74

Иван, священник. В 1801 г. — полковой священник Кавалергардского полка. 141

Иванов, Григорий. Унтер-офицер Конногвардейского полка. Впоследствии слуга графа Орлова. 141

Ивашкин. Унтер-фендрик Семеновского полка. 113, 133

Иосиф II (1741 -1790), император Священной Римской империи с 1765 г. 20, 29, 30

Иосиф (1776-1847), эрцгерцог, палатин венгерский. В 1799 г. женился на великой княжне Александре Павловне. 143, в примеч.

Казалас, Е. Инженер-капитан Генерального штаба. Опубликовал французский оригинал военных воспоминаний генерала Бенигсена (Париж, 1907, три тома). 181

- Камерон**, Чарльз. Родился около 1740 г., умер между 1812 и 1820 г. Шотландский архитектор и гравер на меди. Любимый архитектор Екатерины II и Павла I. 29
- Каннинг**, Джордж. Родился в 1770 г. в Лондоне, умер в 1827 г. в Чизвике. Английский государственный деятель. 186
- Кант**, Иммануил (1724-1804), немецкий философ. 102
- Караваджо**, Микеланджело Америкки (1573-1610). Итальянский художник. 99, *в примеч.*
- Карамзин**, Николай Михайлович (1766-1826). Русский историк, автор «Истории государства Российского». 198
- Карамзина**, Екатерина Андреевна, урожденная княжна Вяземская. Вторая супруга (с 1804) Н. М. Карамзина. 198
- Караччи**, Лодовико (1555-1619), Агостино (1557-1602), Аннибале (1560-1609). Художники из Болоньи. 99, *в примеч.*
- Караччиоли**, маркиз Доменико (1715-1789). Неаполитанский государственный деятель и экономист. Последовательно посол в Турине, Лондоне и Париже. С 1781 г. — вице-король Сицилии. 15
- Карл I**, (1600-1649), король Англии с 1625 г. 65
- Карл I**, или Карл-Фридрих, герцог Голштин-Готторпский (1700-1739). Супруг великой княжны Анны, дочери Петра Великого. Отец императора Петра III. 15
- Карл IV**, король Испании. 40
- Каролина**-Генриэтта-Кристина (1721-1774), ландграфиня Гессенская, называемая «Великая ландграфиня», урожденная принцесса Цвайбрюккенская, дочь герцога Христиана III и Каролины, урожденной принцессы Нассау-Саарбрюкенской. Супруга ландграфа Людвига IX, мать русской великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги великого князя Павла. 27
- Кейзер**, Томас де (1596 или 1597-1667), голландский живописец. 99, *в примеч.*
- Кириллов**, Петр. Один из двух гусаров, которые стояли на карауле перед дверью Павла в ночь 11 марта. 128
- Клеопатра**, царица Египта. 98, 114
- Клинггер**, Фридрих-Максимилиан (1752-1831), немецкий поэт, автор драмы «Буря и натиск». Состоял на русской военной службе. В 1798 г. — генерал-майор, в 1811 г. — генерал-лейтенант. Состоял при императрице Марии Федоровне в качестве чтеца. Был женат на Елизавете Александровне Алексеевой, внебрачной дочери князя Григория Орлова, сестре графини Буксегвен. С 1801 г. — директор Первого кадетского корпуса, впоследствии куратор университета в Дерпте. 122, 123, *в примеч.*, 156, 160

Кловис. См.: Хлодвиг.

Ключевский, Василий Осипович (1841-1911), русский историк, с 1879 г. профессор Московского университета. 210

Клочков, Михаил Васильевич. Родился в 1877 г. Русский историк, университетский профессор. 15, 216-218

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837-1919). Русский историк, с 1902 г. директор Императорской публичной библиотеки в Петербурге. 209, 210, 215

Кобенцль, граф Людвиг (1753-1809), австрийский государственный деятель. 60

Ковалевский, Павел Иванович. Родился в 1850 г. Русский психопатолог.

Кологривов, Андрей Семенович (1774-1825). Подполковник в гатчинских войсках великого князя Павла. После восхождения Павла на престол становится генерал-майором, командиром и шефом гвардейского Гусарского полка, 1798 г. — генерал-лейтенант. Командовал гвардией в битве при Аустерлице. После 1807 г. в чине генерала от кавалерии в отставке. 127

Конде, Луи-Жозеф де Бурбон, принц де (1736-1818). Глава королевского дома, губернатор Бургундии. Главнокомандующий эмигрантской армией. 29

Консальви, Эркуль, маркиз (1757-1824). С 1800г. — кардинал и государственный секретарь Пия VII. 41

Константин Константинович, великий князь (1851-1916). Внук Николая I, президент Императорской академии наук. 100, в примеч.

Константин Павлович, великий князь цесаревич (1779-1831). Второй сын императора Павла I. Шеф конногвардейского полка. Отказался от престола после смерти Александра I в пользу своего брата Николая. 33, 85, 90, 99, 100, 102, 108, 112, 114-116, 118, 131, 135-140, 144, 152, 154, 162, 183, 188, 198

Котлубицкий, Николай Осипович, (1774-1849). Офицер в гатчинских войсках великого князя Павла. После его вступления на престол — генерал-лейтенант и генерал-адъютант его величества. Часто рисковал своей должностью и благосклонностью государя, заступаясь за молодых офицеров, на которых обрушивался гнев Павла. В момент убийства Павла был комендантом Михайловского замка, воспоминания были опубликованы в «Русском архиве» (Т. IV, 1866 г. (с. 1301-1331); РА 1912. Кн. 2). 127, 195

Коуп, леди Арабелла. См.. Витворт.

Коцебу, Август-Фридрих-Фердинанд (1761-1819), немецкий писатель. Родился в Веймаре. В 1781-1790 гг. состоял на русской службе в Ревеле. В 1800 г. вернулся в Россию, но на границе был арестован и отправлен в Сибирь. Вскоре Коцебу был освобожден и стал пользоваться покровительством Павла, который назначил его директором немецкого театра

в Петербурге, поручил описание Михайловского замка и подарил поместье в Лифляндии. Коцебу описал свои приключения в книге «Достопамятный год в моей жизни». (Берлин, 1802), а также оставил после себя рукопись «История заговора, который 11 марта 1801 г. лишил императора Павла престола и жизни», которая была опубликована только в русском переводе в 1907 г. После смерти императора Коцебу вернулся в Германию. Там он подвергал резкой критике Гете. В 1809 г. Коцебу снова приехал в Россию, писал сатирические памфлеты против Наполеона. Александр I назначил его статским советником и прикомандировал его к императорской главной квартире, а после свержения Наполеона Коцебу был назначен консулом в Кенигсберге. С 1817 г. он становится русским политическим тайным агентом в Германии. Своими реакционными сочинениями он вызвал ненависть либеральных кругов, особенно университетской молодежи, и был заколот кинжалом студентом Зандом. 57, в примеч., 75, в примеч., 92-97, 98, в примеч., 100, 108, 113, в примеч., 114, 115, 117, 122, в примеч., 123, в примеч., 132, в примеч., 133, 136, в примеч., 147, 154, 162-164, 187, 189, 190, 194, 203

Коцебу, граф Павел Евстафьевич (1801-1884). Сын писателя А. Коцебу. С 1820 г. офицер русской армии, с 1838 г. — генерал-майор, с 1847 г. — генерал-лейтенант и генерал-адъютант его величества. В 1855 г. он в качестве начальника Генерального штаба Южной армии принимал участие в обороне Севастополя. В 1862 г. — генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии и главнокомандующий в Одессе. С 1863 г. он член Государственного совета, в 1874-1880 гг. — генерал-губернатор Польши. В 1874 г. ему был пожалован титул графа. 189

Кречмер, Эрнст, немецкий психиатр, родился в 1888 г., профессор Марбургского университета с 1926 г., с 1946 г. — профессор Тюбингенского университета. 17

Крузенштольп, Магнус Якоб (1795-1865), шведский писатель. 98, в примеч.

Крюденер, барон Алексей Иванович (Буркхард Алексис Константин). Умер в 1802 г. В 1801 г. — русский посол в Берлине. 202

Куник Эрнст-Эдуард (русифицировано Арист Аристович), родился в 1814 г. в Лигнице (Силезия). В России с 1839 г. Историк, член Академии наук, главный хранитель императорского Эрмитажа, почетный доктор российской истории Киевского университета. 197

Куракин, князь Александр Борисович (1752-1818). Его называли «Бриллиантовый князь». Друг детства великого князя Павла. Сопровождал графа Северного в 1781 — 1782 гг. в его путешествии за границу, после чего был сослан Екатериной в свои поместья. После вступления Павла на престол был в чрезвычайной милости у императора, был назначен вице-

- канцлером, но в 1798 г. попал в опалу и был лишен своего поста. Примирение состоялось незадолго до смерти Павла, и 2 февраля 1801 г. он снова занял свою должность. 24, 49-52, 66-69, 86, 87, 91, 172, 192, 199, 200
- Куракин**, князь Алексей Борисович (1759-1829). Брат предыдущего. Друг детства Павла. После вступления Павла на престол стал генерал-прокурором Сената и министром уделов. В 1798 г. вместе со своим братом он впал в немилость Павла. При Александре I был министром внутренних дел, с 1826 г. — канцлером российских орденов. Талантами государственного деятеля не отличался. 66-69, 86, 91, 192
- Кутайсов**, граф Иван Павлович (1759-1834). Турок, взятый в плен мальчиком при завоевании крепости Бендеры или Кутаиси и подаренный великому князю Павлу, который отправил его в Париж для овладения парикмахерским ремеслом. Он был камердинером, цирюльником и доверенным лицом великого князя. За время правления Павла он последовательно стал гардеробмейстером, бароном, графом, обер-штальмейстером, кавалером многих орденов, включая орден Св. Андрея Первозванного и Мальтийский крест. После смерти императора он был уволен со службы, остаток дней провел в Москве и за границей. 62, 63, 66-68, 74-76, 79, 81, 84-86, 89, 100, в примеч., 101, 107, 110, 114, 127, 133, 134, 202
- Кутузов**, см. Голенищев-Кутузов.
- Ла Рош-Эмон**, Антуан-Шарль-Этьен-Поль, граф, затем маркиз. Родился в Париже в 1772 г., умер там же в 1849 г. В 1815 г. пэр Франции. Военный писатель, эмигрант. В 1794-1811 гг. состоял на прусской военной службе, до 1802 г. — адъютант принца Генриха. 75, в примеч., 202, 206
- Ла Рош-Эмон**, графиня. Жена предыдущего. 202
- Ланжерон**, Андро, граф Александр Федорович. Родился в 1763 г. в Париже и умер в 1831 г. в Петербурге. Происходит из старинного французского дворянского рода, в 1790 г. эмигрировал из Франции, поступил на русскую службу, в 1799 г. получил звание генерала и принимал участие в военных походах против Наполеона. С 1822 г. — новороссийский губернатор, но через два года впал в опалу Александра I. Николай I снова призвал его на службу, и Ланжерон участвовал в 1828 г. в кампании против турок. В этом же году вышел в отставку. Умер от холеры. 70, 72, 73, 84, 98, 108, 109, 116, 131, 132, в примеч., 137, в примеч., 138, в примеч., 171, 182, 183, 206
- Ланзак де Лабори**, Леон. Родился в 1862 г. В 1896 г. опубликовал *Memoirial von J. de Norvis*. Автор различных книг о Наполеоне. 205, в примеч.
- Ланской**, Степан Сергеевич (1760-1813). Гофмаршал, член Государственного совета. 133
- Лас Каз**, Эммануэль-Огюстен-Дьёдоне-Марен-Жозеф, граф (1766-1842), французский государственный деятель и историк, камергер Наполеона,

которого он сопровождал на о. Св. Елены. Автор «Мемориала Святой Елены». 44, 47, 197

Лауренти, Юлиус. Немецкий переводчик книги Д. Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович» (Берлин, 1886). 209

Лафон, София Ивановна. Родилась во Франции в 1717 г. в семье гугенотов, умерла в Петербурге в 1797 г. Покинула Францию из-за религиозных преследований. Овдовев после несчастливого брака, оставшись без средств с двумя малолетними дочерьми, она обратила на себя внимание И. И. Бецкого, который, желая помочь Лафон в ее бедственном положении, предоставил ей место в недавно основанном Екатериной II Смольном институте. Позднее Лафон стала его директором и оставалась в этой должности 30 лет, пользуясь доверием императриц Екатерины и Марии. Ученицы института ее обожали. Статс-дама, награждена малым крестом ордена Св. Екатерины. София Ивановна — мать баронессы фон Гейкинг. 192

Ле Норман, парижский издатель (1806). 205, в примеч.

Лев, берлинский банкир XVIII в. 202

Леберехт, Карл (1749 или 1755-1827). Родился в Мейсене, умер в Петербурге. Медальер и резчик по камню. Был назначен Павлом директором Монетного двора и профессором Академии художеств. 99

Левенсон, Лео. 180, 208

Легрен, французский врач-невропатолог, сотрудник доктора Маньяна. 216

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ. 45, в примеч.

Лейхтенбергский, герцог Георгий Николаевич. Родился в Риме в 1872 г., умер в замке Зееон в 1929 г. 188

Леопольд II (1747-1792), император Священной Римской империи с 1790 г., с 1765 г. — великий герцог Тосканский. 29

Ливен, графиня Дарья (Доротея) Христофоровна, урожденная Бенкендорф, с 1826 г. — княгиня. Родилась в Риге в 1785 г., умерла в Париже в 1857 г. Супруга Х. А. Ливена. (См.: Эрнст Додэ. Жизнь жены посла. Париж, 1933.) Ее портрет (рисунок) сэра Томаса Лоуренса находится в Национальной галерее в Лондоне (кат. № 893). 65, в примеч., 70, 71, в примеч., 78, 85, 110, 119, в примеч., 140, 142, 151-153, 154, 155, 185-187

Ливен, Карл Андреевич (1767-1844), с 1799 г. — граф, с 1826 г. — князь. В 1797 г. — генерал-майор. В 1799 г. — генерал-лейтенант и шеф Преображенского полка. С 1801 г. — в отставке. В 1817-1828 гг. — куратор учебного округа Дерпта. С 1827 г. — генерал от инфантерии. В 1828-1833 гг. — министр народного образования. 113, в примеч.

Ливен, Христофор Андреевич, родился в 1774 г., умер в Риме в 1838 г., граф с 1799 г., князь с 1826 г. Второй сын Ш. К. Ливен. В 1797 г. — флигель-адъютант императора Павла, в 1798 г. — генерал-адъютант и начальник

военно-походной канцелярии его величества (что соответствовало должности военного министра). В 1805 г. участвовал в битве при Аустерлице, в 1809 г. — посол в Берлине, в 1812-1834 гг. — посол в Лондоне. В 1800 г. женился на Дарье Христофоровне, урожденной Бенкендорф. *65, 70, 77, 113, в примеч., 119, 147, 149, 151-153, 186*

Ливен, Шарлотта-Екатерина Карловна, урожденная фон Гаугребен (1743-1828), графиня с 1799 г., княгиня с 1826 г. Вдова генерал-лейтенанта Андрея Романовича (Отто Генриха) Ливена. Была назначена Екатериной II воспитательницей детей великого князя Павла. Очень скоро завоевала любовь и доверие всей императорской семьи. С 1794 г. — статс-дама, в 1796 г. была награждена орденом Св. Екатерины 1-го класса, Александр I пожаловал ей свой портрет. Николай I в 1826 г. возвел ее со всем нисходящим потомством в княжеское достоинство. Интимная подруга императрицы Марии, она до своей смерти жила во дворце. Дети Павла называли ее бабушкой. Когда она умерла, при дворе был объявлен трехдневный траур. *62, 66, 103, 112, 117, 118, 142-144, 147, 149, 153, 186, 190*

Линденер, Федор Иванович. Поляк по происхождению, он свою фамилию Липинский переделал на германский лад. Великий князь встретил его во время своего путешествия в Берлин, где Линденер находился на прусской службе в качестве капитана кавалерии, пригласил его в Россию и включил его в свои гатчинские войска. Екатерина удалила его, назначив городничим в маленький городок Глухов Калужской губернии. После восхождения на престол Павел вызвал его к себе и назначил инспектором кавалерии, присвоив ему звание генерал-майора. Отличался жестокостью, имел на своей совести сотни человеческих жизней. В конце правления Павла попал в опалу и был сослан в Калугу. После смерти Павла вернулся в Пруссию. *86, 110*

Линь, князь Карл Иосиф, родился в Брюсселе в 1735г., умер в Вене в 1814 г. Австрийский и российский фельдмаршал, дипломат и писатель. *49, 52*

Литта-Висконти-Арезе, граф Джулио-Ренато. Родился в Милане в 1763 г., умер в Петербурге в 1839 г. Бальи Мальтийского ордена. В 1789-1792 гг. — на службе в русском флоте, получил чин контр-адмирала. В 1795 г. вернулся в Россию как представитель ордена. Он был главным инициатором избрания Павла I гроссмейстером ордена в 1798 г. В том же году он женился на графине Екатерине Васильевне Скавронской, урожденной Энгельгардт, племяннице покойного князя Потемкина, стал русским подданным и шефом Кавалергардского корпуса. Весной 1799 г. он внезапно попал в опалу и удалился в свои русские владения. Но вскоре он снова появился в Петербурге. В 1810 г. он стал главным обер-шенком и обергофмейстером, в 1811 г. — членом Государственного совета, в 1826 г. —

обер-камергером. О нем см.: Greppi, C-te Gius. Un gentiluomo Milanese, Milano, 1896. 38, 39

Литта-Висконти-Арезе, кардинал Лоренцо. Родился в Милане в 1756 г., умер в Риме в 1820 г. Старший брат предыдущего. Пий VI назначил его апостольским протонатором, затем викарием Латеранской базилики В 1793 г. — архиепископ в Фивах in partibus и нунций в Варшаве. В 1797 г. был послан в Россию в качестве чрезвычайного посланника папского престола (т.е. нунция без титула). Принятый с большими почестями, он в 1799 г. впал в немилость и был выслан из страны. Прибыл в Венецию на конклав, избравший Пия VII. Вернувшись в Рим, Пий VII назначил Литта префектом папской сокровищницы. С 1801 г. — кардинал. В 1809 г. был депортирован вместе с папой во Францию. В 1814г. вернулся в Рим и был назначен префектом пропаганды, а затем епископом Сабинии. О его миссии в России см.: Le R.P. Rouet de Journal, Nonciatures de Russie. Bd. II. Citta del Vaticano, 1943. 38, 39

Лобанов-Ростовский, князь Алексей Борисович (1824-1896), русский государственный деятель и дипломат, с 1895 г. — министр иностранных дел. О нем см.: Русская старина, т. 88 (1896, 4), с. 687-692. 57, в примеч., 59, в примеч., 75, в примеч., 79, в примеч., 136, в примеч., 173,174, 189,190,194,199, 203, 208

Лоо, Шарль-Андре ван, названный Карл Ванлоо (1705-1765). Французский художник голландского происхождения. Родился в Ницце, умер в Париже. С 1735 г. — член Академии художеств, с 1763 г. — директор Академии, с 1765 г. — первый художник короля. 97

Лопухин, князь Петр Васильевич (1744-1827). Супруг Е. Н. Лопухиной, отец княгини Анны Гагариной. В 1796 г. — сенатор и тайный советник. В 1798 г. — генерал-прокурор Сената, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Анны, Большого креста Мальтийского ордена с бриллиантами. В 1799 г. он возведен в княжеское достоинство с пожалованием земельных владений. В том же году попросил отставки от всех должностей. После замужества дочери вернулся в Москву, где оставался до восхождения на престол Александра I. 68, 69, 79, 102

Лопухина, княгиня Екатерина Николаевна, урожденная Шетнева (1763-1839). Вторая супруга П. В. Лопухина. С 1798 г. — статс-дама. Награждена орденом Св. Екатерины. 68, 79

Любомирский, князь Йозеф. Умер в 1817 г. Был женат на Людвиге Сосновской, дочери гетмана Литвы Иозефа Сосновского. Великий князь Константин был влюблен в его дочь Елену, родившуюся в 1784 г., которая позднее вышла замуж за графа Станислава Мнишека. 137

Людвиг IX (1719-1790), ландграф Гессен-Дармштадтский с 1768 г. Отец великой княгини Натальи Алексеевны, а также прусской королевы Фридерики и маркграфини Амалии Баден-Дурлахской. 26-28

- Людовик XIV** (1638-1715), король Франции с 1643 г. *45, в примеч., 205*
- Людовик XVI** (1754-1793), король Франции с 1774 г. *65*
- Мазад, Шарль**. Издатель воспоминаний князя Чарторыйского. *59, в примеч., 191, в примеч.*
- Майков, Петр Михайлович**. Опубликовал в 1896-1897 гг. военные воспоминания генерала Бенигсена. *180*
- Малютин, Петр Федорович**. Генерал-лейтенант. В 1801 г. — командир Измайловского полка. *127*
- Мансуров, Владимир Александрович** (1766-1806). Полковник Измайловского полка с 3 марта 1801 г. За годы правления Павла ни разу не впадал в немилость. Один из заговорщиков, которые непосредственно принимали участие в убийстве Павла. Несмотря на это, был в милости Александра I. Вероятно потому, что Александр оставался в неведении о его роли в убийстве Павла. *132*
- Маньян, Валентэн-Жак-Жозеф** (1835-1916), доктор медицины. Французский психопатолог. С 1893 г. член Медицинской академии. *216*
- Марадан, Клод-Франсуа**. Парижский издатель, работал с 1787 г. *205*
- Марин, Сергей Никифорович** (1776-1813). Один из заговорщиков 1801 г. *80, 81, 113, 134*
- Мария-Антуанетта** Габсбург-Лотарингская (1755-1793), королева Франции, вышла замуж за дофина в 1770 г., королева с 1774 г. Сестра королевы Марии-Каролины неаполитанской. *29*
- Мария-Каролина** Габсбург-Лотарингская (1752-1814), неаполитанская королева. С 1768 г. супруга Фердинанда VI. *29*
- Мария Павловна** (1786-1859), великая княгиня, великая герцогиня Саксен-Веймар-Айзенахская. Третья дочь императора Павла, в 1804 г. вышла замуж за наследного принца Саксен-Веймарского, великая герцогиня с 1828 г. *102, 115, 118, 149, 154*
- Мария Федоровна** (1759-1828), российская императрица, урожденная принцесса София-Доротея Вюртембергская, вторая супруга Павла I. Замуж вышла в 1776 г., императрица с 1796 г. *28-33, 49, 54, 63, 66-69, 71, 72, 84-91, 94, 99-104, 108-112, 114, 115, 117, 118, 120, 128, 130, 132, 135, 136, 138, 140, 142-151, 154-156, 158-160, 162, 163, 165-168, 172-176, 182, 185-187, 191, 192, 194, 197-200, 210, 211*
- Марнитц, Л.**, немецкий переводчик воспоминаний де Санглена. *194*
- Маргос, Иван Петрович** (1754-1835), русский скульптор, ученик Торвальдсена, А. Р. Менгса, Вьена и П. Баттони. С 1782 г. — член Академии художеств в Петербурге, с 1814 г. — ее ректор. *176*
- Мартынов, Андрей Ефимович** (1768-1826), русский пейзажист. С 1795 г. — член Академии художеств. *98*
- Медем, граф**. Внук графа Палена. *194*

- Мейлен**, Адам Франс ван дер (1632-1690), фламандский художник, работавший во Франции. 98
- Мекель**, Филипп-Фридрих-Теодор. Родился в Берлине в 1756 г., умер в Галле в 1803 г. Профессор анатомии, хирургии, родовспоможения (с 1777 г.). Дважды приглашался к русскому двору при родах. 67
- Менте**, Мета. Внучка генерала Л. Л. Бенигсена. 179
- Менте**, София, урожденная Бенигсен. Дочь генерала Л. Л. Бенигсена. 179
- Меттерних**, граф Клеменс-Лотар-Венцель, князь с 1813 г. Родился в Кобленце в 1773 г., умер в Вене в 1859 г. Австрийский государственный деятель. 186
- Михайловский-Данилевский**, Александр Иванович (1789-1848), генерал-лейтенант, военный писатель. Сенатор с 1835 г. 179,180
- Михаил Павлович**, великий князь (1798-1848). Четвертый сын императора Павла I. 67, 89,92,143
- Мишо**, Жозеф-Франсуа (1767-1839), историк и журналист. Член французской Академии. 205
- Монбриссон**, граф, внук баронессы Оберкирх. 49, в примеч.
- Монтескье**, Шарль де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье (1689-1755). Французский просветитель. 35, 40, 214,217
- Моран**, Пьер. Французский писатель и историк. 201, 215, 216
- Муханов**, Сергей Ильич (1762-1842), обер-шталмейстер, действительный тайный советник. 117, 118, 149
- Наполеон I** Бонапарт (15.08.1769-5.05.1821). С 1799 г. — первый консул, с 1804 по 1815 г. — император Франции. 21, 37, 43-48, 56, 116, 122, в примеч., 152, 160, 171, 175, 180, 185, 196, 197, 204, 205
- Наполеон**, принц Луи. Родился в 1914 г. 44, в примеч.
- Нарышкин**, Александр Львович. Родился в 1760 г., умер в Париже в 1826 г. С 1798 г. — обер-гофмаршал, с 1801 г. — обер-камергер, с 1799 по 1819 г. — директор императорских театров, с 1818 г. — канцлер всех русских орденов. Друг императора Павла, был известен в Европе как блестящий, остроумный и веселый человек. Знаток искусства, музыки и литературы. В молодости пользовался благосклонностью Екатерины II, но потерял ее из-за дружбы с наследником престола. 36, 117, 118, 122, 190
- Нарышкин**, Лев Александрович (1733-1799). Отец вышеупомянутого. Последовательно: камергер, шталмейстер, обер-шталмейстер. Приставленный к великой княгине Екатерине (будущей Екатерине II), пользовался дружбой и ее, и ее супруга. Был известен своим остроумным, веселым нравом и гостеприимством. Сыграл роль в любовной связи Екатерины с будущим королем Польши Станиславом Понятовским. 15
- Наталья Алексеевна** (1755-1776), великая княгиня, урожденная принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская. 26-28

- Нелидова**, Екатерина Ивановна (1758-1839), фрейлина великой княгини, затем императрицы Марии. 31, 32, 34, 63, 66-69, 84, 86-89, 165, 167, 175, 176, 186, 191, 192, 199, 200, 211
- Нессельроде**, граф Карл Роберт (Карл Васильевич). Родился в Лиссабоне в 1780 г., умер в Петербурге в 1862 г. Канцлер (министр иностранных дел). Сын графа Максимилиана Нессельроде (родился в графстве Берг; на русской службе в качестве полномочного министра в Португалии). 186
- Николай I** (1796-1855), российский император. Наследовал своему брату Александру I в 1825 г., после того как великий князь Константин отказался от престола. 59, в примеч., 81, 94, 98, в примеч., 138, 174, 178, 179, 185, 186, 191, 197, 198
- Николай II**, император России (1868-1918). Вступил на престол в 1894 г. после своего отца Александра III. Отрекся от престола в 1917 г., убит в Екатеринбурге. 156, 169, в примеч.
- Николай Михайлович** (1859-1919), великий князь. Автор многих сочинений по русской истории. Убит в Петропавловской крепости в Петербурге. 88, в примеч., 197, 199
- Норвен**, Жак Марк де Монтебретон (1769-1854). С 1810 по 1814 г. — генеральный директор полиции в тогдашних Папских областях. 205
- Норд**, Георгий Егорович (или Августович) (1806-1844). Внебрачный сын Ольги Жеребцовой, которого она выдавала за сына короля Георга IV английского. В 1827 г. — капитан лейб-гвардии Гусарского полка, в 1841 г. — полковник. Был женат на княжне Наталье Николаевне Щербатовой. 171
- Оберкирх**, баронесса Генриетта-Луиза, урожденная Вальднер (1754-1803). Дочь барона, затем графа фон Вальднера Фройденштайна, полковника Бульонского полка и баронессы Беркхайм де Рибовилле. Принадлежала к одной из древнейших фамилий в Верхнем Эльзасе. Подруга детства императрицы Марии. Очень образованная женщина, состояла в переписке с Гете и Виландом. В 1789 г. написала воспоминания на французском языке, но они были опубликованы только в 1853 г. в Париже ее внучкой. 49
- Обольянинов**, Петр Хрисанфович (1753-1841). Некоторое время служил в гатчинских войсках и завоевал доверие великого князя Павла. После его вступления на престол — генерал-майор. 2 февраля 1800 г. — генерал-лейтенант и генерал-прокурор Сената. Этот пост он занимал до смерти императора. Человек почти неграмотный, но пунктуальный и безусловно преданный Павлу. Грубый, но добродушный и честный. После смерти Павла осел в Москве и в 1819 г. был выбран предводителем дворянства в Московской губернии. 79, 116
- Обрезков**, Петр Алексеевич (1752-1814). Сын русского министра — резидента в Константинополе — от его второго брака с турчанкой. Доверен-

ный человек Безбородко, снискал благосклонность Павла. Но в последние годы Безбородко был им очень недоволен и информировал императора о махинациях «маленького плута». Но вместо того чтобы наказать его, Павел назначил его сенатором и дал ему награды. 67

О'Меара, Барри Эдвард (1786-1836), английский хирург, ирландец по происхождению. Врач Наполеона на острове Св. Елены, автор воспоминаний «Наполеон на Св. Елене». 45-47, 171, в *примеч.*, 196

Опочинин, Федор Петрович (1779-1852), Обер-гофмейстер с 1838 г., член Государственного совета с 1846 г. 197

Орест, сын Агамемнона, царя Микен. 153

Оржелетт, месье д'. Учитель французского языка принца Евгения Вюртембергского во время его пребывания в университете в Эрлангене. 101, в *примеч.*, 184

Орлов-Чесменский, граф (с 1762 г.) Алексей Григорьевич (1736-1807). Брат Г. Г. Орлова. Принимал активное участие в перевороте 28 июня 1762 г. и в убийстве Петра III. В 1770 г. командовал русским флотом в Средиземном море и уничтожил турецкий флот в ночь с 25 на 26 июня при Чесме. 58

Орлов, граф (с 1762 г.), князь (с 1772 г.) Григорий Григорьевич (1734-1783). Брат вышеупомянутого. Фаворит Екатерины II и инициатор государственного переворота 28 июня 1762 г. В 1771 г. женился на своей кузине Екатерине Николаевне Зиновьевой и после ее смерти в 1782 г. впал в помрачение рассудка. 31

Орлов, Василий Петрович (1744-1801). Атаман донских казаков, генерал от кавалерии. 47

Пален, барон, с 22 февраля 1799 г. — граф Петр Алексеевич фон дер (1745-1826). Из эстляндских дворян, сын барона Арндта-Дитриха фон дер Палена и баронессы Елизаветы, урожденной фон Дерфельден. Глава заговора 1801 г. 33, 34, 54, 57, 59, 61-64, 66, 70-79, 81-86, 89-91, 100, 102, 106-110, 112, 114, 121, 123-127, 129, 130, 132-140, 142, 145-148, 150, 152, 156, 162, 164-170, 172, 182, 183, 187, 190, 192-195

Пален, баронесса, затем графиня Юлиана Ивановна фон дер, урожденная Шеппингк (1751 или 1753-1814), супруга вышеупомянутого. Статс-дама, гофмейстерина великой княгини Елизаветы Алексеевны. 117, 118, 168

Пален, баронесса, потом графиня, в 1801 г. — фрейлина. Одна из двух дочерей графа П. А. Палена. Старшая, Наталья, впоследствии вышла замуж за графа фон Дунтэнн, младшая — Юлия за графа Тизенгаузена. 118

Пален, граф. Один из трех сыновей графа П. А. Палена: Павел (1775-1834), Петр (1778-1864) и Федор (1780-1863). Все трое в 1801 г. были молодыми офицерами. Впоследствии были: Павел — генерал-лейтенант; Петр — генерал-лейтенант и один из героев походов против Наполеона;

1835-1845 гг. — посол в Париже; Федор — полномочный министр в Вашингтоне, Рио-де-Жанейро и Мюнхене, новороссийский генерал-губернатор, член Государственного совета. Играл активную роль в отмене крепостного права. 71

Панин, граф (с 1767) Никита Иванович (1718 — 31.03.1783). Сын сенатора Ивана Васильевича Панина и Аграфены Васильевны, урожденной Еврлаковой. В 1747 г. — полномочный министр в Дании, в 1747-1760 гг. — в Швеции, 1760-1773 гг. — гофмейстер и воспитатель великого князя Павла. С 1763 г. — член Коллегии иностранных дел и *de facto* министр. Один из образованнейших людей своего времени. 19, 22-26, 55, 66

Панин, граф Никита Петрович (1771 -1837). Сын графа Петра Ивановича Панина и племянник Никиты Ивановича. В 1793 г. — камергер, в 1795 г. — губернатор в Гродно, в 1796 г. — член Коллегии иностранных дел, в 1797—1799 гг. — полномочный министр в Берлине, в 1799 — 15.11.1800 гг. — вице-канцлер, с 15.11.1800 г. — сенатор, 17.11.1800 г. уволен со службы и сослан. При Александре I — член Коллегии иностранных дел и *de facto* министр. 3.10.1801 г. отправлен в трехгодичный отпуск за границу, а после своего возвращения был уволен и сослан до конца жизни в свои поместья. 54-60, 63-66, 70, 72, 73, 76, 81, 89, 135, 166, 172-174, 193, 195, 199, 200, 208

Панин, граф (с 1767 г.) Петр Иванович (1721-1789). Отец Н. П. Панина. С молодых лет принимал участие во многих военных походах, среди них в Семилетней войне. В 1755 г. — генерал-майор, в этом же году стал генерал-лейтенантом. В 1762 г. — генерал-аншеф. Командующий армией (1768-1770 гг.) в первой Русско-турецкой войне в царствование Екатерины II. 24, 55

Панина, графиня Софья Владимировна, урожденная графиня Орлова (1774-1844). Дочь графа Владимира Григорьевича Орлова. В 1790 г. вышла замуж за графа Никиту Петровича Панина. Известна своей благотворительной деятельностью. 57

Панин, граф Виктор Никитич (1801-1874). Сын Н. П. и С. В. Паниных. Министр юстиции, член Государственного совета. 173

Паскаль, Блез (1623-1662). Французский математик и философ. 25

Павел I (20.09.1754 — 11.03.1801), российский император с 6.11.1796 г. *passim*

Пейкер. В 1801 г. капитан Семеновского полка. 113, 133, 134, 139

Перекрестов, гренадер. Стоял в карауле в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. 145

Петр I, Великий. Российский император. Родился 30.05.1672 г. в Москве. Царь с 1682 г., император с 1721 г. Умер в 1725 г. в Петербурге. 15, 16, 21, 36, 51, 52, 94, 96, 98, в примеч., 101, 106, 117, 199, 201, 215, 217

- Петр III.** Российский император, герцог Петр-Карл-Ульрих Шлезвиг-Голштин-Готторпский. Родился в Киле 10/21.02.1728 г., правящий герцог с 1739 г. при регентстве своего дяди, наследник российского престола с 1742 г., император с 24.12.1761 г. Свергнут с престола 28.06.1762 г. Убит в ропшинском дворце 6.07.1762 г. Сын герцога Карла-Фридриха (Карла I) и герцогини Анны Петровны, российской великой княгини, дочери Петра Великого. *15-17, 19, 21, 25, 26, 31, 74, 107-109, 136, 158, 175, 211, 213*
- Пино-Дюваль,** Александр-Винсент (1762-1842). Член французской Академии, драматург и актер. *205*
- Пий VI,** Джованни Анджело Браши. Родился в 1717 г., папа с 1775 г., умер в Valence (Drome) в 1799 г. *29, 37-40*
- Пий VII,** Грегорио Барнаба, Кьярамонти (1742-1823), папа с 1800 г. *39-41*
- Питт,** Вильям (1759-1806), английский государственный деятель. *53*
- Полетика,** Петр Иванович (1778-1849). *118, в примеч.*
- Полторацкий,** Константин Маркович (1782-1859). В 1801 г. — лейтенант Измайловского полка. Принимал участие в военных походах против Наполеона. В 1813 г. — генерал-майор. В 1830 г. перешел на гражданскую службу, назначен губернатором Ярославля и пожалован чином тайного советника. Находился на этом посту до 1842 г. С 1835 г. — генерал-лейтенант. Принимал участие в событиях 11 марта 1801 г. и оставил после себя воспоминания. *81, 111, 113, 132-134, 144, 193, 211*
- Попхэм,** сэр Хоум Риге, капитан, впоследствии контр-адмирал. *54*
- Порошин,** Семен Андреевич (1741 -1769). Адъютант императора Петра III. В 1762-1766 гг. — учитель математики великого князя Павла Петровича. Став жертвой интриг, он должен был в 1766 г. оставить двор. Командовал полком в войне против Турции. Во время войны заболел и умер в Бессарабии. Автор упоминаемого в книге дневника. *18, 20-25, 33, 34, 62, 210, 214*
- Поссе,** Герман, директор Дрезденской картинной галереи. *98, в примеч.*
- Потемкин-Таврический,** князь Григорий Александрович (1739-1791). Фаворит, затем морганатический супруг Екатерины II. Его биографию см. в превосходной книге Соловейчика: «Potemkin, A picture of Catherine's Russia» («Потемкин, картина екатерининской России»). Лондон, 1939. *15, 58*
- Потоцкая,** графиня Анна, урожденная графиня Тышкевич, во втором браке графиня Вонсович. Родилась в 1776 или 1777 г. Умерла в Париже в 1867 г. Автор упоминаемых в книге воспоминаний. *171, в примеч., 179*
- Протасова 2-я,** Екатерина Петровна (1775-1859), фрейлина. Воспитывалась своей тетей, знаменитой подругой Екатерины II, фрейлиной Анной Степановной Протасовой («l'essayeuse» — [испытательницей]). Вышла

замуж за графа Федора Ростопчина (см. о нем); мать французской детской писательницы Софи де Сегюр. Приняла католичество. 114, 118

Пугачев, Емельян Иванович. Родился на Дону в 1726 г., казнен в Москве в 1775 г., казак, предводитель крестьянского восстания 55

Пушкин А. С. (1799-1837). 164, *в примеч.*, 198

Радклиф, Анна Уорд (1764-1823), английская писательница, романистка. 60

Разумовский, граф, князь (с 1815 г.) Андрей Кириллович (1752-1836). Третий сын гетмана Малороссии Кирилла Разумовского. Друг детства великого князя Павла. В 1777 г. — полномочный министр в Неаполе, в 1784 г. — в Копенгагене, в 1786 г. — в Стокгольме. В 1790 г. — посол в Вене. В 1799 г. вследствие жалоб фельдмаршала Суворова был Павлом I отозван и сослан в поместье своего отца в Малороссию. Снова назначенный в Вену Александром I в 1801 г., он добился вступления Австрии в коалицию против Наполеона. После Тильзитского мира подал в отставку и остался жить в Вене как частное лицо. Он собрал там ставшую знаменитой коллекцию живописи, в его доме устраивались концерты, и сам он в оркестре играл партию 2-й скрипки. В его доме бывали Моцарт, Гайдн, Бетховен, последний посвятил ему три квартета. Во время похода 1813 г. он принадлежал к свите Александра I и был назначен им полномочным представителем во время мирных переговоров. Его участие в Венском конгрессе принесло ему ранг действительного тайного советника 1-го класса и княжеский титул. Остаток своей жизни он провел в Вене, удалился от дел и окружил себя большой роскошью. За его высокомерие венцы называли его «эрцгерцог Андрей». Первым браком он был женат на графине Элизабет фон Тун-Гогенштейн (1769-1806), вторым, с 1816 г., на графине Константине-Доменике фон Тюргейм. Под ее влиянием он принял католичество. 27, 29, 57

Растрелли старший, граф Бартоломео Карло. Родился во Флоренции около 1675 г., умер в Петербурге в 1744 г. Скульптор, работал в Париже и Петербурге. 94

Растрелли младший, граф Бартоломео Франческо. Родился в Париже около 1700 г., умер в Митаве в 1771 г. В России с 1715 г. Сын вышеупомянутого. Архитектор. Его главные сооружения: Зимний дворец и Смольный монастырь в Петербурге, Большой дворец в Царском Селе. 91

Рафаэль, см. Санти.

Рембранд ван Рейн (1660-1669), голландский художник. 99, *в примеч.*

Рени, Гвидо (1575-1642), художник из Болоньи. 98, 99, *в примеч.*

Ренне, Аврора-Мария (русифицировано Мария Андреевна), урожденная Лилиенфельд (1752-1810). Вторая супруга генерал-лейтенанта Карла-Августа (русифицировано Карл Иванович) Ренне. Статс-дама, гофмей-

стерина двора великой княгини Анны Федоровны, с 1797 г. кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. 118

Рибас, Анастасия Ивановна, де, урожденная Соколова (1741-1822). Незаконнорожденная дочь Ивана Ивановича Бецкого, любимая камеристка Екатерины II. В 1775 г. вышла замуж за будущего адмирала де Рибаса. 58

Рибас, Джузеппе (русифицировано Осип Михайлович), де. Родился в Неаполе в 1749 г., умер в Петербурге в 1800 г. Русский адмирал испанского или итальянского происхождения. 54, 55, 57-61, 64, 65, 70, 72

Рибас и Байон, дон Мигель. По некоторым сведениям, испанский дворянин на неаполитанской службе, по другим, что более вероятно — итальянский портовый рабочий в Неаполе по имени Мигель Руобано. Отец адмирала Рибаса. 58

Ридигер, граф (с 1847 г.) Федор Васильевич (1784-1856). Из курляндского дворянского рода. В 1800 г. — поручик в Сумском гусарском полку, в 1812 г. — генерал-майор, в 1826 г. — генерал-лейтенант, в 1831 г. — генерал от кавалерии и генерал-адъютант, в 1850 г. — член Государственного совета, в 1853 г. — Главнокомандующий войсками, расположенными в царстве Польском. Умер в Санкт-Петербурге. 144

Ринальди, Антонио (около 1710-1794). Итальянский архитектор, работавший в России. 31

Ричард III (1452-1485), король Англии с 1483 г. 105, 159

Ричард, герцог Йоркский, сын короля Эдуарда IV, брат Эдуарда V, убитый вместе с ним в 1483 г. 105, 159

Роджерсон, Джон-Самуэль (русифицировано Иван Самойлович) (1741-1823). Придворный врач Екатерины II, Павла I и Александра I. Шотландец, учился в Эдинбурге, в 1766 г. приехал в Россию, уехал в 1816 г., умер в Шотландии. 149

Розенкранц, барон Нильс (1757-1824). В 1787-1789 гг. — датский министр-резидент в Варшаве, в 1789 г. прикомандировывается к дипломатической миссии в Петербурге, в 1790 г. назначается чрезвычайным послом и полномочным министром при русском дворе. В 1795 г. — он министр в Берлине, в 1798 г. принимает участие в конгрессе в Раштатте. В 1800 г. во второй раз получает назначение в Петербург, 16 декабря того же года подписывает договор о вооруженном нейтралитете. Четыре дня спустя датская миссия получает приказ Павла покинуть Россию. Шифр датского посольства был похищен, и до сведения российского правительства дошли неблагоприятные высказывания об императоре. Розенкранц во второй раз получает назначение в Берлин, а в марте 1802 г. в третий раз в Петербург, где оставался до 1804 г., а затем снова работал в Берлине. С 1810 г. до смерти был министром иностранных дел. Женат

на княгине Варваре Александровне Вяземской (1774-1849), дочери генерал-прокурора Сената при Екатерине II. 60

Розенцвейг, Карл-Фридрих, саксонский министр-резидент в Петербурге.

Автор упоминаемых в книге воспоминаний. 59, 195, 200

Рой, А. Французский переводчик книги О'Меара «Наполеон на Св. Елене».

45, в *примеч.*, 196

Росс. Имя и даты жизни неизвестны. Атташе при британском посольстве в Петербурге в начале царствования императора Александра I. 119

Росси, Карло (1775-1849), итальянский архитектор, работавший в России. 94

Ростопчин, граф (с 22.02.1799 г.) Федор Васильевич (1763-1826). Из небогатого дворянского рода. В офицерском звании принимает участие в походе против турок в 1788 г., а в 1791 г. принимает участие в мирных переговорах, возглавляемых Безбородко. В 1792 г. получает звание камер-юнкера. Став дежурным офицером при дворе наследника престола Павла, завоевывает его доверие. После вступления на престол Павел присваивает ему звание генерал-майора, затем генерал-адъютанта, а в 1798 г. — генерал-лейтенанта. После недолгой опалы он в 1798 г. — генерал свиты, член Иностранной коллегии, действительный тайный советник. В 1799 г. возводится в графское достоинство и ему предложено место вице-канцлера, в том же году он становится генеральным директором почт и первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел. 18 февраля 1801 г. вновь попадает в опалу, лишается всех своих постов, возвращается в Москву и до 1810 г. находится в отставке. Затем он получает должность обер-камергера. С 29 мая 1812 г. он генерал от инфантерии и главнокомандующий в Москве. В 1814 г. освобождается от этой должности и назначается членом Государственного совета. В 1823 г. был уволен с сохранением титула обер-камергера. В последние годы жизни много жил во Франции, но умер в Москве. Ростопчин представлял собой тип придворного интригана, но отличался остроумием и изворотливостью. В 1812 г., будучи главнокомандующим в Москве, он рисовал сатирические плакаты, высмеивающие врага. Он позволил черни линчевать купеческого сына Верещагина, чтобы обеспечить свое собственное бегство. Эта сцена описана Львом Толстым в романе «Война и мир». 56-58, 66, 67, 82, 86, 88, 111

Ростопчина, графиня Екатерина Петровна. См. Протасова.

Рубенс, Петер-Пауль (1577-1640), фламандский художник. 99, *примеч.*

Руэ де Журнель, патер; в настоящее время директор Центра славянских исследований в Католическом институте и Славянской библиотеки в Париже. Автор «Nonciatures de Russie». 39, 41, 42, в *примеч.*

- Румянцев**, граф Николай Петрович (1754-1826), русский государственный деятель и дипломат. *163*
- Руссо**, Жан-Жак (1712-1778), французский писатель швейцарского происхождения. *24*
- Рутковский**. Камердинер великого князя Константина. *115, 116, 138*
- Руффо ди Калабрия**, герцог. *39*
- Руффо**, кардинал Фабрицио (1744-1827), неаполитанский государственный деятель. *40, 41*
- Саблуков**, Александр Александрович (1749-1828). При Екатерине II и Павле I вице-президент Мануфактур-коллегии, при Павле I — сенатор, при Александре I — член Государственного совета, отец автора воспоминаний о Павле I генерала Саблукова. *188*
- Саблуков**, Николай Александрович (1776-1848). Автор упоминаемых в книге воспоминаний. *37, 76, 77, 110, 113-117, 120, 121, 128, 138-141, 144, 163, 169, 175, 187-189*
- Саблукова**, Юлиана, урожденная Ангерштейн. Дочь английского коллекционера предметов искусства Джона Юлиуса Ангерштейна, в 1803 г. вышла замуж за полковника Саблукова. *189*
- Салтыков**, граф (с 1790 г.), князь (с 1814 г.) Николай Иванович (1736-1816). В 1773-1783 гг. гофмейстер великого князя Павла, с 1783 г. — воспитатель великих князей Александра и Константина, в 1788 г. ему поручено управление Военной коллегией, с 1796 г. — президент этой коллегии и фельдмаршал, с 1812г. — председатель Государственного совета и Комитета министров. *154*
- Салтыков**, Петр Васильевич. Годы жизни неизвестны. Тайный советник. Брат первого фаворита великой княгини, будущей императрицы Екатерины. Женат на Марии Федоровне, урожденной княжне Солнцевой-Засекиной (1737-1801). *16*
- Салтыков**, Сергей Васильевич. Родился в 1725 или в 1726 г. Год и место смерти неизвестны. Брат вышеупомянутого, сын генерал-адъютанта и генерал-аншефа Василия Федоровича и Марии Андреевны, урожденной княжны Голицыной. Первый фаворит великой княгини Екатерины и, возможно, настоящий отец императора Павла. С 1749 г. женат на фрейлине Марии Павловне Балк-Полевой, летом 1752 г. стал фаворитом великой княгини. После рождения Павла императрица Елизавета отправила его к шведскому двору с уведомлением об этом событии, а затем назначила его послом в Гамбург. Он уже тяготился любовной связью с Екатериной, в то время как она еще любила его. Впрочем, она скоро также его забыла. После того как Екатерина вступила на престол, она назначила Салтыкова послом во Францию, где он обнаружил полное отсутствие дипломатических способностей. Когда в 1765 г. Панин хотел поручить ему роль

посла в Дрездене, Екатерина написала на его рапорте: «Разве он еще недостаточно наделал глупостей? Если вы можете поручиться за него, то пошлите его в Дрезден, но он никогда не будет ничем иным, чем пятым колесом в телеге». Панин не стал настаивать на его назначении, и его дипломатическая карьера кончилась. Ни в одном документе больше упоминаний о нем нет. 15, 18

Санглен, Яков Иванович, де (1776-1864). Выходец из Франции. Офицер при Павле I, шеф тайной полиции при Александре I. Автор написанных в 1860г. и частично опубликованных воспоминаний. 136, в *примеч.*, 138, 153, 193

Санги, Рафаэль (1483-1520), итальянский художник. 97, 99, в *примеч.*, 143

Свечин, Николай Сергеевич. Родился в Москве в 1758 г., умер в Париже в 1850 г. Генерал от инфантерии, с 12 августа по 21 октября 1800 г. — военный губернатор Санкт-Петербурга. Оставил после себя воспоминания, которые опубликованы лишь частично. Был женат на Софии Петровне, урожденной Соймоновой. Биографию Свечина и его супруги см.: Madame Swetschine, sa vie et ses oeuvres, publiees par le C-te de Falloux. 3-me ed., Paris, 1860 и Le R.P.M. - J. Rouet de Journel, Une russe catholique: La Vie de Madame Swetchine. Paris, 1953. 63-66

Свечина, София Петровна, урожденная Соймонова. Родилась в 1782 г., умерла в Париже в 1859 г. Супруга вышеупомянутого. Приняла католичество, играла значительную роль среди русских католиков. 64

Сегюр, граф, затем маркиз Анатолий-Анри-Филипп (1823-1902). Сын Софии Сегюр. Государственный деятель и писатель. 111

Сегюр, графиня София, урожденная Ростопчина (1799-1874). Дочь графа Федора Васильевича Ростопчина и Екатерины Петровны, урожденной Протасовой. 56, в *примеч.*

Серра Каприола, дон Антонио Мареска Доннорсо, дюка ди. Родился в 1750 г. в Неаполе, умер в 1822 г. в Петербурге. Полномочный министр Неаполитанского королевства (с 1816 - Королевства Обеих Сицилий), в Петербурге с 1782 по 1822 г. С 1788 г. женат на княжне Анне Александровне Вяземской (1770-1840), дочери генерального прокурора Сената при Екатерине II. 39—41, 57, в *примеч.*

Скарятин, Яков Федорович, умер в 1850 г. В 1801 г. — штабс-капитан Измайловского полка. Помещик Орловской губернии. Масон. Женат на княжне Наталье Григорьевне Щербатовой. Один из убийц Павла I. 81

Сорель, Альберт (1842-1906), французский историк. 208

София-Дорогея, принцесса Вюртембергская. См. Мария Федоровна, российская императрица.

- Станислав-Август Понятовский**, последний польский избранный король (1732-1798). Король с 1764 г., отрекся от престола в 1795 г. *19, 61*
- Стединг**, барон, впоследствии граф Курт. Родился в Пиннау (Померания) в 1746 г., умер в 1837 г. Шведский министр в Петербурге при Екатерине II, Павле I и Александре I с 1790 по 1808 г. и с 1809 по 1811 г. Вел переговоры по заключению договора о вооруженном нейтралитете. *36, 45, 85, 153, 195, 201, 207*
- Стединг**, граф. Шведский фельдмаршал, родственник вышеупомянутого. *45, в примеч., 195, 201*
- Стриенский**, Казимир. Опубликовал в 1897 г. воспоминания графини Потockой. *171, в примеч.*
- Строганов**, граф Александр Сергеевич (1733-1811). Один из образованнейших людей своего времени, получил образование за границей, меценат, коллекционер произведений искусства. Екатерина ценила его общество. Ему принадлежит проект создания Императорской публичной библиотеки, первым директором которой он стал. С 1800 г. — президент Академии художеств, с 1810 г. — член Государственного совета. *20, 118*
- Струве**, Генрих Антонович. Родился в Регенсбурге в 1770 г., умер в Гамбурге в 1850 г. Действительный тайный советник. С 1815 г. на русской службе в качестве консула в Гамбурге, затем полномочный министр в Ганновере и с 1843 г. в Гамбурге. Минералог. *179, 180*
- Суворин**, петербургский издатель. *178*
- Суворов-Рымникский**, граф Александр Васильевич, князь Италийский (1729-1800), знаменитый русский полководец, фельдмаршал и генералиссимус. Герой русско-турецких войн при Екатерине II, итальянского похода в 1799 г. и перехода через Сен-Готард. *43, 58, 69*
- Сюлли**, Максимильен де Бетюн, барон Рони, дюк де (1559-1641), министр Генриха IV Французского. *21, 36, 214*
- Талызин**, Петр Александрович (1767-11.05.1801). С 1799 г. — генерал-лейтенант и командир Преображенского полка. *54, 76-81, 123, 125, 127, 132, 139, 151, 171*
- Тараканова**, княжна Елизавета (1752(?)-1775). Загадочная личность, которая унесла с собой в могилу тайну своего происхождения, если она и сама ее знала. В Европе известна с 1770 г. под различными именами. Наконец стала выдавать себя за дочь императрицы Елизаветы. По поручению Екатерины II Алексей Орлов заманил ее на свой флагманский корабль, стоявший в Ливорно, и доставил в Санкт-Петербург. Там она была заключена в крепость, где умерла от чахотки. *58*
- Татаринов**, Иван Михайлович. В 1801 г. — полковник артиллерии. Один из убийц Павла I. *81, 130, 132*

Тацит, Корнелий. (54-117), римский историк. 24

Толстая, графиня Анна Ивановна, урожденная княжна Барятинская. Умерла в 1825 г. 53

Толстой, граф Николай Александрович (1765-1816). Камергер великого князя Александра, впоследствии гофмаршал, действительный тайный советник. Супруг вышеупомянутой. 53

Толычева. Автор упоминаемых в книге воспоминаний. 196

Тома де Томон, Жан. Родился в Нанси в 1756 г., умер в Петербурге в 1813 г. Архитектор. В России с 1793 г. С 1800 г. член Академии художеств. 176

Тончи, Сальватор (русифицировано Николай Иванович). Родился в Риме в 1756 г., умер в Петербурге в 1844 г. Художник-портретист. 77

Тормасов, граф (с 1816 г.) Александр Петрович (1752-1819). Принимал участие во второй турецкой войне в царствование Екатерины II и в польском походе. В 1799 г. был уволен со службы, в 1800 г. снова восстановлен. Командовал в чине генерал-лейтенанта Конногвардейским полком с 1800 по 1803 г. В 1803-1807 гг. — генерал-губернатор Киева, в 1807 г. — в Риге, в 1808 г. — главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии. Герой войны 1812 г., в 1814 г. — главнокомандующий в Москве. Член Государственного совета. 121, 140, 141

Трачевский, Александр Семенович (1838-1906), русский историк, профессор университета. 201

Требра. Имя и даты жизни неизвестны. Полковник кавалерии. Последовательно служил на саксонской, голландской и прусской службе. Вторым воспитателем принца Евгения Вюртембергского, которого он сопровождал в Россию. 101, 156-159

Трошинский, Дмитрий Прокофьевич (1754-1829). Выходец из Малороссии, низкого сословия и элементарного образования, благодаря упорству и прилежанию стал одним из самых выдающихся государственных деятелей при трех правительствах. Благодаря протекции своего земляка Безбородко он стал его правой рукой. В 1793 г. был назначен Екатериной государственным секретарем, сохранил этот пост при Павле, который наградил его именем с 1000 крепостных душ и назначил сенатором. Он принимал участие в заговоре, но не в убийстве. При Александре I главный директор почт, член Государственного совета, действительный тайный советник, а позднее министр уделов. Александр не испытывал симпатии к нему из-за его консерватизма и нежелания принимать участие в реформах, которые Александр проводил в первые годы своего правления. В 1806 г. он вернулся на Украину, но в 1814 г. был снова призван на службу и назначен министром юстиции. В 1817 г. он подал в отставку и в 1822 г. снова вернулся в свои украинские владения, где и умер. 81, 82, 125, 153, 154

- Трубецкая**, княгиня Елизавета Эсперовна, урожденная княжна Белосельская-Белозерская (1834-1907). Опубликовала корреспонденцию фрейлины Нелидовой — двоюродной бабки своего супруга по материнской линии. 87, в *примеч.*, 199, 200
- Тьеполо**, Джованни Баттиста (1696-1762), венецианский художник. 98
- Тьер**, Луи-Адольф (1797-1877), французский историк и государственный деятель, первый президент Третьей республики. 206
- Ушаков I** Николай Васильевич. В 1797 г. из унтер-офицеров произведен в корнеты Конногвардейского полка. В 1800 г. был назначен полковым адъютантом, пребывал в этой должности и 11 марта 1801 г. В том же году получил звание капитана. В 1802 г. перешел на гражданскую службу. 113, 140
- Уваров**, Федор Петрович (1773-1824). Женится на вдове Валериана Зубова, урожденной княжне Любомирской, в первом браке графине Потоцкой. Принимал участие в заговоре 1801 г. На его похоронах Александр I шел за гробом. Аракчеев громко сказал: «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?». 68, 79, 80, 120, 121, 125, 136, 137, 140, 152
- Фальконе**, Этьен-Морис (1716-1791). Французский скульптор. Автор конного памятника Петру Великому в Петербурге. 52, в *примеч.*, 96
- Фаллу**, граф Фредерик-Альфред-Пьер де (1811-1886). Опубликовал в 1860 г. книгу: «Госпожа Свечина, ее жизнь и ее произведения». 64, в *примеч.*
- Федор Кузьмич**, старец, который, согласно легенде, являлся Александром I. Александр якобы не умер в 1825 г., а отправился в Сибирь и жил там под этим именем. 153, 154
- Фердинанд IV** (1751 -1825). С 1759 г. — неаполитанский король, с 1816 г. под именем Фердинанд I — король Обеих Сицилий. Третий сын Карла III из династии испанских Бурбонов, которому он наследовал в Неаполе после вступления своего отца на испанский престол. В 1768 г. женился на Марии-Каролине Австрийской, дочери короля Франца I и Марии-Терезии. 31, 40-42
- Фетх**, Али, (1768-1834), персидский шах с 1797 г. 46
- Филатьев**, в 1801 г. — корнет Конногвардейского полка. Речь может идти об одном из двух братьев: или это Филатьев-первый, Владимир Иванович, в 1799 г. — корнет, ушедший в отставку в 1804 г. в чине полковника, или Филатьев-второй, Александр Иванович, в 1799 г. — корнет, в 1807 г. — полковник. Был ранен при Аустерлице, в 1807 г. стал кавалером Георгиевского ордена 4-й степени. В том же году вышел в отставку с полным содержанием и сохранением мундира. 141
- Фок**, Александр Борисович (1763-1825). В 1799 г. — генерал-майор, в 1813 г. — генерал-лейтенант. С 1807 по 1810 г. служил вместе с генера-

- лом Бенигсеном, другом которого он был. Именно ему генерал Бенигсен послал известное письмо с описанием событий 11 марта 1801 г. Фок принимал участие в походах против Наполеона. *78, в примеч., 179—183, 206*
- Фонвизин** (русифицировано от немецкого фон Визен), Михаил Александрович (1788-1854). Начиная военную службу в гвардии в 1803 г., впоследствии генерал-майор. Участвовал в войне 1812 г., вступил в контакт с членами тайного общества и в 1818 г. стал членом «Союза благоденствия». После его роспуска он не вошел во вновь созданное Тайное общество и не участвовал в заговоре, который привел к мятежу 14 декабря 1825 г. Несмотря на это, он был приговорен Верховным судом к 15 годам принудительных работ в Сибири и к последующей ссылке туда же. В 1826 г. ему был уменьшен срок принудительных работ до 8 лет, в 1853 г. он получил разрешение вернуться в европейскую часть России, но с запретом проживания в столицах. Человек высокой культуры, он занимался историей, литературой, политикой. Его книга «Обозрение проявлений политической жизни в России» была опубликована после его смерти в 1859 г. в Лейпциге. Раздел этой книги, касающийся смерти Павла, был опубликован в России в сборнике «Цареубийство» в 1907 г. *196*
- Фуше**, Жозеф, герцог Отранто (1759-1820). Член конвента и партии Горы. Принадлежал к зачинщикам террора. Участвовал в свержении Робеспьера и в государственном перевороте 18 брюмера. С 1799 по 1802 г. и с 1804 по 1810 г. — министр полиции, в 1814 г. примкнул к Бурбонам. Во время 100 дней снова министр полиции, но был в тайной связи с Людовиком XVIII и Меттернихом. В 1816 г. был сослан. *175*
- Франц II**, Иосиф Карл. Родился во Флоренции в 1768 г., умер в Вене в 1835 г. Император Священной Римской империи с 1792 по 1806 г., с 1806 г. — император Австрии под именем Франца I. В 1788 г. женился на сестре российской императрицы Марии — Елизавете-Вильгельмине-Луизе, принцессе Вюртембергской (умерла в 1790 г.). Во втором браке — на Марии-Терезии, принцессе Неаполя (умерла в 1807 г.), в третьем с 1808 г. — на Марии-Людвиге-Беатрис, принцессе Моденской (умерла в 1816 г.), в четвертом — на Каролине-Августине, принцессе Баварской. *43, 60*
- Фредерик** (1763-1827). Герцог Йоркский. Второй сын короля Георга III Английского. Главнокомандующий англо-русских войск в 1799 г. в Голландии. Потерпел поражение от генерала Бруне в Алкмааре. *43, 54*
- Фридерика** (1732-1797). Герцогиня Вюртембергская. Дочь маркграфа Бранденбург-Шведтского, племянница Фридриха II Прусского, вышла замуж за Фридриха-Евгения, герцога Вюртембергского. *28, 30*
- Фридрих II** (1712-1786). Король Пруссии с 1740 г. *15, 21, 26-28, 30, 37, 86, 99*

- Фридрих-Евгений** (1732-1797). Герцог Вюртембергский, правящий герцог с 1795 г. До 1769 г. генерал на прусской службе, с 1769 по 1795 г. наместник в Мемпельгарде. В 1753 г. женился на Фридерике, дочери маркграфа Бранденбурга-Шведтского. Отец российской императрицы Марии. 28, 30
- Фридрих-Вильгельм II** (1744-1797). Король Пруссии с 1786 г. 56
- Фридрих-Вильгельм III** (1770-1840). Король Пруссии с 1797 г. 46, 56, 75, в *примеч.*, 170, 202, 203
- Хале, Франс** (1580 или 1581-1666). Голландский живописец. 99, в *примеч.*
- Хитрово** (Хитров), Алексей Захарович (1776-1854), офицер Конногвардейского полка. После достижения чина полковника перешел на гражданскую службу. Благодарность Павла он заслужил, станцевав менует в Гатчинском дворце вместе с придворной фрейлиной Валуевой, полковником Саблуковым и фрейлиной Нелидовой. Впоследствии — действительный тайный советник, государственный контролер, сенатор, обер-прокурор 5-го департамента Сената, камергер и член Государственного совета. Был участником заговора 1801 г. 77, 79
- Хлодвиг (Кловис)** (465-511), король франков. Король с 481 г. 205
- Христиан VII** (1747-1808), король Дании с 1766 г., с 1772 г. — под опекой. 55
- Цезарь, Юлий** 107
- Цшоке**, издатель журнала «Сообщения по истории нашего времени» в Аа-рау. 180
- Чарторыйский**, князь Адам. Родился в 1770 г., умер в Париже в 1861 г. 59, в *примеч.*, 71, в *примеч.*, 72-74, 118, 137, 154, 155, 169, 170, 190, 191
- Чичагов**, Павел Васильевич (1765-1849). Родился в Петербурге, мать — немка. Умер в Париже. Адмирал. Незадолго до смерти Павла I был назначен комендантом крепости Кронштадт, при Александре I некоторое время был морским министром. В 1813 г. навсегда покинул Россию. Был женат на англичанке, принял английское подданство. Оставил воспоминания. Следует учитывать, что берлинское издание 1858 г. и лейпцигское издание 1862 г. являются фальсификациями, а не его истинными воспоминаниями. 193
- Чиж В.Ф.**, русский психопатолог. 214, 215
- Чоглокова**, Мария Семеновна, урожденная графиня Гендрикова, во втором браке — Глебова (1723-1756), статс-дама, кузина императрицы Елизаветы (с материнской стороны) и ее доверенное лицо. В 1746-1756 гг. была обер-гофмейстериной великой княгини Екатерины. 15
- Шатобриан**, маркиз Франсуа Рене, де (1768-1848), французский писатель и государственный деятель. 186

Шевалье, мадам, урожденная Пейкам. Родилась в Лионе в 1774 г. Французская певица, прославившаяся в Петербурге в 1798-1801 гг. 74, 75, 85, 97, 127, 205

Шереметев, граф Николай Петрович (1751-1809). Друг детства великого князя Павла. Был назначен Екатериной сенатором. Павел сразу же после своего вступления на престол назначил его обер-гофмаршалом. В 1797 г. на короткое время попал в опалу. В 1798 г. — обер-камергер. В конце 1801 г. женился на своей крепостной Прасковье Ивановне Ковалевой (умерла в 1803 г.), актрисе его частного театра. 34, 118

Шиман, Теодор. Родился в Курляндии в 1847 г., умер в Берлине в 1921 г. Историк. Профессор Ревельского и Берлинского университетов 59, в примеч., 63, в примеч., 65, в примеч., 73, в примеч., 78, в примеч., 90, в примеч., 101, в примеч., 178-185, 194, 197, 199, 201, 208

Шильдер, Николай Карлович (1842-1902), русский историк, генерал, директор императорской публичной библиотеки в Петербурге, в 1899—1902 гг. 183, 193, 197, 210, 211, 214

Шиллер, Фридрих 23

Шумигорский, Евгений Севастьянович. Родился в 1857 г. Русский историк 62, 88, 200, 208, 211-213, 215

Эдуард IV (1442-1483), английский король с 1461 г. 159

Эдуард V (1470-1483), сын предыдущего, английский король с 1483 г. 105, 159

Эно, Шарль-Жан-Франсуа (1685-1770). Член французской Академии, писатель, историк и председатель суда. Автор «Кратких хроник и т. д.» 205

Эпинус, Франц-Ульрих-Теодор, родился в Ростке в 1724 г., умер в России в 1802 г. Профессор высшей математики и физики в Академии наук в С.-Петербурге. С 1755 по 1757 г. — профессор астрономии в Берлинской академии наук, астроном Берлинской обсерватории. В 1757 г. приглашен Петербургской академией наук, вскоре был назначен директором Кадетского корпуса. Научной деятельности он посвятил только 10 лет, после чего решал задачи, с наукой не связанные. В 1763 г. Екатерина II назначила его учителем великого князя Павла Петровича, одновременно он выполнял различные поручения императрицы, особенно в области преподавания. Он был также прикомандирован (в качестве атташе) к Коллегии иностранных дел и пожалован чином действительного статского советника. 25

Юсупов, князь Николай Борисович (1751-1831). Высокообразованный человек и вельможа XVIII века, любивший окружать себя роскошью. Когда ему исполнилось 19 лет он в течение 9 лет жил за границей. В это время он познакомился с Дидро, Бомарше, Вольтером и вернулся в Россию под-

линым знатоком искусства. Екатерина назначила его своим представителем в Турине, затем в Венеции, Неаполе, Риме. Он осуществил для нее значительные закупки картин и произведений искусства. При Павле он был президентом Мануфактур-коллегии, а с 1800 г. возглавлял удельное ведомство. В 1823 г. он стал членом Государственного совета. 118

Яшвиль (1), князь Владимир Михайлович. (1764-1815) Полковник артиллерии. 81, 130-132

Яшвиль (2), князь Лев Михайлович (1768-1836). Генерал от артиллерии. 81

СПИСОК ЗАГОВОРЩИКОВ

Аргамаков Александр Васильевич
Аргамаков, Петр Васильевич
Белосельский, князь
Бенигсен, барон Левин фон
Бибиков
Болговский, Дмитрий Николаевич
Бороздин, Николай Михайлович
Вердеревский
Вильде, Иван Иванович
Витворт, сэр Чарлз
Волконский, князь Петр Михайлович
Вяземский, князь
Вяземский, князь Иван
Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич
Голицын, князь Борис Андреевич
Горбатов, Василий Федорович (?) (знак вопроса поставлен В. П. Zubовым.
Примеч. перев.)
Горголи, Иван Саввич
Горданов, Евсей Степанович
Депрерадович, Леонтий Иванович
Долгоруков, князь Петр Петрович
Ефимович
Жеребцова, Ольга Александровна
Загряжский
Запольский
Зубов, граф Николай Александрович
Зубов, князь Платон Александрович
Зубов, граф Валериан Александрович
Ивашев
Ивашкин
Казинский, Дмитрий Степанович.
Карповский
Кикин
Клокачев, Алексей Федотович
Мансуров, Владимир Александрович

Марин, Сергей Никифорович
Мордвинов, Алексей Николаевич
Мордвинов, Дмитрий Николаевич
Мордвинов, Иван Николаевич
Муравьев, Михаил Никитович
Орлов
Пален, граф Петр Алексеевич
Панин, граф Никита Петрович
Писарев
Полторацкий, Константин Маркович
Рибас, Осип Михайлович, де
Розен, барон, вероятно Андрей Федорович
Савельев
Скарятин, Яков Федорович
Талызин, Александр Иванович
Талызин, Петр Александрович
Татаринов, Иван Михайлович
Тиран, Франсуа
Титов, Николай Васильевич
Толстой, граф Петр
Трощинский, Дмитрий Прокофьевич
Тучков, Павел Васильевич
Ушаков
Уваров, Федор Петрович
Филатов, Владимир Иванович
Хитрово, Алексей Захарович
Чертков, Евсей Алексеевич
Чичерин
Шеншин
Янкович-де-Мириево, Иван Федорович
Яшвиль, князь Владимир Михайлович

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ЛИЧНОСТЬ	14
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ЗАГОВОР	49
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. ЦАРЕУБИЙСТВО	123
Критический обзор источников	177
А. Воспоминания	177
Б. Переписка	198
В. Архивные материалы	200
Библиография	204
А. Сочинения о царевубийстве	204
Б. Важнейшие сочинения общего характера, связанные с императором Павлом	209
Именной указатель	219
Список заговорщиков	262

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812)560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 10.05.2007. Формат 60x88¹/16.
Усл. печ. л. 17. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 176.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

Printed in Russia

Ф. Я. Алексеев.

Вид на Михайловский замок.

1800.

- С. Тончи. Портрет императора Павла I в мальтийском одеянии. 1798 - 1801 гг.

Неизвестный художник.
Портрет императора
Петра III.
Середина XVIII в.

Г. Х. Гроот.
Портрет великой княгини
Екатерины Алексеевны.
1740-е гг.

Г. Х. Гроог.

Портрет императрицы

Елизаветы Петровны.

Около 1744 г.

В. Эриксен.

Портрет великого князя

Павла Петровича.

1764 г.

Неизвестный художник.
Портрет принцессы
Вильгельмины - Гессен -
Дармштадской (великой княгини
Натальи Алексеевны). 1770-е.

Неизвестный художник.
Портрет Фридриха II.
Середина XVIII в.

И. - Б. Лампи Старший.

Портрет великой
княгини Марии

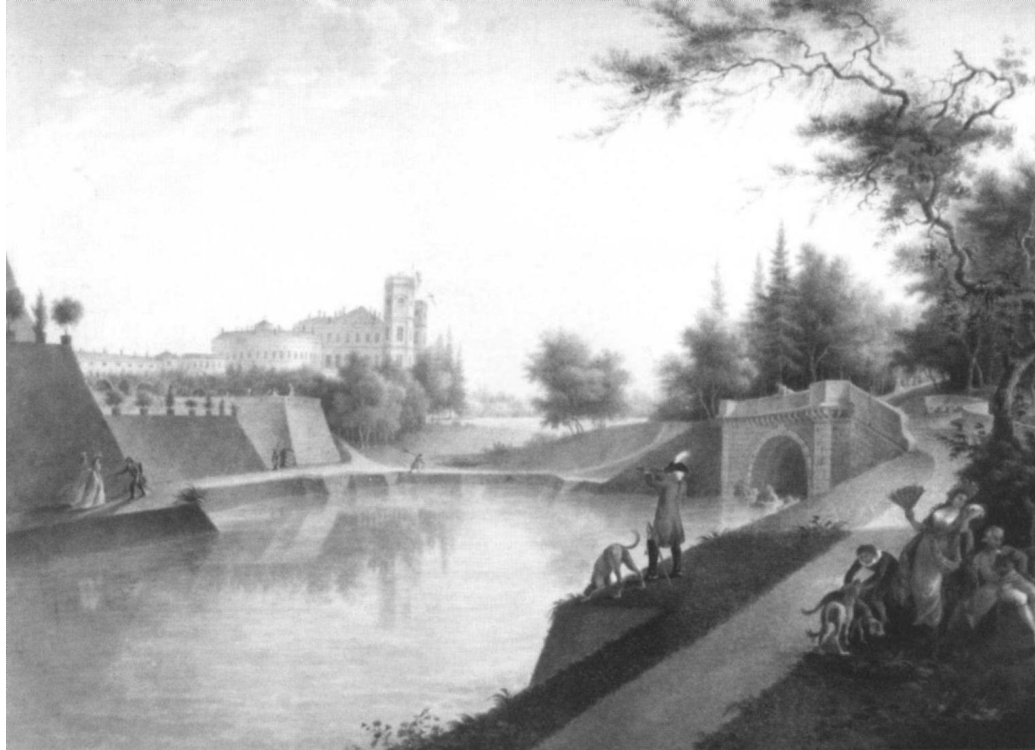
Федоровны. 1795.

Д. Г. Левицкий.

Портрет Е. И. Нелидовой.

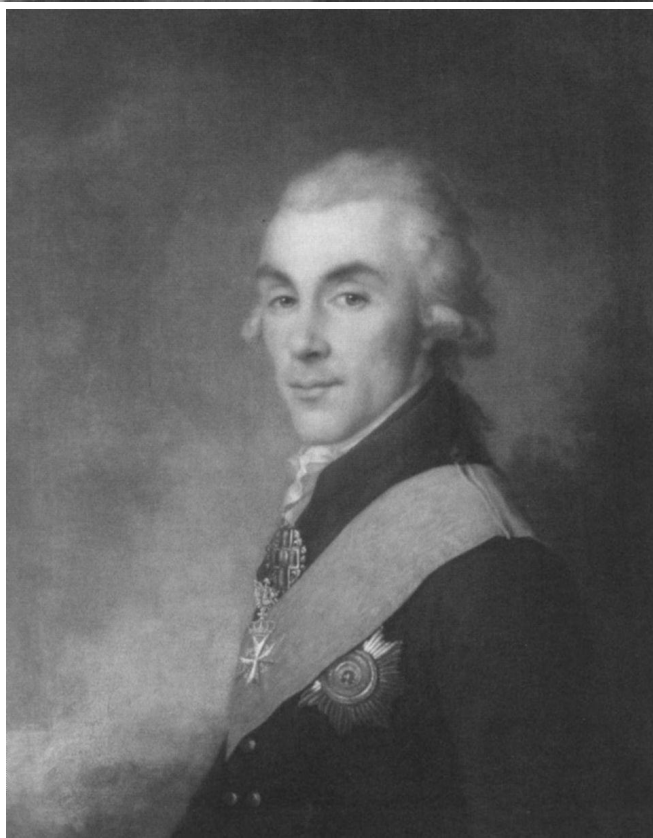
1773.

Г. С. Сергеев.

Вид на Гатчинский дворец.

Конец XVIII в.

И.-Б. Лампи Старший.

Портрет А. А. Аракчеева.

Конец XVIII в.

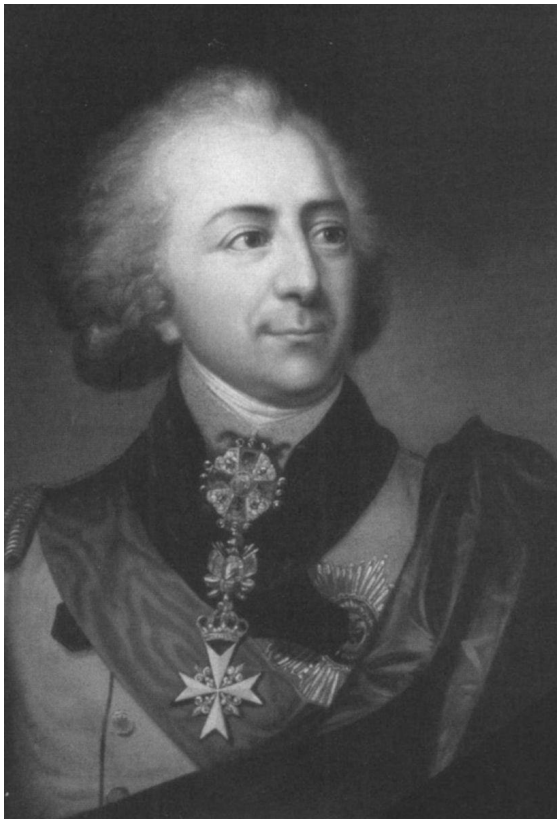

В. Л. Боровиковский.
Портрет великой княгини
Елизаветы Алексеевны.
1795.

В. Л. Боровиковский.
Портрет А. П. Гагаиной.
1801.

И.-Б. Лампи Старший.
Портрет великих князей
Александра Павловича
и Константина Павловича.
1795.

Неизвестный художник.

Портрет И. П. Кутайсова.

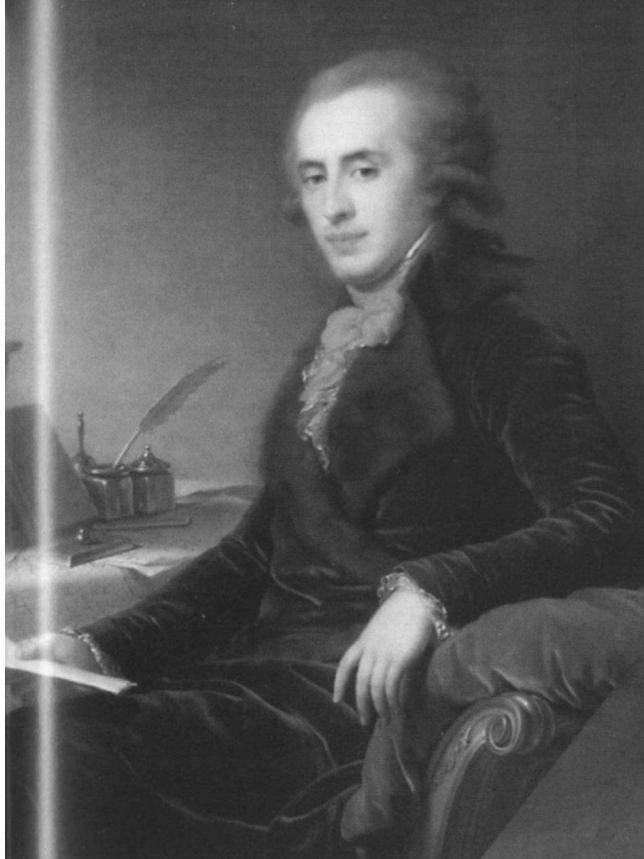
Конец XVIII в.

С. Тончи.

Портрет Ф. В. Ростопчина.

1800.

И. - Б. Лампи Старший.

Портрет П. А. Зубова.

1793 (?).

И. - Б. Лампи Старший.

Портрет О. М. де Рибаса.

1796.

Неизвестный художник.

Портрет П. А. фон-дер

Палена. 1800-е.

Неизвестный художник.

Портрет Л. Л. Бенигсена.

1814 - 1818.

Ж. Л. Вуаль.

Портрет О. А. Жеребцовой.

Первая половина 1790-х.

Л. Сент-Обен.

Портрет принца Евгения

Вюртембергского.

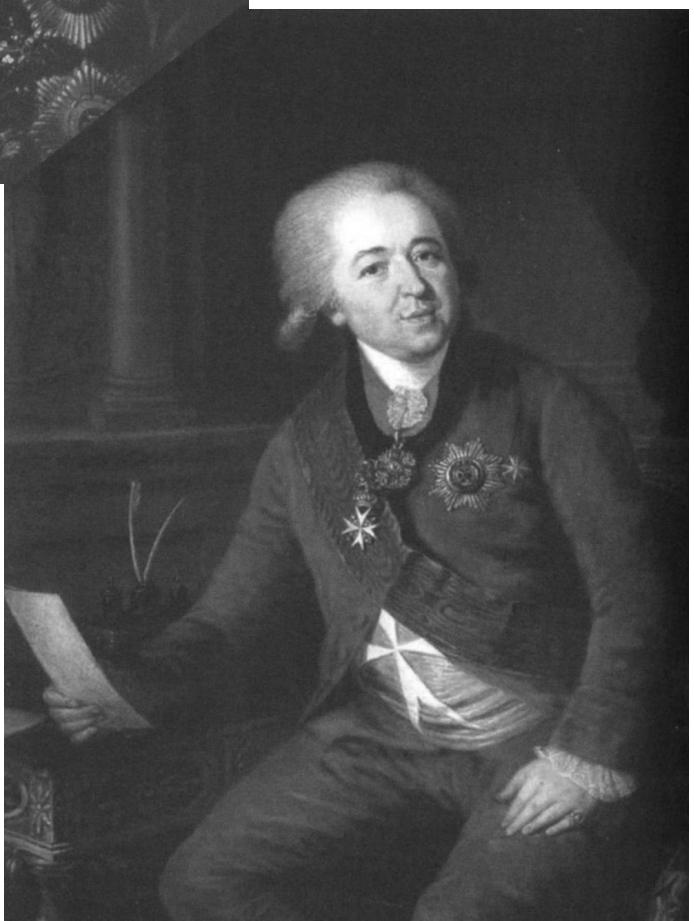
1812 - 1814.

Л. Гуттенбрунн.

Портрет А. Б. Куракина.

1800

И.-Б. Лампи Старший.
Портрет А. А. Безбородко.

Не ранее 1791
и не позднее 1796.

И. Крушenk.

«Три приказа из Санкт-Петербурга».

1800.

- Е. И. Ботман.

Павел I с великими князьями Александром Павловичем,

Константином Павловичем и палатином венгерским

Стефаном-Иосифом. 1840-е.